МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Материалы
III Международной научной конференции
Минск, 25–26 октября 2017 г.

В двух частях
Часть первая

Минск МГЛУ
2018

УДК 81’44
ББК 81я 042
К65

Р е к о м е н д о в а н ы Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № (1) 48 от 04.01.2018 г.

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я: Т. П. Карпилович (*ответственный редактор*), Т. Ф. Иванова, Т. Н. Гребень, Н. В. Зиневич, П. П. Глазко

Р е ц е н з е н т ы: доктор филологических наук, профессор *Н. С. Евчик* (МГЛУ); кандидат филологических наук, доцент *И. Н. Ивашкевич* (БГУ)

Контрастивные исследования языков и культур : материалы
К65 III Междунар. науч. конф., Минск, 25–26 окт. 2017 г. В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 256 с.
ISBN 978-985-460-888-4 (Ч. 1).
ISBN 978-985-460-887-7.

В издание, состоящее из двух частей, включены материалы III Международной научной конференции по проблемам контрастивно-типологического изучения языков и культур.

В первой части представлены результаты исследований по анализу текстов и дискурсов различных типов, лексических и грамматических единиц в контрастивном аспекте на материале германских, романских и славянских языков.

Для лингвистов, специалистов в области межкультурной коммуникации и перевода, аспирантов гуманитарных специальностей.

УДК 81’44
ББК 81я 042

ISBN 978-985-460-888-4 (Ч. 1)
ISBN 978-985-460-887-7

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2018

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

О. А. Артемова
Минск, МГЛУ

К ВОПРОСУ О ДЕЙКТИЧНОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ВИДА В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена анализу глагольного вида в белорусском и английском языках как дейктической категории, которая зависит от особенностей восприятия субъектом перцепции окружающей действительности, определяющих соотношение темпорально-пространственных локализаций действия, говорящего и наблюдателя. Выявлено, что совершенный вид с констатирующе-результативной семантикой характеризуется дивергенцией этих локализаций и представляет обозначаемое глаголом действие как актуальное, свершившееся событие. Несовершенному виду с семантикой длительности свойственна конвергенция темпорально-пространственных систем ситуации, ее наблюдения и процесса говорения.

Сегодня научный интерес к проблематике дейксиса как системе прагматических знаков личной (персональный дейксис), пространственной (пространственный дейксис) и временной (темпоральный дейксис) ориентации значительно возрос в связи с актуальностью исследований, посвященных коммуникативному аспекту языка. Традиционно языковыми средствами выражения дейксиса считаются наречия и глагольная категория времени, тесно связанная с категорией вида, обозначающей специфику протекания действия во времени. Ранее дейктичность вида отрицалась по причине характеризации им действия или состояния безотносительно к акту коммуникации [27]. Однако современный этап развития лингвистики диктует назревшую необходимость исследования глагольного вида в новом ракурсе, так как индексальные или дейктические элементы иногда обнаруживаются в виде «скрытых категорий» в самых неожиданных участках языковой системы [8, с. 335]. Этот подход приводит к пересмотру традиционной точки зрения, отрицающей наличие семантики указательности у категории вида, и постепенному признанию ее дейктичности [1; 4; 10; 16; 23] на основе связи вида с внутренней «темпоральной структурой действия» и ее интерпретацией говорящим [1, с. 12; 13, с. 500; 29, p. 5]. Все это позволяет отнести глагольный вид к субъективно-интерпретационным категориям, устанавливающим угол зрения рассмотрения объективной внеязыковой действительности в формах языка [13, с. 23–24].

Мы не ставим перед собой задачу проведения всеобъемлющего исследования категории вида в белорусском и аспекта в английском языке, которым посвящено значительное количество исследований. Нашей целью является ответ на вопрос о дейктичности глагольного вида в этих языках с учетом наблюдателя, выступающего когнитивной основой языковых понятий, репрезентирующих явления окружающего мира. Обязательность присутствия наблюдателя с его способностью зрительно воспринимать

действительность как неотъемлемый интегральный признак глагольной категории вида отражен в этимологии самих терминов *вид* (греч. *eidos* ‘вид, фигура, то, что видимо’, лат. *videre* ‘видеть’ [24]) и *аспект* (лат. *aspectus* ‘взгляд, взор; зрение’, *aspicere* ‘созерцать, наблюдать’ и протоиндоевропейского корня **spek-*‘наблюдать, замечать’ [9]). Сами видовые значения исторически развились как результат концептуального осмысления универсальной бинарной оппозиции о п р е д е л е н н о с т ь: н е о п р е д е л е н н о с т ь [21], основанной на непосредственном перцептивном опыте индивидуума, когда чувственная данность объектов позволяет наблюдателю локализовать их на временно́й оси как совпадающие со временем наблюдения или несовпадающие с ним. Такой когнитивно-семантический ракурс позволяет рассматривать вид как сигнификативную категорию с ориентацией на обозначение понятия, имеющего, с одной стороны, объективную природу как реальный факт отдельного конкретного языка, и в то же время выступающего как субъективное явление с отражением специфики особенностей осмысления окружающего мира представителями данной лингвокультуры с противопоставлением наблюдаемых состояний, действий, событий, ненаблюдаемым [10, с. 125].

В системе современного белорусского глагола традиционно выделяются две видовые формы: несовершенный (НСВ) и совершенный (СВ). Несовершенный вид указывает на нелимитированность действия определенными рамками, его продолжительность, начало, повторяемость (*трапляць).* Совершенный вид (что сделать?) указывает на достижение действием своего предела, результата, завершенности (*прыгатаваць*). Несмотря на генетическую близость белорусского и английского языков мы не находим аналогичной бинарной аспектуальной системы у английского глагола, а сам вид остается предметом ожесточенных споров в англистике. Так, некоторые исследователи отрицают наличие категории аспекта в английском языке, поскольку она получает не синтетическое [26, с. 2; 37, с. 196], а идиоматическое выражение «без последовательно функционирующего набора грамматических форм» [5, с. 301]. Мы полагаем, что вид необходимо рассматривать в комплексе с грамматической категорией времени, поскольку эта категория дает внешнюю, объективную темпоральную характеристику ситуации, в отличие от вида, описывающего ситуацию изнутри [29, p. 5].

Несмотря на отсутствие единства взглядов на статус этой категории в английском языке большинство исследователей выделяют общий (Indefinite), длительный (Continuous) и перфектный (Perfect) аспекты. Формы общего вида не придают действию определенной видовой характеристики, поскольку это действие может быть однократным (*I* ***smiled*** *at Catherine and she* ***smiled*** *at me* (E. Hemingway. Farewell to Arms) [НКРЯ] ‘Я улыбнулся Кэтрин, и она улыбнулась мне’ (Е. Калашникова), многократным (*I always get up as soon as the alarm sounds* (J. Fowles. The Collector) ‘Я всегда встаю сразу, как будильник зазвонит’ (И. Бессмертная) [НКРЯ], не ограниченным во времени (*Physiognomy, like every other human science, is but a passing fable* (H. Melville. Moby-Dick) ‘Физиогномика, как и всякая наука, – лишь прехо-

дящее измышление’ (И. М. Бернштейн) [НКРЯ]. Эти значения выявляются только в контексте как результат интеракции семантики глагола и значения адвербиальных его лексем. Поэтому в белорусском языке английским глаголам общего вида соответствуют как глаголы совершенного, так и несовершенного вида: *We **came** over the ridge and I **paused*** (S. King. Night Surf) ‘Мы **выйшлі** на грэбень узгорка, з якога пачынаўся спуск да пляжу, і я **спыніўся’** (перевод наш); *They were put into my pocket by Weena, when I **travelled** into Time* (H.G. Wells. The Time Machine) [НКРЯ] ‘– Іх паклала мне ў кішэню Уіна, калі я **падарожнічаў** па Часе’.

Подобная аспектуальная немаркированность глагольных форм группы *Indefinite* объясняется отсутствием указания на наблюдателя в их семантике, так как ситуация не является объектом фактического наблюдения [31, p. 259], что исключает возможность локализации говорящим описываемой ситуации в пространстве и последующего ее включения в ряд наблюдаемых им событий в виде хронологической цепочки: *"A sharp spear," runs the Kukuana saying, "**needs** no polish"* (H. Rider Haggard. King Solomon's Mines) ‘«Острое копье, – гласит кукуанская пословица, – не **нужно** точить»’ (Н. Б. Маркович) [НКРЯ].

Длительный аспект характеризуется совпадением времени и места протекания действия и его наблюдения [34, p. 16]: *"But do not come in, please. I am doing secret ritual with crystal ball of mine"* (L. Snicket. The Carnivorous Carnival) *‘– Не входить, пожалуйста. Я делаю тайный ритуал с моим хрустальным шаром’* (Н. Рахманова) [НКРЯ].

Если общий и длительный аспекты признаются большинством лингвистов, то перфект остается предметов научных дискуссий. Некоторые исследователи рассматривают вид как специфическую грамматическую категорию временной отнесенности [20, с. 312]. Мы разделяем точку зрения о перфекте как видовой форме, обязательно сопутствующей глагольной категории времени [31]. Согласно классическим грамматикам основным значением совершенного вида в белорусском языке и перфекта в английском выступает ограниченность действия [14, с. 82], его точечность, достижение цели и сохранение результата действия [4, с. 47]. На наш взгляд, эти выделяемые исследователями категориальные признаки не содержат указания на дейктическую природу глагольного вида, поскольку специфика протекания действия не всегда может выступать понятийным содержанием этой грамматической категории по причине ее определения в разных языках непосредственно контекстом [19, с. 14]. Мы придерживаемся точки зрения исследователя Н. А. Луценко, который полагает, что «в перфектной форме актуализируется представление о субъекте как наблюдателе и как бы отодвигается на второй план представление о нем как деятеле. С этим связана дифференциация временных планов *действия* (оставленное позади, прошедшее) и *восприятия*, наблюдения его результатов (настоящее)» [12, с. 48]. Именно подход к виду с учетом позиции наблюдателя позволяет интерпретировать целостность восприятия действия, обозначенного перфектом. Данный подход к глагольному виду перекликается с идеями исследова-

телей М. Джуса о «взгляде со стороны» [33, с. 129], Е. В. Падучевой о «моменте наблюдения» [16], Х. Мелига о «внешнем дейксисе» [15]. Рассмотрим высказывание *He has read a book.* Согласно терминологии ситуативной семантики [28, p. 669] в данном примере наличествуют две ситуации, где первый тип *s1* с объектами *he* и *book* в месте *l1* пересекается пространственно с ситуацией второго типа *s2,* представленной объектами *говорящий*, *ситуация* ***s****1* в месте *l2* (пространство говорящего) в момент наблюдения *w*. Таким образом, в семантике перфекта английского глагола формализовано пересечение пространственно-временной локализаций действия и его наблюдения, в результате чего происходит включение места и времени ситуации в личное пространство говорящего, притом, что «временной охват действия, выраженный перфектом, может быть сколь угодно большим, но в центре внимания находится лишь конечная точка» [33, с. 98–99]. Результат как основное значение перфекта является имплицитным выражением действующего в данном случае прагматического фактора «наблюдатель», роль которого часто выполняет говорящий, поскольку процесс, выраженный глаголом совершенного вида, по мнению А. Достала, находится целиком в поле зрения говорящего и обозревается как бы извне [30, с. 15, 18].

Доказательство необходимости учета наблюдателя в белорусском языке можно обнаружить в семантике приставки *у-* в словах типа *уцячы*, *убыць*, *убегчы*, используемой для образования глаголов совершенного вида [22], при ее сопоставлении с генетически родственной латинской приставкой *au-* в глаголах *aufero* ‘у-ношу’, *aufugio* ‘у-бегаю’ (Большой латинско-русский словарь) с семантикой исчезновения субъекта или объекта действия из перцептивного поля наблюдателя, ведущее, по мнению А. В. Бондарко, к прекращению самого действия [3, с. 99]. Эта особенность значения приставки *у-* явилась основой для ее превращения в словообразовательное средство выражения совершенного вида глаголов типа *укусіць, упісаць, уклеіць*, в семантике которых указание на исчезновение субъекта действия из поля зрения наблюдателя отсутствует.

Для наглядности описание в совершенном виде и перфекте можно сравнить с изображением в прямой перспективе, когда художник как бы отделяет себя от изображаемого мира, занимает позицию наблюдателя, который находится вне изображаемой действительности и представляет описываемое событие извне. Результат действия предстает как переход в новое состояние в перспективе говорящего или его представителя и воспринимается им как осуществившееся событие. По этой причине глаголы совершенного вида в белорусском языке выражают последовательность событий и определяют динамику повествования: *Я* ***ўстаў*** *з канапкі,* ***аглядзеў*** *праз шыбкі гарадзкое наваколле* (В. Быкаў. Пакахай мяне, салдацік) [НКРЯ]. Восприятие действия «в готовом виде» [18, с. 6] объясняет неупотребительность формы совершенного вида и перфекта в настоящем времени, когда говорящий или наблюдатель оказываются внутри обозначаемого ими процесса, представляемого глаголами НВ в белорусском языке и глаголами длитель-

ного аспекта в английском, которые, наоборот, фиксируют сам факт действия вне времени, помещают наблюдателя в сам процесс, имеют описательный характер и представляют окружающую действительность в обратной перспективе как описании того, что находится в поле зрения наблюдателя: *Вада клінам* ***уразалася*** *ў лагчынку між двума ўзгоркамі* (Я. Брыль. Палескія рабінзоны) [6]: *The moon* ***was shining*** *brightly* (C. S. Lewis. The Chronicles of Narnia. The Horse and His Boy) ‘Луна ярко светила’ (Г. А. Островская) [НКРЯ].

Возможность перцепции действия говорящим как понятийная основа белорусского вида и английского аспекта предопределяет выполняемые ими прагматические функции в коммуникации носителей этих языков. Так, императив с глаголом совершенного вида в белорусском языке «является в общем менее произвольным, следовательно, менее властным и более вежливым, чем повелительное наклонение несовершенного вида», и, по наблюдениям А. А. Шахматова, в сочетании с отрицанием может иметь значение предостережения [25, с. 474], представляя событие скорее как результат, взгляд извне, а не само действие как таковое: – *Асцярожна,* ***не паслізніся****, – сказала я наўздагон* (М. Ларын. Прышлы) [11]. Вместе с тем в приказах или военных командах, где от адресата требуется наблюдение за процессом выполнения действия без концентрации внимания на результате, обычно употребляется форма несовершенного вида: *Апантаны ад небяспекі і лютасці, я піхаю Задарожнага ботам у бок, крычу: «****Зараджай****!»* (В. Быкаў. Трэцяя ракета) [7]. В отличие от белорусского языка, английский императив не взаимодействует с глагольной категорией вида: *Buldeo,* ***heat*** *the gun-barrels!"* (R. Kipling. The Second Jungle Book: Mowgli Stories) ‘Бульдео, заряжай ружьё!’ (Е. М. Чистякова-Вэр) [НКРЯ]; *"Just don't* ***faint*** *into the pit," his wife said* (L. Snicket. The Carnivorous Carnival) – Смотри не **упади** в яму, – отозвалась жена (Н. Рахманова) [НКРЯ].

В перформативных высказываниях глаголы НСВ настоящего времени и глаголы общего и длительного аспекта в английском языке, выступая дейктическим центром *я-здесь-сейчас*, являются прямыми экспликаторами иллокутивных функций высказываний этого типа: – *Я* ***віншую*** *цябе!.. Мы з мамаю* ***віншуем*** (П. Місько. Грот афаліны) [НКРЯ]; *“I* ***congratulate*** *you,” he heard the doctor say; “it was touch and go.”* (J. Galsworthy. In Chancery) ‘– Поздравляю вас, – услышал он голос доктора, – она была на волоске’ (М. Богословская) [НКРЯ]; ***I am asking*** *you to marry me* (M. Mitchell. Gone with the Wind) ‘– Я предлагаю вам руку и сердце’.

Таким образом, глагольный вид в белорусском и английском языках является дейктической категорией, которая зависит от особенностей восприятия субъектом перцепции окружающей действительности. В случае совершенного вида происходит включение времени и пространства описываемого события в личный пространственно-темпоральный континуум говорящего (или его представителя). В случае несовершенного вида имеет место включение пространственно-временной позиции говорящего или наблюдателя в описываемый им темпорально-пространственный континуум ситуации с возникновением эффекта длящегося времени, погруженности в процесс,

что позволяет эксплицировать иллокутивные функции перформативов. В белорусском языке категория вида определяет семантику императива (в отличие от английского, где императив не взаимодействует с этой глагольной категорией).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян, Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика : сб. науч. ст. / Всесоюз. ин-т науч. и техн. информ.; редкол.: А. И. Михайлов [и др.]. – М., 1986. – Вып. 28. – С. 5–33.
2. Большой латинско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http// linguaeterna.com›Vocabularium videre. – Дата доступа : 20.07.2017.
3. *Бондарко, А. В.* Граммаическая категория и контекст / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1971. – 115 с.
4. *Бондарко, А. В.* Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность / А. В. Бондарко. – Ленинград : Наука, 1987. – 348 с.
5. *Блумфильд, Л.* Язык / Л. Блумфильд. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 606 с.
6. *Брыль, Я.* Палескія рабінзоны [Электронны рэсурс] / Я. Брыль. – Рэжым доступу : http: // knihi.com›Маўр Янка›Палескія рабінзоны. – Дата доступу : 04.09.2017.
7. *Быкаў, В.* Трэцяя ракета [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://knihi.com/Vasil_Bykau/Trietja_rakieta.html. – Дата доступу : 10.09.2017.
8. *Булыгина, Т. В.* О границах и содержании прагматики / Т. В. Булыгина // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1981. – Т.40. – № 4. – С. 333–342.
9. Индоевропейский этимологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.proto-indoeuropean.ru/pie-s/index.html. – Дата доступа : 03.09.2017.
10. *Кравченко, А. В.* Вопросы теории указательности: эгоцентричность, дейктичность, индексальность / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – 210 с.
11. *Ларын, М.* Прышлы [Электронны рэсурс] / М. Ларын. – Рэжым доступу : http://www.rulit.me/books/pryshly-na-belorusskom-yazyke-read-106947-6.html. – Дата доступу : 15.08.2017.
12. *Луценко, Н. А.* Взаимоотношение значений настоящего и будущего форм перфективного презенса в русском и других славянских языках / Н. А. Луценко // Филол. науки. – 1989. – № 4. – С. 45–51.
13. *Маслов, С. Ю.* Избранные труды (аспектология, общее языкознание) / С. Ю. Маслов. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – С. 19–503.
14. *Мацкевіч, Ю. Ф.* Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове / Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Выд-ва Акадэміі навук БССР, 1959. – 292 с.

15. *Мелиг, Х. Р.* Семантика предложения и семантика вида в русском языке (к классификации глаголов Зино Вендлера) / Х. Р. Мелиг // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 15. – С. 227–249.
16. *Падучева, Е. В.* Семантика вида и точка отсчета (В поисках инварианта видового значения) / Е. В. Падучева // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1986. – Т. 45. – № 5. – С. 413–424.
17. *Падучева, Е. В.* Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 464 с.
18. *Рассудова, О. П.* Употребление видов глагола в современном русском языке / О. П. Рассудова. – 2-е изд., испр. и доп.– М. : Рус. яз., 1982. –149 с.
19. *Серебренников, Б. А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 242 с.
20. *Смирницкий, А. И.* Морфология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во иностр. яз., 1959. – 440 с.
21. *Телин, Н. Б.* Вид и способ действия в русском языке / Н. Б. Телин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV: Современная зарубежная русистика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 250–260.
22. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.skarnik.by/tsbm/85055. – Дата доступу : 23.06.2016.
23. *Успенский, Б. А.* Вид и дейксис / Б. А. Успенский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://academia.edu›6765834/Вид_и_дейксис. – Дата доступа : 15.05.2017.
24. *Шанский, Н. М.* Этимологический онлайн-словарь русского языка [Электронный ресурс] / Н. М. Шанский. – Режим доступа : http://shansky.lexicography.online/%D0%B2/%D0%B2%D0%B8%D0%B4. – Дата доступа : 15.05.2017.
25. *Шахматов, А. А.* Очерк современного русского литературного языка / А. А. Шахматов. – М. : Учпедгиз, 1941. – 288 с.
26. *Широкова, А. В.* Сопоставительная типология разноструктурных языков / А. В. Широкова. – М. : Добросвет, 2006. – 200 с.
27. *Якобсон, Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М. : Наука, 1972. – С. 95–113.
28. *Barwise, J.* Situations and attitudes / J. Barwise, J. Perry // The Journal of Philosophy. – 1981.–Vol. 78. – № 11. – P. 668–691.
29. *Comrie, B.* Aspect / B. Comrie. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1976. –142 p.
30. *Dostál, A.* Dostál Antonín. Studie o vidovém systému v staroslověnštině / A. Dostál, A. – Praha : SPN, 1954. – 632 s.
31. *Hatcher, A. G.* The use of the progressive form in English: A new approach / A. G. Hatcher // Language. – 1951. – Vol. 27. – N 3. – P. 254–280.
32. *Joos, M.* The English verb: Form and meaning / M. Joos. – Madison & Milwaukee : The Univ. of Wisconsin Press, 1964. – 251 p.
33. *Kopečný, F.* Základy české skladby / F. Kopečný. – Praha : Státní ped. Nakl, 1958. – 336 с.

34. *Leech, G.* Meaning and the English verb / G. Leech. – London : Longman, 1974. – 131 p.
35. *Lyons, J.* Introduction to theoretical linguistics / J. Lyons. – Cambridge etc. : Cambr. Univ. Press, 1968. – 519 p.
36. Online Etymological Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.etymonline.com/index.php. – Date of access: 03.09.2017.
37. *Zandvoort, R. W.* Is 'aspect' an English verbal category? / R. W. Zandvoort // Gothenburg Studies in English. – 1962. – Vol. 14. – P. 120.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ С ПРИНЯТЫМИ СОКРАЩЕНИЯМИ

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http:// www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 15.05.2017.

The article analyses the verbal aspect in the Belarusian language as a deictic category which depends on the observer's perceptual peculiarities and the correlation of the temporal-spatial localizations of the situation, the speaker and the observer. It is revealed that the perfect aspect with its assertive and resultive semantics is characterized by the divergence of the spatial-temporal localizations of the action, the observer and the process of speaking. The imperfective aspect with continuous semantics is characterized by the convergence of the spatial-temporal systems of the subject of perception, the situation expressed by the verb and the process of speaking.

О. А. Горбань
Волгоград, ВолГУ

СМЫСЛОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕВОДАХ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В докладе рассматриваются глагол *рискати*, его производные *дорискати* и *перерискати* в двух фрагментах из «Слова о полку Игореве» и способы их перевода на современный русский, белорусский, английский языки. Выделены компоненты значений древнерусских и современных русских глаголов; отмечены семантические изменения в истории слов, перегруппировка сем в их смысловой структуре. В семантике древнерусского глагола наиболее значимым был признак 'быстрое перемещение', в русском добавились 'разнонаправленность', 'наличие цели (поиски)', 'бесцельность', а также ассоциативный признак 'действие хищника'. Разные комбинации сем находят отражение в вариантах перевода. При переложении текста «Слова» на русский и белорусский языки переводчики могут оставлять данные глаголы без замены, передавать их лексемами со значением быстрого перемещения, лексемами со значением разнонаправленного перемещения, имеющего своей целью поиски, и т.д. Англоязычные переводчики чаще передают быстроту движения; в русских переводах и английских переводах русскоязычных авторов в значительной степени проявляется влияние современного русского языка.

«Слово о полку Игореве» является уникальным памятником мировой литературы. Неисчезающий интерес к нему, стремление проникнуть в смысл, поэтику этого произведения и раскрыть их для своих современников обусловили большое количество научных и художественных переводов «Слова» на

современный русский и другие языки. При этом естественно возникают разночтения, варианты в передаче содержания текста, значений отдельных слов и высказываний, что обусловлено древностью произведения, неясностью ряда его мест, различием в мировосприятии древнего и современного человека, языковыми особенностями и многими другими причинами. Варианты перевода древнерусских слов и выражений на современные языки могут определяться отсутствием эквивалента в языке перевода или же, напротив, наличием в нем синонимов, индивидуальными интерпретациями смысла, значения слов. В качестве примера рассмотрим перевод древнерусского глагола *рискати* на современные русский, белорусский и английский языки.

Этот глагол и его приставочные производные отмечены в двух фрагментах «Слова» – в обращении к Бояну и характеристике князя Всеслава Брячиславича: (1) *О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ под облакы ...* ***рища*** *въ тропу Трояню чресъ поля на горы!* (2) *Всеславъ князь ... въ ночь влъкомъ* ***рыскаше****: изъ Кыева* ***дорискаше*** *до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь* ***прерыскаше***.

В переводах представлена разнообразная глагольная лексика, соответствующая выделенным словоформам. Семантика слов в этих двух фрагментах понимается и передается по-разному. Чтобы выявить закономерности смыслового варьирования глаголов, обратимся к их значению в истории русского языка.

Глаголы *рискати* (более позднее *рыскати*) и *ристати* (со звуковым соответствием *ск – ст*) имели в древнерусском языке значение ‘бежать/бегать, быстро идти/ходить’ [1, с. 123–124, 212]. Категориально-лексическая сема (КС) ‘перемещение в пространстве’ уточнялась дифференциальными признаками (ДП) ‘перемещение по твердой поверхности’, ‘с помощью ног’, ‘ступая ногами’, ‘быстрое’, характеризующими среду, средство, способ, интенсивность действия. Глагол *рискати* означал также ‘скакать, прыгать’, ‘ехать, нестись’; при этом появлялись семы ‘перемещение верхом’ (средство) и ‘перемещение скачками, прыжками’ (способ). Данные семантические изменения происходили в рамках семантической модуляции при сохранении КС ‘перемещение в пространстве’ [о термине см.: 2, с. 15]; актуальной оставалась также сема ‘быстрое перемещение’. В производных глаголах *дорискати* и *перерыскати* приставка выражала направленность движения – к пространственному объекту и через пространственный объект (пространство).

В истории русского языка в семантике рассматриваемых глаголов развились ДП, специфицирующие характер перемещения в значениях: *рыскать* = ‘торопливо и беспорядочно бегать в поисках чего-л. (о звере, животном)’, ‘ходить, бродить долго или по многим местам без определенной цели’, спец. ‘идти с небольшими отклонениями от курса (о судне)’ и др. (в говорах сохраняются ‘бежать’, ‘прыгать’); *ристать* = ‘прытко бегать, скакать, ездить’ [3, с. 96] с семой ‘состязание в скорости’ (ср. устар. *ристалище* ‘площадь для состязаний и само состязание’). Глагол *ристать* сегодня в русском языке не употребляется. Глагол *рыскать* в современном

русском языковом сознании ассоциируется с действием животного, и прежде всего волка; об этом свидетельствуют примеры в словарях: *Рыщет волк по полям; Волк рыщет, хлеба ищет* (погов.); ... *голодный рыскал волк* (Крылов) [3, с. 118; 4, с. 1629]. Таким образом, в семантической структуре современного глагола *рыскать* можно выделить значимые семы, конкретизирующие характер перемещения, ‘быстрое перемещение’, ‘разнонаправленность’, ‘наличие цели (поиски)’, ‘бесцельность’, ‘перемещение прыжками, скачками’, а также потенциальную (ассоциативную) сему ‘действие хищника’. В зависимости от контекста те или иные признаки могут актуализироваться или нейтрализоваться при сохранении КС ‘перемещение в пространстве’. При переводе древнерусских глаголов на современные языки выбор эквивалента обусловливается тем, какой или какие семантические признаки представляются доминирующими для переводчика в каждом случае.

Для сопоставления взяты русские переводы В. А. Жуковского (ВЖ), Н. А. Заболоцкого (НЗ), Д. С. Лихачева (ДЛ), О. В. Творогова (ОТ), А. Н. Майкова (АМ), А. К. Югова (АЮ); белорусские переводы Я. Купалы (ЯК), Г. Бородулина (ГБ), М. Горецкого (МГ), В. Дорошкевича (ВД); английские переводы Л. А. Магнуса (LM), С. Кросса (SC), И. Петровой (IP), В. В. Набокова (VN), С. А. Зеньковского (SZ), Дж. Хейни (JH) [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

(1) Во фрагменте о Бояне причастная форма *рища* (она может быть соотнесена и с *рискати*, и с *ристати*) в основном переводится лексемами, передающими прямое значение древнерусского глагола – значение быстрого (иногда в высокой степени) перемещения: *мчась* (АМ), *помчался* (НЗ), *стремясь* (АЮ), *возносясь* (ОТ; здесь эксплицируется также признак направления вверх, выражаемый в контексте формой *на горы*), *racing, race* (LM, SZ), *dashing* (SC), *speeding* (IP); в отдельных случаях указывается способ перемещения прыжками – *loping* (JH). Акцент может делаться на признаках, характерных для современного русского глагола: наличие цели (поиски) – *сочачы* (ЯК), разнонаправленность и бесцельность движения – *блукаючи* (ГБ), *roving* (VN). Древнерусский глагол может оставаться без перевода: *рыща* (ДЛ, ВЖ), *рыскаючи* (МГ, ВД). При этом надо отметить, что современный белорусский литературный язык сохраняет глагол *рыскаць* только в специальном значении ‘уклоняться от курса’ (в диалектах отмечены также *рыставать* ‘бегать в разных направлениях’, *риставанне* ‘состязание’) [13, с. 242].

(2) Сложнее и разнообразнее осмысливается высказывание о Всеславе. Тот факт, что словоформы *рыскаше, дорискаше, перерыскаше* встречаются в одном контексте с существительным *вълкъ*, определил, вероятно, активное употребление в русских переводах глаголов *рыскать, дорыскивать, перерыскивать*, которые в сознании носителей современного языка устойчиво ассоциируются с данным словом. Эта ассоциация актуализирует в смысловой структуре глаголов наряду с семой ‘быстрое перемещение’ также ДП ‘разнонаправленность’, ‘наличие цели (поиски)’, ‘действие хищника’: *рыскал* (ДЛ, ОТ, ВЖ, АЮ), *рыскаў* (ГБ, ВД), *would scour* (IP), *prowled* (VN, SZ); в пере-

водах И. Петровой, В. В. Набокова и С. А. Зеньковского выбор глагола, вероятно, обусловлен влиянием русского языка. Упоминание волка в связи с князем Всеславом Брячиславичем по-разному толкуется исследователями, однако скорее всего «сравнение героя с волком может указывать всего лишь на быстроту его бега» [14, с. 256–261]. Именно быстрота движения подчеркивается в некоторых переводах, что в большей степени соответствует значению древнерусского глагола: *побежит* (АМ), *бегаў* (МГ), *coursed* (SC), *raced* (LM). Действие может также интерпретироваться как небыстрое, разнонаправленное, бесцельное: *блуждал* (НЗ), *гуляў* (ЯК), *roamed* (JH); впрочем, в одном из значений глагола *to roam* – ‘to travel purposefully unhindered through a wide area’ [15] – содержится сема ‘наличие цели’, возможно, это значение реализуется в контексте перевода.

При переводе словоформ *дорискаше* и *перерыскаше* возникает необходимость, кроме передачи быстрого движения, обозначить и его отношение к пространственному ориентиру. Для этого русский и белорусский языки, в отличие от английского, дают возможность использовать соответствующие приставочные глаголы *дорыскивал* (ДЛ, ОТ, АЮ), *перерыскивал* (ДЛ, ВЖ, АЮ), *забягаў* (МГ), *перабягаў* (ЯК, МГ). Стремление наиболее точно передать семантику (в современном восприятии) этих лексем на английском языке побудило И. Петрову, В. В. Набокова и С. А. Зеньковского использовать сочетание двух глаголов, один из которых обозначает пространственную направленность, а другой, в *ing*-овой форме, – способ перемещения: *speeding reached* (IP), *prowling reached* (VN), *prowling crossed* (VN, SZ); здесь, в частности у В. В. Набокова, вероятно, реализовалась его попытка «выполнить буквальный перевод текста так, как он его понимает» [16, с. 159].

Актуальной может мыслиться только сема ‘быстрое перемещение’, дополняясь или нет признаком направления: *дорискаше – успевал* (ВЖ), *поспеет* (АМ), *пасьпяваў* (ГБ), (глаголы обозначают достижение пространственного предела за определенный срок, предполагающее действие с большой скоростью), *would course* (SC); *перерыскаше – перебегал* (АМ, ОТ), *перабягаў* (ЯК, МГ), *raced* (LM).

При переводе передаются также лишь способ перемещения ‘прыжками’ – *lope* (JH); только направление без конкретизации способа и скорости перемещения – *дасцігаў* (ЯК), *перацінаў* (ГБ, ВД), *crossing* (SC), *would cross* (IP), *crossed* (JH); общая идея перемещения без уточнения его особых характеристик – *to go* (SZ).

Можно отметить некоторые предпочтения авторов переводов «Слова» в выборе языковых средств. Например, Д. С. Лихачёв последовательно употребляет глагол *рыскать* и его производные, тогда как Л. А. Магнус – глагол *to race* (семы ‘быстрое перемещение’ и ‘состязание в скорости’ в структуре глагола *to race* сближают его и с древнерусским *рискати*, и с русским устаревшим *ристать*). Если переводчики используют глагол *рыскать* и его производные, то установить преобладание какого-либо ДП трудно; полагаем, что в этом случае выбор лексем, с одной стороны, способ-

ствует реализации всего семантического потенциала современного русского производящего глагола, а с другой – сближает словесную структуру современного текста с древним. В белорусских переводах употребление этих глаголов может объясняться стремлением сохранить древнерусизмы «там, где необходимо передать колорит др.-рус. эпохи, и там, где нельзя найти верного белорусского эквивалента» [17, с. 38], но, возможно, и влиянием современного русского языка.

Таким образом, историческая изменчивость производящего глагола *рискати* (*рыскать*) обусловила его различные интерпретации современными переводчиками в зависимости от того, какие семантические признаки представляются доминирующими в его смысловой структуре. В русских и белорусских переводах, а также в английских, выполненных носителями русского языка, чаще наблюдается реализация сем, свойственных современным русским глаголам; англоязычные переводчики стремятся точнее передать значения древнерусских слов. Смысловое варьирование происходит в рамках семантической модуляции при сохранении КС ‘перемещение в пространстве’, поддерживающей концептуальное единство всех глаголов движения, используемых в переводах, и обеспечивающей тем самым понимание переводимых высказываний в целом. В текстах проявляются сходство русского и белорусского языков и их генетическая связь с древнерусским. Различными переводчиками по-разному реализуется стремление наиболее точно передать значение древнерусского глагола и в то же время приблизить древний текст к современному восприятию, актуализируя значимые для современного читателя смыслы с их культурными коннотациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Срезневский, И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – Т. 3. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1912. – 994 с.
2. *Лопушанская, С. П.* Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции / С. П. Лопушанская // Русский глагол (в сопоставительном освещении) / Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград : Изд-во ВПИ, 1988. – С. 5–19.
3. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского словаря : в 4 т. / В. И. Даль. – Т. 4. – М. : Рус. яз., 1999. – 688 с.
4. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / АН СССР. – Т. 12. – М. ; Л. : АН СССР, 1961. – 843 с.
5. Слово о полку Игореве / сост. Е. И. Осетров. – М. : Современник, 1986. – 159 с.
6. Слово о полку Игореве / пер. А. Н. Майкова // Полн. собр. соч. / А. Н. Майкова. – Т. 4. – СПб. : Т-во А. Ф. Маркс, 1914. – С. 94–108.
7. Слово о битве Игоревой, Игоря Святославича, внука Олегова / пер. А. К. Югова // Собр. соч. / А. Югов. – Т. 4. – М. : Сов. Россия, 1985. – С. 10–33.

8. The Tale of the Armament of Igor / transl. by L. A. Magnus. – Oxford, 1915 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.sacred-texts.com/neu/tai.index.htm. – Дата доступа : 01.10.2017.
9. The Song of Igor's Campaign, Igor son of Svyatoslav and grandson of Oleg / transl. by V. Nabokov. – N.Y., 1960 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://lib.ru/NABOKOW/slovo.txt. – Дата доступа : 01.10.2017.
10. The Lay of Igor's Campaign / ed., transl., and with an intr. by S. A. Zenkovsky // Medieval Russia's epics, chronicles, and tales. – N.Y. : E. P. Dutton & Cj., Inc., 1963. – P. 139–160.
11. On Igor's Campaign / transl. by J. A. V. Haney and Eric Dahl. 1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://faculty.washington.edu/dwaugh/rus/texts/igortxt2.htm. – Дата доступа : 01.10.2017.
12. «Слово о полку Игореве»: Параллельный корпус переводов. Электронный инструмент сравнительного изучения текстов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://nevmenandr.net/slovo. – Дата доступа : 02.10.2017.
13. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы: у 13 т. / рэд. Г. А. Цыхун. – Мінск : Беларус. навука, 1978–2010. – Т. 11. – 2006. – 333 с.
14. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» : в 5 т. – Т. 1. – СПб. : Дм. Буланин, 1995. – 275 с.
15. Webster's New Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.merriam-webster.com/dictionary. – Дата доступа : 02.10.2017.
16. *Романик, Т.* «Слово о полку Игореве» в английских переводах (Общий обзор) / Т. Романик // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т. 43I. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – С. 158–162.
17. *Булахов, М. Г.* «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке : краткий энцикл. словарь / М. Г. Булахов ; под ред. Л. А. Дмитриева. – Минск : Университетское, 1989. – 247 с.

The paper deals with the verb *рискати* with its derivatives in "The Lay of Igor's Campaign" and their translations into modern Russian, Belarusian, English languages. The author identifies semantic components in the verb meanings, describes their rearrangement which determines variants of the translation.

Т. Н. Гребень
Минск, МГЛУ

РАЗГОВОРНЫЕ ЕДИНИЦЫ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

В контрастивном аспекте на материале современного медиадискурса рассматриваются средства разговорного синтаксиса с точки зрения их типовых функций: создания впечатления непринужденной, неподготовленной беседы, а также передачи особой эмоциональности, свойственной разговорной речи. Для медиадискурса на каждом из сопоставляемых языков выявлены как общие, так и специфические разговорно-синтаксические единицы, реализующие данные функции. Установлено, что степень эмоциональной насыщенности, достигаемая посредством анализируемых единиц, примерно

одинакова на двух языках, в то время как имитация спонтанности более свойственна для англоязычного медиадискурса, а непринужденности – для белорусскоязычного. Определены причины выявленных расхождений: склонность британских авторов к цитированию при передаче чужой речи и флективный характер белорусского языка, благоприятный для продуцирования эллиптических предложений, которые в значительной мере участвуют в создании атмосферы непринужденности.

К концу XX–началу XXI в. складывается такая система массовой коммуникации, которая позволяет распространять информацию на практически неограниченную аудиторию. Как следствие, СМИ становятся реальной силой, оказывающей значительное влияние на жизнь социума. Средства массовой коммуникации влияют на сохранение единства общества и на формирование общественного мнения; на сознание людей и на систему духовных ценно-стей; на национальную культуру и на речевую практику социума. В связи с этим язык СМИ становится объектом многих исследований – социологи-ческих, психологических, культурологических, философских и, конечно же, лингвистических. Изучая массмедийный дискурс, можно составить четкое представление о времени и эпохе. А поскольку современная эпоха – это время активных и стремительных политических, экономических, социальных перемен, то они не могут не находить отражения в языке, активно и повсе-дневно использующемся обществом как средство коммуникации.

В этой связи уместно говорить о том, что воздействующая направленность современного медийного дискурса и его ориентация на массового адресата оказались благоприятными факторами для коллоквиализации медиадискурсивного пространства, т.е. для активного использования в средствах массовой информации разговорных единиц различных языковых уровней.

Следует отдельно отметить, что под разговорной речью мы, вслед за представителями Московской школы функциональной социолингвистики, понимаем некодифицированную разновидность литературного языка, противопоставляемую кодифицированному литературному языку [1]. Данное противопоставление основывается на трех экстралингвистических факторах – разговорная речь используется в ситуациях неподготовленного, непринужденного общения при непосредственном участии говорящих в акте коммуникации [2, с. 5]. При этом непринужденность общения создается такими основными внеязыковыми факторами, как неофициальные или нейтральные отношения между говорящими и отсутствие у них установки на официальное сообщение [1].

Кодифицированный литературный язык и разговорная речь представляют собой разные языковые системы в пределах литературного языка и образуют особый вид диглоссии, при котором каждый человек, владеющий литературным языком, использует его кодифицированную и некодифицированную разновидность в зависимости от ситуации общения, переключая таким образом коды в соответствии с условиями протекания коммуникации [1; 2; 3].

При этом существенно, что разговорная речь не тождественна просторечию или сниженному стилю, называемому иногда разговорным. Принципиальное различие между двумя понятиями состоит в том, что разговорная речь представляет собой самодостаточную языковую систему, естественное средство общения в условиях неофициальной, непринужденной коммуникации, в то время как сниженный стиль, основу которого составляет в первую очередь лексика и фразеология, – «это набор красок. На сниженном стиле не говорят» [2, с. 53].

В результате контрастивного анализа очерков и репортажей из белорусскоязычной и англоязычной качественной прессы («Звязда», «Народная газета», «Настаўніцкая газета», «Культура», «The Guardian», «The Independent», «The Telegraph», «The Observer») было установлено, что разговорные единицы морфологического, лексического и синтаксического уровней находят широкое отражение в данных медиажанрах. Однако наибольший интерес для нас представляет разговорный синтаксис, поскольку, согласно исследователям-коллоквиалистам, именно синтаксические характеристики являются наиболее своеобразными в системе разговорной речи и составляют ее суть [4, с. 78; 5, с. 94]. Рассмотрим подробнее, каково назначение данных манифестантов разговорной речи в медийном дискурсе на каждом из языков.

Как отмечалось ранее, одной из особенностей разговорной речи является ее неподготовленный, естественный характер. Разумеется, что в отношении письменной речи, в частности печатных средств массовой информации, говорить об отсутствии предварительного обдумывания было бы некорректно, поскольку в данном случае «непреднамеренность» заранее рассчитана адресантом. Другими словами, в ходе подготовки материала публикации авторы осознанно и целенаправленно прибегают к использованию ряда синтаксических разговорных единиц с целью создания впечатления спонтанности, сиюминутно сформировавшейся мысли, что, как правило, более «близко» и привлекательно для читателя.

Так, присоединительные конструкции способствуют имитации потока сознания путем последовательной подачи информации за счет смещения семантического фокуса на новый аспект речи. Например: *А ў Феадосіі на ўвесь горад адзін басейн – у атэлі. **Ды і той вельмі дарагі***; *There are locks everywhere. **Even in the floor*** ‘Замки́ есть везде. Даже в полу’.

Для синтаксиса разговорной речи характерны замечания, возникающие во время непосредственной коммуникации и вторгающиеся в главную мысль на любом отрезке повествования, размыкая при этом непрерывность синтаксических связей и приводя к двуплановости повествования. На письме данное явление представлено в виде следующих вставных конструкций: *Магчыма, сёлета **(а год толькі пачаўся)**, старая справа, нарэшце, зрушыць з мёртвай кропкі; Her then-husband Willie **(they split up when the boys were teenagers)** was working nearby* ‘Ее на тот момент муж Вилли (они расстались, когда мальчики были подростками) работал неподалеку’.

По сравнению с кодифицированным литературным языком, особенно его письменной формой, порядок слов в разговорной речи отличается большей свободой, даже в языках с относительно фиксированным словорасположением. В частности, для разговорной речи характерно естественное синтаксическое развертывание фразы, следствием чего является дистантное или непоследовательное расположению зависимых слов. Например: *А пра Спорава Бярозаўскага раёна* ***ці*** *вядома вам?* ***In each was pencilled a note*** *of when and where it was purchased* ‘В каждой было написано карандашом, где и когда она была куплена’. Такие разговорно-синтаксические единицы используются с целью отражания того, как мысли, ощущения, воспоминания переплетаются друг с другом, что нередко можно наблюдать в неподготовленной беседе.

Избыточные синтаксические единицы, которые в устной разговорной речи обычно возникают в результате ослабления контроля за своей речью, сложности в выборе средств выражения, наплыва чувств и т.д., в медийном дискурсе на двух языках представлены заполнителями пауз хезитаций (*Першае знаёмства мамы з дзявятым класам увогуле і Міколам Барбуком асабіста стала ў нашай сям'i...* ***ну****, амаль што легендай*; *Sorry to intrude, but could I possibly have…* ***erm****…both your autographs?* ‘Простите за назойливость, но не мог бы я получить … м-м… оба ваши автографа?’) и плеонастическими местоимениями (***Радыё, яно*** *ў першую чаргу і есць мастацтва слухаць*; ***BA*** *and* ***Iberia, they*** *have their own chief executives* ‘У Британских авиалиний и Иберии, у них свои исполнительные директора’).

Для англоязычных медиажанров характерно также использование предложений, синтагматическая цельность которых нарушена в связи с самокоррекцией: *<…> an experience initially reminiscent of being the last passengers on the plane at* ***Gatwick… sorry, Heathrow*** ‘<…> опыт, сначала напоминающий состояние, когда ты последний пассажир на самолет в аэропорту Гатвик … простите, Хитроу’. Структуры такого типа имитируют процесс «первоначального развертывания лексико-грамматической программы, его самый первый, черновой вариант» [6, с. 245].

Другой специфической чертой разговорной речи является ее непринужденный, неофициальный характер. Эллиптические предложения, подразумевающие отсутствие в них ожидаемых языковых единиц, являются неотъемлемой частью разговорной речи и способствуют созданию неформальной атмосферы в медиапространстве. Например: ***Я да іх*** *– кажу, тут трэба капаць.* ***А мне*** *– раз ты такі разумны, можа, яшчэ і разбівачныя восі намалюеш*; ***Can’t*** *wait* ‘Не могу дождаться’.

Несобственно-побудительные предложения, выражающие побуждение к действию без участия императива (***Сюды****, калі ласка*; ***Onwards****, to enrich the daily routine of the chimps* ‘Вперед, разнообразить серые будни шимпанзе’), и императивы, содержащие личные местоимения наряду с повелительной

формой глагола (***Вы не палянуйцеся***, ***пагартайце*** *старонкі нашых беларускіх выданняў. Не пашкадуеце*; *Well, Nigel, I like what you say, but just* ***you wait*** *until David gets in* <...> ‘Найджел, мне нравится то, о чем ты говоришь, но ты просто подожди, пока Дэвид [Кэмерон. – *Т. Г.*] возглавит правительство <…>’), также сближают повествование с живой разговорной речью, создают впечателение непринужденной беседы адресата и адресанта.

Разговорная речь характеризуется достаточно высокой степенью эмоциональной насыщенности. Для передачи данной эмоциональности в печатных СМИ авторы как белорусскоязычных, так и англоязычных очерков и репортажей используют, главным образом, вопросительные предложения, выполнящие вторичные функции. Например: *Што з таго, што гасцёўня пустая?*; *Няўжо я, “даярка з Хацапетаўкі”, у такой зале выступала ды Прэзідэнта бачыла побач? They don't change with age. Why on earth would they?* ‘Они не меняются с возрастом. Да и с какой стати?’; *What are they, nuts? Has everyone forgotten Gigli?* ‘Они что, с ума посходили? Все забыли Джильи?’

Незавершенные синтаксические структуры также играют важную роль в создании разговорности и способны провоцировать читателя на дальнейшие рассуждения, вызывая у него при этом определенные чувства, эмоции в отношении происходящего. Например: *Падземны шлях спецыяльна абсталяваны для невідушчых людзей – на гэта паказваюць адмысловыя яркажоўтыя парэнчы.* ***Але...*** *It's necessary to accept that a balanced budget is a necessary for a balanced life, and the same applies to the nation as a whole.* ***That's just …*** ‘Надо признать, что сбалансированный бюджет необходим для сбалансированной жизни, то же самое относится и к нации в целом. Да это просто…’.

Специфику англоязычного медийного дискурса составляют избыточные синтаксические единицы в виде сопровождающих речь эксплетивов (от англ. *expletive* ‘вставное слово’), «аффективное содержание которых преобладает над их предметно-логическим значением» [7, с. 163]. Например: *We have to get* ***the hell*** *out of here* <…> ‘Мы должны, черт возьми, убираться отсюда <…>’. Очевидно, что данные единицы в печатном варианте медийного дискурса служат для передачи настроения, эмоций к описываемому событию, объекту.

Следует отметить, что в проанализированном материале встречаются также гибридные разговорно-синтаксические единицы (4,2 % от общего числа выявленных разговорно-синтаксических средств в медиадискурсе на двух языках). Например, вставные конструкции, представленные вопросами, или присоединительные конструкции – эллиптическими предложениями: *Нарэшце паўсотні гарадскіх выхаванцаў сядзіць у вясковай альтанцы* ***(уяўляеце памер гэтай альтанкі?)*** *на лавах абапал доўгіх сталоў*; *A lot different from my old school. More relaxed* ‘Очень отличается от моей старой школы. Менее строгая’. Такой симбиоз способствует еще большей концентрации в данных

единицах разговорных характеристик и, как следствие, большей степени их маркированности в современном медийном дискурсе, что делает повествование более «живым», занимательным, запоминающимся.

Подводя итог, отметим, что мейдийный дискурс как на белорусском языке, так и на английском, характеризуется широким перечнем синтаксических средств, первичной сферой функционирования которых выступает разговорная речь. В исследуемых медиажанрах их типовыми функциями являются создание впечатления непринужденной, неподготовленной беседы, а также передача особой эмоциональности, свойственной разговорной речи. В то же время контрастивный анализ показал, что, если степень эмоциональной насыщненности, достигаемая посредством рассматриваемых единиц, примерно одинакова на двух языках (17 % и 20,1 %), то имитация спонтанности, естественности более свойственна для англоязычного медиадискурса (52,1 % против 42 %), а непринужденности, или неофициальности – для белорускоязычного (41 % против 27,8 %). Выявленные расхождения обусловлены, прежде всего, тем, что, во-первых, британские авторы в большей степени склонны к приему цитирования при передаче чужой речи и, во-вторых, развитая система флексий белорусского языка благоприятна для продуцирования эллиптических предложений разных типов, которые в значительной мере участвуют в создании атмосферы непринужденности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская разговорная речь / Е. А. Земская [и др.] ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Наука, 1973. – 485 с.
2. *Земская, Е. А.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
3. *Крысин, Л. П.* Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии / Л. П. Крысин // Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – М., 2004. – С. 468–474.
4. *Девкин, В. Д.* Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика / В. Д. Девкин. – М. : Междунар. отн., 1979. – 254 с.
5. *Сиротинина, О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности / О. Б. Сиротинина. – М. : Просвещение, 1974. – 144 с.
6. *Долинин, К. А.* Стилистика французского языка / К. А. Долинин. – 2-е изд., дораб. – М. : Просвещение, 1987. – 302 с.
7. *Скребнев, Ю. М.* Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев ; под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1985. – 210 с.

The paper deals with the contrastive analysis of syntactic colloquial means in media discourse. The common and specific units and their role in Belarusian and English media genres are detected. The main factors of the revealed peculiarities are defined.

Т. П. Карпилович
Минск, МГЛУ

КОММУНИКАТИВНЫЕ КАТЕГОРИИ НАУЧНОГО ДИСКУРСА В КОНТРАСТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Рассматриваются языковые средства реализации в научном дискурсе на английском и белорусском языках трех коммуникативных стратегий: субъектности, оценочности и стратегичности. Сопоставительный анализ языкового воплощения трех дискурс-категорий в научных статьях на двух языках позволил установить, что наибольшее количество различий проявляется в реализации категорий оценки и стратегичности, а именно ряда тактик информирования. Кроме того, авторы англоязычного научного дискурса используют и стратегию рекламирования, которая взаимодействует с базовыми стратегиями информирования и убеждения.

Поскольку многие лингвисты включают текст в понятие дискурса, то зачастую они переносят категории текста и на дискурс, однако с некоторыми дополнениями и уточнениями. Так, В. И. Карасик [1] классифицирует категории дискурса на четыре группы (конститутивные, жанрово-стилистические, семантико-прагматические и формально-структурные). При этом дискурсивными он считает следующие категории, которые традиционно выделяются в лингвистике текста: *информативность, относительная смысловая завершенность, модальность, членимость, когезия.* Вместе с тем он выделяет, на наш взгляд, и сугубо дискурсивные категории, к которым относятся тематическое единство, адресативность, образ автора (две последние из названных некоторые лингвисты считают текстообразующими (Н. Д. Арутюнова, Г. А. Золотова и др.]).

М. Л. Макаров в свою классификацию из шести дискурс-категорий также включает две категории текста (когезия и когеренция) и четыре сугубо дискурсивные: мена коммуникативных ролей, коммуникативная стратегия, метакоммуникация, дейксис дискурса [2]. Интерес представляет классификация И. С. Шевченко, которая выделяет отдельный класс коммуникативных категорий (интенциональность, адресованность, ситуативность), наряду с когнитивными (информативность, когезия); метадискурсивными (коммуникативные стратегии и тактики, жанрово-стилистические особенности дискурса, фатическая категория, мена коммуникативных ролей) [3]. Таким образом, очевидно, что проблема дискурс-категорий нуждается в дальнейшей разработке.

В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения, что дискурс – это текст в совокупности со всеми факторами экстралингвистического порядка. Следовательно, к дискурс-категориям относятся и все категории текста как результата дискурсивного процесса. Вместе с тем нельзя не отметить, что ряд традиционно выделяемых категорий текста являются, по сути, дискурсивными. Это, на наш взгляд, информативность, модальность и когерентность, поскольку эти категории актуализируются именно в процессе создания или порождения текста, т.е. в дискурсе.

Предметом детального исследования в настоящей работе стали такие коммуникативные дискурс-категории, как субъектность (адресант, адресат и др.), оценочность и стратегичность, реализуемые в жанре научной статьи на английском и белорусском языках. Безусловно, эти категории не исчерпывают весь перечень коммуникативных категорий, однако их анализ позволяет выявить специфику языковой репрезентации основных участников научной коммуникации, их отношения к описываемым фактам, а также способов реализации интенций в виде стратегий, тактик и языковых средств в контрастивном аспекте.

Рассмотрим вначале категорию субъектности. Отличие нашего подхода в том, что в структуре ее содержания мы выделяем не только субкатегории адресанта и адресата, следуя классической теории речевых актов, но и других участников общения. В научном дискурсе, кроме автора и читателя, в коммуникации участвуют (косвенно, в случае цитации) ученые и специалисты, занимающиеся смежными проблемами. Адресант научного дискурса как бы вовлекает их в процесс научного обсуждения. До недавнего времени считалось, что определенная дистанцированность или даже полное устранение субъекта речи из поверхностной ткани научного текста способствуют объективации изложения. Однако проведенный анализ показал, что в англоязычных научных текстах нередко встречаются прямые средства указания на автора сообщения – личное местоимение *I* и притяжательное *my*. В белорусскоязычном научном дискурсе такие прямые указания на адресанта отсутствуют. Вместе с тем в обоих языках отмечается тенденция использовать личные местоимения *we* / *мы* и *us* / *нам* / *нас*.

Вторая коммуникативная категория, которая рассмаривается в настоящей работе, – это категория оценки. Анализ позволил выявить ряд отличий в номенклатуре средств выражения оценки и степени их употребительности в научных статьях на английском и белорусском языках. *Первое* отличие состоит в общей употребительности оценочных средств: она почти в два раза больше в англоязычных текстах, чем в белорусских. *Второе* отличие – это большее разнообразие средств выражения оценки в англоязычных текстах (лексико-грамматических классов слов, их конкретного состава, морфологических форм). *Третья* особенность – это более высокая употребительность прилагательных как главного средства выражения оценки и широком спектре передаваемых ими оценочных смыслов. Все вышеуказанные отличия наиболее ярко проявляются в сильных позициях англоязычной научной статьи (аннотации, введении и заключении), что позволяет говорить о рекламной стратегии, которой нередко руководствуются англоязычные авторы.

В языковой репрезентации категории стратегичности также выявлен ряд различий в тактиках, реализующих основные стратегии научного дискурса. Авторские коммуникативные стратегии определяются интенциональностью, под которой понимаются типовые целеустановки, характерные для того или иного дискурсивного жанра (В. А. Салимовский, Т. В. Шмелева, Л. Р. Дускаева и др.). В модели жанра есть одна или несколько главных

интенций, которые обусловивают выбор автором стратегий и тактик, а также языковых средств их воплощения. Главными интенциями автора научного дискурса в жанре научной исследовательской статьи является сообщение о новых научных результатах в той или иной области науки и доказательство их истинности. Эти цели влияют как на семантическую структуру данного жанра, так и на авторские коммуникативные стратегии. Как показал анализ научных статей на английском и белорусском языках, их интенциональность реализуется в дискурсе с помощью двух базовых стратегий: информирования и убеждения. Суть первой стратегии состоит в последовательном раскрытии нового научного знания, полученного исследователями в той или иной области. Стратегия убеждения направлена на доказательство новизны, достоверности, научной и практической значимости полученных результатов. Безусловно, в дискурсивном пространстве эти две стратегии взаимодействуют и переплетаются, так как раскрытие сущности нового знания одновременно способствует и убеждению адресата в его значимости. Тем не менее проведенный анализ научных статей позволил выявить разные коммуникативные тактики и языковые средства, специфические в вербализации двух основных стратегий.

Стратегия информирования реализуется прежде всего с помощью тактики композиционного членения текста, в котором выделяется заголовок, аннотация, введение, основная часть и заключение. Эта тактика аналогична метатекстовой функции, поскольку сами названия структурных частей сообщают читателю об их назначении. При этом наиболее важная информация о научных результатах помещается в так называемые сильные позиции текста – заголовок, аннотацию, введение и заключение. Следует отметить, что дискурсивная реализация тактики композиционного членения различается в научных статьях на английском и белорусском языках. В большинстве англоязычных изданий обязательно структурирование научной статьи на части: вводную («Introduction»), основную (как правило, с подзаголовками) и заключительную («Conclusion», «Concluding Remarks» и др.). В белорусскоязычном научном дискурсе только небольшая часть статей имеют заголовки введений («Уводзіны», «Уводныя заўвагі»), заключений («Заключныя заўвагі», «Заключэнне»), а также рубрикацию основного корпуса научной статьи. Такая организация текста создает некоторые трудности в его восприятии адресатом, несмотря на наличие определенных позиционных и языковых маркеров, указывающих на соответствующие композиционные части. Так, заключение в белорусских статьях, как правило, представлено в последнем абзаце текста и маркируется коннекторами *такім чынам, увогуле*.

Второй тактикой информирования в текстах научных статей, которая, как и первая, имеет метатекстовый характер, является ознакомление адресата с содержанием структурных частей статьи. Эта тактика характерна только для англоязычного научного дискурса; она реализуется обычно во введении. Например: ***In each of the main sections (2–3)****, I will explore how cognitive approaches change the status of key ideas <…>.* ***In Section 7.2****, I will consider how cognitive theories of language and second language will ultimately alter our*

understanding <…>. Третьей тактикой, осуществляющей в основном стратегию информирования, является обзор и анализ предшествующих исследований по проблеме, рассматриваемой в статье. Эта тактика характерна для научного дискурса на двух языках, однако в англоязычном дискурсе она реализуется во введении или в специальном структурном разделе, озаглавленном «Theoretical Frame» или «Theoretical Background» и др. Данная тактика может также реализоваться в разделах, обсуждающих различные теоретические аспекты проблемы вместе с представлением собственной точки зрения, что свидетельствует о взаимодействии стратегий информирования и убеждения. Стратегия информирования достигается также тактикой приведения мнений других ученых, которая реализуется чаще всего ссылками и различными типами цитат. Безусловно, эта тактика используется и в реализации стратегии убеждения при построении аргументов, основанных на цитации, для доказательства того или иного тезиса.

Второй ведущей коммуникативной стратегией автора научного дискурса является убеждение. В жанре исследовательской статьи эта стратегия конкретизируется как убеждение адресата в истинности и достоверности нового научного знания. В реализации данной стратегии участвуют четыре основные тактики: акцентуации новизны полученных результатов, подчеркивания важности информации, оценочной тактики, аргументации. Первая из указанных тактик эксплицитно вербализуется лексикой со значением ‘новизна’. В англоязычных текстах список таких слов более широкий (*for the first time, fresh, innovation, innovative, new, novel, unique*), в белорусскоязычных – это слова *навізна, новы, упершыню.* Разумеется, акцентуация новизны полученных результатов в обоих языках чаще передается имплицитно, а именно, путем количественных данных, сравнения полученных результатов с родственными исследованиями, формулирования зависимостей и закономерностей, что наиболее четко представлено в заключительном разделе научной статьи.

Тактика подчеркивания важности информации используется в аннотации и введении при обосновании актуальности рассматриваемой проблемы, а также при обсуждении полученных результатов и формулировании выводов. Она вербализуется рядом средств: лексическими единицами с общим значением ‘важность’ (*importance*, *important*; *важнасць, важны)*; лексико-синтаксическими клише, присущими научному стилю (*note*, *notice*, *it must be stressed*, *it needs to be noted*, *it should be noted*; *адзначым*, *варта нагадаць*, *асобна можна вылучыць*); языковыми единицами со значением уверенности и убежденности (*certainly*, *clearly*, *of course*, *безумоўна*, *зразумела*, *не выклікае сумнення*, *сапраўды* и др.); выделительно-ограничительными частицами, наречиями и союзами (*not only but*, *only*; *менавіта*, *толькі* и др.); синтаксическими средствами выделенности (инверсия, эллипсис).

Оценочная тактика стратегии убеждения реализуется с помощью оценочных единиц, о специфике употребления которых говорилось выше. Она наиболее широко используется во введении и в тех разделах научной статьи,

где рассматриваются теоретические аспекты исследования. Однако в ряде статей оценочная тактика используется и применительно к собственным результатам, что чаще всего можно наблюдать в аннотациях англоязычных статей, используемых для рекламирования собственных разработок.

Одной из наиболее употребительных тактик стратегии убеждения в научном дискурсе является аргументация, которая реализуется в различных композиционных и суперструктурных частях научной статьи. Во введении и теоретических разделах она применяется при обосновании актуальности изучаемой проблемы и, как следствие, для формулировки цели исследования. В теоретическом разделе англо- и белорусскоязычных статей тактика аргументации применяется для доказательства сильных или слабых сторон рассматриваемых теорий и возможности / невозможности их использования в собственном исследовании. При этом аргументы принадлежат к характерологическому, оценочному или типу апелляции к авторитету. При описании результатов собственного исследования общей характеристикой тактики аргументации в научном дискурсе на двух языках является употребление аргументов, принадлежащих к типу иллюстрации (пример) при тезисе-утверждении, описывающем суть выявленной закономерности.

Таким образом, сопоставительный анализ языкового воплощения трех дискурс-категорий в научных статьях на английском и белорусском языках позволил установить, что наибольшее количество различий проявляется в реализации категорий оценки и стратегичности, а именно ряда тактик информирования. Кроме того, авторы англоязычного научного дискурса используют и стратегию рекламирования, которая взаимодействует с базовыми стратегиями информирования и убеждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карасик, В. И.* О категориях дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград : Перемена, 1998. – С. 185–198.

2. *Макаров, М. Л.* Дискурс как структура и как процесс: единицы и категории / М. Л. Макаров // Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М., 2003. – Гл. 5. – С. 162–202.

3. *Шевченко, И. С.* Дискурс и его категории / И. С. Шевченко // Вісн. Харк. нац. ун-ту. – 2011. – № 973, вип. 68 : Сер. Романо-герм. філологія. Методика викладання іноземн. мов. – С. 6–12.

The paper considers means of language realization of the categories of subjectivity, evaluation and communicative strategy in scientific discourse in English and Belarusian. The differences revealed concern the representation of the category of evaluation and the informative communicative strategy.

Н. Ю. Павловская
Минск, МГЛУ

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ С ПОЗИЦИЙ ИНТЕГРИРОВАННОГО ЗНАНИЯ

В русле современного интегративного подхода к трактовке научного знания проводится контрастивный анализ белорусских, русских, английских формул речевого этикета. Акцентируется необходимость сочетания при лингвистическом анализе традиционного семантического, когнитивного, коммуникативно-прагматического методов в их синхронном и диахронном измерениях.

Современные подходы к трактовке и анализу лингвистических явлений характеризуются междисциплинарностью, возрастанием роли субъекта и его ценностного отношения к предмету исследования, мультипарадигмальностью – признанием «одновременного движения в разных направлениях к разным истинам, ни одна из которых не лучше и не хуже любой другой» [1, с. 16]. Принцип интегративности как синтез знаний, добытых в различных областях, по-видимому, должен стать ведущим и при выполнении контрастивных исследований близко- и неблизкородственных языков, поскольку понимание мира зависит «не от пропозиций, а от опыта восприятия, говорения и действия» [2, с. 205]. Естественный язык в качестве биопсихического, семиотического, когнитивного, социального, культурного феномена обусловливает наличие в основных его единицах – словах, дискурсах – синергетических видов знания, выходящих за пределы этих единиц. Данное многомерное восприятие позволяет увидеть в языковых явлениях и их семантике «преломление многовековых тенденций человечества, … направления избирательности в восприятии действительности» [3, с. 455]. Вместе с тем интегративный подход, учитывая различные аспекты развития языковых явлений, не может опираться на описания сугубо синхронического характера, как предписывалось, к примеру, в начале двухтысячных годов контрастивным исследованиям [4, с. 1]. Трудно также согласиться с мнением, при котором отрицается установление сходств и различий в языковых подсистемах, оставляя за целями контрастивного исследования только «выявление различий в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с ее возможными соответствиями в другом языке» [5, с. 25].

Если говорить о контрастивном изучении главных единиц языка – словах, то толкованию должно подлежать не столько его значение, как это происходит в соответствующих словарях, сколько его смысл. Это значит, что при контрастивном анализе надлежит учитывать и использовать когнитивно-коммуникативную парадигму научного знания в ее диахронном и синхронном измерении. Процессы диахронии отражают и транслируют важнейшие этнические и архетипические коды, фиксируя исторические осо-

бенности развития народа и манифестируя глубинную референцию к своему первоисточнику. Последний обязательно оставляет определенный след в семантике языкового знака, и задача исследователя – обнаружить его, поскольку, отражая референцию к определенному денотату, языковая единица воплощает исторические ментальные отпечатки и образы предметов и явлений, тем самым эксплицируя определенный тип человеческого мировидения в историческом развитии.

Когниция обеспечивает «концептуальное смысловое единство», «когнитивные ориентиры» изучаемых явлений в одном языке для порождения равноценного текста – в другом [6, с. 306, 310]. Среда их существования в двух языках даст возможность описать не только синтагматику и парадигматику данных единиц, но и прагматические особенности – опыт освоения языковым сообществом обыденного мира. В данном случае когнитивный подход к толкованию языковых фактов сопрягается со спецификой мироотношения, с коммуникацией и представляет собой модель употребления языковой единицы. Пространство, где функционирует язык, «является игровой площадкой, но мячом владеет говорящий, это он разыгрывает значения в непрекращающемся со- и противоположении речевых ходов, которое принято называть дискурсом» (6, с. 312). Концепт как идея, как ментальная схема языкового экспликатора, таким образом, завязан на говорящем, значение же языковой единицы является социально, культурно и исторически обусловленным опытом индивида, поэтому отделить когнитивное значение от прагмасемантического, синхронное от диахронного можно только искусственно.

Границы эксплуатации концептов и их составляющих определяются когнитивными, функциональными, коммуникативно-прагматическими параметрами, что обнаруживается путем анализа максимального количества контекстов употребления языковых единиц. Начальный же этап контрастивного исследования заключается в выявлении самого концепта – «исконного представления (образа)», «инварианта всех возможных значений языковой единицы», который «углубит семантическую перспективу явления вплоть до категориальной его сущности» [7, с. 158, с. 160–161].

Значение, отражая сущность предмета объективного мира, формируется в течение очень продолжительного времени в мозаичное соединение, порождающее языковую единицу и обладающее «семантической парадигмой». Семантическая парадигма представляет собой исторически устоявшийся комплекс, который по-разному, на различных исторических этапах «порождает различные модели сочетаемости, где количественное увеличение признака ведет к созданию новой единицы в пределах определенного качественного поля» (8, с. 28).

В качестве фактического материала для контрастивного анализа были взяты формулы речевого этикета с семантикой приветствия/прощания в белорусском, русском, английском языках, которые формируют фреймы (конце-

птуальные структуры) – «модели для измерения и описания знаний (ментальных репрезентаций, хранящихся в памяти людей)» [9, с. 152]. Наполнение фреймов осуществляется с помощью толкования соответствующих понятий, содержащихся в словарных дефинициях этимологических, толковых, синонимических словарей; реализаций коммуникативно-прагматических значений данных этикетных форм, представленных в разнообразных контекстах национальных корпусов русского, белорусского, английского языков. Подобные высказывания, выполняя регулятивную функцию в метакоммуникации, способствуют эмоционально-психологической гармонизации межличностных отношений, выражая при этом доброжелательность, симпатию, имеют, безусловно, свои этнокультурные различия, реализуя национально-специфические стереотипы. Так, высказывание *Здравствуй и прощай* (название одноименного фильма В. Мельникова, 1972) возможно перевести следующим образом: (бел.) ‘Добрай раніцы і бывай’; (англ.) ‘Good morning? (hello?) and good bye (farewell?)’.

Изначально русская этикетная формула происходит от первого лица единственного числа глагола *здравствовать* ‘приветствовать, желать здоровья’ и прилагательного *здравый*, далее из праслав. **sъdorvъ* = др.-инд. ‘хороший’ и **dorvo*-, связанного чередованием со словом *дерево*, т.е. ‘из хорошего дерева’. Ср. др.-инд. *dā́ru* ‘полено’, авест. *dāru* ‘бревно, дерево’, греч. *δόρυ* ‘дерево, копье’, готск. *triu* ‘дерево’. Ср. также значение нем. *kerngesund* ‘совершенно здоровый’: *Kern* ‘зерно, сердцевина’, лат. *rōbustus* ‘дубовый, крепкий, здоровый’ – от *rōbur* ‘древесина дуба, дубовое дерево’ [10].

Таким образом, архетипический код лексемы *здравствовать* – ‘пожелание здоровья’, ‘здоровый’, ‘дерево’, ‘сердцевина’, ‘дуб’, ‘зерно’, ‘сила’, ‘начало’, сущность’, ‘плодородие’, ‘жизнь’, семантически трансформируясь, реализовался в позитивное приветствие при встрече. Ее же прагмасемантическое использование, основанное на апелляции к указанным смыслам, пережило десемантизацию и метафоризацию. В некоторых случаях десемантизация слова стремится к нулю: *Вот и здравствуйте* (недовольство, возмущение, удивление); *Мы успеем подготовиться к спектаклю за полчаса? Здравствуйте!* (десемантизация до отрицательной частицы *нет*).

Если русская этикетная формула отсылает к пожеланию здоровья конкретного субъекта, то белорусские примеры *добрай раніцы, добры день, добры вечар* и английские *good morning, good afternoon,* или *good evening* транслируют глубинную референцию к благополучному существованию окружающего мира, космоса в каждый из временных периодов его существования, к пожеланию ему радости, счастья, добра. Данные этикетные формулы воплощают тип общечеловеческого мировоззрения, абстрагированный от конкретно-индивидуального представления ситуации.

Английская формула *hello* – ‘call to attract attention’ – транслирует призыв привлечь внимание и этимологически связана с ситуацией *to shout*,

especially to call to the hounds in hunting ‘кричать’ ‘подзывать собак на охоте’. Подобный смысл, по-видимому, весьма экспрессивный и не вписывается в идею фильма «Здравствуй и прощай», поскольку в основе сюжета лежит зарождение новых отношений.

Этимология лексемы *прощай* связана с праславянской словоформой *prostiti, др.-русск. *простити* ‘исцелить’. В свою очередь, происхождение слова *простой* связано с праслав. **prostъ* ‘простой’, др.-русск. *простъ* ‘прямой, открытый, свободный, щедрый, обильный’; русск. *простой*, укр. *простий*, бел. *просты*, болг. *прост* ‘простой, прямой’, сербохорв. *про̏ст* ‘простодушный, простой; прощенный’, словенск. *pròst*, *prósta* ‘непринужденный, свободный, обычный, простой’, ср. с лит. *ãpstas* ‘изобилие’, *apstùs* ‘обильный, щедрый, широкий’, *atstùs* ‘отдаленный’, др.-инд. *suṣṭhú* – ‘находящийся в хорошем состоянии’ ... лит. *prãstas*, латышск. prasts ‘простой, обыкновенный’ [10].

Глубинная референция слова проявляет этнический стереотип в виде интенции ‘будь открытым, свободным’, ‘исцеляйся’, ‘забывай чью-то вину’. Современный язык значение данной этикетной формулы трактует как возглас при расставании на длительное время или навсегда; соглашение забыть чью-либо вину; снимать вину с кого-либо; освобождение от обязательств, долга.

Белорусское *бывай* (императив глагола быть) образовано от праслав. **byti,* от которых произошли: др.-русск., ст.-слав. *быти*, русск. *быть*, укр. *бути*, сербохорв. би̏ти, словенск. *bíti,* чешск. *být*, польск. *być*; восходит к праиндоевр. **bʰuH-*; др.-инд. *bhū́tíṣ*, *bhūtíṣ*, ‘бытие, хорошее состояние, преуспевание’ [10] Семантическая информация, закодированная в данной повседневной формуле, апеллирует к жизни как благоденствию, процветанию, позитивному восприятию всего сущего.

Английское сочетание *good-bye* имеет семантику, схожую с аналогичной белорусской структурой: *salutation in parting* ‘приветствие при расставании’ и восходит к лексеме *godbwye* – ‘a contraction of God be with ye …, influenced by good day, good evening; include God be … you’. Сокращенное от ‘*Да пребудет с тобой Бог*’ [11].

В качестве синонима к *good-bye* в нашей ситуации возможно было бы использовать (англ.) *farewell* – expression at parting ‘выражение при прощании’, *usually said to the departing person, who replied with good-bye* ‘обычно говорили уезжающему, который прощался’ [11]. Этимология данного слова высвечивает экспрессивный компонент ‘до последней степени’, однако звуковая инструментовка русской этикетной формулы и жанр фильма – лирическая комедия – отсылают все же к иному высказыванию – *good bye*.

Белорусские и английские этикетные формулы приветствия и прощания как знаки коммуникативного события обнаружили глубинную семантику бытия как источник позитивного мировосприятия и миропонимания. В основе русского приветствия и прощания просматриваются индивидуальные прагматические интенции говорящего. Помимо этого, следует учитывать не только семантические и лингвопрагматические оттенки высказываний, но и звукопись в качестве создания художественной образности,

гармонии, музыкального звучания речи. Все сказанное свидетельствует об оптимальности перевода названия фильма «Здравствуй и прощай» как «Good morning and good bye».

В заключение подчеркнем, что современный лингвистический анализ должен совмещать традиционный структурно-семантический с когнитивным, коммуникативно-прагматическим, учитывать наибольшее число параметров не только в синхронии, но и в диахронии, поскольку исследование «без синтеза в диахронии подобно тщательной инвентаризации находок при археологических раскопках, которые при этом не преследуют воссоздания изначальной картины того, с чем имеет дело археолог. Анализ же без синтеза в синхронии подобен тщательному описанию розы ветров, донного и берегового рельефов моря, по которому никто не собирается плыть, потому что не знает, куда и с какой целью» [12]. Синкретичный характер лингвистических исследований предполагает также проникновение указанных выше направлений в лингвокультурологию, этнолингвистику, психолингвистику, социолингвистику, а также их взаимодействие с другими гуманитарными дисциплинами – социологией, психологией, философией

ЛИТЕРАТУРА

1. *Залевская, А. А.* Проблема знания в различных ракурсах / А. А. Залевская // Studia linguistica cognitiva. Вып. 2 : Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 14–64.
2. *Коули, С. Дж.* Понятие распределенного языка и его значение для волеизъявления / С. Дж. Коули // Studia linguistica cognitiva. Вып. 2 : Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 192–227.
3. *Городецкий, Б. Ю.* К проблеме семантической типологии. – Вып. 1 / Б. Ю. Городецкий. – М. : Изд-во МГУ, 1969 . – 564 с.
4. *Сусов, И. П.* Введение в теоретическое языкознание : электрон. учебник / И. П. Сусов // https://refdb.ru/look/1364945.html.
5. *Стернин, И. А.* Контрастивная лингвистика: Проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. – М. : Восток–Запад, 2006. – 206 с.
6. *Ривелис, Е. И.* Словарь в свете когнитивной лингвистики / Е. И. Ривелис // Studia linguistica cognitiva. Вып. 2 . – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 304–350.
7. *Колесов, В. В.* Жизнь происходит от слова… / В. В. Колесов. – СПб. : Златоуст, 1999 – 368 с.
8. *Кошевая, И. Г.* Проблемы языкознания и теории английского языка: принципы языковой интеграции / И. Г. Кошевая. – М. : Либроком, 2012. – 186 с.
9. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
10. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://vasmer.lexicography.online. – Дата доступа : 15.03.2017.

11. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https:// dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/. – Дата доступа : 20.10.2017.
12. *Кравченко, А. В.* Проблема метода в когнитивной науке / А. В. Кравченко // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 4. – 2007. – Режим доступа : http://www.academia.edu/1163245. – Дата доступа : 15.12.2016.

The contrastive analysis of Belarusian, Russian and English speech etiquette formulas is carried out in line with modern integrative approach to the interpretation of scientific knowledge. The necessity of combining traditional semantic, cognitive, communicative and pragmatic methods in their synchronic and diachronic dimensions is emphasized.

А. А. Романовская
Минск, МГЛУ

ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ КАК ОСНОВА ДЛЯ СОПОСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Античные символы представляют важную часть языкового мира, в которой проявляются общечеловеческие универсальные темы. Через символы, которые означивают ассоциируемый с античностью смысл, константы античности возрождаются и посредством античного символа оказывают влияние на формирование констант нашего языкового сознания.

Возрождение античности как восстановление духовных потребностей, желание и необходимость вернуться к истокам – это требование времени, когда наблюдаемые в обществе тенденции свидетельствуют об изменениях в культуре, когда меняются духовные и этические ценности, идеалы и идеи, образы и смыслы. Установление роли и места древних образцов в познании представляет важную исследовательскую задачу для понимания мира, умения жить в гармонии с ним, так как античность дает образцы, в виде которых осуществляется передача культурной традиции во времени.

Опыт человечества указывает как на различия, так и на сходства в концептуализации мира. С идеей универсальности фундаментальных концептов связано представление об их врожденности в том смысле, что человек от природы настроен на поиск смыслов, которые предшествуют языку в силу их доязыковой готовности. По мнению А. Вежбицкой, у всех языков есть общее ядро, которое является врожденным, сформированным доязыковой готовностью к семантизации, семантическое пространство доязыковых значений, в котором могут быть выделены ядерные концепты и совокупности связанных понятий. А. Вежбицкая признает существование концептуальных и языковых универсалий: только надежно установленные языковые универсалии могут дать основу для сопоставления концептуальных систем, закрепленных в различ-ных языках, и для объяснения значений, закодированных в одних языках и не закодированных в других [1, с. 291–294].

Внутри одного языкового сообщества степень кодированности не всегда постоянна и одинакова. На разную степень кодированности в языке слов и выражений, связанных с памятью и восприятием, указывает

Дж. Лайонз, подчеркивая, что она зависит от того, какой культуре принадлежат носители одного языка. Следовательно, носители разных языков обладают одинаковой картиной мира, или концептуальной системой, по крайней мере, в том, что касается глубинных понятий. Но отсюда не следует, что говорящие на разных языках имеют одну и ту же картину мира в отношении небазовых понятий. Именно эти понятия обусловлены культурой в том смысле, что понимание некоторых вещей зависит от знаний, передаваемых через общество, которые имеют значительные несходства в разных культурах [2, с. 273–275].

Универсальным средством выражения смыслов культуры, ее идей и ценностей являются античные символы, представляющие ту важную часть языкового мира, в которой проявляются общечеловеческие универсальные темы. Античный символ понимается как особый языковой знак, представляющий единство определенного мифологического содержания (означаемого), выявляемого посредством метафоры на основе мифа, и его иконического отражения в форме вербально выраженного означающего – наименования мифологической реалии.

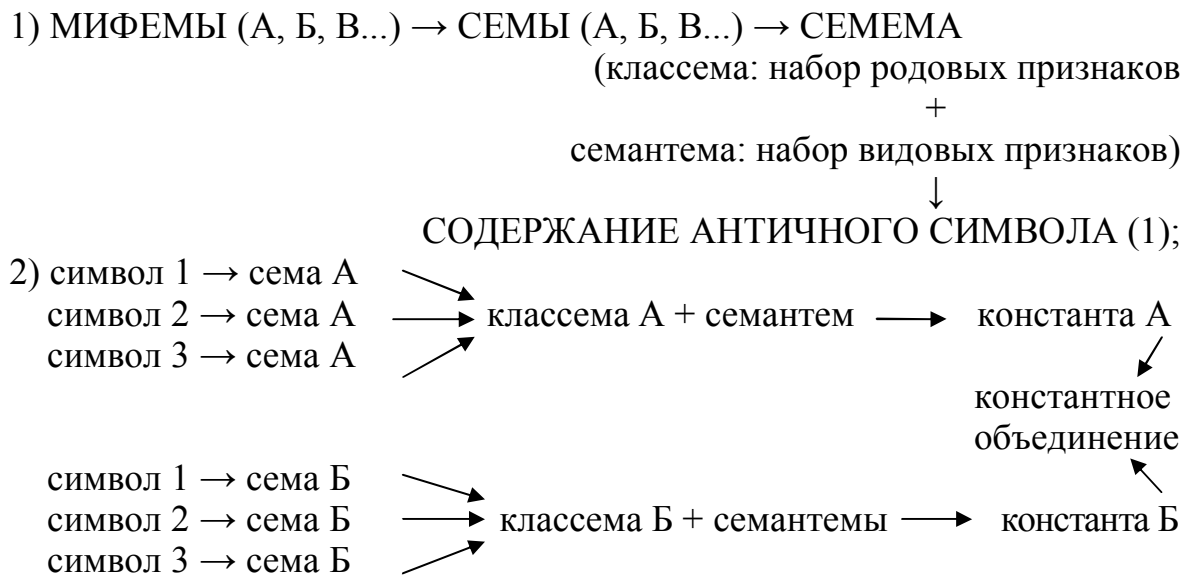
Античные символы являются поликультурными, межъязыковыми для западноевропейской и восточноевропейской культуры знаками: в их содержании отражаются сходные для культур элементы – культурные универсалии. Символы играют важную роль в системе идей о происхождении и структуре мира и роли в нем человека, о причинах и характере изменений в мире, о факторах, создающих и поддерживающих наблюдаемые в нем связи, отношения. Они выступают как элементы языкового членения мира, на основании которых языковая компетенция включается в концептуальную модель мира – в константы сознания, в которых находят отражение представления о мире, выраженные с помощью «фундаментальных» понятий.

Благодаря языковой закрепленности в имплицитной семантике античных символов знания прошлого хранятся в памяти поколений. Являясь элементом кода культуры, символ вплетается в семиотическое пространство как коммуникативную форму существования общества, обеспечивая преемственность идей и ценностей через связь с мифологической древностью. Носитель современного сознания постигает миф благодаря неоднородности мышления, которое сохраняет определенные мифологические пласты, архаические корни, свойственные мифологическому сознанию. Идея о том, что мифологическое мышление существовало всегда, существует в наше время, подтверждается генотипическими образными понятиями, которые формируются посредством метафор на основе мифов и находят свое воплощение в ментальных единицах сознания – константах. Константы античности формируются генотипическими моделями.

В генотипической модели константа рассматривается как нечто предельно обобщенное, но идейно-образное, скрытое в глубинах сознания (*Ахилл* – символ доблести, храбрости, дружбы, слабости, мести). Генотипическая модель константы представлена имплицитными смыслами, которые относятся к области социально-культурно-исторического наследия. Импли-

цитные смыслы стоят за названиями и обозначениями всего того, что оставило свой след в жизни общества и хранится в памяти именно благодаря языковой закрепленности. Имплицитные смыслы, о которых в данном случае идет речь, более всего соответствуя понятию *концептуальные универсалии*, закреплены за особыми языковыми знаками – античными символами.

Генотипическая модель константы

Общим и для констант, и для символов является наличие аксиологичности. Античный символ – это особый языковой знак вторичной номинации. В отношении античного символа следует говорить о языковой и речевой вторичной номинации. Результатом языковой вторичной номинации символа является мифологическое значение символа, отражающее его первичную аксиологичность. Означаемое символа репрезентирует понятие, построенное на образе и выявляемое посредством метафоры на основании мифа (выявленный смысл не содержит прямого указания на денотат). Результат речевой вторичной номинации – это употребление мифологических значений в несобственной для них номинативной функции – языковой вторичной номинации. Наличие оценки в мифологическом значении является основанием константной организации символов и определением особо значимых объединений констант в олимпийской классической мифологии: «геройство» («геройство»/«антигеройство»); «любовь» (античная эмоционально-эстетическая составляющая); «цивилизация» («созидание»/«разрушение»).

Античные символы как языковые сущности, выполняя образно-эстетическую функцию в тексте, сами являются основанием для передачи мифологических образных понятий и средством, служащим материалом для формирования новых понятий, когда мифологический смысл перерабатывается сознанием в условиях современного художественного текста. Символ присутствует в тексте как языковой знак, передающий смысл, формируемый мифологическим содержанием (интенсионал как факт античной культуры на основе классического эллинского текста – мифа), кроме того, как претерпевший концептуальные изменения относительно мифологических значений.

Михаил Дмитриевич носил на теле следы четырнадцати ран, каждая из которых невидимо приближала час его кончины. Нет, не со счастливчиком Ахиллесом следовало бы сравнить Соболева, а скорее с благородным Гектором – простым смертным, рисковавшим жизнью наравне со своими воинами! (Акунин Б. Смерть Ахиллеса). Ахиллес и Гектор символизируют геройство, но Ахиллес, сын богини, защищенный водой подземной реки Стикс, поэтому неуязвимый. Гектор – смертный герой, благородный защитник Трои, погибает в бою с Ахиллом, одержимым жаждой мести и осквернившим тело жертвы. В контексте Ахиллес символизирует защищенность, Гектор – благородство.

«Как ты здесь оказался в несезон?» // Сухая кожа, сморщенная в виде // коры. Зрачки – как белки из дупла. // «А сам ты как?» «Я, видишь ли, Язон. // Язон, застрявший на зиму в Колхиде. // Моя экзема требует тепла…» (Бродский И. Форма времени). Поэт сравнивает себя с *Язоном*. Греческий герой отправляется в страну Эю (или Колхиду), чтобы добыть золотое руно, поэт застрял в Колхиде из-за болезни (поэт как бы Язон).

Я считал: время как время, не самое худшее в моей никчемной жизни; а Немо переживал, что делает не то или не успевает. Я сочувствовал ему. Он мог рассчитывать на большее, чем просто есть траву на поляне с другими лошадьми. С его способностями он мог есть разы в компании с единорогами (Костин П. Бегун). *Единорог* – мифологическое животное с телом лошади; согласно греческому тексту «Физиолога» рассматривается как символ чистоты. В контексте *единорог* символизирует высшую меру жизнедеятельности человека, талант.

Слышишь, опять Персефоны голос? // Тонкий в руках ее вьется волос // жизни твоей, рассеченной Паркой. // То Персефона поет над прялкой // песню о верности вечной мужу; // только напев и плывет наружу (Бродский И. Форма времени). Персефона символизирует верность.

Вечно молодая сослуживица праздновала день рождения и ни с того ни с сего пригласила к себе эту Пульхерию (как они на работе называли ее по имени гоголевского персонажа, верной пожилой жены своего мужа), а могли бы ее называть также Бавкидой по заложенным в нее природой данным быть верной, бессловесной, твердой как камень и преданной женой (Петрушевская Л. Мост Ватерлоо). *Бавкида* (Пульхерия) символизирует верность, покорность, преданность. Мифологические Филемон и Бавкида, благочестивая супружеская чета, – символ гостеприимства.

А за кассою твердою рукою ведает делами дома торгового яснооkая Паллада. Вспыхнет электричество в четыре, в шесть погаснет. Тьма, снежок. Хладные улицы, зеленые огни (Зайцев Б. Белый свет). *Яснооkая* ассоциируется с *Афиной* (*совоокой*) как символом мудрости. Мудрое руководство и *твердая рука* – основа порядка. И *Паллада* является символом этого порядка.

Семантика античных символов является истоком, дающим жизненные силы генотипическим смыслам. На основе символа, выполняющего функции смыслопорождения в художественном тексте, «переобразуются» архаические смыслы, появляются ассоциируемые с античностью коннотативные окраски под воздействием нового языкового окружения. Вторичная аксиологичность

античного символа является основой для их константной переорганизации. На основании анализа аксиологической семантики символа выявлены константные объединения «мир/порядок» vs «мир/беспорядок», вербальным выражением которых являются античные символы, функционирующие в современных художественных текстах.

Античные символы как особые языковые знаки, выполняющие функции смыслопорождения в художественном тексте, передают универсальный мифологический смысл, а также мифологический смысл, преломленный сквозь лингвокультурологическую призму языкового сознания. На основе символа переобразуются архаические смыслы, появляются ассоциируемые с античностью коннотативные окраски под воздействием нового языкового окружения. Через античные символы мифологические константы «геройство» / «антигеройство», «созидание» / «разрушение», «любовь» возрождаются и переобразуются. Новые константные объединения «мир/порядок» vs «мир/беспорядок», в которых отражаются воссозданные и переобразованные архаические корни, свойственные мифологическому сознанию, выявляются на основании анализа семантико-прагматических функций символов в современном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицкая, А.* Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая ; пер. с англ. А. Д. Шмелева ; под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 780 с.
2. *Лайонз, Дж.* Язык и лингвистика / Дж. Лайонз ; пер. с англ. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.

The ancient symbols are an important part of the linguistic world in which there are universal human themes. It is shown that symbols, which are associated with the meaning of antiquity, influence the formation constants of our language consciousness.

И. А. Цыбова
Москва, МГИМО (У) МИД России

ОТОБРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ/ ŻYCIE/ VIE» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ, ПОЛЯКОВ И ФРАНЦУЗОВ

В статье рассматриваются слова *жизнь*, *życie*, *vie* в качестве реакций и стимулов, отраженных в русских, польском и французском ассоциативных словарях. Этот общечеловеческий концепт находит близкое к адекватному выражение у русских, поляков и французов как в реакциях, так и в стимулах.

При современном антропоцентрическом подходе важное место занимает понятие «языковое сознание», которое в психолингвистике определяется как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств» [1, с. 26], «опосредствованный языком образ мира той или иной культуры» [2, с. 219]. Понятие «картина мира» (образ мира) восходит к идеям В. фон Гумбольдта [3, с. 378]. При изучении языковой картины мира исследуются межсловесные связи, что позволяет «подойти к решению вопроса о природе языкового сознания» [4, с. 18–19].

Материалом исследования послужили ассоциативные словари [5; 6; 7; 9], содержащие данные о 1) **прямых** (от **стимула** к **реакции**) и 2) **обратных** (от **реакции** к **стимулу**) связях между словами. Следует отметить, что в данной статье сопоставляются слова не двух (как обычно), а трех языков.

Анализируемые слова *жизнь*, *życie*, *vie* входят в ядро языкового сознания русских, поляков, французов.

1. Рассмотрим статьи «жизнь/ życie/ vie» в **прямых** ассоциативных словарях (**стимул → реакция**).

ЖИЗНЬ		**ŻYCIE**		**VIE**[1]	
593+215+22+156		492+155+8+105		511+101+6+62	
1) смерть	99	śmierć	92	mort	267
2) радость	15	radość	30	joie	17
весёлая	3	radosne	1	–	
весело	1	–		–	
веселье	1	–		–	
3) счастье	12	szczęście	30	bonheur	7
счастливая	5	–		heureuse	2
4) долгая	21	długie	21	longue	7
–		–		long	2
5) коротка	17	krókie	8	courte	4
короткая	12	–		–	
6) прекрасная	25	piękne	11	belle	6
красивая	4	jest piękne	2	est belle	1
–		piękno	5	beau	1
–		–		beauté	2
7) существование	6	egzystencja	19	existence	12
–		istnienie	10	être	1
8) вечность	9	wieczność	4	éternelle	2
вечная	7	wieczne	4	–	
вечна	3	–		–	
навечно	4	–		–	
9) любовь	5	miłość	4	amour	8
–		kochać	1	–	
10) дорога	9	droga	6	chemin	1
путь	7	wędrówka	6	–	
11) хороша	10	–		–	
хорошая	9	–		–	
хорошо	4	–		–	
12) вода	2	woda	5	eau	5
13) время	6	czas	4	temps	1
14) игра	9	gra	3	jeux	1
–		zabawa	1	–	
15) ребенок	2	dziecko	4	enfant	2
–		–		bébé	4
16) –		narodziny	17	naissance	9
17) –		nadzieja	4	espolr	11

[1] Цифры означают: первые – количество испытуемых, вторые – количество разных реакций, третьи –количество отказов, четвертые – количество реакций с частотой 1.

18) –		wolność	9	liberté	2
–		–		libre	1
19) дар	2	dar	15	–	
подарок	2	–		–	
20) судьба	4	los	4	–	
21) трудная	3	trudne	3	difficile	2
трудности	3	ciężki	3	–	
тяжела	1	udręka	4	–	
тяжелая	1	ciężko	1	dure	2
22) природа	1			nature	4
23) борьба	2	walka	2	combattre	1
24) чудо	1	cud	3	–	
чудесная	1	cudowne	1	–	
25) моя	5	moje	3	–	
26) большая	5	wielkość	1	immense	1
27) –		szansa	2	chance	2
28) –		słońce	1	soleil	3

Из 215/155/101 реакций совпадают 16, из которых 12 повторяются не менее 2 раз, а 4 совпадают лишь 1 раз (например, *большая/wielkość/ immense*). Важнейшие концепты, ассоциирующиеся с концептом *жизнь* (*смерть, радость, счастье, красота, любовь* и др.), отражены во всех 3-х языках неоднократно. Расхождения касаются количества реакций. Так, *смерть* встречается 99 раз, *smierć* 92, a*mort* занимает больше половины реакций французов – 267. Самыми радостными (31 реакция) и счастливыми (30 реакций) оказались поляки, у русских 20 и 17, у французов 17 и 9. Зато у русских *жизнь прекрасна*: 29 реакций(18 у поляков и 10 у французов). У русских с поляками больше совпадений в реакциях, чем с французами: *смерть, любовь, долгая, борьба*. Однако такие концепты, как *свобода* и *надежда*, не нашли отражения в реакциях русских. У русских *жизнь хороша* (23 реакции), а у поляков и французов нет соответствий.

В обратном словаре имеем следующие соотношения:

ЖИЗНЬ (54+381) ŻYCIE (37+384) VIE (105+750)[1].

Для экономии места, не приводя таблицы, подведу итоги. Важнейшим стимулом реакции *жизнь* является его антоним *смерть* (88), у поляков – *woda* (93), у французов – *existence* (288), хотя *śmierć*, *mort*, *la mort*, *mourir* тоже имеют высокий рейтинг: 47, 97, 57, 9 стимулов соответственно. На втором месте у русских *вода* (51), у французов *eau* – на 5-м месте (47). Стимулы *espoir* (69) + *espérer* (6) выше, чем *nadzieja* (12) и *надеяться* (2). Высокая частотность у стимулов *вечность* (25), *wieczność* (51), *éternel* (39). Стимул *człowiek* (26) у поляков превышает по количеству стимулы *человек* (11), а также *un être* (15) и *homme* (2)[2]. Во всех трех языках встречается стимул *счастье/ szczęście/ bonheur*, но с разной частотностью: 13, 9, 10. То же можно сказать о стимулах *жить* (4), *żyć* (3), *vivre, vivant* (30, 17); *время* (10),

[1] Первая цифра указывает на количество разных стимулов, вторая – на суммарное число появлений данной реакции во всем массиве стимулов.

[2] *Homme* относится только к мужчинам, в отличие от *человек* и *człowiek*.

czas (2), *temps* (12); *земля* (5), *ziemia* (21), *terre* (10); *душа* (8), *dusza* (2), *âme* (16); *хлеб* (12), *chleb* (14), *pain* (5); *путь* (10), *droga* (5), *chemin* (7); *мать* (8), *matka* (4), *mère* (5); *день* (4), *dzień* (6), *jour, journée* (5, 4); *молодой* (4), *młody* (2), *jeunesse, jeune, un jeune* (22, 6, 5); *деньги* (8), *pieniądze* (4), *argent* (1). Одинаковую частотность имеют *семья* (3), *rodzina* (3), *famille* (3). Стимул *любовь/ amour*, *aimer* имеется у русских и французов (13 и 13, 3), но почему-то его нет у поляков. Непонятно, почему стимул *Бог* (7) присутствует у русских и отсутствует не только у французов, но и у поляков. Стимул *родина* (3) находим лишь в языковом сознании русских. Только у поляков и французов имеются стимулы *wolny* (3), *liberté* (10). Лишь у французов есть стимул *vin* (4).

Подводя итоги, можно отметить, что в ассоциативных словарях отражены в основном парадигматические отношения в языковом сознании респондентов, например: *жизнь – смерть*. Такой общечеловеческий концепт, как **жизнь** находит близкое к адекватному выражение в реакциях и стимулах русских, поляков и французов. Важнейшие концепты, связанные с концептом *жизнь*, отражены во всех трех языках. Различие касается количества реакций и стимулов, а также отдельных реакций и стимулов, отражающих национальную специфику.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тарасов, Е. Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 24–32.
2. *Уфимцева, Н. В.* Методологические проблемы онтогенеза языкового сознания / Н. В. Уфимцева // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация : сб. ст. / Ин-т языкознания РАН. – Калуга : КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. – С. 217–226.
3. *Гумбольдт, В. фон*. Язык и философия культуры. / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. – М., 1985.
4. *Ушакова, Т. Н.* Языковое сознание и принципы его исследования / Т. Н. Ушакова // Языковое сознание и образ мира : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – С.13–23.
5. *Санчес Пуиг М.* Ассоциативные нормы испанского и русского языков / М. Санчес Пуиг, Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова. – М. ; Мадрид, 2001.
6. *Уфимцева, Н. В.* Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева [и др.]. – М., 2004.
7. Debrenne Michèle Le dictionnaire des associations verbales du français. – T. I – 227 p.; T. II – 455 p. – Новосибирск : Новосибир. гос. ун-т, 2010.
8. Le Petit Larousse illustré. – Paris : Larousse, 2005. – 1856 p.
9. *Gawarkiewicz, R.* Polski słownik asocjacyjny / R. Gawarkiewicz [et al.]. – Szczecin : Uniw. Szczeciński, 2008. – 113 s.

The paper considers the words *жизнь/ życie/ vie* as reactions and stimuli in Russian, Polish and French associative dictionaries. This human concept has almost adequate expression by Russians, Poles and Frenchmen in their reactions and stimuli.

ТЕКСТ И ДИСКУРС В КОНТРАСТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

О. М. Абдулхамид
Минск, МГЛУ

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗВАНИЯ РУБРИК НАВИГАЦИОННОГО МЕНЮ ГЛАВНЫХ СТРАНИЦ ОФИЦАЛЬНЫХ ВЕБ-САЙТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ
(на материале английского, арабского и русского языков)

В данной работе рассматриваются лингвистические и структурные особенности навигационного меню главных страниц официальных веб-сайтов университетов. На основе выборки эмпирического материала проводится сопоставительный анализ навигационного меню главных страниц на веб-сайтах англо-, арабо- и русскоязычных университетов.

Лингвистический компонент, так называемый контент, главных страниц официальных веб-сайтов вузов включает в себя два основных элемента: информационные ресурсы, представленные на сайте, как в письменном виде, так и аудио- и видеофайлами, т.е. в устной форме, и непосредственно текстовое содержание самого сайта. При этом влияние интернет-среды на язык не вызывает сомнения, что отмечается многими лингвистами, а также представителями других отраслей науки.

Компьютерная среда никак не влияет на языковую репрезентацию информационных источников, они полностью соотносятся с языковыми формами и жанрами любой традиционной среды (газета, публичная речь, отчет, устав и др.) [1].

Вместе с тем, по мнению А. Е. Войскунского, «Интернет превратился в своеобразную лабораторию испытаний над естественным языком: там язык растягивают, сжимают, перемешивают, разбавляют и проделывают множество других чудных (с ударением напервый слог) и чудных (с ударением на второй слог) операций», что, несомненно, отражается на появлении как измененных языковых форм, так и совершенно новых [2].

Рубрики, являясь ключевым структурным элементом, существуют для того, чтобы сортировать и группировать контент в различные разделы. С помощью рубрик на веб-сайте размещаются статьи различных тематик.

С указанных позиций нами был проведен сопоставительный анализ навигационных меню веб-сайтов, а именно названий рубрик 10 арабских, белорусских и британских сайтов университетов.

Существует набор разделов (рубрик), универсальных для разных национальных вузов (табл. 1). В то же время существует набор разделов, не являющихся универсальными (табл. 2).

Таблица 1

Удельный вес универсальных рубрик в константном меню главных страниц веб-сайта университетов

Рубрики сайтов университетов арабских стран	Рубрики сайтов университетов Беларуси	Рубрики сайтов университетов Великобритании	Перевод/значение
(9) الرئيسية	Главная (5)	Home (2)	Главная
(9) عن الجامعة	Об университете (9)	About (10)	Об университете
(7) إدارة الجامعة	Ректорат (4)	Staff (4)	Ректорат
(8) الكليات والاقسام	Факультеты (8)	Faculties and departments (5)	Факультеты, отделения
(5) البحث العلمي	Научная деятельность (9)	Research (10)	Научная деятельность
(1) المكتب	Библиотека (6)	Library (5)	Библиотека

Таблица 2

Удельный вес неуниверсальных рубрик в константном меню главных страниц веб-сайта университетов

Рубрики сайтов университетов арабских стран	Рубрики сайтов университетов Беларуси	Рубрики сайтов университетов Великобритании
40	14	17

Доли стандартных рубрик в константных меню арабских, белорусских и британских университетских сайтов, представленных в табл. 1, в основном, совпадают. Однако основное меню белорусских и британских сайтов более стабильно по составу, в то время как на арабских сайтах одни и те же рубрики встречаются в константных меню разного уровня.

Кроме того, некоторые рубрики, универсальные, а значит, важные для арабских сайтов, редко встречаются на белорусских и британских сайтах и наоборот. Так, для большинства сайтов арабских стран характерны рубрики: *إدارة الجامعة* ‘ректорат’, *إتصل بنا* ‘обратная связь’, *الاصدارات* ‘издательства’, для белорусских и британских сайтов это нехарактерно. И, напротив, на всех белорусских и британских сайтах есть рубрика *студенты*, которая отсутствует в главном меню сайтов арабских университетов.

Табл. 2 демонстрирует нам, что существует набор разделов, не являющихся универсальными, а значит, они встречаются иногда на белорусских и британских сайтах, на арабских же сайтах их не найдешь. Зато там существуют такие рубрики, как *наше послание,* что связано с религией. В исламе образование занимает важное место и является миссией. В то же время для британских сайтов характерно наличие таких рубрик, как *бизнес*, *инновация*. А для белорусских – *одно окно*, *иностранному абитуриенту.*

Таким образом, анализ навигационного меню главных страниц сайтов показал, что для концепции сайтов арабских университетов характерна маловариативная, единообразная структура меню, гендерная-политкорректность при рубрикации целевой аудитории сайта. Сайты белорусских и британских вузов характеризуются достаточно высокой степенью вариативности меню, а также языковой унифицированностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Морозова, О. Н.* Особенности лингвистического контента современных британских персональных сайтов / О. Н. Морозова. – Пушкин : 2011. –146 с.
2. *Войскунский, А. Е.* Развитие речевого общения как результат применения Интернета / А. Е. Войскунский // Социальные и психологические последствия применения информационных технологий: интернет-конференция / HP-Портал; Сообщество профессионалов; МГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.hr-portal.ru/article/razvitierechevogo-obshcheniya-kak-rezultat-primeneniya-interneta. – Дата доступа : 09.02.2016.

The linguistic and structural features of the navigation menu of the main pages of official websites of universities are considered in this work.

П. П. Глазко, А. С. Никишина
Минск, МГЛУ

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ СВЯЗНОСТИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ЭССЕ

В исследовании определено соотношение понятий *когезия* и *когерентность*, рассмотрены связность и цельность как центральные смысло- и текстообразующие категории дискурса. В процессе анализа способов актуализации этих категорий в академических эссе на английском языке выявлены и систематизированы лексико-семантические (гиперо-гипонимические группы, повтор ключевых слов и словосочетаний, слова одних тематических групп, синонимы, антонимы, дейктические и модальные слова) и грамматические средства связности (порядок слов, видо-временные формы глаголов, синтаксический параллелизм), а также их функции.

Категория связности лежит в основе построения дискурса и текста как продукта речевой деятельности. Связным является «такой отрезок текста, который содержит в себе информацию, заложенную в предшествующих компонентах текста» [1, с. 250]. В категории связности различают формообразующий и смыслообразующий аспекты, которые имеют название «формальная когезийность» и «смысловая когерентность».

Термин «когезия» был введен в лингвистический оборот М. А. К. Холлидеем и Р. Хасаном в монографии «Когезия в английском языке». Под когезией лингвистами понимается «набор значимых отношений, который является общим для всех текстов, который различает текст от не-текста и который

служит средством обнаружения взаимозависимости содержания отдельных отрезков» [2, с. 101]. Иными словами, функцией когезии не является установление того, что сообщается в тексте; она направлена на выявление того, как текст организован в семантическое целое. При этом авторы поясняют, что внутритекстовыми отношениями когезии являются отношения между двумя и более элементами в тексте, независимо от их структурной оформленности. В монографии выделяются пять основных средств когезии: «reference» (референция), «substitution» (субституция), «ellipsis» (эллипсис), «conjunction» (конъюнкция), «lexical cohesion» (лексическая когезия) [2, с. 109]. Отечественный лингвист И. Р. Гальперин предлагает более широкую трактовку этого понятия, а именно, под когезией следует понимать «особые виды связи, обеспечивающие континуум, т.е. логическую последовательность, (темпоральную и/или пространственную) взаимосвязь отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» [3, с. 74]. Таким образом, когезия представляет собой структурную связность, которую еще называют формальной или линейной, она охватывает формально-грамматические аспекты связи высказывания внутри текста.

Отношения когезии определяются референцией, и референтом связного текста является «некая ситуация действительности, которая осмысливается воспринимающим объектом как единая картина» [4, с. 197]. Поэтому смысловая связность приобретает референциальный характер, что находит выражение в отношении языковой единицы к внеязыковому объекту и отношении одной языковой единицы к другой. Согласно распространившемуся в последние годы дискурсивному подходу связность устанавливается уже на начальной стадии производства дискурса; она берет начало от пропозиций во внутренней речи и заканчивается наборами высказываний в коммуникации. Являясь необходимым условием успешности коммуникации, связность способствует адекватной декодировке текста адресатом.

В современных работах по лингвистике принято различать понятия когезии и когерентности. Термин *coherence*, или *целостность*, появился в лингвистике позже и является менее исследованным, однако сейчас он активно используется в лингвистике. Т. ван Дейк в своих исследованиях рассматривает термины *local coherence* (локальная когерентность) и *global coherence* (глобальная когерентность). Локальную когерентность обеспечивают языковые средства, которые выполняют связующую функцию (повтор элементов текста с одинаковым объектом референции, но различными формами лексической реализации (субституции), дословный повтор однажды упомянутого элемента в последующем тексте (рекурренции), дейктических элементов, конъюнкции, эллиптических структур и синтаксического параллелизма) [5, p. 57]. Таким образом, Т. ван Дейк рассматривает локальную когерентность в качестве квазисинонима термина *cohesion* ‘связность’ [6, с. 156]. Под глобальной когерентностью он понимает отношение каждого конкретного высказывания к общему плану коммуникации.

В современной русскоязычной лингвистике текста принято считать, что когеренция шире когезии, она означает понятийно-смысловую цельность текста, тогда как когезия является формально-грамматической связанностью дискурса. Когезию считают эксплицитной формой текстовой связности, отражающей имплицитную категорию последовательности (когерентности). Когерентность заключается в логико-семантической соотнесенности и взаимосвязи входящих в текст предложений; содержательная связность (когерентность) также называется смысловой или семантической.

Содержательную структуру текста можно рассматривать в трех измерениях: вертикальном, горизонтальном, глубинном. Вертикальная структура представляет собой формально-тематическое содержание, начиная с темы текста, которая развертывается во все более мелких фрагментах текста: подтемах, субподтемах, микротемах. Говоря о вертикальной структуре, связанной с когерентностью текста, можно выделить два смысловых понятия: тема и рема. Тема является исходным пунктом сообщения, это то, что известно собеседнику, а рема – главный смысловой текст сообщения, новая информация, ради которой сообщение создано.

Горизонтальная структура создается формальными и смысловыми связями между высказываниями. Для формальной связности текста (когезии) используются различные языковые средства: союзы, повторы, слова-заместители, согласование временных и др. форм. Когерентность (смысловое единство текста) достигается логической последовательностью, использованием стереотипных формул (*итак*, *следовательно*, *подведем итоги* и др.), ссылками к другим частям.

Глубинная структура содержания текста отражает процесс построения речевых высказываний и включения их в текст. В каждом высказывании языковые средства отбираются и организуются таким образом, чтобы интерпретировать значения относительно друг друга и относительно обозначаемой ими реальности. Однако глубина понимания и языковое содержание могут быть неодинаково восприняты разными коммуникантами вследствие отсутствия необходимых знаний.

Сравнивая связность и цельность (формальную и семантическую составляющие, когезию и когерентность), их интерпретацию различными лингвистами, можно сделать вывод о приоритетном положении цельности. Анализ текста от «связности к цельности» не всегда приводит к его пониманию, движение от «цельности к связности», наоборот, предполагает движение от целого к частям, и существует возможность понять текст в целом. Однако такое понимание текста возможно только при исследовании связности, что говорит о взаимодополняемости этих категорий.

В качестве практического материала исследования нами были использованы тексты академических эссе на английском языке, отобранные из пособий для подготовки к международным экзаменам IELTS.

В результате проведенного контекстуального и количественного анализа было установлено, что в академическом дискурсе лексико-семантический повтор – основное средство связности (76 %), в котором преобладают эле-

менты гиперо-гипонимических групп (22 % от общего числа средств связности). Каждое эссе характеризуется наличием слов одной, реже двух тематических групп, которые при повторении связывают текст в единое целое (20 %). Количество синонимов и антонимов примерно одинаково в процентном соотношении (7 % и 6 %). Повторы в виде ключевых слов и словосочетаний составляют 21 %, однокоренных слов 5 %.

Среди грамматических средств связности можно выделить, прежде всего, единство видо-временных форм глагола и синтаксический параллелизм конструкций. В рассмотренных эссе чаще всего употребляются глаголы несовершенного вида (около 80 % от всех глаголов), а также отсутствуют конструкции «личное местоимение 1 лица ед. числа + глагол в личной форме», что является особенностью академического дискурса. Формы глаголов прошедшего времени используются при обращении к фактическим данным и событиям прошлого. Чаще всего употребляемые формы настоящего и прошедшего времени указывают на закономерность описываемого явления и в контексте приобретают вневременное, обобщенное значение. В целом имена существительные и прилагательные преобладают над глаголами, частое использование этих частей речи, а также конструкций с цепочкой слов в форме родительного падежа объясняется высоким информативным весом, что очень важно для научного изложения.

Каждое эссе характеризуется наличием вводных слов (от двух до восьми), что составляет в общем 6 %, а также небольшим количеством модальных слов (0,8 %), что подтверждает слабую выраженность личности говорящего и его отношения к предмету речи.

Использование дейксиса в виде местоимений, локативных и временных выражений, выполняющих текстообразующую, заместительную функцию, составляет 11 %, что говорит о значительной роли дейктиков в создании когерентности текста. Количество союзных слов в начале предложения, выполняющих функцию соотнесения текстовых фрагментов и высказываний, – 1,3 %.

Лексико-семантические и грамматические средства связности выполняют определенные функции в научном дискурсе.

В научных текстах наиболее широко представлена связь посредством лексического повтора, что обусловлено устойчивостью терминологии, стремлением к однозначности, точности смысла. Благодаря повторению слов или словосочетаний происходит усиление их роли в тексте и фиксирование внимания читателя. Повтор подчеркивает важные мысли, упорядоченность построения высказывания. Кроме буквального лексического повтора, встречается повтор однокоренных слов, использование синонимов, антонимов.

Синонимы выполняют в тексте разнообразные функции. Одной из важнейших является функция замещения, позволяющая избежать повторения слов и делающая текст более выразительным. Кроме этого, синонимы могут использоваться для уточнения мысли, сопоставления понятий, при этом подчеркиваются различия в их семантике. В случае противопоставления понятий резко выделяется их различие и сильно подчеркивается второй

синоним. Для характеристики разных оттенков явления, передачи интенсивности действия, разнообразия его проявления используется градация – сочетание синонимов, когда последующий синоним усиливает значение предшествующего.

Антонимы обнаруживают определенную близость и располагаются в одной семантической сфере, при их употреблении речь идет о предметах и явлениях одного рода. Антонимия свойственна терминологической лексике в большей степени, чем общелитературной. Это объясняется условиями формирования научных понятий, которые чаще всего возникают парами. Функции антонимов – построение антитезы (контраста), подчеркивание полноты охвата изображаемого, для этого используется нанизывание антонимических пар.

Слова в научных текстах могут вступать и в гиперо-гипонимические отношения, в которых гиперонимом является слово с родовым значением, а гипонимом – с видовым. В создании связности академического эссе большую роль играют тематически близкие термины, между которыми существуют семантические связи. Повторяясь в тексте, семы (элементарные значения, из которых складывается лексическое значение) составляют тематическую сетку, благодаря которой устанавливаются смысловые связи между высказываниями текста.

Еще одним частотным видом лексической связи служит дейксис – замена местоимением слов или словосочетаний. Его функции – удаление стилистического однообразия, сохранение терминологической точности, а при замене целых высказываний или их частей обеспечиваются краткость и информационная емкость. При этом может происходить перемена аспекта изложения, переход к оценке, пояснение.

Таким образом, рассмотренные лексические повторы и замены создают тематическое единство текста.

Грамматические средства связи (союзы, союзные слова, вводные слова и словосочетания, наречия) отражают широкий спектр отношений (условных, причинно-следственных, уступительных, сравнительных), их функция – создание логической и композиционной организации текста. Языковые скрепы помогают композиционно построить текст, пояснить способ рассмотрения автором проблемы, сделать вывод, подвести итог, конкретизировать, уточнить что-либо. Вводные слова не имеют собственных синтаксических связей с предложением, но входят в его состав и дают дополнительную характеристику содержанию данного предложения. Они являются выражением модальности как одного из свойств научного текста.

Исследуя функционально-семантическое значение вводных слов, можно выделить их прагматические функции:

1) введение в проблематику, постановку проблемы: *interestingly* (интересно);

2) перечисление, добавление: *finally* (в конце концов)*, in addition, additionally* (в дополнение, вдобавок)*, moreover* (более того)*, also* (также)*, furthermore* (кроме того, также, помимо этого) ;

3) усиление, подчеркивание, акцентирование: *more importantly* (более важно), *most importantly* (наиболее важно), *chiefly* (в основном), *indeed* (на самом деле), *in fact* (фактически), *primarily* (в первую очередь), *no doubt* (бесспорно, несомненно), *it should be pointed out* (следует отметить), *in any case* (в любом случае);

4) объяснение, толкование: *this means* (это означает), *namely* (а именно);

5) переформулировка, перефразирование: *in simple, in other words* (другими словами);

6) противопоставление, контраст: *nevertheless* (тем не менее), *however* (однако): *in particular, on the one hand, on the other hand* (с другой стороны), *in contrast* (для сравнения), *on the contrary, conversely* (наоборот), *at the same time* (в то же время), *still* (тем не менее), *even though* (даже несмотря на то, что), *despite, in spite of* (несмотря на то, что);

7) источник информации: *it has been reported* (как сообщалось), *as mentioned above* (как уже упоминалось выше);

8) пример: *for example, for instance* (например), *specifically* (а именно);

9) степень достоверности: *presumably* (предположительно), *apparently* (по-видимому), *undoubtedly* (несомненно);

10) повторение: *in other words* (иными словами), *in effect* (в действительности, на самом деле), *that is* (то есть), *in short* (вкратце);

11) заключение, вывод: *thus* (таким образом), *consequently* (следовательно), *therefore* (вследствие этого), *as a result, resulting in* (в результате) *finally, in the end* (наконец, в заключение), *in summary (в итоге), in general* (в целом).

Использование вводных слов позволяет автору выразить собственную позицию, избежав при этом личностных оценок и характеристик информации, что укладывается в стилистические нормы научного дискурса. К ним примыкают клишированные выражения связи – предложения, служащие для соединения частей текста.

Основными грамматическими средствами связи в научном тексте является порядок слов, синтаксический параллелизм, употребление определенных видо-временных форм глагола.

Порядок слов выполняет текстообразующие функции. Для академического эссе является характерным нейтральный порядок слов, когда тема располагается в начале предложения, а рема – в конце. Связь посредством синтаксического параллелизма обеспечивает смысловое единство текста и выполняет функцию выделения и усиления информативно насыщенных фрагментов текста.

Рассмотренные языковые средства облегчают и упрощают переход от внешней формы к цельности текста, они создают как бы готовые формы, заполняемые научным содержанием. При этом содержание структурируется и выражается в виде смысловых блоков разной степени обобщенности.

Таким образом, при построении научного текста языковые средства обеспечивают выполнение главной задачи – достижение смысловой однозначности и структурной цельности, обусловленной потребностями научной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурчакова, Д. О.* О связности в устных коммуникациях / Д. О. Бурчакова // Синтаксис текста : сб. ст. – М., 1979. – С. 248–262.
2. *Холлидей, М. А. К.* Когезия в английском языке / М. А. К. Холлидей, Р. Хасан // Исследования по теории текста: реферативный сборник. – М., 1979. – С. 108–115.
3. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с.
4. *Назарук, Ю. А.* Категория связности в аспекте внутритекстовой повторной номинации / Ю. А Назарук // Вестн. СамГУ. – 2006. – № 10/2 (50). – С. 197–203.
5. *Dijk, T. A. van.* Discourse and Context. A sociocognitive approach / T. A. van Dijk. – Cambridge : Cambr. Univ. Press, 2008. – 288 p.
6. *Жучкова, И. И.* О сущности и специфике использования терминов «cohesion» (связность) и «coherence» (цельность) в англоязычном и русском языкознании / И. И. Жучкова // Вектор науки ТГУ. – 2014. – № 3 (29). – С. 155–159.

The article deals with the linguistic means of representation of the category of cohesion in modern academic discourse. The results of the analysis elucidate the frequency as well as functions of lexical and grammatical means in question.

О. О. Графутко
Минск, МГЛУ

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИИ ПРЕЗРЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена рассмотрению эмоции презрения и лексических средств ее передачи в художественном дискурсе. Выявляются единицы называния, описания и выражения данной эмоции в речи автора и персонажей. Анализируются сходства и различия лексического представления презрения в английском и белорусском языках. Установлено, что единицы называния презрения встречаются преимущественно в авторской речи, бранная лексика — преимущественно в речи персонажей в белорусскоязычном дискурсе и относительно равно представлена в авторской и прямой речи – в англоязычном. В обоих языках выявлены лексемы, сочетающие отрицательную оценку и презрение.

Многолетний интерес к эмоциям со стороны самых разных исследовательских дисциплин неудивителен, ведь эмоции пронизывают различные аспекты нашей жизни и порой даже управляют ею [1]. Разумеется, не последнюю роль в этом играет трансляция эмоциональных переживаний средствами языка.

В данной статье рассматривается эмоция презрения и лексические средства ее репрезентации в художественном дискурсе на материале современных англоязычных (американских) и белорусскоязычных романов («Purity» J. Franzen, «The New Republic» L. Shriver, «Марыянеткі і лялькаводы» М. Южык, «Цень анёла» М. Клімковіч, У. Сцяпан). Некоторые ученые

включают эмоцию презрения в список фундаментальных эмоций человека [2; 3], поскольку ее невозможно разложить на более простые эмоциональные составляющие. Данная эмоция считается социальной [4], т.е. ее преимущественно чувствуют по отношению к другим людям и их поступкам [1]. В самом деле, мы испытываем презрение к тому, кто совершает недостойные, с нашей точки зрения, действия, кто хуже нас в чем-то или ниже положением, т.е. оно сопровождается ощущением превосходства, в частности – морального, хотя презрение можно испытывать и к человеку с более высоким социальным положением, но не обладающему другими, более важными характеристиками, например, честностью [3]. Интересно отметить, что, несмотря на переживание человеком, испытывающим презрение, положительного чувства собственного превосходства, данная эмоция считается отрицательной [3; 5; 6], т.к. содержит низкую оценку объекта презрения, а ее открытое выражение, как правило, считается социально неприемлемым, хотя, например, М. Белл отказывается от однозначного отнесения презрения к негативным эмоциям [7].

Отбор материала исследования проводился методом сплошной выборки. В список включались единицы, в дефинициях которых присутствовало прямое называние эмоции презрения, или единица, развертывание определения которой обнаруживало эту эмоцию, например: *to sneer* ‘ухмыляться’ – ‘to smile or laugh with facial contortions that express scorn or **contempt’** (улыбаться или смеяться с мимикой, выражающей насмешку или презрение) [8], *a swine* ‘свинья’ – ‘a person regarded by the speaker with **contempt** and disgust’ (человек, к которому говорящий относится с презрением и отвращением) [9]; *чхаць* – не звяртаць увагі; выказваючы **пагарду**, знявагу ў адносінах да каго-н. [10]. Кроме того, для белорусского языка принималась во внимание словарная помета «пагардлівае», например: *набрыдзь* – (абласное слова, пагардлівае) зброд [10]. В список также включались единицы, в дефинициях которых содержалось указание на более высокое положение субъекта оценки или более низкое – объекта: *condescending* ‘снисходительный’ – ‘having or showing a feeling of patronizing **superiority**’ (испытывающий или проявляющий чувство высокомерного превосходства) [9]. Также анализу подвергались слова, определение которых не содержит эксплицитного указания на эмоцию презрения, однако которые приобретали такой эмотивный оттенок в контексте.

Для анализа было отобрано 174 единицы на английском языке и 167 – на белорусском, встретившиеся как в авторской, так и в прямой речи. В данный список вошли лексемы, называющие, описывающие и выражающие эмоцию презрения. Были выявлены следующие особенности ее проявления.

Наиболее очевидным средством представления рассматриваемой эмоции в дискурсе является ее называние, для чего используются как существительные – имена эмоций, так и производные от них прилагательные, глаголы, наречия: *contempt* ‘презрение’, *reproach* ‘осуждение’, *disdain* ‘презрение, пренебрежение’, *sarcasm* ‘сарказм’, *condescending* ‘снисходительный’ и др., к примеру: *Edgar had **contempt** for New Age confessionalism* ‘Эдгар презирал эзотерический конфессионализм’ (здесь и далее перевод наш, если не указано иного – *О. Г.*)’ [11, p. 62]*; пагардліва, саркастычна, з’ездліва* и др.,

например: *Це, це, це, –* ***пагардліва*** *адмахнуйся ад яго суразмоўнік* [12, с. 36]. Единицы данного типа составили 26,5 % от всего числа отобранных единиц на английском языке и 7,8 % – на белорусском. Примечательным также является следующее: большинство единиц называния исследуемой эмоции содержалось в речи автора. Как отмечает К. Изард, презрение – это «холодная» эмоция, ей не свойственно бурное проявление, как, например, гневу [3]. Более аналитический, рациональный характер данного переживания, вероятно, является причиной большой представленности лексем, называющих презрение и его оттенки, именно в авторской речи, которая имеет объяснительный, уточняющий, комментирующий характер. Необходимо также отметить, что в англоязычной выборке выше не только общее количество единиц называния, но и их разнообразие.

Важным компонентом любого эмоционального переживания является его мимическое и голосовое выражение, также находящее отражение в тексте романов. К дистинктивным мимическим показателям презрения относят приподнятую вверх губу, сжатые уголки губ, усмешку, приподнятые брови [1; 3]. В рассмотренном материале данный способ передачи презрения встретился в 5,2 % в английском языке и 4,8 % – в белорусском, например:

•**губы**: *The younger officer returned and handed Andreas's ID to the senior, who examined it* ***with his lip curled*** 'Вошел младший офицер с удостоверением Андреаса и протянул его старшему. Кривя губу, тот изучил его еще раз[1]' [13, p. 80]*;* ***скрывіў*** *тонкія* ***вусны*** *Альшанскі* [14, с. 38];

•**усмешка**: *She* ***smirked****. "Is there a God?"* 'Ее губы тронула усмешка. – А Бог существует?[2]' [13, p. 82]*; з ледзь улоўнай* ***крывой усмешкай*** **[**12, с. 2**]**;

•**манера говорения**: *"How can you arrest the buggers if you can't flipping find one?" Ordway* ***sneered*** *in Edgar's direction* '– Как арестовать этих мерзавцев, если их, черт возьми, невозможно найти? – насмешливо сказал Ордвей, глядя на Эдгара' [11, p. 534]; *– Хрэн калі мы станем такімі! –* ***фыркнуў*** *мастак* [12, с. 37].

Важным средством выражения презрения является обсценная и оскорбительная лексика, позволяющая красочно сообщить о переживаемой эмоции, принизить человека, которого говорящий считает достойным порицания, к примеру: *It's a* ***crap*** *world, isn't it?* 'Этот мир – дерьмо, согласна?[3]' [13, p. 229]; *Твая работа,* ***падла*** *старая?* [15, с. 77].

В художественном дискурсе на двух языках были установлены некоторые различия в употреблении средств выражения презрения. Во-первых, единицы в англоязычной выборке обладают более высокой степенью непристойности и вульгарности (названия гениталий, экскрементов и т.п.), что может объясняться большей раскованностью англоязычных авторов и самих носителей языка, а также более широкими рамками того, что считается допустимым в художественном отображении. К примеру, С. Койн с коллегами

[1] Перевод по изданию: Франзен, Дж. Безгрешность : роман / Дж. Франзен ; пер. : Л. Ю. Мотылев, Л. Б. Сумм. – М., 2016. – 736 с. – С. 50.

[2] Там же. С. 52.

[3] Там же. С. 149.

пишет о том, что употребление нецензурных выражений распространено не только в произведениях, рассчитанных на взрослую аудиторию, но даже в американских романах для подростков [16].

Во-вторых, в материале на белорусском языке выявлено более чем в 2 раза отдельных грубых и вульгарных лексем с относительно невысоким процентом употребления каждой (16 лингвоспецифичных, общий процент в выборке – 25,9) по сравнению с английскими единицами (7 лингвоспецифичных, процент в выборке – 38,3), у которых более высокое количество употреблений. Причиной, вероятно, является более широкая семантика вульгарных выражений, что позволяет в англоязычном дискурсе использовать одно и то же ругательство в целом ряде ситуаций, в то время как в белорусскоязычном дискурсе возникает необходимость конкретизации при помощи разных лексем: к примеру, в англоязычном дискурсе встречается 12 словоупотреблений *asshole* ‘урод’ – ‘a stupid, annoying, or detestable person’ (глупый, раздражающий или омерзительный человек) [8], в то время как в белорусскоязычной выборке для выражения той же идеи используются лексемы *гад, падла, засранец, сволач, чорт* и т.д.

В-третьих, распределение обсценной лексики в англоязычных романах оказалось приблизительно равномерным в речи автора и персонажей, в то время как в белорусскоязычной выборке почти все подобные единицы звучали из уст героев, а не автора. Данное обстоятельство, возможно, обусловлено ролью, которая отводится автору – объективный или субъективный комментатор происходящего, а также литературными нормами, существующими для художественной литературы: как правило, в белорусской литературной традиции вкрапления разговорного стиля допустимы лишь в репликах персонажей для создания более достоверного и правдоподобного образа того или иного героя.

Огромным потенциалом для передачи презрения обладают также единицы, выражающие отрицательную оценку. Среди разнообразных отрицательно окрашенных оценочных лексем были выделены три дистинктивные группы, связанные с метафоризацией отрицательных качеств комментарием о низких умственных способностях и нарушениях норм.

Метафоризация является эффективным средством передачи самых разных эмоций. Рассматриваемая эмоция презрения в изученных романах реализуется в ситуациях, когда человек приравнивается в речи к животному: в англоязычной выборке общее число таких случаев составило 3,4 %, например, *swine* ‘свинья’*, a cow* ‘корова’*, the baboon face* ‘обезьянье лицо’ – *The flight attendant was a* ***cow****, and her cart was out of light beer* ‘Стюардесса была коровой, а в ее тележке не было светлого пива’ [11, p. 85]. В белорусскоязычном художественном дискурсе подобные лексемы составили 7,2 %, к примеру, *звер, жывёла, скацінка, свінюк, шчанюк, кабель, казёл – І што, ён лепшы за мяне?* ***Шчанюк*** [15, с. 69]. Универсальность процесса метафоризации объясняет повторяемость выявленных лексем в обоих языках.

Презрение также может вызывать интеллектуальная ограниченность объекта эмоции. Так, в романах на английском языке о презрении свидетель-

ствовали следующие лексемы, составившие 1,7 % от общей выборки: *dullard* ‘тупица’, *moron* ‘болван’, *buffoon* ‘шут’ – *He meant, I can’t wait to watch you fall flat on your face, you presumptuous* ***dullard*** ‘Он имел в виду «Мне не терпится увидеть, как ты опозоришься, заносчивый тупица»’ [11, p. 122]. В выборке на белорусском языке лексемы, описывающие интеллектуальный уровень, составили 4,8 %, например, *тупагаловы, дурны/дурань, ёлуп, бязглузды – Ну, бабы* ***дурныя****, я табе скажу. Ведаеш, які пароль паставіла?* [14, с. 46].

В психологии существует мнение, что одной из функций презрения является укрепление социальных норм и групповой конформности [3]. Как показывает анализ, презрение зачастую присутствует как дополнительный эмоционально-оценочный компонент в лексике, обозначающей нарушение или отклонение от общепринятых норм, например: *sleaze* ‘низкий человек’, *scoundrel* ‘негодяй’, *traitor* ‘предатель’, *dirtbag* ‘мерзавец’, *scumbag* ‘подлый, презренный человек’ – *Listen to me,* ***dirtbag*** ‘Слушай, ты, поганец[1]’ [13, p. 109]; на белорусском языке: *здраднік, злыдзень, вырадак, шарлатан, падонак – Ну-ну, пашукай. Я адразу адчуў, нячыста ў вас. Пся кроў.* ***Здраднікі*** [14, с. 63]. В белорусскоязычной выборке процент подобных единиц почти в 2 раза больше (28,1 % против 15 % – в англоязычной) – вероятно, это можно объяснить разной накаленностью эмотивных ситуаций презрения – чем выше накаленность, тем вероятнее появление большего количества презрительных оценочных лексем. В этой связи примечательно замечание П. Стернса (P. Stearns) о тенденции к «ослаблению эмоций» (the dampening of passions) в американском обществе [17].

Таким образом, рассмотрение эмотивных лексических единиц, выражающих презрение, привело к выводу о том, что в обоих языках используются схожие группы слов, отличается лишь их количественная представленность. Для англоязычного художественного дискурса в большей мере присуща тенденция называть эмоцию презрения, чем для белорусскоязычного. Вместе с тем англоязычные авторы активно передают презрение нецензурной лексикой, в отличие от белорусскоязычных, что объясняется существующими в обществе социокультурными и литературными нормами. В целом белорусскоязычным романам характерна бóльшая эмоциональная накаленность, проявляющаяся в преобладании лексем, выражающих, а не называющих презрение, в то время как в англоязычных соблюдается баланс единиц, называющих и выражающих эмоции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Экман, П.* Психология эмоций / П. Экман. – 2-е изд. – СПб., 2010. – 334 с.
2. *Damasio, A.* The Feeling of what Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness / A. Damasio. – N.Y. : Harcourt Brace, 1999. – 386 p.

[1] Перевод по изданию: Франзен, Дж. Безгрешность : роман / Дж. Франзен ; пер. : Л. Ю. Мотылев, Л. Б. Сумм. – М., 2016. – 736 с. – С. 70.

3. *Изард, К. Э.* Психология эмоций / К. Э. Изард. – Санкт-Петербург : Питер : Лидер, 2011. – 460 с.
4. *Гоулман, Д.* Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э. Макки. – М. : Альпина Паблишер, 2015. – 301 с.
5. *Ekman, P.* Basic Emotions / P. Ekman // Handbook of Cognition and Emotion / eds. T. Dalgleish, M. Power. – Chichester : John Wiley & Sons, 1999. – Ch. 3. – P. 45–60.
6. *Fischer, A.* Contempt: A Hot Feeling Hidden under a Cold Jacket / A. Fischer // Re-constructing Emotional Spaces: From Experience to Regulation. – Prague : Prague College of Psychosocial Studies Press, 2011. – P. 77–87.
7. *Bell, M.* Hard Feelings: The Moral Psychology of Contempt / M. Bell. – N.Y. : Oxford Univ. Press, 2013. – 320 p.
8. Merriam-Webster's Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.merriam-webster.com. – Дата доступа : 06.08.2017.
9. Oxford English Living Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://en.oxforddictionaries.com. – Дата доступа : 23.08.2017.
10. Электронный русско-белорусский словарь «Скарнік» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.skarnik.by. – Дата доступа : 09.09.2017.
11. *Shriver, L.* The New Republic : A Novel / L. Shriver. – N.Y. : Harper Perennial, 2012. – 690 p.
12. *Южык, М.* Марыянеткі і лялькаводы [Электронны рэсурс] / М. Южык. – Рэжым доступу : http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=16458. – Дата доступу : 07.04.2017.
13. *Franzen, J.* Purity : A Novel / J. Franzen. – N.Y. : Farrar, Straus and Giroux, 2015. – 563 p.
14. *Клімковіч, М.* Цень Анёла : раман / М. Клімковіч, У. Сцяпан // Маладосць. – 2008. – № 2. – С. 37–70.
15. *Клімковіч, М.* Цень Анёла : раман / М. Клімковіч, У. Сцяпан // Маладосць. – 2008. – № 1. – С. 49–81.
16. "A Helluva Read": Profanity in Adolescent Literature [Электронный ресурс] / S. Coyne [et al.]. – Режим доступа : https://www.researchgate.net/publication/239795865_A_Helluva_Read_Profanity_in_Adolescent_Literature. – Дата доступа : 14.09.2017.
17. *Stearns, P.* American Cool: Constructing a Twentieth-century Emotional Style / P. Stearns. – N.Y. : New York Univ. Press, 1994. – Ch. 5. – P. 139–182.

The article is devoted to the study of lexical means that represent contempt in English and Belarusian fictional discourse. Similarities and differences of their use in the author's and characters' speech are analyzed and explained.

И. В. Дмитриева
Минск, МГЛУ

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТИПОВ ИНФОРМАЦИИ В НАУЧНО-УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ

Анализ научно-учебных текстов показывает современные тенденции в языковом оформлении текстовой информации, выявляя отличия аутентичных, советских и постсоветских учебных изданий. Отмечается разная степень проявления признаков научного стиля, изменения в предикативных и пропозитивных структурах, формирование новых для данной разновидности текстов информационных пластов.

Одной из общепризнанных категорий текста является информация, или информативность, которая связана с тем, что текст обладает способностью нести в себе знания о мире, передавать некое сообщение. Понятие текстовой информации очень широко, и это приводит к выделению разнообразных видов информации. Остановимся здесь на видах, выделенных И. Р. Гальпериным на основании критерия прагматического назначения: содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая информации [1, с. 27–28]. В понимании автора содержательно-фактуальная информация всегда эксплицитна, т.е. выражена вербально, содержательно-концептуальная информация не всегда выражается с исчерпывающей ясностью, а содержательно-подтекстовая информация – это скрытая факультативная информация, извлекаемая из содержательно-фактуальной благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также способности предложения, включенного в состав сверхфразового единства и текста, приращивать смыслы.

Актуализация этих видов информации в научно-учебных текстах связана, прежде всего, с прагматическим назначением и сферой функционирования данных типов текстов. Функциональное предназначение научно-учебного текста состоит в том, что он выступает как средство хранения, передачи и развития научных знаний. Специфика категории информативности в них выражается в информационной насыщенности научно-учебного текста, в его содержании, соотносящемся с какой-либо определенной областью науки, в способах представления объектов и данных этой науки и т.д. Поскольку первоочередная задача текстов учебных изданий – это передача знаний в доступной и адекватной условиям академической коммуникации форме, доминанта эксплицитной содержательно-фактуальной информации является вполне ожидаемой, поэтому именно она и составляет основной предмет представляемого исследования.

Содержательно-фактуальная информация в научно-учебных текстах есть информация о фактах той или иной области знания, это предметно-логическая информация, которая формирует ментальную схему определенной содержательно-предметной сферы. Формализация осуществляется посредством пропозитивных структур, которые в полном или компрессированном

виде (свернутые/сжатые пропозиции) представляют основные семантические компоненты. Здесь проявляется онтологическая связь между содержательно-фактуальной, в терминах И. Р. Гальперина, и пропозитивной, в терминах А. Т. Баранова [2], информацией. При этом эксплицитность в некоторой степени утрачивает свой статус ингерентного свойства содержательно-фактуальной информации, поскольку в случаях свернутых пропозиций информация об одном или нескольких номинативных компонентах может отсутствовать в плане выражения, сохраняясь в плане содержания. В этом случае можно говорить о семантико-синтаксической импликации, когда имплицированные номинативные компоненты могут быть восстановлены на базе имеющихся синтаксических и семантических внутрипредложенческих и/или внутритекстовых связей. Основная линия коммуникативного развития текста, как правило, соотносится с полными пропозитивными структурами, в то время как дополнительные информационные линии реализуются посредством свернутых пропозиций. На синтаксическом уровне это проявляется в использовании простых (монопропозитивных и монопредикативных), осложненных (полипропозитивных, но монопредикативных) или сложных (полипропозитивных и полипредикативных) предложений.

Анализ текстов аутентичных и неаутентичных (советских и пост-советских) учебных изданий по грамматике английского языка за период с 1960 по 2010 г. позволил выявить основные тенденции в языковом оформлении содержательно-фактуальной информации. В сопоставительном плане аутентичные тексты в меньшей степени демонстрируют признаки научного стиля. В них достаточно равномерно используются активные и пассивные структуры, преимущественно в составе монопропозитивных и монопредикативных предложений. Вторыми по частотности оказываются полипропозитивные и полипредикативные предложения с сочинительной связью.

Диахронический обзор неаутентичных учебных изданий показывает определенные изменения в способах вербализации содержательно-фактуальной информации. Более ранние издания в значительной степени демонстрируют признаки научного стиля: предложения с формальным подлежащим *it* или экзистенциальным *there*, статальные предикаты, активные предикаты при неодушевленном подлежащем, называющем то или иное грамматическое явление, преобладание пассивных структур над активными и т.п. Диахронические изменения особенно заметны в синтаксической организации предложений: полипропозитивные и моно- или полипредикативные структуры, доминирующие в более ранних неаутентичных изданиях, вытесняются монопредикативными и монопропозитивными. В случаях полипредикативных и полипропозитивных структур частотными становятся сложные предложения с подчинительной связью. Содержательно это связано с проявлениями аргументации или объяснения причин того или иного правила или закономерности. В современных изданиях оказывается информативно-недостаточно представление «правила» как нормы, требуется обоснование его существования или действия. Одним из способов аргументации становится

апелляция к статусу носителей языка и аутентичных грамматик. Как следствие, расширяется количественный и качественный диапазон вербализованных номинативных компонентов пропозиций, более частотными становятся одушевленные существительные и личные местоимения.

Содержательно-подтекстовая и содержательно-концептуальная информация не находит такого развернутого представления в научно-учебных текстах, как в художественных или публицистических. Тем не менее, самое современное из включенных в анализ отечественных учебных изданий по грамматике английского языка, в котором, наряду с традиционными иллюстративными примерами, широко представлены высказывания выдающихся людей, поговорки, пословицы, стихи, закладывает основы к формированию новых информационных пластов научно-учебного текста.

Информативность научно-учебных текстов, и в частности содержательно-фактуальная информация, по-разному может оцениваться участниками коммуникативной ситуации распространения знания: для адресанта информативность текста может быть оценена как стремящаяся к нулевой, а для адресата, напротив, стремиться к переформатированию в содержательно-концептуальную информацию, для выявления которой необходимо тщательно проанализировать весь текст. От адресата может потребоваться не только восприятие и понимание, но и интерпретация предъявляемой текстовой информации. Следовательно, организация информационных пластов научно-учебных текстов, вербализация разных типов информации не только представляют лингвистический интерес, но и имеют лингводидактическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 4-е изд. – М. : КомКнига, 2006. – 144 с.

2. *Баранов, А. Г.* Функционально-прагматическая концепция текста / А. Г. Баранов, Т. Г. Хазагеров. – Ростов, 1991. – 180 с.

The publication deals with new tendencies in language presentation of textual information in academic sphere. Contrastive analysis of British, Russian and Belarusian text books discloses some modifications in scientific style manifestations, in predicative and propositive structures and exposes a larger variety of information types involved.

Е. Б. Карневская, О. А. Лобан
Минск, МГЛУ

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СХОДСТВА ПРОСОДИКО-СМЫСЛОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНГЛИЙСКОГО СТИХА

Исследование посвящено изучению просодической организации английской поэтической речи и, непосредственно, межиндивидуальной вариативности в просодии стиха как

способе передачи индивидуальной смысловой нюансировки его содержания. Установлены как инвариантные признаки просодической структуры, свойственные стихотворному произведению как особому виду текста, так и вариативные черты в акцентно-ритмической и мелодической организации стиха, позволяющие сопоставлять варианты интерпретаций по степени экспрессивности и детализации смыслового выделения.

Поэтическая речь как предмет экспериментально-фонетических исследований представляет несомненный теоретический и практический интерес [2; 4]. Изучение просодии английского стиха, в частности, выявляет специфику данного вида речи в различных аспектах просодической организации [1; 3], в том числе под углом зрения соотношения константности и вариативности – одного из кардинальных вопросов фонетики. Тесно связанной с ним оказывается проблема определения фонетического сходства и различия, не отделимого от фонологического. Сложность этой проблемы объясняется отсутствием в современной фонетической науке однозначного ответа на вопрос, насколько сходным должно быть сходное и насколько различным должно быть различное.

По аналогии с оценкой сегментных единиц критерием сходства/различия просодических структур должна быть идентификация принадлежности сравниваемых звучаний к одной или разным единицам системного инвентаря, но именно отнесенность реализации к той или иной фонологической единице оказывается в ряде случаев дискуссионной. Причины такого положения вещей включают:

отсутствие единого общепринятого инвентаря системных просодических единиц, которое объясняется, в первую очередь, расхождением взглядов на функциональный (фонологический) статус градуальных изменений признаков ч.о.т., интенсивности и длительности, ассоциируемых с эмоционально-модальным и модально-стилистическим аспектами семантики высказывания [5];

различная когнитивно-перцептивная значимость параметрических признаков просодии, обусловленная иерархичностью конститутивных признаков просодических единиц и самих этих единиц, а также межиндивидуальными различиями в сформированности перцептивной просодической базы и ее структурно-концептуальной основы.

В связи с обсуждаемой темой важно, на наш взгляд, различать, с одной стороны, общую, глобальную оценку двух и более реализаций как сходных или несходных и детализированное параметрическое сопоставление, требующее специальных профессиональных компетенций: обладание полным объемом знаний по дисциплине или научной области, а также опытом аудитивного анализа; владение транскрипционным просодическим алфавитом и т.п.

Обозначенная проблема изучалась нами в ракурсе свободного варьирования, или вариантности, интонационного «портрета» стиха в исполнении разных индивидуумов.

Экспериментальный материал исследования составили 10 стихотворных произведений английских поэтов-классиков, отобранных из звукового

приложения к учебникам по практической фонетике английского языка [5; 6]. В соответствии с принятой методикой просодические характеристики записей стихов были проанализированы на воспринимаемом и акустическом уровнях.

На первом этапе перед аудиторами-информантами была поставлена задача прослушать записи и оценить стихи по признаку наличия/отсутствия различий между индивидуальными интерпретациями по шкале «нейтральность/ экспрессивность».

На следующем этапе аудитивного анализа опытными фонетистами, была осуществлена интонационная (просодическая) транскрипция экспериментального материала и проведено сопоставление вариантов реализаций стихов. Сравнивались такие признаки, как 1) наличие просодической сегментации внутри строки; 2) тип, высотный вариант и локализация *внутреннего* (внутристрочного), *внешнего* (в конце строки) и *финального* (в конце строфы) терминальных (ядерных) тонов; 3) соотношение количества знаменательных слов и акцентно-ритмических групп в строке/интонационной фразе.

В ходе акустического анализа с помощью программы Praat измерялись максимальный и минимальный уровни ч.о.т., диапазон изменения ч.о.т. в каждой строке, а также длительность физического перерыва в звучании в конце каждой строки и строфы.

Анализируемые произведения были, как отмечалось выше, оценены по шкале нейтральность/экспрессивность. При этом мы полагали, что поэтическое произведение изначально характеризуется как минимум средней степенью экспрессивности, в то время как высокая степень экспрессивности достигается в результате осознанного намерения чтеца подчеркнуть и донести до слушателя эмоциональный пафос произведения. Данное предположение полностью подтвердилось: индивидуальные варианты различаются степенью, а не наличием/отсутствием экспрессивности.

Детализированное сравнение перцептивных характеристик разных реализаций каждого из стихов показало, что между интонационными интерпретациями ни одного из стихов нет абсолютно построчного совпадения по выбранным для анализа признакам. Иными словами, не было установлено *полного сходства* между ними, если рассматривать каждый из включенных в анализ просодических признаков как существенный. Отношения между вариантами по их просодико-смысловому воплощению в целом были оценены как *частичное сходство*.

Тем не менее, полученные результаты позволяют утверждать, что по ряду признаков наблюдается достаточно высокая степень сходства. Это, прежде всего, наличие внутристрочного просодического членения. Частотность данной характеристики свидетельствует о значимости лексико-синтаксических предпосылок, заложенных в тексте. Общим признаком для всех реализаций оказывается и тип мелодического завершения конца строки – нисходящий (66 % всех случаев межстрочного терминального тона).

Наряду с наличием признаков, постоянных для прочтения стиха вообще, т.е. инвариантных черт просодии поэтической речи, индивидуальная вариативность оказывается неизбежным свойством чтения поэтических текстов вслух. В наибольшей степени она проявляется в выборе мелодического типа внутристрочного терминального тона и высотно-диапазональных вариантов внутристрочных и межстрочных терминальных тонов, а также в продолжительности внешних (в конце строки) и финальных (в конце строфы) пауз.

Индивидуальная вариативность просодико-смысловой интерпретации также проявляется в бóльшей или меньшей степени варьирования метра, заложенного поэтом в метрической схеме стихотворения. Как результат, индивидуальные интерпретации различаются количеством и локализацией фразовых ударений, что позволяет достичь большего смыслового выделения отдельных слов в строке. В то же время количество дезакцентированных знаменательных слов в поэтическом тексте значительно ниже, чем в прозаическом, что является оправданным, поскольку каждое слово поэтического произведения несет в себе смысловую нагрузку. Кроме того, служебные слова в стихотворных произведениях чаще, чем в прозаических, получают выделенность, восполняя ритмическую структуру строки.

Важную роль в придании интерпретации стиха индивидуального характера и в достижении более эмоциональной передачи авторского замысла играет варьирование диапазона высоты голоса чтеца. Соотношение диапазональных различий между строками одной и той же строфы и перцептивной оценки стихов выявило два способа передачи эмоционально-модальных значений. Во-первых, это эксплицитное усиление выделенности за счет расширения диапазона голоса, высоты и контрастности смежных строк по данному признаку. Во-вторых, это сдержанность и размеренность звучания, проявляющаяся в более длительных внешних (между строками) паузах и незначительном варьировании диапазона голоса между строками. Экспрессивность в этом случае достигается «возвышенностью» общей манеры звучания («elevated style»). Данная форма экспрессивности оказалась в нашем материале наиболее типичной для философского жанра поэтических произведений.

В ходе проведения исследования было установлено, что все выявленные интерпретационные варианты каждого из стихов характеризуются тождеством, основанном как на их сходстве по ряду существенных просодических признаков, так и на их равноценности в содержательном отношении. В этом смысле выявленные индивидуальные варианты имеют статус свободного варьирования.

Таким образом, несмотря на определенную «программу» реализации, заложенную в тексте, поэтическое произведение не лишает чтеца свободы осмысления его содержания, которая актуализируется в просодической интерпретации стиха.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антипова, А. М.* Ритмическая организация английской речи (Экспериментально-теоретическое исследование ритмообразующей функции просодии) : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.04 / А. М. Антипова. – М., 1980. – 35 с.
2. *Князева, Е. М.* Акцентно-ритмические особенности звучащего стихотворного текста (на материале русской поэзии XX–XXI вв.) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 [Электронный ресурс] / Е. М. Князева. – 2012 – Режим доступа : http://iling-ran.ru/avtoreferats/knyazeva.pdf. – Дата доступа: 23.12.2016.
3. *Федосеева, В. М.* Варьирование метра как средство смыслового выделения (к проблеме обучения чтению англ. поэтического текста) / В. М. Федосеева // Сб. ст. по материалам круглого стола / Минск. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Е. Б. Карневская (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 80–88.
4. *Черемисина-Ениколопова, Н. В.* Законы русской интонации : учеб. пособие / Н. В. Черемисина-Ениколопова. – М. : Флинта ; Наука, 1999. – 520 с.
5. *Карневская, Е. Б.* О соотношении единиц и вариантов в просодической системе английского языка / Е. Б. Карневская, А. А. Метлюк // Проблемы вариативности в германских языках : материалы Всесоюз. конф., Калинин, 25–27 мая 1988 г. / Ин-т языкознания АН СССР, М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР ; редкол.: В. Н. Ярцева (отв. ред.) [и др.] : в 2 ч. – М., 1988. – Ч. 1 – С. 7–9.
6. Практическая фонетика английского языка : учебник с электронным приложением / Е. Б. Карневская [и др.] ; под общ. ред. Е. Б. Карневской. – 13-е изд., перераб. – Минск : Высш. шк., 2016. – 383 с.
7. Практическая фонетика английского языка. Для продвинутого этапа обучения / Е. Б. Карневская, Е. А. Мисуно, Л. Д. Раковская; под общ. ред. Е. Б. Карневской. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Эксмо, 2009. – 416 с.

Individual prosodic-semantic interpretations of a set of English poems recorded by two or more speakers were compared along their tonal organization as well as pausation and distribution of pitch accents. According to the results obtained the location and distribution of nuclear and non-nuclear prominence in the line of a verse appears to be the most essential prosodic feature, relevant for conveying nuances of individual semantic interpretations.

Д. К. Парамонова
Минск, МГЛУ

КОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕЧАТНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(на материале статей общественно-политической тематики)

В статье на основании сопоставительного, компонентного и количественного анализа предлагается систематизация средств создания комического эффекта согласно классификации И. Р. Гальперина. Проанализированны лексические средства (метафора,

метонимия, антономазия, эпитет, оксюморон, ирония, использование междометий, гипербола, зевгма, каламбур, перифразы, эвфемизмы, сравнения, пословицы и поговорки, фразеологизмы, аллюзии, цитаты и смешение лексических единиц различной стилистической окраски) и синтаксические средства (инверсия, обособление, эллипсис, умолчание, риторический вопрос, литота, параллелизм, хиазм, нарастание, ретардация, антитеза, присоединение и многосоюзие).

Основным средством манипулирования общественным мнением и воздействия на него выступают СМИ. *Комический эффект* является способом влияния СМИ на сознание и воображение индивидуума, в связи с чем исследование данного феномена в контексте средств массовой информации приобретает чрезвычайную важность. Изучение способов создания комического эффекта в англоязычном печатном медиадискурсе позволяет не только обозначить лингвистические тенденции в массовой коммуникации, но и показать психологическую сторону оказания влияния на индивидуума с помощью СМИ.

Комический эффект основывается на лексико-синтаксических художественных средствах, в связи с чем представляется интересным и новым с лингвистической точки зрения изучать их в совершенно ином контексте. *Комическое* (от греч. *κομικός* ‘смешной’) – эстетическая категория, отражающая несоответствие между несовершенным, отжившим, неполноценным содержанием явления или предмета и его формой, претендующей на полноценность и значимость, между важным действием и его несовершенным результатом, высокой целью и негодным средством. Обнаружение и раскрытие этого несоответствия порождает чувство комического [2]. В свою очередь, понятие комического эффекта тождественно созданию особого комического впечатления.

По мнению Э. М. Ханкишиевой, из всех существующих теорий комического следует выделить концепцию отклонения от нормы, согласно которой комическим следует считать любое явление, которое отклоняется от нормы и потому кажется нецелесообразным и нелепым. При этом учитывается то, что субъекту познания смешными представляются только те явления, которые не соответствуют его чувству нормы или отличаются от принятых общественных норм. Сущность комического, таким образом, составляют необычные, ненормативные, нестандартные явления. В основе комического лежит социально значимое противоречие, когда содержание не соответствует форме, сущность – явлению [3, с. 7–8].

И. Р. Гальперин предлагает следующую классификацию лексических стилистических средств, которые используются для создании комического эффекта в англоязычных статьях общественно-политической тематики:

1) стилистическое использование различных типов лексических значений (метафора, метонимия, антономазия, эпитет, оксюморон, ирония, гипербола, зевгма, каламбур, междометия);

2) стилистические приемы описания предметов и явлений (перифразы, эвфемизмы, сравнения);

3) стилистическое использование фразеологии (пословицы и поговорки, фразеологизмы, аллюзии, цитаты);

4) смешение слов различной стилистической окраски [1, с. 123–179].

Для систематизации синтаксических стилистических средств создания комического эффекта также взята за основу классификация, предложенная И. Р. Гальпериным:

1) стилистические приемы композиции предложения (инверсия, обособление, эллипсис, умолчание, риторический вопрос, литота);

2) стилистические приемы композиции отрезков высказывания (параллелизм, хиазм, нарастание, ретардация, антитеза);

3) стилистическое использование форм и типов связи (присоединение, многосоюзие) [1, с. 180–215].

С целью определения частотности лексико-синтаксических средств создания комического эффекта в англоязычном печатном медиадискурсе нами было проанализировано 150 англоязычных статей информационно-аналитических жанров. Результаты анализа отражены в табл. 1 и 2.

Как следует из табл. 1, наиболее частотным лексическим средством создания комического эффекта в статьях медиадискурса является ирония (16 %), поскольку авторы текстов газетных жанров, анализируя события, иронизируют по поводу произошедшего. Достаточно часто используются цитаты (11 %), так как публицистика направлена в первую очередь на анализ общественно важных событий. Это подразумевает цитирование известных общественных и политических деятелей.

Ирония часто используется авторами текстов аналитического жанра в качестве средства имплицитного выражения оценки для оказания влияния на чувства и мысли читателя и предполагает завуалированную оценку, в связи с чем понимание позиции автора зависит от того, насколько читатели распознают иронический характер высказывания.

Таблица 1

Лексические средства создания комического эффекта в англоязычном печатном медиадискурсе

Лексическое средство	Количество выявленных примеров	Процентное содержание
Ирония	30	16
Цитаты	22	11
Смешение слов разных стилей	17	9
Эпитеты	15	8
Фразеологизмы	12	6
Сравнения	12	6
Аллюзии	12	6
Метафоры	10	6
Антономазия	10	5

Окончание таблицы 1

Гиперболы	10	5
Каламбур	7	4
Метонимия	7	4
Использование междометий	7	4
Перифраз	5	3
Пословицы и поговорки	5	3
Эвфемизмы	3	2
Окказионализмы	3	2
Оксюморон	3	2
Зевгма	2	1

Sir John Chilcot has shown us the way: if an investigation is important, it mustn't be rushed. We must take time to draw the right conclusions even if hell freezes over first – surely the perfect opportunity for Tony Blair to take up skiing [4].

Цитаты могут приводиться как в своем первоначальном виде и служить способом создания комического эффекта, так и в видоизмененном виде для усиления комизма. Использование цитат связано с тем, что имеет место своеобразное перекодирование информации, поскольку цитаты, попадая в новый контекст, могут приобретать совершенно иной смысл, на чем зачастую и основывается комизм. Такой прием может также служить частным случаем реализации иронии.

Trump doesn't even bother to conceal his contempt for his own supporters any more. "I love the poorly educated," he growled – and they didn't mind. Next week, he'll shout, "You guys are morons," and let off a thousand balloons that say "morons" [7].

Наименее частотным, согласно исследованию, является использование в газетных статьях окказионализмов и зевгмы (2 и 1 % соответственно). Стремительные изменения, происходящие в мире, ведут к тому, что авторы не могут найти адекватные способы реализации своих коммуникативных потребностей, в связи с чем прибегают к использованию окказионализмов.

So I left the party happy. I had two new conservative friends, and a whole new echo-chamber defense! This columnist has an answer for the calumnists [8].

Зевгма редко встречается в медиатекстах, поскольку может ввести читателя в замешательство, в результате чего коммуникативная задача автора, заключавшаяся в донесении какого-либо сообщения до читателя, не будет выполнена.

Even stoned and 16, I couldn't have imagined this dystopian election [5].

В целом широкий спектр лексических средств создания комического эффекта в проанализированных статьях свидетельствует о том, что авторы прибегают к использованию разнообразных способов экспрессии и интерпретации комического.

В табл. 2 отражена частотность использования некоторых синтаксических средств в статьях информационно-аналитического жанра с целью создания комического эффекта.

Таблица 2

Синтаксические средства создания комического эффекта в англоязычном печатном медиадискурсе

Синтаксическое средство	Количество выявленных примеров	Процентное содержание
Параллелизм	15	14
Инверсия	11	10
Обособление	9	8
Многосоюзие	8	7
Литота	8	7
Эллипсис	8	7
Риторический вопрос	5	5
Нарастание	5	5
Хиазм	5	5
Антитеза	3	3
Ретардация	3	3
Присоединение	2	2

Как следует из табл. 2, наиболее частотным синтаксическим средством создания комического эффекта в медиатекстах являются параллелизм (14 %) и инверсия (10 %). Синтаксические средства, как правило, направлены на интенсификацию высказывания либо на выполнение эмоционально-оценочной коммуникационной функции. В этой связи наиболее распространен параллелизм.

Wait, I'm a communist. I've protested for communism. I've demonstrated for communism. I've vandalized for communism. I've been tear-gassed for communism. And then I get a job with a big capitalist corporation and I find out we've got communism already [5].

Относительная частотность использования инверсии в языке вообще ведет к тому, что авторы статей осознанно или подсознательно часто применяют данный синтаксический прием и для создания комического эффекта.

Gone was the fear of a Tory/UKIP stick-it-to-the-proles/stick-it-to-the-wogs coalition. Came now the fear of a Labour/SNP "support and supply" deal sticking it to everyone [6].

Наименее частотным, согласно проведенному исследованию, является использование ретардации, антитезы и присоединения (3, 3 и 2 % соответственно). Данные синтаксические средства имеют довольно сложную структуру в сравнении с такими распространенными средствами, как параллелизм и инверсия, что видится нам причиной их редкого употребления в медиатекстах.

Комический эффект получил широкое распространение в англоязычном печатном медиадискурсе, поскольку имеет практически неограниченные возможности оказания влияния на читателя. Комическое имеет много ипоста-

сей, но основной его манифестацией является отступление от нормы, некоторые допущения, используемые автором для создания неожиданного оборота и красочного описания. Комическое запоминается лучше, чем любой другой способ передачи информации, оно способно изменить отношение человека к произошедшему и происходящему, что способствует формированию общественного мнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гальперин, И. Р.* Очерки по стилистике английского языка : учеб. пособие / И. Р. Гальперин. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 460 с.
2. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс] : эл. вариант философского энциклопедического словаря / под ред. Л. Ф. Ильичёва. – М., 1983. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_philosophy/. – Дата доступа : 21.02.2016.
3. *Ханкишиева, Э. М.* Комическая картина мира в газетном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Э. М. Ханкишиева ; Казах. гос. жен. пед. ун-т. – Алматы, 2010. – 27 с.
4. *Mitchell, D.* Should we be flattered or worried that the British accent turns foreigners on? / D. Mitchell // The Guardian [Electronic resource]. – Febr. 15, 2015. – Mode of access : http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/feb/15/david-mitchell-british-accent-sexiest-world-time-out. – Date of access : 12.03.2016.
5. *O'Rourke, P. J.* Even Stoned And 16, I Couldn't Have Imagined This Dystopian Election / P. J. O'Rourke // The Daily Beast [Electronic resource]. – Febr. 6, 2016. – Mode of access : http://www.thedailybeast.com/articles/2016/02/06/ even-stoned-and-16-i-couldn-t-have-imagined-this-dystopian-election.html. – Date of access : 24.12.2016.
6. *O'Rourke, P. J.* Limey Liars & the Country That Doesn't Love Them / P. J. O'Rourke // The Daily Beast [Electronic resource]. – May 6, 2016. – Mode of access : http://www.thedailybeast.com/articles/2015/05/06/britain-a-democracy-worse-than-ours.html. – Date of access : 24.12.2016.
7. *Steel, M.* Donald Trump could promise to personally sodomise all his supporters and they'd still vote for him / M. Steel // The Independent [Electronic resource]. – Febr. 25, 2016. – Mode of access : http://www.independent.co.uk/voices/ donald-trump-could-make-a-promise-to-sodomise-america-and-it-would-still-vote-for-him-a6895926.html. – Date of access : 20.03.2016.
8. *Weingarten, G.* Schlepping with the enemy / G. Weingarten // The Washington Post [Electronic resource]. – January 7, 2016. – Mode of access : https://www.washingtonpost.com/lifestyle/magazine/gene-weingarten-schlepping-with-the-enemy/2016/01/06/3271cc10-9a9e-11e5-b499-76cbec161973_story.html. – Date of access : 20.01.2016.

The article is dedicated to specifying the term *comic effect*, to discussing certain lexical and syntactical devices employed with the purpose to achieve the comic effect in the articles of social and political nature, as well as to classifying the above-mentioned devices by applying the methods of contrastive, componential and quantitative analysis.

Г. Л. Петрова
Киев, КНЛУ

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСА ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЫ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В УКРАИНСКОМ И НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается реклама как телевизионный жанр, который обладает максимальным потенциалом, воздействующим на психику и сознание человека. Рекламный дискурс, использующий широкий набор аудиовизуальных средств, исследуется с помощью мультимедийного дискурс-анализа. Особый интерес представляет наиболее распространенная форма телерекламы – развернутые ролики. В них используются прямые и косвенные ассоциативные связи, с помощью которых составители рекламы обыгрывают свойства, цену товара, функции фирмы, заинтересовывают зрителей сюжетом, позволяющим запомнить рекламируемую фирму или товар. В зависимости от способа организации материала в телерекламе продуктов питания в украинском и новогреческом языках выявлены такие приемы психологического влияния на потребителя, как юмор, традиции, свидетельства, демонстрации, решение проблемы, рекомендации известных людей и знаменитостей, мультфильмы, музыкальные зарисовки.

Одной из характерных особенностей рекламной коммуникации является активное взаимодействие рекламных жанров в связи с использованием различных рекламных носителей. Информация о рекламируемом продукте доходит до потребителей через разные источники (телевидение, радио, журнальную, газетную и интернет-рекламу), апеллируя к различным модальностям, что способствует дополнительному запоминанию сообщения реципиентом, а следовательно, увеличивает вероятность покупки рекламируемого продукта.

Телереклама как телевизионный жанр, изначально созданный как вспомогательный, давно заняла отдельное место в мире телевидения. Современные цифровые технологии в сочетании с многолетним опытом кинематографических находок и разработок позволяют создателям телевизионной рекламы творить поистине произведения искусства, являющиеся мощным инструментом воздействия на психику современного человека и, как следствие, формирующие новые ценности, стереотипы, нормы.

Телевизионная реклама является одним из самых востребованных видов рекламы, поскольку обладает максимальным воздействующим потенциалом. Однако в силу многочисленных ограничений в отношении хронометража, высокой частотности выхода в эфир, специфики представляемого продукта рекламный дискурс неизбежно стремится отбирать наиболее мощные по степени воздействия на целевую аудиторию элементы [1, с. 200]. Это способствует широкому использованию визуальных средств, создающих простые, понятные образы. При этом необходим и минимум текста, объясняющего суть рекламы: во-первых, визуальные образы могут трактоваться людьми по-разному, поэтому их следует уточнять, конкретизировать вербально; во-вторых, рекламу по телевидению часто не смотрят, а слушают, воспринимают как фоновую информацию, занимаясь различными делами, и если

видеоряд не сопровождается текстом, то реклама может не дойти до потребителей [2, с. 205]. Телерекламе должна обеспечиваться оптимальная скорость и логичность подачи информации, соответствующая музыкальная ассоциативность.

Все вышеизложенное дает основание говорить о рекламе, многостороннем семиотическом явлении сложной конфигурации, как о *мультимедийном дискурсе*, что подчеркивает разнознаковую природу рекламы. Вслед за Е. М. Асташевой, мы понимаем рекламный дискурс как завершенное в смысловом и композиционном плане сообщение со строго ориентированной прагматической установкой, сочетающее в себе признаки устной и письменной коммуникации с комплексом лингвистических и экстралингвистических средств [3, с. 90]. *Мультимедийный дискурс-анализ* позволяет исследовать рекламный дискурс и выявить техники, с помощью которых составители рекламы оказывают влияние на аудиторию потребителей.

Рекламный дискурс продуктов питания, которые относятся к группе товаров повседневного спроса, вызывает исследовательский интерес у представителей разных областей науки: маркетологов, психологов, лингвистов, психолингвистов, социологов благодаря своей всесторонней ориентированности.

На телевидении реклама имеет форму ролика, репортажа, интервью, сюжета, телетекста, бегущей строки, дикторского объявления. Самая распространенная форма телерекламы – ролики [4]. В зависимости от временной протяженности различают блиц-ролик, развернутый ролик, рекламный сериал. Чаще всего в блиц-ролике обыгрываются начертания торгового знака (логотипа) фирмы или ее название; используется рекламный слоган, раскрывающий название, функции фирмы или назначение товара. Цель развернутого ролика – ознакомить более детально либо с товаром, либо с деятельностью фирмы. В развернутых роликах используются ассоциативные связи – прямые и косвенные. Косвенные ассоциативные связи: отвлеченные понятия, целый сериал роликов по однотипным сюжетам. По смыслу они слабо связаны с фирмой или ее товаром, основная цель таких роликов – заинтересовать зрителей сюжетом. В этих роликах главное – не прямые ассоциации сюжета с товаром (услугой), а сама занимательность сюжета как таковая, позволяющая запомнить данную фирму или товар. В других роликах основу сюжета составляет обыгрывание свойств, цены товара и функций фирмы, т.е. привлекаются прямые ассоциативные связи. В развернутых роликах применение различных форм шире, чем в блиц-роликах: игровое кино, мультипликация, компьютерная графика и их различные сочетания.

Степень влияния на потребителя телевизионной рекламы во многом зависит от способа организации материала. В рекламе продуктов питания в украинском и новогреческом языках используются следующие приемы.

Юмор. Часто рекламные видеоролики создаются в юмористическом стиле. Если этот юмор – тонкий продукт интеллекта, шутки добрые и не затмевают товар, то такая реклама высокоэффективна [5].

Например, в украинской рекламе печенья «Тук» комический эффект достигается из-за недопонимания двух друзей, один из которых говорит о печенье, а другой думает, что речь идет о девушках.

В греческой рекламе йогурта эффект комизма создает неожиданная концовка ролика: в начале девушка соблазнительно ест клубнику, макая ее в йогурт, но появляются ее бабушка с дедушкой, которые недоумевают, зачем она так его ест, и показывают, как надо: *Μάρτω, πώς κάνεις έτσι; Γιαούρτι είναι! Αληθινό γιαούρτι Δωδώνη (Марто, зачем ты так делаешь? Это же йогурт! Настоящий йогурт Додони).*

Традиции. Описание жизненных ситуаций, которые основаны на традициях народа, позитивно сказывается на восприятии рекламируемого товара, будь то традиционная рецептура, способ или время создания и употребления. Например, в украинской рекламе творога «Слов'яночка» девушка рассказывает о своем идеальном утре, которое она проводит вместе со своей бабушкой в деревне. На завтрак у нее традиционное блюдо – творог со сметаной: *Ранок кожного дня має починатися гарно. Для мене це український традиційний сніданок: сир зі сметаною, густою та ніжною, – так мене ще бабуся навчила. Разом сир та сметана – це смачна та корисна українська традиція.*

В греческой рекламе молока «Ροδόπη» показывается ферма, животные, царят тишина и спокойствие, счастливая семья, которая наслаждается настоящим, экологически чистым и натуральным молоком. В слогане подчеркивается, что жители этой области Греции испокон веков были животноводами и сами делали свое молоко. Повествование ведется от первого лица: *Εδώ στη Ροδόπη ζούμε με τη φύση και ζούμε από τη φύση. Αυτή η φύση μας έκανε γαλατάδες, αυτό μπορούμε να κάνουμε και το κάνουμε καλά. Ζούμε για το γάλα και είμαστε περίφανοι γι'αυτό. Ροδόπη. Γάλα πάνω απ'όλα. (Здесь в Родопи мы живем на природе и живем от природы. Эта природа сделала нас молочниками, это то, что мы можем делать, и мы это делаем хорошо. Мы живем ради молока и горды этим. Родопи. Молоко прежде всего).*

Свидетельства. В этом жанре обычные люди, отдающие предпочтение товару конкретной марки, доказывают ее преимущества. Свидетельствам обычных людей покупатели порой склонны доверять гораздо больше, чем мнению знаменитостей.

В украинской рекламе молока «Ферма» действующий персонаж-фермер рассказывает о высоком качестве натурального молока, что обеспечивается хорошим уходом за скотом: *Якісне молоко для нас найголовніше. Щодня ми дбаємо, щоб наші корови були здорові та доглянуті, тому і молоко у нас добре, стовідсотково фермерське.*

В греческой рекламе хлеба девочки-близнецы рассказывают друг другу о полезных свойствах и замечательном вкусе тостов: *Το ψίχα τοστ του Καραμολέγκου είναι πολύ νόστιμο. Και πολύ μαλακό. Γιατί είναι για παιδιά (Тост Карамоленгу очень вкусный. И очень мягкий. Потому что он для детей).*

Демонстрации. Отличной способностью влиять на потребителя обладают наглядные демонстрации, т.е. презентация продукта и его функций.

Девушка в украинской рекламе выбирает сыр «Шостка» и представляет, какие блюда она может с ним приготовить. Параллельно озвучиваются еще и его полезные качества: *Цей сирочок на завтра для обіду з батьками, швидко та ефектно, другий – для корисної вечері, а цей – для сімейного щастя. Плавлений сир "Шостка" створений для ваших кулінарних шедеврів.*

В греческой рекламе йогурта «Natural» демонстрируется процесс изготовления йогурта, компонентами которого являются натуральные фрукты.

Решение проблемы. Этот прием убеждает зрителя, что только рекламируемый товар может решить ту или иную проблему. Например, в украинской рекламе приправы «Мивина» проблема прибить полку имеет такое решение: женщина кормит мужа вкусным обедом, приготовленным с рекламируемой приправой, и он сразу же выполняет ее просьбу: *Готуємо чоловіка, і диво – він готовий на більше! Приправа "Мівіна". Маленький секрет великої вдячності.*

В греческой рекламе кофе компания туристов, преодолевая трудности путешествия, взбирается на гору в поисках идеального пляжа, но видит многолюдный и грязный пляж; в отчаянии все опускают на землю рюкзаки, откуда выпадает банка кофе «Neskafe Frappe». В погоне за этой ценной банкой, которую нельзя упустить несмотря ни на что, ребята находят уединенный уютный пляж, где можно отдохнуть, насладившись любимым кофе. Слоган усиливает впечатление, что только благодаря «Neskafe Frappe» решается любая проблема: *Γιατί όπου υπάρχει Neskafe Frappe, υπάρχει τρόπος (Потому что там, где есть "Нескафе Фраппе", есть способ).*

Рекомендации известных людей и знаменитостей. Это очень популярный рекламный прием. Отношение специалистов к нему неоднозначное. Если знаменитость не просто рекламирует товар, но и в жизни отдает предпочтение именно ему, то такая реклама способна значительно повысить интерес покупателя к продукту. В противном случае такие рекомендации способны сработать как антиреклама. Например, в украинской рекламе йогурта «Активія» известная украинская телеведущая Ольга Фреймут советует подруге употреблять этот продукт для нормализации работы желудочно-кишечного тракта: *Активія – мій секрет легкості!.*

В греческой рекламе этот прием используется реже. Например, в рекламе масла в процессе приготовления блюда принимает участие известный в Греции повар Илиас Мамалакис, который описывает преимущества этого товара: *Αυτή είναι η γεύση. Φρέσκο βούτυρο αγελάδας "Χωριό" απ'την "Μινέρβα". Η γεύση του δεν είναι μυστικό. Από 100% αγελαδινό γάλα. (Вот что значит вкус. Свежее масло из коровьего молока "Хорьё" от "Минерввы").*

Мультфильмы. Традиционно считается, что взрослые гораздо больше верят живому действию, нежели нарисованному изображению, но это утверждение верно не всегда: все зависит от объекта рекламы. Мультфильмы, которые создаются с применением компьютерных технологий, позволяют воплотить в жизнь самые невероятные идеи. Они дают возможность весьма успешно продвигать многие товары и услуги.

Например, украинская реклама йогурта «Растишка» основана на приключениях мультипликационного героя динозавра Дино, который путешествует с детьми по всей Украине и собирает фрагменты карты-магнита.

Мультипликационная греческая реклама, как и сама торговая марка мороженого «Angry birds» от компании ЕВГА, создана на основе одноименной популярной компьютерной игры.

Музыкальные зарисовки. Это абстрактные изображения, которые сменяют друг друга под звучащее за кадром музыкальное сопровождение. Такая реклама неэффективна из-за своей неинформативности. Рекламные видеоролики в виде музыкальных зарисовок в последнее время почти не создаются.

В украинской рекламе шоколада «Millenium» под музыку меняются картинки, демонстрирующие, как девушка веселится и радуется жизни. Рекламный ролик завершает фраза: *Millenium. Відчуй життя*.

В греческой рекламе меняющиеся картинки – это моменты из жизни двух подруг, которые росли вместе, никогда не расставались, были настоящими подругами, что и подтверждает словесный ряд в конце рекламы: *Ό,τι αξίζει, αντέχει στο χρόνο. Γάλατα υπάρχουν πολλά, ΝΟΥΝΟΥ όμως, ένα. (То, что достойно, проходит проверку временем. Молока много, НУНУ, однако, один).*

В целом независимо от содержания сценарий должен быть детально продуманным, максимально коротким, текст – убедительным, живым, действие – динамичным.

Таким образом, рекламодатели используют всевозможные средства для того, чтобы покупатель сделал выбор в пользу товара конкретного производителя. Основные принципы и приемы применяются при создании рекламы независимо от национально-культурного пространства, языка. Однако для усиления суггестивного эффекта рекламы продуктов питания в основу ее построения закладываются особенности истории, природных условий жизни, традиций, персоналий, вкусовых предпочтений того или иного народа, что отражается в вербальных и невербальных средствах построения рекламы. В украинском рекламном дискурсе чаще используются приемы и техники, которые влияют на эмоциональную, чувственную сферу; для усиления суггестивного эффекта внимание зрителей сосредоточивается на процессе приготовления пищи на всех этапах: от выбора продуктов – до сервировки стола. В греческом рекламном дискурсе особенную суггестивность имеет упоминание национальной самоидентификации, традиционности в рецептах приготовления блюд, экологической чистоты и натуральности продукта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Казючиц, М. Ф.* Дискурс телевизионной рекламы в контексте коммуникативных стратегий / М. Ф. Казючиц // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. : Лингвистика. – 2010. – № 3. – С. 200–205.

2. *Назайкин, А. Н.* Практика рекламного текста / А. Н. Назайкин. – М. : Бератор-Пресс, 2003. – 320 с.

3. *Асташева, Е. М.* Воздействующий потенциал телевизионного рекламного дискурса // Междунар. журнал экспериментального образования. – 2011. – № 8. – С. 90–91.
4. Виды и жанры телевизионной рекламы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://life-prog.ru/1_6228_vidi-i-zhanri-televizionnoy-reklami.html. – Дата доступа : 27.10.2017.
5. Жанры телевизионной рекламы и их эффективность [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.kompas-msk.ru/news/janry-televizionnoy-reklamy-i-ih-effektivnost. – Дата доступа : 27.10.2017.

The article deals with advertising as a television genre, which has the maximum potential impact on the mind of a modern man. Depending on the way the material is organized in the TV commercials of food products in Ukrainian and Modern Greek languages, the use of such techniques of psychological influence on the consumer is revealed: humor, traditions, testimonies, demonstrations, problem solving, recommendations of famous people and celebrities, cartoons, musical sketches.

П. С. Полубинский
Минск, БГЭУ

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ КАК СРЕДСТВО КОГЕЗИИ В ПОЛИКОДОВОМ ДИСКУРСЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОПИСИ

В статье представлены результаты анализа цветообозначения как средства когезии в англо- и русскоязычном дискурсе интерпретации произведений живописи. Определены особенности перевода цветообозначения в русском и английском поликодовом интерпретационном дискурсе. Актуальность исследования прагматической специфики поликодового дискурса – англоязычных эссе о произведениях живописи – обусловлена недостаточной изученностью структурных особенностей интерпретационного дискурса произведений искусства.

Цветообозначения изучались исследователями с разных позиций. Проблема цвета издавна привлекала внимание филологов и этнографов, историков, психологов, физиологов и физиков, которые внесли свой вклад в изучение вопросов, связанных с цветом и цветоощущением.

Многоаспектный подход к изучению цветообозначения определяется особенностями лексики этого типа: разнообразием ее состава и путей образования цветонаименования, богатством значений, ассоциативных связей, чрезвычайной мобильностью прилагательных цвета, широтой сфер функционирования, способностью обозначать большой круг материальных и идеальных признаков и явлений, стилистическими возможностями, авторскими новациями.

Цвет, как языковой, так и культурный, исторический и психологический носитель информации, обременен множеством объективных и субъективных значений и коннотаций, накопившихся за многие века существования народов. Причем восприятие цвета не у всех народов одинаково и зависит от универсальных психофизиологических, национально-культурных, отчасти политических и экономических факторов [1, с. 243].

Новой тенденцией в исследовании цветообозначения на современном этапе развития лингвистики является изучение не только общих вопросов семантики, структуры, истории развития цветообозначения, но и их функционирования в определенных сферах жизни, зависимости терминов цвета от области употребления, связи цветообозначения с тематическими и семантическими группировками слов в их приложении к важнейшим объектам материальной действительности (в том числе к произведениям искусства).

При переводе цветообозначения в художественном тексте необходимо учитывать их функционально-смысловую нагруженность, т.е. дополнительные прагматически обусловленные смыслы, реализующиеся в микро- и макроконтексте, которые требуют переводческих решений, выходящих за пределы применения словарных соответствий [2, с. 154].

Результаты предварительного анализа способов цветообозначения в поликодовом интерпретационном дискурсе произведений живописи позволяют сделать следующие выводы.

Цветообозначения представляют собой особый разряд языковых единиц, которые определяются как системой языка, так и системой культуры, поэтому представляют собой лингвокультурологические знаки, значения которых актуализируются в речи, в частности, в англо- и русскоязычных текстах эссе о произведениях живописи – основе соответствующего интерпретационного дискурса.

По структуре и способу выражения цветообозначения могут быть однокомпонентными, двухкомпонентными и многокомпонентными как в русском, так и в английском языках [3, с. 528]. Однокомпонентные цветообозначения могут быть выражены различными частями речи, прежде всего прилагательными, а также существительными, глаголами и наречиями. Двухкомпонентные выражаются словосочетаниями различного типа, устойчивыми выражениями, фразовыми единствами. Многокомпонентные цветообозначающие единицы могут выходить за пределы фразы и даже текста и передаваться с помощью различных стилистических приемов, например, в виде развернутой метафоры, аллюзии, явного или скрытого цитирования.

Сопоставительный анализ цветообозначения показывает, что объемы их значений в английском и русском языках во многом не совпадают.

В значительной степени различаются значения цвета и его оттенков, выраженные морфологическими средствами языка. В наибольшей степени

отличаются смысловые объемы крупных единиц, например, словосочетаний разного типа или многоуровневых единиц (сверхфразовых единств) с метафорической или аллюзивной основой [4, с. 127].

В текстах эссе о произведениях живописи цветообозначения, помимо непосредственного именования цвета, могут выполнять различные стилистические и прагматические функции.

Сопоставительно-семантический анализ позволяет выявить зависимость между функциями цветообозначения и характером контекста, а также реконструировать определенные типы таких закономерностей. При этом в разных языках характер функций и система их зависимостей от контекста могут в определенной степени различаться.

Цветообозначения в интерпретационном дискурсе определяются не только словарными лексико-семантическими значениями, но и контекстуальными, интертекстуальными и лингвокультурологическими связями, выявление и передача которых на другом языке требуют различных переводческих стратегий, в том числе переводческих решений, выходящих за пределы словарных соответствий [5, с. 234–235].

В целом проведенный анализ способов цветообозначения в поликодовом интерпретационном дискурсе показал, что цветонаименование является ключевым инструментом когезии англо- и русскоязычных текстов эссе о произведениях живописи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицкая, А.* Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Рус. словари, 1996. – С. 231–291.
2. *Кульпина, В. Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / В. Г. Кульпина. – М. : Моск. Лицей, 2001. – 470 с.
3. *Верещагин, Е. М.* Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Индрик, 2005. – 1038 с.
4. *Василевич, А. П.* Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко. – М. : КомКнига, 2005. – 216 с.
5. *Похлебкин, В. В.* Словарь международной символики и эмблематики / В. В. Похлебкин. – М. : Междунар. отношения, 2001. – 560 с.

The article deals with the results of colour identification analysis as a means of cohesion in English and Russian discourse of painting interpretation. The peculiarities of colour identification and translation in Russian and English polycode interpretation discourse of the works of art are determined. The relevance of the study of polycode discourse pragmatics (English essays about paintings) is defined by the lack of study of the arts interpretation discourse structural features.

К. Х. Рекош
Москва, МГИМО (У) МИД РОССИИ

УПОРЯДОЧЕННОСТЬ И РАССЕЯННОСТЬ КАК КРИТЕРИИ АНАЛИЗА ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВОВОГО ДИСКУРСА

На материале французского языка континентального права в статье описываются отношения между знанием (правовым) и вербализатором. Правовой дискурс рассматривается с позиции взаимодействия дискурсов и их упорядоченности/ рассеянности. С этой точки зрения интерес представляют влияние специальных знаний на язык и степень его упорядоченности. В качестве исходной дилеммы следует учесть, что функционирование континентального права основано на различении пространств: état de fait ‘нерегулируемого пространства реальности’ и état de droit ‘регулируемого правового пространства’ и, соответственно, на различении вербализующих их дискурсов. Юристы считают действительность хаотичной и формируют упорядоченные конструкции (источники права), чтобы управлять динамичным хаосом с помощью порядка. Дилеммы статики и динамики находят отражение в языке и требуют определения подхода к изучению правового дискурса.

Чтобы выполнять свои функции, язык должен был становиться линейным [1, с. 132] и соответственно упорядочиваться. Наряду с развитием его онтологических свойств, язык эволюционирует вместе и в зависимости от вербализуемого им знания, что можно изучать отдельно. Материальный механистический взгляд позволяет сначала изучать язык как сформированную данность (о происхождении здесь речь не идет), а затем его изменения с каждым новым faits linguistiques (лингвистическими фактами), развитием знания, как будто знание развивается и существует отдельно, язык-вербализатор – отдельно. Рассмотрение знания в диахронии служит этому доказательством: Э. Бенвенист обосновывает, что этимологически слово *ius* не имело значения ‘право’ [2, с. 307]; несмотря на наличие латинских слов *regula* и *norma*, понятия юридической нормы в римском праве не было. То же в отношении латинского слова *fōns* ‘источник’: понятие *источник* было в латинском языке, но законы, конституции и другие акты римских правителей (правовыми) источниками не назывались. Данные примеры показывают, что праву предстоял еще долгий путь, прежде чем оно станет специальным знанием, а вокабулам правоведы рукотворно придадут терминологический смысл источника права (*source de droit)*, правовой нормы (*règle de droit)*. Латинское слово *fŏns* является этимоном *fontaine* ‘родник, ключ’, *fonts batismaux* ‘купель’, но современное понятие *источник права (source de droit)* восходит к старо-французскому *sordre* (*jaillir, surgir, se diriger en haut, s’élever, soulever*), к латинскому *sŭrgĕre – surgŏ* и далее к *regŏ, regere* (*diriger en droite ligne*) [3, p. 333, 678], что совершенно не объясняет современного юридического значения, и дело здесь не в развитии языка, а в развитии юридической мысли. К сходному выводу приводит смена латинского слова

ius на *droit, diritto, Recht* ‘право’ в европейских языках. Это можно считать подтверждением отдельного существования разных видов знаний: энциклопедических, юридических, лингвистических. Каждый отдел знания формирует себя, пользуясь данными языка-вербализатора, развивая в языке релевантные черты, заимствуя их из других институтов, создавая новые.

Траектория движения текста. Анализ показывает, что в каждом отделе знаний установлено свое взаимодействие дискурсов от порождения до применения. В праве дискурс проходит путь от зарождения в виде, например, законопроекта до принятия и применения закона (источника права) в суде. Судебный дискурс предназначен *dire le droit* ‘говорить право’, в античности это символизировалось словами *iurisdictio ‘*я говорю право’, *causidicus* ‘адвокат, который излагал дело’, *iudex* ‘судья’ и т.д. Однажды созданный дискурс (источник права) является объектом дальнейших обсуждений. Таким образом, создание источника права идет по жестко определенной траектории. Данная колея сопровождается соответствующими требованиями к французскому языку: *clarté* ‘ясность’*, précision* ‘точность’ и *concision* ‘краткость’, определяемыми легистикой (законодательной техникой).

Обсуждение дискурсов происходит в доктрине, комментариях, в научной литературе, в учебной (упрощенной) литературе, в изложении СМИ, в актах коммуникации обыденной картины мира между неспециалистами, не считая других наук, лингвистики, когнитивистики и т.д. Правовой источник в такой культурной перспективе формулируется, цитируется, толкуется юристами, истолковывается лингвистами, преподается, развивается учеными, пересказывается неспециалистами. Без учета факторов времени, данная перспектива приводит к расширению пространства правового дискурса, к размыванию дискурса источника права (если только он не цитируется), к его искажению, упрощению в некоторых видах дискурса. По-видимому, такое размывание дискурса имеет в виду М. Фуко, говоря о *dispersion* (рассеивании) терминов и дискурса в «Археологии знания» на примере экономического текста [4, с. 78]. В представленной перспективе взаимодействия текстов источник права выступает как первичный упорядоченный текст, а все остальные – вторичные (метатексты) с разной степенью рассеянности, различая научную и обыденную картины мира. В общелитературный язык входят наиболее «рассеянные» фрагменты (правового дискурса) обыденной картины мира.

Рассмотрение данного феномена взаимодействия правовых дискурсов в свете теории интертекстуальности (интратекстуальности) показывает, что эти теории отражают единичные (факультативные) явления в художественной литературе (риторике текста), в то время как в праве взаимодействие текстов является непременным условием (институционального) функционирования текстов (дискурсов), они предназначены для того, чтобы на них ссылаться, их толковать, применять к конкретным фактам действительности (модальная герменевтика).

Ярким примером взаимодействия текстов, зафиксированных в документе, является Лиссабонский договор. Его известный консолидированный вариант не признается аутентичным. Аутентичная версия Лиссабонского договора отражает все изменения, которые были внесены в учредительный (Римский) договор, начиная с 1957 г.[1] [5]. Хотя название договора отличается от первоначального, дата, проставленная на Лиссабонском договоре, а именно 1957 г., свидетельствует о том, что это не новый договор, а пересмотр Римского, т.е. источник права сам является результатом взаимодействия текстов.

Лиссабонский договор демонстрирует небольшой промежуток времени (50 лет), сходный феномен можно увидеть на большем отрезке времени. Для краткости посмотрим основные положения цивильного права относительно справедливости, которые Цицерон (I в. до н.э.) позаимствовал у стоиков: «Подобает ссылаться на те основы справедливости, какие я установил вначале: во-первых, никому не причинять вреда, во-вторых, служить общей пользе» [6, с. 122], «надо стараться воздавать каждому по его заслугам, это – основа справедливости» [6, с. 129].

Сходные идеи мы находим в Институциях Юстиниана (VI в.) в «Титуле о праве и справедливости»: *Iustitia est constans et perpetua uoluntas ius suum cuique tribuens. 3. Iuris praecepta sunt haec:honeste uiuere, alterum non laedere, suum cuiquetribuere* [7, с. 14]. – «Справедливость заключается в постоянной и твердой воле воздавать каждому свое. Предписания права суть следующие: честно жить, ближнего не оскорблять, воздавать каждому свое» [7, с. 15]. Приведенный текст имеет лапидарную форму. В сносках к этому тексту дается боле распространенное объяснение (рассеивание текста) с юридической точки зрения: «Не в смысле нравственном, а юридическом, т.е. согласно с юридическим законами; т.е. не вредить правовой сфере других; т.е. если что-либо, принадлежащее другому, попадет ко мне, то я должен возвратить» [7, с. 15]. Идеи «честно жить, ближнего не оскорблять, воздавать каждому свое» заложены в Кодексе Наполеона, например в статье 1382: *Art.1382. Tout fait quelconque de l'homme, qui cause à autrui un dommage, oblige celui par la faute duquel il est arrvivé , à le réparer* 'Любое деяние человека, которое причиняет вред другому, принуждает того, по вине которого оно произошло, его исправить' [8, p. 977]. Все юристы признают, что Гражданский кодекс Франции воспринял идеи римского права. Яркой иллюстрацией этого является рецепция римского права, которая способствовала распространению латинского языка в качестве *lingua franca* и этимологических дублетов.

---

[1] Иллюстративной является, например, Статья 9.

COOPÉRATIONS RENFORCÉES 22) Le titre IV reprend l'intitulé du titre VII, qui devient « DISPOSITIONS SUR LES COOPÉRATIONS RENFORCÉES », et les articles 27 A à 27 E, les articles 40 à 40 B et les articles 43 à 45 sont remplacés par l'article 10 suivant, lequel remplace aussi les articles 11 et 11 A du traité instituant la Communauté européenne. Ces mêmes articles sont également remplacés par les articles 280 A à 280 I du traité sur le fonctionnement de l'Union européenne, comme indiqué ci-après à l'article 2, point 278), du présent traité [5].

Упорядоченность языка как онтологической сущности описана его грамматикой и другими лингвистическими науками, но мы говорим об упорядоченности специального языка, у которого, кроме его онтологических характеристик, есть дополнительные характеристики, созданные благодаря вербализации правового знания. Где искать эти характеристики? Лингвисты их ищут в терминологии. Однако терминологическая семантика – это лишь часть вопроса. На наш взгляд, искать надо в методологическом ядре права. Французские юристы в методологии права во главу угла ставят юридическую технику, которая состоит из 3 частей: терминологии, средств правового регулирования и рассуждения, где термины составляют лишь 1/3, и главным оказывается юридическое рассуждение, именно оно определяет особенность приведения в действие средств правового регулирования. Например, значения слова *actions* ‘действия, акции, мероприятия, иски’ с юридической точки зрения не могут быть признаны синонимичными (лингвистически вопрос открытый).

Рассеянность проявляется в детерминологизации – замене закрепленного термина его синонимом или добавлением к нему иных смыслов; упрощениях во вторичных дискурсах: вместо официального названия *la Cour de justice de l’Union européenne* ‘Суд Европейского союза’ используется вокабула *la Cour*, вместо официального названия *Le Traité établissant une Constitution pour l’Europe (TECE*) ‘Договор, устанавливающий Конституцию для Европы‘ употребляется *la Constitution* ‘Конституция’. В тексте, далеко отстоящем от источника права, используются любые риторические средства естественного языка. Например, J.-L. Sauron так характеризует непринятие Конституционного договора: *un rejet de la Constitution, une plaie béante, la réforme institutionnelle, déchaînement d’égoîsmes nationaux, un rejet sans appel, les tenants du « non » de gauche, le rejet n’a pas causé un «choc salutaire», impasse, le double non franco-irlandais, la défunte Constitution* ‘отклонение Конституции, разгул национального эгоизма, безоговорочное отклонение, левые апологеты нет, отклонение «спасительного шока» не принесло, тупик, двойное франко-ирландское нет, почившая Конституция‘, он использует метафоры, эмоционально окрашенные выражения [9, p. 8–10].

Таким образом, следует отличать упорядоченный знанием дискурс, создающий научную картину мира, от рассеянного дискурса, высшей ступенью которого является естественный язык, представляющий собой конгломерат фрагментов дискурсов (éléments décantés) из всех сфер знания.

На обобщенном абстрактном уровне с обсуждаемой темой перекликается дилемма порядок/хаос, онтологически заложенная в праве, которое является упорядоченной (рациональной) конструкцией, призванной регулировать непредсказуемость и хаос действительности, устанавливать равновесие между системой норм и соответствующими отношениями. Так как право находится в постоянном нелинейном движении (*phénomène en continuel*

mouvement complexe et non-linéaire) [10], возникает еще одна дилемма: статика дискурса закона в применении к динамике действительности. S. Diebolt ищет теории, которые можно применить в этой ситуации: теорию турбулентности, биологическую теорию саморегуляции или самоорганизации. Здесь возникает парадокс: закон как правовая норма по отношению к движущейся действительности символизирует статику, в то время как язык с его способностью к рассеянности, трансферам и полисемии демонстрирует динамику. Динамику правового дискурса отражает выражение М. Фуко *formation discursive* ‘дискурсивное формирование’.

Взаимодействия в языке не позволяют признать правовой дискурс полностью материальной сущностью, в которой элементы действуют в соответствии с первоначальным предназначением. Другими словами, суть языка – в его метаморфозах. Единицы языка ведут себя подобно интерфейсам, единицам информации, которые могут одновременно находиться, трансформироваться и фиксироваться в разных местах.

Упорядоченность и рассеянность лежат в основе подходов к исследованию правового дискурса в качестве критериев анализа, дают возможность увидеть проявляющуюся во взаимодействии динамичность языка и объяснить некоторые (недоступные для тимологии) явления, процессы терминологизации и детерминологизации, а также показать различия языка и права как общественных установлений.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Выполняя регулирующие функции с помощью правового дискурса, право обладает иллюстративностью для его сравнения с языком.

Дополнительным аргументом в пользу различения упорядоченности и рассеянности является парадигма континентального права, воплощением которого является французский язык (язык Гражданского кодекса).

Парадигма континентального права основана на противопоставлении état de faits/état de droit ‘реальность/правовое пространство’, имеющем институциональный характер, что усиливает обоснованность анализа.

Изучаемые критерии анализа позволяют различать не только их крайние точки, но и промежуточные моменты для определения лингвистического статуса используемых элементов.

Основанный на контрасте упорядоченности и рассеянности анализ языка является весьма плодотворным не только для проведения классификаций, но и для преподавания юридического французского языка как иностранного в связи с установлением ассоциативных связей между дискурсами и терминами и возможностью их объяснить. И хотя мы изучали вопросы в рамках одной культуры и по отношению к одному языку, все они представляют интерес для контрастивной лингвистики в рамках изучения отношений между вербализатором и знанием, а также взаимодействия дискурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Серебренников, Б. А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б. А. Серебреннико; отв. ред. В. М. Солнцев. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 248 с.
2. *Бенвенист, Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов : I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия / Э. Бенвенист; общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова; пер. с фр. Н. Н. Казанского [и др.]. – М. : Прогресс, Универс, 1995. – 453с.
3. *Dauzat, A.* Dictionnaire étymologique de la langue française / A. Dauzat. – Paris. 1938. – 823 p.
4. *Фуко, М.* Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. Бр. Левченко. – К. : Ника-Центр, 1996. – 208 с.
5. Le traité de Lisbonne. TUE [Electronic Resource]. – Mode of access : http://www.assembleenationale.fr/13/projets/PL%20690%20Trait% C3%A9.pdf. – Date of access : 17.05.2017.
6. *Цицерон, М. Т.* Об обязанностях / М. Т. Цицерон; пер. с лат. В. Горенштейна. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 300 с.
7. Институции Юстиниана / пер. с лат. Д. Расснера; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А.Томсинова. – М. : Зерцало, 1998. – 400 с. – (Сер. «Памятники римского права»).
8. Le Code civil. – DALLOZ, 1992–1993. – 1809 p.
9. *Sauron, J.-L.* Lire et comprendre le Traité de Lisbonne / J.-L. Sauron. – 2008. – 137 p.
10. *Diebolt, S.* L'apport de la théorie de l'Ordre et du Chaos au paradigme de la complexité juridique / S. Diebolt [Electronic Resource]. – Mode of access : http://www.reds.msh-paris.fr/communication/textes/cplx03.htm. – Date of access : 17.05.2017.

The article describes the relationship between knowledge (legal) and verbalization on the material of the French language as a representator of civil law. The evolution of language (with its ontological properties) together with and depending on verbalized knowledge makes it possible to apply the criterion of orderliness and concentration.

Е. А. Романовская, А. А. Ходоренко
Минск, МГЛУ

ИДИОСТИЛЬ В ЖАНРЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЛЕКЦИИ

Главной особенностью, механизмом, который определяет целенаправленность научно-учебных лекций, являются взаимодействие лектора и аудитории. В целях решения задач академической коммуникации и для осуществления успешного речевого воздействия лекторы достигают высокого уровня индивидуализации своей речи, что делает проявление идиостиля одной из основных особенностей организации академической лекции.

Лектор применяет различные речевые стратегии и тактики, имеющие отдельные языковые показатели, из которых выстраивается индивидуальный стиль преподавания ученого. В статье рассматриваются основные сходства и отличия организации англоязычных и русскоязычных академических лекций на уровне языковых показателей речевых тактик в рамках двух стратегий: стратегии привлечения внимания к конкретному изучаемому материалу и стратегии повышения интереса к предмету и учебному процессу в целом.

Академическая лекция является речевым жанром академического дискурса, который находится на стыке научного и учебного типов институционального дискурса [1]. В рамках академического дискурса осуществляется публичное, предварительно подготовленное общение широко информированного в определенной области адресанта с групповым адресатом с целью передачи научных знаний.

Использование языка науки выделяет академическую коммуникацию среди прочих форм институционального общения [2]. Исходя из этого, академическому дискурсу будут присущи те же характеристики, которые можно выделить на уровне научного текста и дискурса. Лингвистами выявлены такие языковые особенности академической лекции, как

1) отвлеченно-обобщенность;
2) подчеркнутая логичность;
3) смысловая точность и ясность;
4) объективность и некатегоричность изложения;
5) диалогичность [1].

Вышеперечисленные лингвистические факторы организации лекции имеют отражение на лексическом уровне, а именно в широком употреблении в научной коммуникации абстрактной лексики; в последовательности, доказательности и аргументированности изложения; в терминологичности и однозначности понятий; во взвешенности оценок и цитировании мнений; также в направленности речи на адресата [1]. Данные языковые особенности организации академической лекции так или иначе являются результатом действия таких стилеобразующих неязыковых факторов, как

1) индивидуально-социальные характеристики речевого субъекта, порождающего текст;
2) характер отношения субъекта речи к ее адресату;
3) характер отношения автора текста к его теме и содержанию;
4) взаимодействие автора с языковым кодом [3].

Комплекс базовых неязыковых особенностей определяет отбор языковых средств в академической лекции, частоту их употребления, особенности сочетания, появление у них специфических семантико-стилистических окрасок. Следует также отметить, что перечисленные выше неязыковые факторы являются определяющими при формировании идиостиля ученого-лектора и его индивидуальных речевых особенностей. Исходя из этого, в общее понимание академической лекции также входит осознание роли лектора в ее

организации, так как специфика образовательного процесса лекции в каждом частном случае прежде всего зависит от профессиональной личности преподавателя и набора его профессиональных обязанностей, индивидуальных качеств и характеристик [4].

Так, *идиостиль*, или индивидуальный стиль речи, в широком понимании термина осмысляется как набор индивидуальных речевых особенностей. Рассмотрев данное понятие с позиций художественного, научного и педагогического типов дискурса, можно сделать вывод о том, что индивидуальный стиль ученого-лектора представляет собой отбор определенных языковых средств в научно-учебной коммуникации, обусловливающих специфику организации лекции, с одной стороны, как регламентированного учебного процесса и как индивидуально-выстраиваемого речевого воздействия – с другой. Данные типы дискурса рассматривают идиостиль и как совокупность стилевых черт и особенностей мышления, и как отношение к действительности и особенности в использовании языковых средств в речи, и как систему речевых средств и приемов учебного воздействия [5; 6; 7].

Для осуществления успешного речевого воздействия лектором применяются различные речевые стратегии и тактики, имеющие отдельные языковые показатели, из которых выстраивается индивидуальный стиль преподавания ученого-лектора. Релевантными для научно-учебного стиля речи академического дискурса определяются следующие*:* стратегия «привлечения внимания к конкретному изучаемому материалу» и соответствующая ей тактика *манипуляции информацией*, а также стратегия «повышение интереса к предмету и учебному процессу в целом» и тактика *реализации личности преподавателя* [4].

Стратегия «привлечение внимания к конкретному изучаемому материалу» применяется с целью завладеть вниманием аудитории и удержать его, активизировать работу на лекции путем преобразования учебного материала. Тактика манипуляции информацией является одной из самых распространенных в научно-педагогическом подвиде академического дискурса и относится к преобразованию учебного материала. Языковыми показателями данной тактики служат:

1) использование в речи *вопросительных конструкций*, *риторических вопросов* и *псевдовопросов*;

2) использование речевого приема *вводных реплик* и *вводных замечаний*;

Речевой прием вопросительной конструкции применяется для постановки темы или проблемы, о которой в дальнейшем будет идти речь, четко выражая предмет дальнейшего обсуждения. Лектор также прибегает к использованию многообразных риторических вопросов и псевдовопросов**,** стимулирующих участие и отслеживающих понимание аудитории. С использованием речевого приема вводных реплик и вводных замечаний вводится база, на которую надстраивается новая информация:

Can anybody explain why..?; *Can anybody see where the mistake is?*; *Are there any questions about this?*; *So that is a problem, isn't it?*; *To put it more concretely..*; *It's not that obvious, but..*; *As I've mentioned before..*

Кто-нибудь сталкивался с ситуацией, когда..?; *Кто здесь может разглядеть..?*; *Я думаю, вы понимаете, да?; Нужно сразу оговориться, что..*; *Все мы знаем, что..*; *Теперь надо обратиться от теории к реальности.*

Стратегия «повышение интереса к предмету и учебному процессу в целом» направлена на осознание значимости определенного учебного предмета, поддержание интереса к процессу обучения, а также на удержание внимания аудитории. Целью тактики реализации личности преподавателя является воздействие для привлечения и концентрации внимания и улучшения рабочей обстановки на лекции. К языковым показателям данной тактики относится использование:

1) языковых показателей *бытового дискурса* (шутки, анекдоты, пословицы и поговорки, афоризмы, лирические отступления)*;*

2) языковых *средств образности (*метафоры и фразеологизмы);

3) элементов *разговорной речи* (сленг*)*;

4) приемов *сравнения* и приведения *примеров.*

Шутки, анекдоты, пословицы и поговорки, афоризмы, а также лирические отступления от темы разговора служат перерывом во время занятия, направленным на смену умственной нагрузки, в результате чего аудитория получает эмоциональную разрядку и готова к качественному усвоению материала. Метафоры и фразеологизмы (идиомы) придают речи преподавателя выразительность, способствуют эффективности общения, помогает выражению понятийной мысли. Преподаватель, использующий сленг в своей речи, становится ближе учащимся, дает им возможность воспринимать себя как равную им личность, что выражается в непринужденности, неформальности общения оратора и аудитории. Использование стилистического приема сравнения и приведения примеров демонстрирует живость воображения преподавателя и служит для активизации ассоциативного мышления учащегося и улучшения качества усвоения и запоминания учебного материала:

To be a magpie in this game – to "steal anything that glitters" in another language; *It was a joke, don't trust me on this..*; *It's easier said than done; to be the "Holy Grail"*; *Here is difficult German "stuff"*; *That's gonna "get hairy"*; *It is, if you like, like learning to ride a bike..*; *So that's the equivalent with…*

Начну с анекдота..; *Относиться к компьютеру «с чувством, толком, расстановкой»*; *Времени «с гулькин нос»*; *Все это происходило до того, пока «лавочку не прикрыли»*; *Есть речевой оборот в стиле «Йоды», когда слова в порядке странном идут у человека*; *компьютер это «железная глупая машинка»*; *Часто бывает такое, что..*; *У меня прекрасный английский пример есть.*

Воздействующая роль лектора проявляется в использовании им разных языковых средств преподнесения и объяснения научно-учебной информации, образных и разговорных средств в речи, что наиболее характерно для данного типа лекции. Помимо текста лектор предоставляет слушателям дополнительный доступ к себе самому, а также возможность приобщиться к данному конкретному событию.

Таким образом, главной особенностью, механизмом, который определяет целенаправленность научно-учебных лекций, являются взаимодействие лектора и аудитории. Влияние неязыкового фактора на характер построения текста академической лекции – индивидуального речевого стиля лектора – становится ведущим моментом, определяющим специфику научного произведения внутри жанра. Вышеперечисленные примеры свидетельствуют о том, что в целях решения задач академической коммуникации лекторы достигают высокого уровня индивидуализации своей речи, что делает проявление идиостиля одной из основных особенностей организации академической лекции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кожина, М. Н.* Стилистика русского языка : учеб. пособие / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.
2. *Бурмакина, Н. Г.* Дискурсивно-интегративные и культурно-конвенциональные характеристики академической коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. Г. Бурмакина. – М., 2014. – 217 л.
3. *Чернявская, В. Е.* Интерпретация научного текста : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : КомКнига, 2005. – 128 с.
4. *Дроздова, Д. Р.* Феномен языкового манипулирования в академическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Д. Р. Дроздова. – Краснодар, 2016. – 211 л.
5. *Салимовский, В. А.* Опыт исследования идиостиля ученого (на материале текстов Л. Н. Мурзина) / В. А. Салимовский // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 3. – С. 139–143.
6. *Зуева, Н. Ю.* К вопросу об авторской индивидуальности в научной речи / Н. Ю. Зуева // Вест. КазНУ. Сер. филологическая. – 2013. – № 1–2 (141–142). – С. 20–23.
7. Педагогическая риторика : учеб.-метод. пособие / Кемер. гос. ун-т; сост. И. В. Тимонина. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2012. – 179 с.

The characteristic feature of an academic lecture, defining its main goal, is the relation between the lecturer and the audience. The lecturer applies various speech strategies and tactics, which are the building elements of his or her individual speech style.

Е. А. Савик
Минск, МГЛУ

НИДЕРЛАНДСКИЙ МЕДИАДИСКУРС: ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

В статье рассматриваются средства языковой репрезентации гендерных стереотипов в нидерландском медиадискурсе. Автор на основании контент-анализа статей гендерной тематики выявляет ряд культурно обусловленных особенностей вербализации гендерных стереотипов представителями нидерландской коммуникативной культуры.

Повседневная реальность показывает, что гендер является одной из значимых социальных категорий в жизни каждого человека. В бытовом взаимодействии и ежедневном общении выработаны особые наборы норм поведения и ситуативных реакций по критерию половой принадлежности, причем ожидания социума по отношению к представителям одного пола могут существенно отличаться от требований к представителям другого. Разница утверждена и лингвистически: единицы языка и специальные терминологические речевые средства по-разному описывают мужчин и женщин. Из этого складывается определенный «комплект» описательных категорий, реализованный в гендерных стереотипах – «сформировавшихся в культуре обобщенных представлениях (убеждениях) или предубеждениях о свойствах и характеристиках, которыми обладают или должны обладать женщины и мужчины, а также о том, какие роли они, как правило, выполняют или должны выполнять» [1].

Материалом исследования послужили статьи гендерной тематики интернет-версий популярных нидерландских газет, таких как *De Volkskrant, Trouw, NRC Handelsblad*, преимущественно за 2016 – 2017 гг.

Первая проанализированная нами группа стереотипов (и особенностей их вербализации) связана с представлениями о том, какими психическими и поведенческими свойствами, чертами и качествами обладают голландские мужчины и женщины.

Так, ключевыми лексемами и словосочетаниями, описывающими вербальное поведение современного голландского мужчины (в контексте участия в дебатах, в различного рода talk-show), явились: *meer op discussie uit zijn – быть в большей мере склонным к ведению дискуссии (в отличие от женщины), leren van zich afbijten en vechten om verbaal sterker te worden – учиться защищаться и вести словесные баталии, чтобы быть тверже и напористей.*

Ключевыми лексемами и словосочетаниями, описывающими вербальное поведение современной голландской женщины (также в контексте участия в дебатах, в различного рода talk-show), стали: *niet aandurven – не решительны, te bescheiden zijn – слишком скромны (сдержанны), vaak*

levendiger – часто оживленнее, зд. *оживленнее реагируют на реплики (в отличие от мужчин), een andere dynamiek geven – привносить иную динамику (в разговор), (также в отличие от мужчин).*

Тем не менее интересно отметить, что ключевым словосочетанием, описывающим вербальное поведение современной голландской женщины в семейной сфере, явилось: *een grote mond hebben – высказывать нелицеприятную критику, заявлять о своем недовольстве (*контекст*: Privé hebben vrouwen vaak een grote mond. – В обычной ситуации (особенно в семейно-бытовой сфере) женщин хлебом не корми – дай высказать нелицеприятную критику).*

Материалы нашей выборки позволили выявить также стереотипы относительно поведенческих свойств современного голландского мужчины, анализ вербализации которых показали некоторые противоречия в стереотипизации поведенческих свойств (а именно наличие как негативно, так и позитивно оцениваемых свойств). Так, с одной стороны, лексемами и словосочетаниями, описывающими поведение современного голландского мужчины, стали: *niet laten voorgaan – не пропускать перед собой, de deur voor neus dichtgooien – закрывать перед носом дверь (не придерживать дверь), de rekening voor twee delen – делить счет на двоих, op liefdesgebied een raadsel zijn – загадка в аспекте романтических отношений.*

С другой стороны, лексемами и словосочетаниями, описывающими поведенческие свойства современного голландского мужчины, стали: *zijn eigen overhemden strijken – гладить свои рубашки, niet te beroerd zelf een knoop aan zijn broek te naaien – не бояться пришить пуговицу к брюкам, koffie zetten – заваривать кофе, op tijd thuis van zijn werk zijn – приходить домой после работы без опозданий, kinderen van school halen – забирать детей из школы (или детского сада), aan de mening van zijn vrouw gelegen liggen – полагаться на мнение своей жены (*контекст*: nergens ter wereld laat een man zich zoveel gelegen liggen aan de mening van zijn vrouw – нигде в мире мужчина не полагается в такой значительной степени на мнение своей жены).*

Вторая проанализированная нами группа стереотипов связана с различиями в содержании труда мужчины и женщины. Объектом стереотипизации явилось участие мужчины и женщины в воспитании детей и выполнении работы по дому.

Ключевыми лексемами и словосочетаниями, описывающими гендерный стереотип участия мужчины в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей, стали: *evenveel tijd besteden – уделять равное количество времени, voor een meer gelijke verdeling van werk kiezen – поддерживать идею равного разделения трудовых обязанностей, de rolverdeling spelt een rol – разделение обязанностей играет важную роль, meer zorgtaken op zich nemen – брать на себя больше обязанностей по уходу за детьми, vaders nemen steeds vaker ouderschapsverlof op – отцы все чаще берут отпуск по уходу за детьми, een belangrijke stap in de erkenning van het feit dat vaders belangrijk zijn – важный шаг на пути признания значимости роли отца.*

Ключевыми лексемами и словосочетаниями, описывающими гендерный стереотип участия женщины в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей, стали: *met de verdeling van zorgtaken tevreden zijn – поддерживать существующее разделение обязанностей (*значение*: многие женщины довольны существующим разделением обязанностей), de zorgtaken zijn nog steeds ongelijk verdeeld – обязанности (*зд. *по уходу за ребенком) все еще распределяются не равномерно (*имеется ввиду*: в некоторых семьях)*.

Третья проанализированная нами группа стереотипов связана с распределением профессиональных ролей в соответствии с полом.

Так, в отношении женщин ключевыми словосочетаниями, описывающими различия в плане распределения профессиональных ролей и оплаты труда, стали: *goed gekwalificeerde en uitstekend opgeleide vrouwen – квалифицированные и прекрасно образованные женщины, inkomensgelijkheid – равномерное распределение доходов, gelijke beloning is nog vele decennia ver weg – равных зарплат в ближайшем будущем пока не предвидится, 32 procent minder verdienen – зарабатывать на 32 % меньше (*контекст: *Een Nederlandse vrouw verdient gemiddeld 32 procent minder dan een man met dezelfde functie. – Женщины в Нидерландах в среднем зарабатывают на 32% меньше, чем мужчины, находящиеся в той же должности), minder dan vergelijkbare mannelijke hoogleraren verdienen – зарабатывать меньше мужчин-профессоров (*контекст: *vrouwelijke professoren verdienen minder dan vergelijkbare mannelijke hoogleraren – женщины-профессора зарабатывают меньше мужчин-профессоров)*, *lager ingeschaald worden vanwege leeftijd en niveau – меньше платить за стаж и квалификацию (*контекст: *vrouwelijke professoren worden lager ingeschaald vanwege hun leeftijd en niveau – женщинам-профессорам меньше платят за стаж и квалификацию, 800 euro minder verdienen – зарабатывать на 800 евро меньше (*контекст: *Vrouwelijke professoren verdienen per maand bruto 800 euro minder dan vergelijkbare mannelijke hoogleraren. – Ежемесячная заработная плата женщин-профессоров, до вычета налогов, на 800 евро меньше, чем заработная плата мужчин-профессоров), het aandeel vrouwen in de wetenschap – количество женщин в науке (*контекст: *Nederland bungelt al decennia internationaal onderaan met het aandeel vrouwen in de wetenschap. – Уже на протяжении многих лет Нидерланды отстают от других стран по количеству женщин в науке), hoogleraarspost – должность профессора (*контекст: *Volgens het maandag gepresenteerde rapport was in 2015 zo'n 18 procent van de hoogleraarsposten in Nederland door een vrouw bezet. – Согласно отчету, представленному в понедельник, в 2015 году среди нидерландских профессоров насчитывалось 18 % женщин), alles doen om ervoor te zorgen dat zij makkelijker opklimmen naar leidinggevende posities en naar politieke functies – сделать все необходимое, чтобы им (женщинам) стало легче добиваться руководящих и политических должностей.*

Ключевыми словосочетаниями в отношении мужчин, описывающими различия в плане распределения профессиональных ролей, стали: *geslaagde carrièretijgers (carrièrejagers) – прирожденные карьеристы, aan het traditionele rolpatroon houden – придерживаться традиционных установок (*контекст: *в том, что касается занятости мужчины на работе), meer betaalde arbeid verrichten dan de vrouw – быть в большей степени занятым на работе, чем женщина (*контекст: *de man meer betaalde arbeid verricht dan de vrouw – мужчина в большей степени занят на работе, чем женщина).*

Таким образом, в нашей статье были обозначены некоторые особенности вербализации гендерных стереотипов в нидерландском медийном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гендерные стереотипы/формирование стереотипов [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.ohchr.org/RU/Issues/Women/WRGS/Pages/GenderStereotypes.aspx. – Date of access : 10.04.2016.

The article analyses gender stereotypes in the Netherlands and the way they are verbalized in the Dutch media.

Т. А. Сысоева
Минск, МГЛУ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В МЕДИАЖАНРЕ «ДИСКУССИЯ»

Сопоставительный анализ средств вербализации глобальной авторской интенции в текстах жанра «дискуссия» из белорусской и американской периодики позволяет сделать вывод о сходстве репрезентации категории интенциональности в исследуемых текстах на двух языках. Реализуя коммуникативное намерение поделиться собственным мнением по поводу актуальной проблемы, обсуждаемой в публикации, авторы делают акцент на субъективности своих рассуждений и используют соответствующие маркеры: местоимения первого лица, вводные слова, лексику с модальным значением. Несмотря на общую тенденцию отдавать приоритет собственному мнению, в некоторых случаях авторы все же апеллируют к чужой точке зрения. При этом лингвокультурная специфика такова: для белорусских изданий характерна генерализация, тогда как в американских изданиях более частотны конкретизация, противопоставление мнений и фактов.

В результате процессов диффузии жанров и их конвергенции в современном медиадискурсе возникает все больше новых, «гибридных» форм текста [1]. Помимо привычных нам медиапродуктов в форме газетной статьи, телепередачи или радиоинтервью появляются и такие интегрированные

жанры, как инфотейнмент, эдютейнмент и др. [2, с. 27]. К подобным «новинкам» можно отнести тексты газетного жанра *дискуссия* (*спор*), которые в ряде белорусских изданий стали уже традиционными («Беларусь сегодня», «Народная газета»).

Каждый жанр характеризуется рядом параметров, отличающих его от других типов текста: целеустановка, семантическая структура, стратегии и тактики, языковые средства их воплощения. Связать эти характеристики воедино позволяет категория *интенциональности* (глобальная авторская интенция), являющаяся одной из главных в коммуникативно-прагматическом плане категорий дискурса [3, с. 40].

Анализ текстов медиажанра «дискуссия» из русскоязычного белорусского издания «Народная газета» (за 2014–2016 гг.) с точки зрения интенциональности показал, что ведущей авторской интенцией является выражение субъективного мнения по поводу актуальной проблемы общества. Обсуждаются вопросы экономики, образования, здравоохранения, современного искусства и др., при этом исследуемые тексты представляют собой своеобразный виртуальный диалог: два приглашенных эксперта, профессионально связанные с определенной сферой деятельности, обмениваются мнениями и предлагают собственные пути решения обсуждаемой проблемы. Мнение каждого участника оформляется в виде отдельной статьи, а затем две публикации размещаются на одной газетной странице под общим заголовком (например, *Наука на практике*), однако каждая статья имеет собственное название (*Как воспитать новых Капиц* – мнение председателя общества физиков; *Риск – дело инновационное* – мнение представителя Белорусской научно-промышленной ассоциации). Роль читателя газеты состоит в том, чтобы во время прочтения статей следить за «ходом дискуссии» подобно телезрителю в студии и в итоге выбрать победителя виртуального спора. Эксперты могут высказывать диаметрально противоположные или дополняющие друг друга точки зрения, однако не решают поставленную задачу до конца. Вопрос остается открытым, а окончательные выводы и выбор победителя – за читателем.

С целью проведения контрастивного анализа тексты жанра «дискуссия» из белорусского издания были сопоставлены с аналогичными публикациями, размещенными на сайте американского издания “The Washington Post”, где в рубрике *Opinion* предлагается опция *Read more on this topic*. Перейдя по ссылке, читатель может ознакомиться с мнением других экспертов по обсуждаемой проблеме, например: *A turning point in Montgomery for education* – мнение редакции о реформах в сфере образования; *Montgomery County's wrong tack on culturally diverse education* – мнение родителя ученика; *The 'great' Montgomery County schools? They were once. Maybe they can be again* – мнение блогера, пишущего статьи по данной теме. Таким образом, анализ англоязычных текстов также подтверждает их ориентированность на обмен субъективными мнениями между экспертами в определенной области, а не на обмен между редакцией и читателями газеты.

Как в белорусском, так и американском издании обсуждаемая проблема маркируется рядом существительных с контекстуально обусловленным синонимическим значением: *проблема*, *вопрос*, *сложность*, *ситуация*; *problem*, *issue*, *challenge*, *situation*. Однако при ее рассмотрении автор текста акцентирует не столько факты, сколько свои субъективные мнения, отношения, оценки, открыто высказывая достаточно категоричные суждения: ***Я за*** *применение западных технологий, но* ***категорически не приемлю****, когда молодые белорусские артисты начинают петь на английском языке*; *При реставрации старинного замка* ***нельзя использовать*** *банальный современный кирпич!*; *It's* ***terrifying***; *That is* ***wrong*** *on many levels*. Такой результат получен не случайно. По мнению современных представителей медиалингвистики, безапелляционность суждений, необоснованная генерализация, ориентация на одну версию (интерпретацию) воспринимаемого события и подача ее как единственно возможной, апелляция к ценностям определенного культурного сообщества – все эти свойства присущи актуальным медиатекстам [4, с. 23–24].

Поскольку глобальной интенцией автора каждой статьи является выражение субъективной точки зрения, для исследуемых текстов характерны определенные средства экспликации мнения. Основной маркер – местоимение первого лица единственного числа: ***Я*** *уверен*; *С* ***моей*** *точки зрения, причина – в недостатке преференций и льгот*; *How grateful* ***I*** *am that this was so*; ***I*** *take it as a basic principle*. С целью подчеркнуть свою принадлежность к группе адресант также использует форму множественного числа: *У* ***нас*** *в республике…*; *Исторически на* ***нашей*** *земле…*; *Small and large businesses are starting and thriving in every corner of* ***our*** *city.* Отождествляя себя с определенной социальной общностью, автор текста реализует таким образом стратегию солидаризации. Форма местоимения призвана подчеркнуть тот факт, что обсуждаемая проблема актуальна для региона, в котором проживает отправитель сообщения.

Эксплицировать авторское отношение к проблеме позволяют различные вводные слова и средства текстовой связи, указывающие на степень уверенности/неуверенности, чувства: ***Наверное****, на каком-то этапе это было правильно*; ***К сожалению****, наши банки оказались не готовы для работы с долгосрочными инвестициями*; ***Unfortunately****, we are hearing a doomsday scenario from the opposition*. Особенностью американских авторов является более частое использование коннекторов, служащих для противопоставления фактов, мнений (*however, though, on the contrary*): *The magnitude of that increase,* ***however****, is a matter for caution*. Таким образом, в американских изданиях больше внимания уделяется противопоставлению идей, сопоставлению авторской точки зрения и чужого мнения.

Обсуждение актуальной проблемы в том числе включает в себя выражение собственных идей по поводу способов ее решения. Основным вербальным маркером подобных высказываний выступают слова с семантикой необходимости (*нужно*, *следует*, *должен*; *should*, *need*, *must*): *Чтобы достичь*

наиболее эффективного и плодотворного сотрудничества науки с производством, ***необходимо*** *движение представителей этих сфер деятельности навстречу друг другу*; *The minimum wage* ***should*** *go up, but sustainably*. Авторы статей, как уже отмечалось выше, являются признанными экспертами в своей области, и наличие собственного опыта или специальных знаний является тому подтверждением: *Автор этих строк в начале двухтысячных работал в annapame*; *That is why, as a progressive businessman, I welcome efforts to change the way business is conducted here*. Подобные знания и опыт могут считаться еще одним основанием для того, чтобы делать категоричные суждения или предлагать собственный план мероприятий с целью преодоления проблемной ситуации.

Тот факт, что исследуемые тексты представляют собой дискуссию (спор), хоть и виртуальную, предполагает не только апелляцию к собственному мнению, но и к чужой точке зрения. Отсылка к чужому мнению, опыту или варианту решения проблемы делается, как правило, по двум причинам. Первая причина – подкрепление собственной аргументации, доказательство своей правоты. Это происходит в том случае, когда мнения совпадают, и в подобных примерах реализуется тактика апелляции к авторитету: *Президент совершенно справедливо указал на необходимость повышения зарплаты за счет роста производительности труда*; *Alan B. Krueger, the minimum-wage expert who formerly headed Mr. Obama's Council of Economic Advisers, has written*…. При этом авторы статей из белорусской периодики чаще используют стратегию генерализации, приводя общие сведения и избегая указания на конкретного человека, тогда как для американской периодики более характерны детали, точное обозначение источника информации: *Исследования показали…*; *Data collected from more than 200 cases between January 2014 and April showed that the county's district courts "are not doing what they should" to keep victims safe in more than two-thirds of relevant cases*. Отсылка на мнения авторитетов, приведение статистики, указание первоисточников в целях убеждения отвечает общей тенденции развития современного медиатекста [1, с. 107–111].

Вторая причина обращения к чужому мнению или чужому варианту решения проблемы – желание автора статьи показать их несостоятельность. В данном случае реализуется тактика контраста: ***Some business associations were shouting*** *that the sky was falling. But when the D.C. Council banned smoking in restaurants, nothing fell from the sky and businesses boomed*. Несмотря на то, что в целом в исследуемых текстах апелляция к чужому мнению делается реже, чем к собственному (16 % всех выявленных маркеров мнения в белорусских издания и 40 % – в американских), подобный прием позволяет «оживить» текст, придать ему диалогичность. Представляя собой «взаимодействие двух или нескольких смысловых позиций, многоголосие общения»,

диалогичность выступает одним из фундаментальных свойств медиатекста [5, с. 28]. При этом лингвокультурная специфика состоит в том, что для американских изданий отсылка к чужой точке зрения, противопоставление мнений более характерны, о чем свидетельствуют приведенные выше цифры.

И все же авторы анализируемых статей значительно чаще апеллируют к собственной точке зрения, чем к чужой (84 % маркеров мнения в белорусских изданиях и 60 % в американских соответственно). Полученное количественное соотношение доказывает, что фокусом публикации в жанре «дискуссия (спор)» является субъективное мнение адресанта, тогда как демонстрация несостоятельности чужих точек зрения лежит за пределами глобальной авторской интенции.

Таким образом, в основе исследуемых текстов находится намерение автора поделиться субъективным мнением по поводу обсуждаемой проблемы, своими знаниями в данной сфере или даже личным опытом, а также предложить собственный путь решения вопроса. Автор не предпринимает попыток скрыть субъективность своих оценок, завуалировать их. Наоборот, глобальная интенция – поделиться мнением – возводится в степень, на субъективности делается акцент. Сопоставительный анализ белорусских и американских изданий позволяет говорить о сходстве средств репрезентации категории интенциональности – местоимений первого лица, вводных слов и коннекторов, лексики с модальным значением. Общей чертой является превалирование маркеров собственного мнения над маркерами чужого мнения. Основные лингвокультурные различия связаны с тенденцией генерализации в белорусских изданиях и тенденцией конкретизации в американских изданиях, а также более частым противопоставлением мнений и фактов в англоязычных текстах, свидетельствующим о большей степени их диалогичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современный медиатекст : учеб. пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.

2. *Волкова, А. А.* Медиатекст в условиях конвергенции / А. А. Волкова // Журналистский ежегодник. – 2013. – Вып. № 2–2. – С. 26–28.

3. *Карпилович, Т. П.* Эксплицитные и имплицитные средства в вербализации интенциональности медиадискурса / Т. П. Карпилович // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи : тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 10–11 мая 2017 г. / редкол.: Л. М. Лещева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2017. – С. 40–42.

4. *Гришаева, Л. И.* Соотношение эксплицитного и имплицитного в актуальных медиатекстах / Л. И. Гришаева // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи : тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 10–11 мая 2017 г. / редкол.: Л. М. Лещева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2017. – С. 23–25.

5. *Мельник, Г. С.* Медиатекст как объект лингвистических исследований / Г. С. Мельник // Журналистский ежегодник. – 2012. – Вып. № 1. – С. 27–29.

Media genre “discussion” demonstrates a number of common tendencies in Belarusian and American printed editions. The intentionality category is represented by a similar set of markers: first-person pronouns, text connectors, modal verbs. However, Belarusian authors tend to generalize, while the American authors stress details and contrast different facts and opinions.

В. В. Хомич
Минск, МГЛУ

ТЕКСТОВЫЕ АССОЦИАТИВНЫЕ ПОЛЯ В СТРУКТУРЕ КОРОТКИХ РАССКАЗОВ

В статье на примере трех рассказов англоязычных авторов представлены поля ключевого слова *house* ‘дом’, встречающегося во всех анализируемых произведениях и являющегося важным для раскрытия их основного смысла. Приведены примеры ассоциаций из исследуемых текстовых ассоциативных полей, которые рассматриваются с точки зрения раскрытия основной идеи каждого из рассказов. Внутри ассоциативных полей слова подразделяются на тематические группы, которые связаны как с ключевым словом текста, так и между собой. Обнаружены полные совпадения, сходства и различия среди ассоциаций, характеризующих ключевые слова. Определяется роль текстовых ассоциативных полей в раскрытии авторского замысла и в формировании ассоциативной структуры текста.

За долгие годы лингвистического изучения текста многое было сделано в исследовании его лексической и ассоциативной структуры, однако ее особенности привлекают внимание и в настоящее время. Чрезвычайно важным представляется анализ текстовых ассоциативных полей ключевых слов в структуре текста художественного короткого рассказа, поскольку они влияют на смыслообразование, на раскрытие авторского замысла и формирование образа автора.

Прежде всего необходимо рассмотреть, что собой представляет текстовое ассоциативное поле. Далее надо определить ассоциативную структуру текста, выяснить, из чего она состоит и как выявляется.

Ассоциативное поле слова в лингвистике определяется как совокупность ассоциатов, «смысловых коррелятов к стимулу, соотносимых в сознании воспринимающего текст субъекта с реалией художественного мира или сознания, а также с другими словами» [1, с. 14].

Наряду с ассоциативным полем слова выделяют ассоциативное поле текста, определяемое как «систему стимулированных текстом в сознании адресата вербальных ассоциаций, организованных по принципу поля, имеющего ядро (наиболее частотные ассоциации) и периферию» [2, с. 20]. Между ассоциативным полем слова и ассоциативным полем текста существует

определенный изоморфизм. Ассоциативное поле текста включает реакции не только на текст в целом, но и на отдельные актуализированные в нем лексические единицы, т.е. ассоциативные поля слов входят в ассоциативное поле текста.

Ассоциативное поле состоит из ядра и периферии, т.е. из наиболее частотных, стереотипных реакций и индивидуальных, единичных. Ядром текстового ассоциативного поля являются ключевые слова, играющие основную роль в раскрытии смысла произведения.

Таким образом, ключевые слова в художественном рассказе выступают в роли ядерного текстуального компонента, а вызываемые ими ассоциации, из которых формируются ассоциативные поля, выполняют текстообразующую функцию.

Рассмотрим, какую роль играют текстовые ассоциативные поля, представленные несколькими тематическими группами лексических единиц, в структуре короткого художественного рассказа на примере трех рассказов англоязычных авторов.

Среди ключевых слов, выделяемых нами в рассказах “The Street that got Mislaid” П. Уоддингтона, “Buttercup Night” Дж. Голсуорси и “Cup of Tea” К. Мэнсфилд, оказалось слово *house* ‘дом’. В первом рассказе речь идет о заброшенной улице и о том, как она изменила жизнь главного героя. В нем основная идея формируется вокруг слова *street* ‘улица’, поскольку именно на описываемой автором улице и происходят основные события рассказа. Слово *house*, будучи также одним из ключевых, выступает и одной из основных ассоциаций на слово *street*, поэтому в этом рассказе внимание читателя больше привлекает расположение домов и их обитатели.

Во втором рассказе ключевое слово *house* несет основную смысловую нагрузку, которая заключается в описании дома и его окружения. Здесь большое внимание уделяется описанию природы, поэтому интересными представляются ассоциации, описывающие близлежащие объекты.

В третьем рассказе главная героиня, состоятельная дама, приводит в свой дом бедную девушку, чтобы помочь ей. События разворачиваются в доме, поэтому важными являются ассоциации, описывающие дом изнутри: то, из чего он состоит, что в нем находится и т.д. Интересен и тот факт, что рассказы были написаны разными авторами и на разные темы и, казалось бы, в них нет ничего общего, но их ключевые слова практически одинаковы, и они помогают раскрыть смысл художественных произведений, передавая нечто основное, фундаментальное, известное многим людям.

Построив текстовые ассоциативные поля в каждом из рассказов, мы выяснили, что внутри этих полей есть и сходства, и различия, и одинаковые группы ассоциаций, и совпадения среди самих ассоциаций. Внутри ассоциативных полей слова подразделяются на тематические группы, которые связаны как со стимулом (ключевым словом текста), так и между собой. В таблице представлено ключевое слово *house* и его текстовые ассоциативные поля из вышеперечисленных рассказов.

Текстовые ассоциативные поля слова *house*

House 1	Слова, связанные с наименованием того, из чего состоит дом: *ground, cellar, floor, wall, brick, window, entrance, room, office, top*
	Группа слов, указывающих на местоположение дома: *place, space, city, alley, street*
	Слова, ассоциирующиеся с тем, что находится рядом с домом: *road, houses, garden, flowers, roses*
	Слова, ассоциирующиеся с людьми, владеющими домом или проживающими в нем: *family, owner, tenant, landlady, traveler, passer-by*
House 2	Слова, связанные с наименованием того, из чего состоит дом: *window, door, wall, curtains*
	Группа слов, указывающих на местоположение дома: *place, village, country*
	Слова, обозначающие разные виды домов: *houses, farmhouse, inn*
	Слова, ассоциирующиеся с тем, что находится рядом с домом: *yard, gale, hedge, fields, meadows, path, orchard, garden, apple trees, flowers, flowery shrubs, mossy grass, rhododendrons, buttercups, mayflowers*
	Слова, характеризующие дом: *long, low, sad*
House 3	Слова, связанные с наименованием того, из чего состоит дом: *floor, window, hall, stairs, room, bedroom, library, fire, door, writing-room, desk, furniture, chair, things, curtains, cushions, rugs, cupboard, tea-table*
	Слова, характеризующие дом: *warm, cozy, comfortable*

Рассмотрев слово *house* в качестве ключевого в текстах этих рассказов, отметим, что в каждом текстовом ассоциативном поле образовались определенные группы слов, ассоциативно связанные с ним. Например, в первых двух рассказах есть группы слов, относящиеся к наименованиям местоположения дома, в третьем рассказе такой группы нет. Это объясняется тем, что для раскрытия основного смысла этих двух рассказов важно было то, где именно находились эти дома. В третьем рассказе это незначимо, поскольку все основные события происходят внутри дома, для раскрытия основной идеи этого произведения важно то, что было именно внутри дома, поэтому здесь группа слов, связанная непосредственно с самим домом и его составляющими, самая большая. Наименования того, из чего состоит дом, присутствуют во всех трех рассказах независимо от описываемых там событий. Можно предположить, что если взять больше рассказов с ключевым словом *house*, то в них тоже будут обнаружены подобные группы слов.

Что же касается слов-ассоциаций, описывающих *дом,* то они присутствуют в двух последних рассказах, поскольку для раскрытия смысла первого рассказа неважно, какие бывают дома. Автор, наоборот, строит рассказ, показывая, что все дома одинаковы и все происходящее в них одинаково.

Если рассмотреть непосредственно сами ассоциации, то следует отметить, что во всех трех полях есть слово *window*, а слова *door, flowers, garden, place, wall, curtains, floor* и *room* встречаются в двух рассказах.

При сравнении совершенно разных рассказов мы нашли общие ключевые слова и общие ассоциации в текстовых ассоциативных полях этих слов, что свидетельствует о том, что существует некая система ассоциативных связей в структуре текстов, основанная на всем известных, часто употребляемых словах, которыми, вероятно, могут быть и *house (дом),* и *city (город),* и *day (день),* и *night (ночь),* и *time (время),* и *year (год),* и *month (месяц)* и т.п. Все они известны читателям рассказов, потому что они связаны с повседневной жизнью, они близки каждому человеку. Поэтому, создавая ассоциативные поля вокруг подобных стимулов, автор как бы вступает в диалог с читателем. Ведь читатель сначала стремится понять очевидное и только потом видит то, что скрывается между строк авторского текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болотнова, Н. С.* Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте / Н. С. Болотникова. – Томск, 1994. – 212 с.
2. *Болотнова, Н. С.* Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора / Н. С. Болотникова // Вестн. ТГПУ. Сер. : Гуманит. науки (Филология). – 2004. – Вып. 1 (38). – С. 20–25.

The article is devoted to the problem of the textual associative fields in the structure of a short story. The examples of the fields are given. The role of associations in the text structure is discussed.

В. В. Чалагаева
Минск, МГЛУ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИКРОПОЛЯ «СТРАХ» В ПИСЬМЕННОМ И УСТНОМ НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются эмотивные единицы, репрезентирующие микрополе «Страх» в письменном и устном новостном дискурсе на английском и русском языках, на материале текстов газетной и телевизионной англо- и русскоязычной хроники. Автор описывает слова-индикаторы для эмоции «страх» в медиадискурсе и исследует наиболее частотные эмотивы данного микрополя исходя из их частеречной представленности.

Эмоциональность современного новостного медиадискурсас становится его отличительной чертой, превращаясь в какой-то степени в одну из его «новостных ценностей». Мы полагаем, что эмоции выполняют три функции в новостном дискурсе. Во-первых, они сигнализируют о политических сужде-

ниях и моральных ценностях общества; во-вторых, являются мощными мотиваторами вовлечения рецепиентов в текст новости; в-третьих, играют важную роль в формировании коллективной идентичности и социального единства [1]. Тем не менее эмоции в новостном дискурсе призваны либо облегчить восприятие новостного текста, либо внести дополнительные коннотации в новость, однако они не должны «затмевать» собой основную историю. Таким образом, эмоциональность в новостном телевизионном дискурсе является современным риторическим приемом.

В результате проведенного исследования, материал которого составляет по 250 текстов газетной и телевизионной англо- и русскоязычной хроники, нами были установлено, что эмотивная лексика, представляющая микрополе «Страх», является универсальной и превалирующей для письменного и устного новостного дискурса на обоих языках. Вслед за В. И. Шаховским и Т. А. Муллиновой под эмотивными элементами мы подразумеваем лексические единицы, называющие чувства и эмоции [2, л. 24; 3]. Во-первых, такие единицы обладают наибольшей номинативной определенностью, так как обозначают конкретные эмотивные смыслы. Во-вторых, эмотивная сема является яркой и коммуникативно значимой, поэтому она всегда фиксируется в их словарных толкованиях. В-третьих, семантика таких эмотивов не зависит от контекста.

При исследовании эмотивной лексики микрополя «Страх» нами были выделены ядерная и периферийная зоны. В ядре анализируемого поля расположены эмотивные единицы, обозначающие непосредственно эмоцию страха (*fear, horror, to terrify, страх, бояться*). Так, например, словами-индикаторами для эмоции «fear» ‘страх’ в английском и русском языках могут выступать

1) существительное: *alarm, anxiety, apprehension, apprehensiveness, awe, concern, consternation, cowardice, cravenness, diffidence, dismay, doubt, dread, faint-heatedness, fright, horror, nervousness, panic, terror, trepidation, uneasiness, worry; страх, фобия, тревога, боязнь, трепет* и др.;

2) глагол: *be afraid of, dread, quail at, shrink from, tremble at, worry about*; *устрашать, ужасать, стращать, страшить, пугать, трепетать*;

3) прилагательное*: fearful, afraid, terrible, awful, alarmed, apprehensive, frightened, nervous, panic-stricken, scared, terrified, fearsome, intimidating, terrifying, frightful; страшный, устрашающий, опасный* и др.

В англоязычном письменном новостном дискурсе к наиболее частотным эмотивам, входящим в микрополе «Страх», относятся имена эмоций *fear*; предикаты *to be afraid of, to fear*, *to be scared*; прилагательные *terrible, horrible*; наречие *horribly*.

Эмотивы, объединенные общим значением ‘испытывать чувство страха’, характерны в первую очередь для англоязычной политической хроники в письменном новостном дискурсе. Рассмотрим фрагмент хроники: *A police van repeatedly hit protesters outside the US embassy in Manila. Franklin Kho, the police driver, said he did not deliberately hit the protesters but was fleeing them,*

*as he **feared** they would hijack the vehicle* ‘Полицейский автомобиль несколько раз наехал на протестующих на улице возле посольства США в Маниле. Франклин Хо, водитель транспортного средства, заявил, что он наехал на людей не специально, а из-за **страха** того, что автомобиль могут угнать’ [4].

В русскоязычном письменном новостном дискурсе эмотивная лексика микрополя «Страх» репрезентируется именами эмоций (*опасность, угроза*); предикатами (*опасаться, угрожать*); прилагательными (*опасный*): *Президент Турции Эрдоган **пригрозил** Евросоюзу открыть турецкие границы для нелегальных мигрантов. **Угроза** прозвучала после того, как Европарламент проголосовал за приостановку переговоров о возможном вступлении Турции в ЕС* [5].

В письменном новостном дискурсе на английском и русском языках в качестве эмотивной лексики выступают следующие части речи: существительные (43 и 47 %), прилагательные (18 и 23 %), глаголы (20 и 24 %), причастия (17 и 5 %) и наречия (2 и 1 %).

В результате анализа устного новостного дискурса на материале англоязычной телевизионной хроники можно сделать вывод о том, что наиболее часто эмотивная лексика с общим значением ‘испытывать чувство страха’ встречается в телевизионной хронике, освещающей ситуации противостояния: *More than 160 people are dead, hundreds more are wounded. But tonight President Erdogan claims he is back in control after a failed military coup. Thousands of soldiers and alleged plotters are now under arrest, others have been trying to flee to Greece. There was a night of **terrifying** violence as crowds clashed with troops backed by tanks and helicopters* ‘Более 160 человек убиты, еще сотни ранены. Однако сегодня вечером президент Эрдоган заявил, что он опять у власти после неудавшегося военного переворота. Тысячи солдат и предполагаемых заговорщиков взяты под арест, остальные пытаются сбежать в Грецию. Ночь ознаменовалась **ужасающей** жестокостью, т.к. толпы людей столкнулись с войсками, которых поддерживали танки и вертолеты’ («Channel 4», 16.07.16). К наиболее частотным эмотивам, входящим в микрополе «Страх» в устном англоязычном новостном дискурсе можно отнести: имена эмоций (*fear*); предикаты (*to threaten, to be afraid of, to fear, to be scared*); прилагательные (*ghastly*, *terrible, horrible*).

В русскоязычном устном новостном дискурсе микрополе «Страх» репрезентируется именами эмоций (*страх*); предикатами (*бояться, испугать*); прилагательными (*страшный*): *В Кобринском районе стая волков держит в **страхе** жителей нескольких деревень. Хищники не **боятся** заглядывать на подворье и загрызли уже более 15 собак. С чем связано такое поведение зверей разбиралась Виктория Потапчик* («Беларусь 1», 15.12.16).

В устном новостном дискурсе на английском и русском языках в качестве эмотивной лексики выступают следующие части речи: существительные (38 и 53 %), прилагательные (23 и 12 %), глаголы (21 и 29 %), причастия (16 и 4 %) и наречия (2 и 2 %).

Мы полагаем, что превалирование эмотивных единиц микрополя «Страх» в письменном и устном новостном дискурсе обусловлено молниеносным отображением происходящих в мире событий, а также тем фактом, что негативные события распространяются быстрее в силу их высокой эмоциональной заряженности. Негативность является одной из «новостных ценностей» современного медиадискурса, что объясняет использование эмотивной лексики, репрезентирующей эмоцию «страх», создающей атмосферу неясных предчувствий и ожиданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gruber*, *H.* Evaluation devices in newspaper reports / H. Gruber // Journal of Pragmatics 19. – Elsevier, 1993. – P. 469–486.
2. *Муллинова*, *Т. А.* Эмотивная лексика в художественном тексте: функционально-семантический аспект (на материале романов А. Белого «Котик Летаев» и «Крещеный китаец») : дис….канд. филол. наук. : 10.02.01. / Т. А. Муллинова. – Краснодар, 2004. – 152 л.
3. *Шаховский*, *В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – М. : Либроком, 2009. – 192 с.
4. The Times. – 2016. – 20.10. – P. 40.
5. СБ: Беларусь сегодня. – 2016. – №242 (25110). – С. 1.

The article dwells upon emotive elements representing microfield “Fear” in written and audiovisual news discourse in the English and Russian languages. The material under analysis consists of 250 newspaper and television news-in-brief each. The author describes indicating words for the emotion “fear” in media discourse in both languages and analyses the most frequently used emotive elements and parts of speech they represent.

И. В. Лешкевич
Минск, МГЛУ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИЙ АРГУМЕНТАТИВНОСТИ И ОЦЕНКИ В БЕЛОРУССКОМ И БРИТАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматривается взаимодействие категорий аргументативности и оценки на материале аналитической статьи из белорусской и британской прессы. Категория аргументативности изучается в рамках семантической структуры аналитической статьи и наиболее ярко представлена обязательным компонентом *аргумент*, способным принимать участие в построении всех компонентов структуры. Категория оценки реализуется рационально- и эмоционально-оценочными единицами различной частеречной принадлежности, которые изучаются с точки зрения их роли в вербализации семантических компонентов аналитической статьи. Выявляются сходства и различия в структуре и используемых оценочных лексических единиц в двух корпусах текстов.

В результате глобализации информационных процессов и расширения форм воздействия на человека с помощью средств массовой информации интерес представляет изучение медиадискурса. Анализ же медиадискурса в сопоставительном аспекте способствует выявлению сходств и различий речевого поведения представителей разных культур, что также составляет актуальность данного исследования. Материалом служат 50 аналитических статей из британских и белорусских периодических изданий за 2015–2018 гг.: «The Observer», «The Guardian», «The Times», «Народная газета», «Рэспубліка», «Звязда» и др.

Аналитическая статья – это текст, в котором его автор достаточно обоснованно рассуждает о деятельности человека и событиях с целью установления их значимости и правильной интерпретации (Т. Г. Добросклонская, А. А. Тертычный). В основе рассуждения лежат разнообразные логические отношения обоснования, а именно: причинные, уступительные, следственные, условные и др. На этом основании структура аналитической статьи анализируется нами как структура убеждения (аргументации), связанная со способом представления знаний. Вслед за Г. А. Брутяном, Т. М. Пермяковой, И. В. Фроловой мы определяем аргументацию как доказательность, обеспечиваемую выдвижением тезиса и последовательным рассмотрением доводов в пользу его истинности и возможные противоположные доводы, в ходе которых дается оценка основанию и тезису, опровергается антитезис, а тезис доказывается. В задачи данного исследования входит выявление взаимодействия категорий аргументативности и оценки, объединяемых в один из принципов построения аналитической статьи из британской и белорусской прессы. И аргументация, и оценка прагматичны и «рекомендательны», т.е. имеют воздействующий характер и направлены на адресата. Так, соотношение данных дискурсивных категорий изучалось с позиций аргументативного эффекта оценочной семантики (С. Гавенко), анализу подвергались аргументативные свойства кванторных слов (Е. Р. Иоанесян), а также отдельные виды оценок в тексте аргументативного дискурса (Л. М. Храмушина). Одни исследователи делают акцент на рациональность оценки в ходе аргументации (И. В. Фролова), другие – обосновывают факт перекрещивающихся явлений: рационального в оценке и эмоционального в аргументации (Т. М. Пермякова).

Для изучения взаимодействия категорий аргументативности и оценки в аналитической статье нами сначала выявляется ее семантическая структура, а затем устанавливаются закономерности функционирования оценочных средств в ее семантических компонентах. Семантика текста анализируется с учетом концепции суперструктуры, предложенной Т. ван Дейком. В соответствии с его теорией суперструктура определяется как формальная схема дискурсивного жанра, однако, изучая тексты газетных новостей, наряду с формаль-

ными категориями, т.е. категориями композиции (*заголовок*, *резюме*, *лид* и др.), используются семантические категории (*предшествующие события*, *фон*, *вербальные реакции* и др.).

Таким образом, вслед за Т. ван Дейком, понятие суперструктуры наделяется нами семантическими свойствами и определяется как общая структура содержания текста, т.е. как семантическая структура, представленная рядом семантических компонентов. Но в отличие от Т. ван Дейка в анализе структуры аналитической статьи мы учитываем значимую роль аргументации в построении текстов данного медиажанра. На этом основании в структуре аналитической статьи выделяются и структурные составляющие аргументации. В результате интегрированного подхода структура аналитической статьи включает следующие компоненты: *описание проблемной ситуации, формулирование проблемы, причины проблемы, пути решения проблемы, аргумент, контраргумент*, *вывод, следствие, прогнозы/предсказания*. Из них обязательные компоненты – *формулирование проблемы* (ему соответствует *тезис* в агрументативной структуре) и *аргумент.* При их выявлении мы опирались на маркёры – поверхностные, формальные признаки – конкретные слова, лексико-семантические группы слов, словосочетания или лексико-синтаксические структуры.

Установлено, что структура аналитической статьи и в белорусской, и в британской прессе начинается в большинстве случаев с обязательного семантического компонента *формулирование проблемы*, который представляет собой авторское суждение относительно некоторой проблемной ситуации. Например, в статье Сары Босли «What is the contaminated blood scandal?» обсуждается, каким образом тысячи людей оказались заражены гепатитом С и ВИЧ: ***Key questions*** *around how thousands of people became infected with hepatitis C and HIV through blood transfusions in 1970s and 80s* (The Guardian, 11.07.2017). Маркёром семантического компонента *формулирование проблемы* выступает лексическая единица *key questions* ‘ключевые вопросы’. В белорусскоязычной аналитической статье «Трэнды Давоса» освещаются актуальные тенденции развития мировой экономики. Обязательный компонент структуры *формулирование проблемы* представляет собой вопрос, и его маркёром является лексема *тэндэнцыі*, функционирующая с рационально-оценочным прилагательным *глабальныя*: *Якія* ***глабальныя*** *тэндэнцыі агучаны на Сусветным эканамічным форуме?* (Звязда, 03.02.2018).

Второй обязательный компонент аналитической статьи *аргумент* включает доводы в пользу суждения, выраженного в компоненте *формулирование проблемы*. Так, в приведенной выше статье среди бесспорных трендов современности отмечается развитие цифровой экономики, ее большое значение для общества подчеркивается лидерами многих стран: *Прэзідэнт Францыі Э. Макрон* ***заявіў****, што мае намер зрабіць інавацыі* ***цэнтральнай*** *часткай французскай эканомікі*. Премьер-министр Великобритании приво-

дит аргументы «за» и «против» развития информационных технологий, указывая на возможные последствия: *Пры гэтым тэхналагічнае развіццё нясе ў сабе не толькі* ***перавагі*** *і* ***магчымасці****, але і* ***пагрозы****, якія,* ***па словах*** *Мэй, павінны быць падзеленыя разам з тэхналагічнымі кампаніямі*. В качестве *контраргумента* по поводу распространения майнинга криптовалюты предлагается точка зрения официального Китая, который настороженно воспринял это нововведение: «*Лічбавыя грошы не з яўляюцца канверсоўнай валютай. Іх* ***рэальная каштоўнасць*** *для эканомікі яшчэ павінна быць* ***даказана****. У гэтым сэнсе мы не хочам, каб крыптавалюты сталі* ***занадта значнымі*** *і* ***шырока*** *таргаваліся ў Кітаі», –* ***пракаментаваў*** *сітуацыю адзін з ключавых фінансавых стратэгаў, намеснік старшыні Камісіі па рэгуляванні каштоўных папер КНР Фанг Ксінгхай*» (Звязда, 03.02.2018). Маркёрами семантических компонентов *аргумент/ контраргумент* выступают глаголы *заявіў, пракаментаваў*, оборот *па словах*, а используемые рационально-оценочные лексические единицы (*пагрозы, даказана, шырока* и др.) усиливают убеждающую силу (контр)аргумента.

В результате анализа выявлено, что аргумент к авторитету/факту способен «проникать» в другие семантические компоненты, не является исключением даже обязательный компонент *формулирование проблемы*: *As a new round of talks are set to begin, the government's position on Brexit is still unclear – with some diplomats fearing there will be no compromise* (The Guardian, 15.07.2017). Кроме того, установлено активное присутствие *аргумента* и в факультативных компонентах, например, *причины проблемы*: *Intensive farming of livestock* ***offers many advantages*** *over traditional open ranges, not least economies of cost and scale,* ***more efficient*** *healthcare for the herds and flocks, and* ***ultimately cheaper*** *food. According to the UN, globally CAFOs account for 72 % of poultry, 42 % of egg, and 55 % of pork production* (The Guardian, 18.07.2017). В приведенном отрывке из статьи, посвященной росту животноводческих комплексов, рассказывается о причинах их распространения во всем мире и используется аргумент к фактам (количественные данные) для большей наглядности и убедительности масштабности этого процесса.

В семантическом компоненте *следствие* также выявлены случаи употребления аргумента к авторитету: *Emma Slawinski, director of campaigns at Compassion in World Farming, said the problems of mega farms around the world included over-medication <…>.* «***There is strong evidence*** *that this overuse of antibiotics in intensive farming is* ***contributing to*** *antibiotic resistance in human medicine»* (The Guardian, 18.07.2017). Так, следствием широкого применения антибиотиков в животноводстве является развитие устойчивости к ним у людей, что отрицательно влияет на здоровье нации. Далее для выхода из сложившейся ситуации в компоненте *пути решения проблемы* рассматриваются возможные варианты и снова приводятся аргументы

к авторитету (заявление Правительства Великобритании и члена Парламента): *The government* ***has pledged*** *not to dilute environmental and animal welfare standards on farms, and said keeping safety and public confidence in food would be* «***of the highest priority***»…; *Norman Lamb, the Liberal Democrat MP for North Norfolk, and former minister,* ***said****:* «*We need* ***new*** *and* ***robust*** *domestic regulations to meet the emerging landscape …»* (The Guardian, 18.07.2017).

В результате проведенного анализа выявлена структура аналитической статьи, которая включает собственно семантические компоненты (*формулирование проблемы, описание проблемной ситуации, причины проблемы, пути решения проблемы, вывод, прогнозы/предсказания*), а также аргументативные составляющие (*аргумент, контраргумент*, *следствие*). Компоненты структуры дифференцируются на обязательные и факультативные, в их вербализации участвуют языковые маркёры (лексические и лексико-синтаксические средства), а также эмоционально- и рационально-оценочные единицы различной частеречной принадлежности. В этом проявляется взаимосвязь двух дискурсивных категорий аргументативности и оценки, ведущих принципов построения аналитической статьи двух корпусов текстов. Установлено, что, во-первых, компонент структуры *аргумент* может принимать участие в реализации всех других компонентов; во-вторых, оценочные лексические единицы также могут функционировать во всех компонентах структуры, обязательных и факультативных.

Таким образом, выявлено сходство структуры аналитической статьи из белорусской и британской прессы и сходство языковых средств репрезентации семантических компонентов (маркёров и оценочных единиц). Отличие заключается в употребительности отдельных факультативных компонентов, например: компонент *причины проблемы* более частотен в британских статьях. Кроме того, при общей тенденции преобладания рационально-оценочных единиц в двух корпусах текстов употребительность эмоционально-оценочных лексем выше в англоязычной аналитической статье.

The article focuses on the interaction between the categories of argumentation and evaluation in Belarusian and British analytical articles. Patterns of their realization as well as similarities and differences in the types of evaluation means and their usage have been identified.

СЛОВО В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

Н. В. Баско
Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова

«УЧЕБНЫЙ РУССКО-КИТАЙСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ» КАК ОДИН ИЗ ТИПОВ КОНТРАСТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ

Статья посвящена проблеме лексикографического описания фразеологических оборотов в «Учебном русско-китайском фразеологическом словаре». При составлении Словаря использовался метод контрастивного сопоставления, основанный на описании межъязыковых соответствий двух языков для выявления различий в их семантике. В качестве исходного брался русский язык, с единицами которого сравнивались сходные по семантике единицы китайского языка. Учебный характер словаря проявляется в принципах отбора единиц и в описании всех компонентов словарной статьи. Словарь, построенный на принципах контрастивного сопоставления, дает возможность китайским учащимся познакомиться с национально-культурной спецификой русских фразеологических оборотов и сравнить образы, лежащие в основе сходных по семантике фразеологизмов русского и китайского языков.

В эпоху глобализации взаимодействие культур приобретает чрезвычайно интенсивный характер. В силу этого в лингвистической науке заметно возрастает интерес к особенностям процесса межкультурной коммуникации, что обусловливает потребность в контрастивных исследованиях, в результате которых выявляются различия языков и культур, их национальная специфика. Появляется также необходимость в практических результатах контрастивных исследований – лексикографических пособиях контрастивного характера, способствующих диалогу между представителями различных культур.

В данной статье в качестве одного из возможных типов словаря, основанного на принципах контрастивной лексикографии, рассматривается «Учебный русско-китайский фразеологический словарь» [1]. Он представляет собой справочное лексикографическое пособие по русской фразеологии учебного типа, что предполагает использование его в качестве одного из средств обучения русскому языку как иностранному. Актуальность создания учебного двуязычного фразеологического словаря обусловлена сложностью для иностранцев семантики фразеологических оборотов русского языка, которая кроется в идиоматичности их значения: смысл этих устойчиво воспроизводимых в речи образных выражений невозможно понять, исходя из суммы значений составляющих их компонентов. Ср.: фразеологизм *кот наплáкал* означает ‘очень мало’, фразеологический оборот *не по кармáну* означает ‘слишком дорого’, фразеологизм *делать из мухи слона* имеет значение ‘сильно преувеличивать что-либо’.

Однако при всей сложности восприятия фразеологизмы являются для иностранных учащихся обязательной частью того языкового и культурного минимума, который необходим для полноценной коммуникации на русском языке. Объяснить значение наиболее употребительных русских фразеологизмов, показать особенности их функционирования, научить правильно

употреблять русские фразеологизмы в речи и тем самым помочь китайским студентам, изучающим русский язык, предупредить возможные нарушения и сбои в межкультурной коммуникации являются главными задачами данного Словаря. Построенный на принципах контрастивного сопоставления, он также дает возможность китайским учащимся познакомиться с национально-культурной спецификой русских фразеологических оборотов и сравнить образы, лежащие в основе сходных по семантике фразеологизмов русского и китайского языков, отражающих картину мира двух народов.

Целью «Учебного русско-китайского фразеологического словаря» является формирование у китайских учащихся как коммуникативной, так и культурной компетенции, предполагающей их знакомство с языковой картиной мира русских людей посредством фразеологии, поскольку фразеологические обороты являются яркими выразителями национально-культурной семантики.

В контрастивной лингвистике исследования обычно проводятся на синхронном срезе языка, поэтому Словарь содержит лишь наиболее употребительные, частотные в начале XXI века фразеологические обороты русского языка – около 500 единиц. Нам представляется справедливым не только в отношении лексики, но и в отношении фразеологии утверждение профессора И. А. Стернина о том, что «В самом общем виде национальная специфика семантики какой-либо лексической единицы – это ее отличие по значению от сходных по семантике единиц языка сравнения» [2, с. 46].

Центральным в контрастивной лингвистике является понятие межъязыкового соответствия, которое означает эквивалентное соответствие сходных по семантике единиц двух языков, зафиксированное в двуязычных переводных словарях. Межъязыковые соответствия также называют переводческими соответствиями, поскольку это один из важнейших терминов переводческой науки. При составлении Словаря использовался метод контрастивного сопоставления, основанный на описании межъязыковых соответствий двух языков для выявления различий в их семантике. Контрастивный подход в лексикографическом описании предполагает сравнение семантики языковых единиц исходного языка на денотативном, коннотативном и функциональном уровнях на фоне языка сопоставления. При этом исходным языком является тот, который выступает в качестве отправной точки контрастивного исследования, а языком сопоставления является язык, с которым сравнивают исходный язык. В Словаре в качестве исходного брался русский язык, с единицами которого сравнивались сходные по семантике единицы китайского языка. Таким образом, выявлялась денотативная общность и национальная специфика семантики фразеологических оборотов в русском языке и их семантических соответствий в китайском языке.

В процессе контрастивного сопоставления фразеологизмов русского языка с их семантическими соответствиями китайского языка выяснилось, что сходными по семантике русскому фразеологическому обороту в китайском языке могут быть разные единицы: слова, свободные словосочетания и сходные по семантике фразеологические обороты китайского языка. Напри-

мер, фразеологизм русского языка *ложиться/лечь на дно* ‘не предпринимать активных действий, ограничить контакты в сложной ситуации’ в китайском языке имеет семантическое соответствие в виде слова *спрятаться*, русский фразеологизм *на ровном месте* ‘без причин, без оснований’ в китайском языке имеет семантическое соответствие в виде словосочетания *без всякой причины и повода*, а русскому фразеологизму *ждать у моря погоды* ‘пассивно бездействовать, ожидая перемены обстоятельств’ семантически соответствует фразеологизм китайского языка *сидеть под деревом и ждать зайца* (имеется в виду охотник, ожидающий, когда добыча сама прибежит к нему).

Структура словарной статьи «Учебного русско-китайского фразеологического словаря» включает следующие компоненты: 1) заголовочная единица – фразеологический оборот русского языка с указанием его лексической и синтаксической сочетаемости; и буквальный (пословный) его перевод на китайский язык; 2) дефиниция – толкование значения фразеологизма на русском языке, сопровождающееся эмоционально-оценочными и стилистическими пометами, 3) перевод этого толкования на китайский язык; 4) иллюстративный пример употребления фразеологизма в современных российских СМИ и его перевод на китайский язык; 5) эквивалентное соответствие – сходная по семантике единица китайского языка (в идеале – китайский фразеологический оборот, близкий по значению русскому) и ее буквальный (пословный) перевод на русский язык.

Исходя из учебного характера Словаря, в качестве заголовочных единиц в нем представлены лишь наиболее употребительные варианты фразеологических оборотов, толкования значений фразеологизмов на русском языке по возможности упрощены, а примеры употребления фразеологизмов, демонстрирующие особенности их функционирования в речи, даны в сокращенном виде. В словарной статье фразеологический оборот сопровождается показом его лексической и синтаксической сочетаемости: *в шты́ки* принимать, встречать; *бо́к о́ бок* работать, трудиться; *идти́ на поводу́* у кого, *вставля́ть па́лки в колёса* кому.

В словарной дефиниции формулируется семантика фразеологического оборота. При компонентном анализе семантики фразеологизма можно выделить денотативную, коннотативную и структурно-языковую специфику значения языковой единицы. Денотативный компонент – основной компонент значения, представляющий собой информацию, которая обобщенно отражает внеязыковую действительность.

Проявлением денотативной специфики значения является национальная специфика внутренней формы фразеологизмов, которая отражает некий признак действительности, некий образ, который был избран говорящим коллективом в качестве основания для номинации. Этот образ связан с отражением денотата в сознании социума. Вот как об этом пишет известный фразеолог, профессор В. Н. Телия: «Фразеологизмы в подавляющем большинстве – образно мотивированные словосочетания, т.е. их значение мотивировано тем образом, который осознается при буквальном восприятии идиом. Это восприятие ассоциируется с каким-либо свойством, состоянием,

действием, чувством, ситуацией и осознается как их подобие» [3, с. 11]. Поскольку во многих случаях буквальное восприятие фразеологического оборота оказывается ключом к его образно мотивированному значению, авторы-составители сочли целесообразным помимо дефиниции на русском языке, объясняющей значение фразеологизма, приводить в словарной статье и буквальный перевод русских фразеологизмов на китайский язык, а семантически сходных китайских фразеологизмов – на русский (в отдельных случаях приводится этимологический комментарий фразеологического оборота). Это дает возможность китайским учащимся сравнить различные образы и ситуации, которые лежат в основе возникновения фразеологизмов в русском и родном языках.

Так, в русском языковом сознании стремительность, быстрота появления чего-либо связывается с образом быстрого роста грибов после дождя (*как грибы после дождя*), в китайском языковом сознании стремительность появления чего-либо нового ассоциируется с быстрым ростом бамбуковых побегов после дождя (*как бамбуковые побеги после дождя*). В русском языковом сознании досадное повторение человеком одной и той же ошибки связывается с ситуацией, когда человек повторно наступает на грабли (*наступать на одни и те же грабли*), а в китайском языковом сознании это ассоциируется с повторным проездом по плохой дороге, где однажды случилась неудача (*снова ехать по той же дороге, где опрокинулась повозка*). В русском языковом сознании ситуация, когда человек стремится достигнуть одновременно несколько целей, ассоциируется с погоней одновременно за двумя зайцами (*гоняться/гнаться за двумя зайцами*), а в китайском языковом сознании такая ситуация ассоциируется с попыткой стрелять одновременно в двух птиц (*стрелять одной стрелой в двух орлов*). В русском языковом сознании событие или действие, превысившее предел терпения кого-либо, ассоциируется с последней каплей (*последняя капля*), а в китайском языковом сознании такая же ситуация ассоциируется с последней соломинкой (*последняя соломинка, придавившая верблюда*).

Коннотативная национальная специфика – это специфика эмоционального и оценочного содержания фразеологизма. Она отражает возможность различного эмоционального и оценочного отношения к одному денотату в условиях разных национальных культур. В Словаре эмоционально-оценочная характеристика русского фразеологизма представлена в виде специальных помет – Одобр. (одобрительно) и Неодобр. (неодобрительно): *Вкладывать душу*, одобр.; *Откладывать в долгий ящик*, неодобр. Сопоставительный анализ коннотативной характеристики фразеологических оборотов русского и китайского языков показал, что, как правило, оценочная характеристика по отношению к одному детонату в русском и китайском языках совпадает. Например, русский фразеологический оборот *держать камень за пазухой* ‘таить злобу против кого-либо, готовиться навредить ему’ выражает негативную оценку к названному действию, так же, как и его китайский семантический эквивалент – фразеологический оборот *улыбаясь, прятать нож*. Или, например, фразеологический оборот русского языка *ловить рыбку в мутной*

воде ‘использовать сложную ситуацию в своих корыстных целях’ содержит негативную коннотацию, так же, как и его китайский семантический эквивалент – фразеологический оборот *грабить при пожаре*.

Структурно-языковая специфика отражает различия между единицами двух языков, которые связаны с исторически сложившимся местом единиц в языковых системах. В структурно-языковом компоненте семантики фразеологизма отражается информация об особенностях функционирования единицы в речи, ее функционально-стилистические и грамматические свойства. В Словаре фразеологические обороты русского языка сопровождаются стилистическими пометами, указывающими на сферу употребления данной единицы: *ка́мень преткнове́ния*, книжн. (книжное), *идти́ на поводу́*, разг. (разговорное), *ве́шать соба́к*, прост. (просторечное). Например, фразеологизм *два сапога пара* ‘один другого не лучше, похожи друг на друга по своим отрицательным качествам’ имеет в Словаре пометы разг. (разговорное) и ирон. (ироническое).

Принципы лексикографического описания языковых единиц, реализованные в «Учебном русско-китайском фразеологическом словаре», позволяют отнести его к типу контрастивных толково-переводных словарей, поскольку в основе его словарной статьи лежит принцип двойной семантизации фразеологической единицы – толкование ее значения средствами исходного (русского) языка и перевод толкования на язык сопоставления, на родной язык учащихся – китайский. К тому же, в словарной статье приводятся эквивалентные семантике русского фразеологизма языковые соответствия из родного языка учащихся.

Подобный способ «двойной» семантизации фразеологизма имеет определенные преимущества при обучении русской фразеологии китайских учащихся разного уровня языковой подготовки. Толкования, сформулированные на русском языке и ориентированные на высокий уровень владения русским языком, стимулируют китайских студентов к углубленному изучению русского языка. В то же время перевод значения русских фразеологизмов на китайский язык и указание их языковых соответствий в китайском языке уточняют семантику русского фразеологизма, делают ее более понятной, прозрачной для китайских учащихся, что особенно важно на начальном этапе обучения. Опыт использования Словаря в учебном процессе в китайской аудитории (на практических занятиях по РКИ, на спецсеминарах по русской фразеологии и практике перевода) подтверждает его эффективность и практическую значимость как учебного лексикографического пособия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баско, Н. В.,* Учебный русско-китайский фразеологический словарь (на материале российских средств массовой информации) / Н. В. Баско, Лай Инчуань, Чанг Джуй Ченг. – СПб. : Златоуст, 2016. – 192 с.
2. *Стернин, И. А*. Контрастивная лингвистика / И. А. Стернин. – М. : Восток–Запад, 2006. – 206 с.

3. *Телия, В. Н.* Основные особенности значения идиом как единиц фразеологического состава языка / В. Н. Телия // Словарь образных выражений русского языка / под ред. В. Н. Телия. – М. : Отечество, 1995. – 368 с.

The article is devoted to the problem of lexicographic description of phraseological units in the “Educational Russian-Chinese Phraseological Dictionary”.

When compiling the dictionary, the method of contrastive comparison was used, based on the description of interlanguage equivalents between the two languages to identify the differences in their semantics.

Е. В. Беланович
Минск, МГЛУ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПИЩИ В АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Исследование лексико-семантических классов глаголов продолжает вызывать большой интерес у лингвистов, поскольку вопросы глагольной классификации до сих пор остаются открытыми. Отсутствие работ по изучению глаголов потребления пищи во французском языке, их функционированию в речи и сопоставлению их структуры и значения с глаголами потребления пищи в других языках определяет актуальность проведения их комплексного анализа.

В современной лингвистике все больше внимания уделяется одной из самых дискутируемых проблем – проблеме классификации глаголов. Поскольку во французском языке отсутствует анализ глаголов потребления пищи, описание их семантико-синтаксической структуры и функционирования в речи нам представляется весьма актуальным. Цель данной статьи заключается в том, чтобы дать сравнительное описание структурно-семантических свойств глаголов потребления пищи в английском и французском языках.

Лексико-семантический анализ дефиниций глаголов во французском языке позволит выделить и классифицировать, а также сопоставить основные типы значений в их смысловой структуре с целью последующего выявления специфики реализации данных глаголов. Следовательно, основными этапами анализа являются определение структурно-семантических особенностей глаголов потребления пищи во французском языке и сопоставление результатов с имеющимися результатами анализа глаголов потребления пищи в английском языке, проведенного в работе Е. В. Беланович [1]. Дефиниции исследуемых глаголов извлечены из различных типов толковых словарей и словарей синонимов сравниваемых языков [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Основным критерием классификации лексических единиц в английском языке явился ведущий интегральный признак, представленный гиперонимами *eat* и *drink* (по качеству потребляемой пищи). Глаголы, называющие этапы денотативной области ‘потребление пищи’, можно выделить в отдельную подгруппу ввиду того, что каждый этап может самостоятельно лексика-

лизоваться в предложении. Наличие дифференциального признака, а именно дополнительной характеристики процесса, свойственно глаголам лексико-семантической группы (ЛСГ) «Потребление пищи» [1, с. 55].

Интегральные и дифференциальные семантические признаки значений (процесс потребления твердой пищи, процесс потребления жидкой пищи, этапы потребления пищи, потребление пищи человеком или животным, дополнительные характеристики процесса) были обнаружены в структуре значений корпуса исследуемых глаголов при анализе глагольных лексем. По интегральным и дифференциальным признакам и дополнительной тематической характеристике в ЛСГ «Потребление пищи» было выделено шесть подгрупп глаголов, отражающих следующие значения: 1) ‘потребление твердой пищи’; 2) ‘потребление жидкой пищи’; 3) ‘потребление твердой и жидкой пищи’; 4) ‘этапы потребления пищи’; 5) ‘предоставление пищи’; 6) ‘потребление пищи при наличии дополнительных характеристик процесса’. Последняя подгруппа выделена на основе дополнительных тематических характеристик процесса (социальное состояние, темпоральное состояние и др.). Большинство значений проанализированных лексических единиц включает несколько общих признаков [1, л. 46–47], что находит отражение в табл. 1 [1, л. 54].

Таблица 1

Структура ЛСГ «Потребление пищи»
в английском языке

Подгруппа «Потребление пищи», выражаемая гиперонимами *eat* и *drink*			Подгруппа «Этапы потребления пищи»	Подгруппа «Предоставление пищи»	Подгруппа «Потребление пищи при наличии дополнительных характеристик процесса»
eat	drink	eat, drink			
bolt browse champ chomp crunch devour eat feast gnaw gobble gorge graze munch nibble wolf	drain drink imbibe lap nip quaff sip suck sup 1 swig	banquet breakfast consume dine feed gulp guzzle ingest lick lunch relish snack sup 2 swill tea	bite chew swallow champ chomp crunch gnaw gulp lap lick munch quaff suck	banquet breakfast feed tea	banquet bite bolt breakfast champ chew chomp crunch devour dine drink eat feast gnaw gobble gorge gulp guzzle ingest lap lunch munch nip quaff sip snack suck sup 2 swill wolf

Результаты анализа языковых единиц, реализующих значение потребления пищи во французском языке, показали, что три единицы (1) *manger* ‘есть’ – absorber, avaler un aliment, après l’avoire mâché ou non, afin de se nourrir, 2) *absorber* ‘всасывать; поглощать, съедать, выпивать’ – ingérer une boisson, un aliment, un médicament, etc. и 3) *avaler* ‘глотать; съесть, выпить’ – faire descendre par la gorge; absorber) входят в состав содержательного ядра большого числа глаголов со значением ‘потребление пищи’, однако не всех. Следовательно, установление единого интегрального признака не является возможным, выборка глаголов осуществлялась с помощью словаря синонимов французского языка. Большинство значений проанализированных лексических единиц включает несколько общих признаков.

В группе глаголов, отражающих значение ‘потребление пищи’, возможно деление глагольных лексем с учетом признака ‘тип субъекта’ – животное: *paturer* ‘пастись’, *brouter* ‘щипать (траву), объедать (листья, побеги); пастись’. Однако некоторые глаголы этой группы способны называть процесс потребления пищи, реализованный не только животным, но и человеком: *becqueter* ‘клевать’ и *picorer* ‘мало есть’: *Ma fille picore* ‘Моя дочь мало ест’.

Подгруппу глаголов со значением ‘потребление пищи при наличии дополнительных характеристик’ составляют следующие лексические единицы: *bâfrer* ‘нажираться’ – manger qqch avidement et avec excès; *engouffrer* ‘жадно глотать; обжираться’ – manger, avaler des aliments goulûment и др.

Особый интерес вызывают глаголы, в дефинициях которых обнаружен единственный компонент *manger* ‘есть, съедать’: *bouffer* ‘потреблять, пожирать’, *boulotter* ‘лопать, жрать’, *brichetonner* ‘поесть’, *briffer* ‘жадно есть, объедаться’, *crouter* ‘есть, перекусить’. Данная подгруппа глаголов немногочисленна, некоторые ее единицы обладают эмоционально-экспрессивной окраской.

К глаголам, обозначающим ‘прием пищи’, относятся единицы, в дефинициях которых обнаружены компоненты *prendre* ‘брать’ и ‘тип питания в зависимости от определенного времени суток’ (*le repas de midi* ‘обед’, *le repas du soir* ‘ужин’, *le petit déjeuner* ‘завтрак’, *le souper* ‘поздний обед, ужин’):

Déjeuner ‘обедать; завтракать’ – prendre le repas de midi; prendre le petit déjeuner.

Dîner ‘ужинать; обедать’; *dîner de qqch* ‘есть на ужин что-либо’ – prendre le repas du soir: *Il dine d’une soupe* ‘У него на ужин только суп’; *souper* ‘ужинать’ – prendre le souper.

Значение ‘потребление жидкой пищи’ во французском языке реализовано единственным глаголом *boire* ‘пить’. Аналогов английским глаголам со значением ‘пить маленькими глотками’ *nip* или ‘пить залпом’ *quaff* во французском языке не обнаружено.

В отдельную подгруппу вынесем глаголы с имплицированными инструментами в их дефинициях:

croquer ‘грызть, есть, хрустеть’ – faire un bruit sec sous la dent: *Croquer dans une pomme* ‘Грызть яблоко’; *Croquer un bonbon* ‘Грызть конфету’;

croustiller ‘хрустеть (на зубах)’ – croquer sous la dent;

dévorer ‘съедать, пожирать’ – manger en déchirant avec les dents;

grignoter ‘обкусывать, глодать, грызть’ – manger du bout des dents, par petites quantités;

mâcher ‘жевать, прожевывать, разжевывать’ – broyer avec les dents d’avaler; triturer dans la bouche;

mordre ‘кусать, жалить, клевать (о птице) ’ – serrer, saisir fortement avec les dents en entamant, en blessant : *Le chien l’a mordu* ‘Собака ее укусила’; *Mordre à une pomme* ‘Надкусить яблоко’;

ronger ‘грызть, обгрызать, глодать’ – entamer avec les dents; mordiller: *Le chien ronge un os* ‘Собака глодает кость’;

sucer ‘сосать, обсасывать, пить, пьянствовать’ – aspirer à l'aide des lévres un liquide, une substance : *Sucer le jus d’un fruit* ‘Потягивать фруктовый сок’;

В подгруппу глаголов, объединенных социальной характеристикой и отражающих значения а) ‘предоставление пищи’, б) ‘получение удовольствия в процессе насыщения’, в) ‘оценивание достоинства пищи’, входят такие глагольные лексемы, как

а) *alimenter* ‘питать, снабжать, кормить’ – fournir des aliments à; nourrir: *Alimenter* ***un malade*** *avec du bouillon* ‘Кормить больного бульоном’ ;

gaver ‘откармливать’ – alimenter de force **une volaille** en lui introduisant de la nourriture jusqu'au fond du gosier, à la main ou à l'aide d'une gaveuse; faire manger avec excès; bourrer: *Gaver* ***un enfant*** *de bonbons* ‘Закармливать ребенка конфетами’;

gorger ‘накормить, напоить до отвала’ – faire manger avec excès: *Gorger* ***un enfant*** *de sucreries* ‘Накормить ребенка сладостями’;

nourrir ‘кормить, питать, кормить грудью’ – fournir des aliments à; faire vivre en donnant des aliments: *Nourrir* ***des animaux*** ‘Кормить животных’;

repaître qqn de qqch ‘кормить, питать, насыщать’ – nourrir, rassasier;

régaler ‘угощать, потчевать’ – **offrir** des boissons, des mets savoureux **à**; **offrir à boire et à manger**: *Aujourd’hui, c’est moi qui régale!* ‘Сегодня угощаю я!’;

sustenter ‘поддерживать питанием, питать’ – **nourrir**, entretenir les forces de qqn par des aliments.

б) *festoyer* ‘пировать; угощать, чествовать’ – faire **bombance**; prendre part à un festin;

godailler / goder ‘пьянствовать; гулять’ – faire des faux plis en bombant par suite d'une mauvaise coupe ou d'un mauvais assemblage;

gueuletonner ‘пировать, хорошо поесть’ – faire **un gueuleton**;

ripailler ‘кутить, пьянствовать, гулять’ – faire **ripaille**;

в) *déguster* ‘дегустировать, пробовать; отведывать, смаковать, пить с удовольствием’ – **goûter** un aliment solide ou liquide pour en apprécier les qualités;

Goûter ‘пробовать, отведывать ; полдничать, слегка закусить’ – **vérifier** la saveur d'un aliment, d'une boisson;

savourer ‘смаковать; вкушать, наслаждаться’ – **goûter** lentement, avec attention et plaisir: *Savourer une tasse de café* ‘Наслаждаться чашечкой кофе’;

Tâter ‘пробовать’ (de qqch, à qqch) – avoir une première expérience de qqch; **essayer**: *Tâter des fruits* ‘Пробовать фрукты’.

Отдельное внимание заслуживают глаголы *mangeotter* ‘есть нехотя; есть часто, небольшими порциями’ – manger **sans appétit, en petite quantité** и *pignocher* ‘есть без аппетита’ – manger **sans appétit, par petits morceaux**. Аналоги данным глаголам отсутствуют в английском языке.

Описание дефиниций глаголов потребления пищи во французском языке позволило выделить и классифицировать их основные значения. Многие глаголы обладают способностью выступать в разных типах конструкций. Выявленные признаки глаголов исследуемой группы находят отражение в табл. 2. Список глаголов остается открытым.

Таблица 2

Структура ЛСГ «Потребление пищи»
во французском языке

Подгруппа «Потребление твердой пищи»	Подгруппа «Потребление жидкой пищи»	Подгруппа «Прием пищи»	Подгруппа «Этапы потребления пищи с имплицированным инструментом»	Подгруппа «Потребление пищи при наличии дополнительных характеристик процесса»	Подгруппа глаголов, объединенных социальной характеристикой, со значениями а) ‘предоставление пищи’, б) ‘получение удовольствия в процессе насыщения’, в) ‘оценивание достоинства пищи’
bouffer boulotter brichetonner briffer crouter	boire	consommer déjeuner dîner engloutir ingurgiter souper	avaler croquer croustiller dévorer grignoter mâcher mastiquer mordre ronger sucer	bâfrer becqueter chipoter croquer croustiller dévorer engouffrer gober goinfrer grailler grignoter gruger mangeotter paitre picorer pignocher ronger tortorer	а) alimenter empiffrer gaver gorger nourrir repaître qqn de qqch régaler restaurer sustenter б) boustifailler festoyer godailler / goder gueuletonner régaler ripailler savourer в) déguster goûter savourer tâter

Результаты анализа структурно-семантических особенностей глаголов потребления пищи во французском и английском языках позволили заклю-

чить следующее. Глаголы ЛСГ «Потребление пищи» в обоих языках обладают общим динамическим признаком, на что указывают не только дополнительные характеристики образа действия, времени и места в дефинициях глагольных лексем, но и сама природа процесса, которая определяет его как физиологический и физический. При компонентном анализе дефиниций глаголов исследуемых групп, реализующих значение ‘потребление пищи’ в английском и французском языках, возможно выделение общих семантических составляющих: субъект, инструмент, объект, адресат, цель, результат, место; присутствуют также дополнительные характеристики процесса.

Однако глаголы потребления пищи в английском и французском языках, обладая узкой семантикой, отражают в своей смысловой структуре национальные и ментальные характеристики процесса, что не может не сказаться на построении семантической структуры предложения. И несмотря на то, что по своему смысловому содержанию глаголы тесно соприкасаются друг с другом, так как относятся к одной и той же области знаний, они способны отражать определенные различия в способах протекания глагольного действия и представлении этого процесса говорящим.

Полученные результаты могут послужить началом новых исследований, посвященных комплексному сопоставительному анализу лексико-семантических свойств глаголов потребления пищи в языках, выявлению их семантико-синтаксических свойств в сочетании с изучением параметров их функционирования в предложении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беланович, Е. В.* Вариативное отражение сложной денотативной области в структуре английского предложения : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Беланович. – Минск, 2017. – 172 л.
2. Concise Oxford thesaurus / ed. M. Waite. – 2nd ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2002. – 974 p.
3. The Oxford thesaurus: an A – Z dictionary of synonyms / ed. L. Urdang. – Oxford : Clarendon Press, 1991. – 1042 p.
4. Webster’s new dictionary of synonyms: a dictionary of discriminated synonyms with antonyms and analogous and contrasted words / N. Webster. – Springfield : Merriam-Webster, 1984. – 909 p.
5. Petit Larousse illustré. – Paris : Librairie Larousse, 2007.
6. *Гак В. Г.,* Новый франко-русский словарь / В. Г. Гак, К. А. Ганшина. – М. : Рус. яз., 1997.
7. Dictionnaire Electronique des synonymes Larousse [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/synonyme/76196. – Дата доступа : 17.05.2017.

The purpose of this article is to give a contrastive analysis of structural and semantic peculiarities of English and French verbs of consumption. The results of the analysis helped us conclude that the physical and physiological nature of the consumption process presupposes the same participants in its realization, however ethnical and mental characteristics of the process reflect on the semantic structure of an utterance.

Н. Л. Заборонок
Минск, МГЛУ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НЕМЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе значительное внимание уделено истории формирования словарного состава языка, которая изучается во взаимосвязи с историей общества и культуры страны; обозначены временные периоды и предпосылки появления немецких заимствований в английском языке; определен состав и удельный вес лексико-семантических групп заимствований, приведены примеры немецких слов из разных сфер. Актуальность данной темы обусловлена тем, что процесс заимствования является одним из наиболее важных факторов развития лексической системы языка. Теоретическое значение исследования состоит в том, что оно вносит определенный вклад в изучение вопросов лексикологии и истории английского языка.

Заимствование слов из других языков характерно для английского языка на протяжении всей его истории. Заимствования из немецкого языка пользуются все большей популярностью и существуют не только в устной форме, но и закрепляются письменно, имея фиксированное значение в художественной литературе, прессе и словарях. Первые из них появились в XVI веке. В этот период были заимствованы слова, относящиеся к торговле, военному делу; слова, характеризующие людей, и другие: *kreuzer* ‘крейцер’, *junker* ‘юнкер’. В XVI веке в Англии начинается активная разработка рудных месторождений, развивается металлургия. Германия в то время была передовой страной в данной отрасли. Из Германии в Англию прибывают специалисты горного дела. Весьма вероятно, что заимствование немецких слов происходило в результате непосредственного общения с людьми, говорящими на немецком языке [1]. Такие термины горнорудной промышленности, как *zinc* ‘цинк’, *bismut* ‘висмут’, *cobalt* ‘кобальт’ и другие попали в английский язык из немецкого. В XVII веке появились новые заимствования из области торговли и военного дела: *groschen* ‘гроши’, *fieldmarshal* ‘фельдмаршал’ и другие.

С образованием США происходит формирование американского варианта английского языка, на который огромное влияние оказывали языки коренных индейских племен, а также европейских и других народов, постепенно заселяющих страну [2]. Первые немцы появились на территории США еще в 1607 году, в штате Вирджиния. Количество немецких переселенцев значительно возросло в конце XVII–начале XVIII века, когда малоземелье, религиозные и военные конфликты заставляли людей переезжать в США [2]. Поражение революции в 1848 г. в Германии стало причиной новой волны иммиграции немцев в США: более 1,5 млн человек иммигрировало в США, большая часть которых обосновалась в среднезападной части страны [3].

В результате межкультурных контактов между поселенцами в английском языке и в настоящее время используются такие немецкие слова, как *kindergarten, kaffeeklatsch, liverwurst, bratwurst.* Лингвисты полагают, что процесс заимствования германизмов, происходивший в тот период иммиграции, привел к тому, что даже в XXI столетии американец вполне может сказать *gesundheit* ‘God bless you’*,* когда кто-то чихает [3].

Однако иммиграция немцев в США не была единственным условием появления немецких заимствований в английском языке в середине и конце XIX в. Университеты Германии в то время становились известными центрами научной и интеллектуальной мысли. Немецкие слова, относящиеся к сфере науки и медицины, стали появляться в то время как в английском, так и в других языках. Можно сказать, что немецкий язык экспортировал немецкие лексемы наряду с новыми академическими и научными идеями [3].

В начале XX столетия английским студентам необходимо было изучать немецкий язык, так как многие научные труды были на нем написаны. В конце XIX – начале XX столетия он являлся одним из основных языков, используемых для научного дискурса [3].

Таким образом, слова, относящиеся к сфере науки и медицины, активно заимствовались из немецкого языка*: Alzheimer’s disease, Doppler Effect, weltschmerz, übermensch, zeitgeist, angst, gestalt, schadenfreude* и др.

Можно утверждать, что в XIX веке сфера заимствований из немецкого языка значительно расширяется. Появляется ряд слов из области гуманитарных наук, общественной жизни и политики, много терминов из области химии и физики, филологии, искусства. Многие из этих заимствований представляют собой кальку: *breaking – Brechung, umlaut, ablaut, folk etymology – Folksetymologie, marzipan, vermuth, kapellmeister, claviatur, spits, poodle.*

Для заимствований XX века характерно заметное преобладание слов, связанных прямо или косвенно с войной. Германия была центром двух мировых войн, и очевидно, что языковой контакт в политической сфере был неизбежным. Таким образом, в английском языке появились такие немецкие слова, как *blitzkrieg, flak*. Ряд слов, обозначающих понятия и реалии гитлеровского режима, также стал широко известен в английском языке в тот период: *Gestapo, SS, Reich, Autobahn, führer/fuehrer, Brown Shirt–Braunhemd, Nazi.* Английский язык заимствовал и те слова военной сферы, которые не относились непосредственно к партии нацистов: *Luftwaffe, panzer, U-Boat.*

Временные периоды заимствований в некоторой степени обусловливают разделение немецких слов на лексико-семантические группы (ЛСГ), что занимает важное место в исследовании словарного состава английского языка. Общие данные о составе ЛСГ немецких заимствований представлены в таблице ниже, где отражен удельный вес каждой ЛСГ относительно общего количества рассматриваемых в работе слов [4; 5; 6; 7; 8].

Лексико-семантические группы немецких заимствований

ЛСГ	Процентное соотношение
Геология, минералогия, горное дело	13
Кулинария	11
Политика, государство, военное дело	7
Биология, ботаника	7
Медицина	6
Музыка	6
Химия	5
Зоология	4
Игры и спорт	2
Лингвистика и лексикология	2
Психология	2
Философия	1
Физика	1
Литература	1
Академическая сфера	1
Одежда	1
Другие аспекты жизни	30

ЛСГ, относящиеся к области геологии и минералогии, составляют в сумме 13 % немецких заимствований. Из немецкого языка заимствованы названия отдельных минералов и металлов, например, *bismuth, cobalt, gneiss, quartz, zink,* геологические термины и некоторые понятия горного дела: *druse* ‘друза’, *graben* ‘сбросовая впадина’, *horst* ‘горст’, *trommel* ‘барабан’, *celestine* ‘целестин’, *karst* ‘карст’, *loess* ‘лесс’.

Достаточно представительной является ЛСГ «Кулинария», в которую входят лексические единицы, обозначающие продукты питания и напитки: *kuchen, kraut, torte, noodle, sauerkraut, marzipan, stolen.*

В ЛСГ «Политика, государство, военное дело» представлены понятия общественной и политической жизни, государственного управления, а также различные реалии, связанные с войной; некоторые из них появились во время гитлеровского режима: *ausländer, diktat, Brown Shirt (Braunhemd), Luftwaffe, Nazi, blitzkrieg, Gestapo.*

Среди германизмов, обозначающих научные понятия, можно выделить термины из области биологии, химии, медицины и физики: *anlage, edelweis, einkorn, carotene; Alzheimer’s disease, Creutzfeldt-Jakob disease; alkyl, amidol*; *bremsstrahlung, gegenschein, zwitterion.*

Некоторые из заимствованых лексем можно объеденить в ЛСГ «Музыка»: *leitmotif* ‘лейтмотив’, *kapellmeister* ‘капельмейстер’, *humoresque, heldentenor, lied, Meistersinger, septet, singspiel*. В состав данной группы входит подгруппа «Музыкальные инструменты», включающая такие лексемы, как *alpenhorn, althorn, clavier, fife, flugelhorn.*

ЛСГ «Зоология» составляет 4 % немецких заимствований и объединяет в своем составе лексические единицы, обозначающие животных и птиц: *aurochs, hamster, jaeger, lammergeier, roller, wisent*. В данной ЛСГ можно выделить подгруппу «Породы собак», яркими представителями которой являются следующие лексемы: *affenpinscher, boxer, Rottweiler, schnauzer, spitz.*

ЛСГ «Игры и спорт» включает реалии, характеризующие спортивные направления и различные игры: *kegler* 'a participant in a game of tenpin bowling', *langlauf* 'cross-country skiing', *pinochle* 'пинокль', *turner* 'гимнаст', *turnverein* 'club of gymnasts', *wedeln* 'a succession of high-speed turns performed in skiing', *zugzwang* 'chess: a position in which one player can move only with loss or severe disadvantage'.

Немецкие заимствования из области гуманитарных наук вошли в ЛСГ «Психология», «Философия» и «Литература»: *angst, doppelganger, empathy, schadenfreude; Bildungsroman, Märchen; noumenon* 'a thing as it is in itself, not perceived or interpreted, incapable of being known, but only inferred from the nature of experience', *thing-in-itself, Weltanschauung* 'world-view'*, Weltschmerz.*

ЛСГ «Академическая сфера» представлена следующими лексическими единицами: *docent, practicum, semester, seminar.*

Заимствованиями, относящимися к лингвистике и лексикологии, являются, например*, breaking, folk etymology (Folksetymologie), umlaut, ablaut, Hoch German (Hochdeutsch), Low German (Plattdeutsch), ursprache.*

Одной из самых немногочисленных групп является ЛСГ «Одежда», включающая такие предметы одежды, как *dirndl, lederhosen.*

Слова, которые нельзя отнести ни к одной из перечисленных выше лексико-семантических групп, включены в ЛСГ «Другие аспекты жизни»: *coffee klatsch, dummkopf*.

Итак, рассматривая немецкий элемент в современных вариантах английского языка, необходимо подчеркнуть, что основная часть немецких заимствований попала в английский язык через его американский вариант. Данный факт обусловлен такими историческими факторами, как миграция, культурный подъем, достижения в области науки, политические условия, и подтверждается статистическими данными о временном периоде заимствования. Наиболее представительные лексико-семантические группы немецких заимствований относятся к таким сферам, как горное дело, кулинария, политика, биология, медицина, музыка и химия. Некоторые германизмы используются в английском языке, так как нет подходящего английского эквивалента, соответствующего данной реалии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вялкина, А. Н.* Все ли английские слова являются исконно английскими? / А. Н. Вялкина, В. В. Новикова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.school-science.ru/0317/3/28736. –Дата доступа : 15.10.2017

2. *Шкаревский, Д. Н.* Немецкая иммиграция в США в конце XVIII–XIX вв. К вопросу о численности и причинах / Д. Н. Шкаревский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://mmj.ru/new_history.html?&article=509&cHash=a4ce52b0dd. – Дата доступа : 15.10.2017.
3. *Humphries, Sc.* Germanisms in Modern English Usage: A Cultural, Historical and ESL Perspective / Sc. Humphries, N. Kaewwipat [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.dshumphries.com/Germanisms_ Thoughts_2008.pdf. – Дата доступа : 15.10.2017
4. *Аракин, В. Д.* Англо-русский словарь / В. Д Аракин, З. С. Выгодская, Н. Н. Ильина. – 21-е изд., стер. – М. : Рус. Яз. – Медиа, 2006. – 559 с.
5. Большой немецко-русский словарь / К. Лейн [и др.]. – 14-е изд., испр. – М. : Рус.яз. – Медиа, 2007. – 1159 с.
6. *Мюллер, В. К.* Большой англо-русский словарь / В. К. Мюллер, А. Б. Шевнин, М. Ю. Бродский. – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – 1536 с.
7. The American Heritage Dictionary of the English Language / under the editorship of A. H. Soukhanov. – 3rd ed. – Boston : Houghton Mifflin, 1992. – 2149 p.
8. Webster's Third New International Dictionary, Unabridged / under the editorship of Merriam Webster. – Springfield, Massachusetts, USA : G. & C. Merriam Company, 2000. – 2783 p.

The paper examines lexico-semantic features of German loan words imported into English. Different periods of borrowing during the development of the English language are introduced. A detailed analysis of lexico-semantic groups of germanisms and examples referring to different spheres of life are given. It is shown that some borrowed German words are used in its original form because there are no true English equivalents.

К. И. Иванов, Л. Р. Супрун-Белевич
Минск, БГУ

РАДУГА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СЛАВЯН

В статье исследуются обозначения радуги в диалектах и литературных славянских языках. Прослеживается связь наименований с некоторыми древними мифологическими представлениями славян. Выделяются когнитивные основы выбора мотивирующего признака лексем. Выявлена региональная и национальная специфика номинации природного феномена. Анализируются проявления семантической и словообразовательной деривации исследуемых лексем в современных славянских языках.

В языке каждого народа отражены его представления о сущности номинированного предмета или явления действительности. Сравнительное изучение славянских литературных и диалектных метеорологических названий позволяет выделить универсальные и специфические когнитивные элементы языковой презентации конкретного атмосферного феномена.

Радуга, хотя и никогда не оказывала какого-либо влияния на жизнь и деятельность человека, издавна занимала его творческое воображение. Во-первых, яркие краски, загадочное происхождение не могли не привлекать внимание человека, пытающегося дать объяснение всему, что окружает его. Во-вторых, радуга сопровождает другие, важные для хозяйственной деятельности, явления (теплый дождь, установление теплой погоды после ненастья). Семантика большинства славянских наименований радуги опирается на поэтические образы, возникшие у древних славян в связи с явлением радуги. Это относится и к другим, неславянским народам. Составители первых толковых словарей славянских языков нового времени старались показать в словарных статьях основные черты феномена радуги. Так, у Даля объяснение значения слова *радуга (равдуга, райдуга)* находится в статье «Радость», и это наводит на мысль, что он рассматривает их как однокоренные, хотя и делает оговорку: «не ручаюсь за сродство радуги с радостию, но как это было радостное явленье Ною, то связь вероятна». В определении Даля можно выделить такие понятийные компоненты, как 1) место возникновения: ‘небесное явление’; ‘под облаками’; 2) внешние признаки: цветовой состав и форма – ‘семицветная дуга’; 3) условия и время появления: ‘от солнца позадь дождя’; 4) физическая природа: ‘картина луча света, прошедшаго черезъ клинъ стекляный, вид разложеннаго на цвета света’. В первом полном толковом словаре новоболгарского языка Найдена Герова внимание обращается на те же важные характеристики: *лъкът, что ся показва на въздуха от седем различни шарови, кога вали дъжд и огрее слънце* (Лук, который появляется в воздухе из семи разных цветов, когда идет дождь и покажется солнце). Как мы видим, дефиниции Даля стремятся дать и максимально простое научное объяснение. Толкования современных словарей славянских языков в целом повторяют решения первых лексикографов. Различия касаются выбора эталона для сравнения при описании формы: в словаре русского языка – разноцветная дугообразная полоса, в академическом словаре болгарского языка – *разноцветен полукръг* (разноцветная полуокружность), а также более детализованного объяснения причины появления – переломления солнечных лучей в дождевых каплях. В сербских и хорватских толкованиях значения уточняется цветовой состав: *лук спектралних бојова*. За пределами словарных дефиниций в словарях современных славянских языков остаются некоторые характеристики радуги, отмечающиеся в энциклопедических изданиях: радиус (около 42 градусов), ширина (2–3 градуса); иногда не содержит все цвета спектра или некоторые появляются в очень узких и бледных полосках; обычно красный цвет – с внешней стороны, а фиолетовый – с внутренней; ширина и яркость цветов зависят от величины дождевых капель.

Наиболее полную информацию о древних представлениях славян дают данные диалектов. Так, праславянская лексема **pojasъ* используется в восточнославянских и южнославянских языках в качестве обозначения радуги. Чаще всего лексема *пояс* сопровождается определениями *божий*, *господен*,

богородичин, *бабин*, *святой Марии* (словенское *svate Marije pasec*). Пояс является атрибутом лиц, обладающих божественной силой. Балтославянское название пояса употребляется как обозначение радуги и в балтийских языках. Учитывая наличие лексем со значением ‘пояс’ и в романских языках (румынский, французский), возможно, что славянские и балтийские обозначения радуги этой лексемой являются результатом независимого семантического развития общей балтославянской лексемы. Основой метафоры считается сходство форм и красок радуги и пояса как элемента одежды. По другой версии, возможно и индоевропейское происхождение славянской метафоры *радуга – пояс*. Доказательством этого может служить семантический переход в такой архаической зоне славянского мира, как Полесье. В Болгарии известно представление о радуге как о поясе Господа, который он полощет во время дождя или сушит после дождя. Среди наименований радуги, свойственных именно диалектной речи, следует отметить 1) связанные с библейскими представлениями: укр. *божий знак*, серб. и хорв. *божја нога*, словен. *bozji stol, boshja lestvica*; 2) указывающие на цветовую гамму: белорус. и укр. *краса*, *красуля*, словен. *pozerc* (яркая, как пламя пожара); 3) выражающие связь с мостом, коромыслом, рогом: рус. *покатый мост*, укр. *коромісло*, словен. *rozec; Petrof rozec*); 4) отражающие веру в то, что радуга является предвестником определенной погоды (чаще ясной, но иногда и дождливой): укр. *ясна*, белорус. *дажджанка*, словен. *vedrnica, vederna kolona*; 5) отражающие верование в то, что радуга набирает, высасывает, «пьет» воду из озера, реки, моря, колодца, подобно змею: словен. *piauka,* новгород. рус. *змея*, макед. *облак* (возможное свертывание фразеологизма *облак вода пије*). Отголоски подобных поверий находим во фразеологии чехов (*pije jako duha*), словенцев (*pijan kot mavra*), словаков (*pit ako duha, smadny* (жаждущий пить) *ako duha*), сербов. С мотивом питья воды связаны и белорус. диал. *смок, цмок*, укр. диал. *смик*. В связи с этой особенностью радуги она может в определенный момент стать опасной для человека и засосать его. Народная культура отражает человеческий страх перед неуправляемыми природными явлениями в виде поведенческих запретов: не купаться в воде у мельниц (у сербов), не указывать пальцем на радугу (в Закарпатье), указание матерей детям не выходить во двор (у белорусов). Проявлением языковой табуизации можно объяснить существование форм с измененным начальным согласным (хорв.-кайкавские *huga*, *puga*). Прохождение под радугой и выпивание воды в том месте, где это делала радуга, может привести к изменению пола (у сербов, болгар, македонцев, западных украинцев). В некоторых случаях такое превращение является желанным – для беременной женщины, рождающей только девочек, или для тех, кто хочет изменить пол. У болгар пребывание в месте водопоя радуги и нахождение серебряной чаши, оставленной там ею, может привести к приобретению человеком способности предвидеть будущее с гарантией осуществления его сокровенных желаний. Отмечен и целый ряд сложных названий радуги, сохранившихся в основном в детском

фольклоре: рус. диал. *дуга-радуга*, болг. *дъга-дъгица, тъга-тъгица, зуница-ваница, зунца-ванца*, словен. *cavra-mavra*. В славянских диалектах используются и иноязычные заимствования. Особо характерно это для болгарских диалектов: *дъмга, дамга* (из тур. *damga* ‘клеймо, знак’); *фута* (из греч. *фуста* ‘юбка, фартук’)*; зуница, зунца, зунка* (*из* греч. *зоница* ‘1. пояс; 2. радуга’).

Наименования радуги, зафиксированные в литературных славянских языках, также в своей основе имеют древние метафоры. Во всех группах славянских языков отражено метафорическое обозначение радуги **donga*. Континуанты этого обозначения являются титульными для болгарского (*дъга*), чешского и словацкого (*duha*), сербского и хорватского литературных языков (*дуга*). Это наименование указывает на сходство природного явления с предметом и является его частичным описанием: дуга ‘часть окружности или другой кривой линии’. Праславянское **donga* входит и в состав восточнославянского образования *радуга* (в укр. – *райдуга*). Вопрос об источнике начального сочетания *ра-* остается открытым. Оно может восходить либо к *радъ*, либо к *рајь*. Определенную роль в обозначении с корнем *рад-* могло сыграть то яркое и радостное впечатление, которое радуга производила на человека своими красками. В русских заговорах, заклинаниях, обращенных к радуге, повторяется сочетание *рада-радуга,* из которого могло образоваться слово *радуга* (как *радушие* из *рододушие*). Взаимоотношения начального *ра-* с корнем *рай-* могут носить характер народной этимологии, подкрепленной формой *рай-дуга,* созданной по частотной для восточных славян модели (*жар-птица*, *царь-пушка*, *хлеб-соль*, *пути-дороги*) с предполагаемым влиянием частого использования божественных мотивов для обозначения метеорологических явлений.

Существует предположение родственности начального *ра-* санскритскому коренному звуку *-р-*, заключающему в себе понятие быстрого движения воды или воздуха (т.е. радуга – это водоносная, дождевая дуга). Неясно, однако, каким образом радуга связана с быстрым движением воды и воздуха. Возможно, восточнославянское *радуга* является заимствованием, которое подверглось «формальной ассимиляции». Некоторые этимологи связывают наименование радуги с группой иранских слов, обозначающих лук (вид оружия) и одновременно радугу. Следует отметить, что такая метафора по сходству формы реализуется в сербском, хорватском, македонском (*божилак*, *божилок, божурлок, боболоже* из *божи лак*) и болгарском языках, преимущественно в диалектах. Большое разнообразие наименований радуги наблюдается в белорусских диалектах. Лексема с праславянским корнем **vessel-* – восточнославянское образование, но только в белорусском *вясёлка (весялуха)* является основной литературной формой. Прослеживается явная семантическая близость с корнем **rad-,* а некоторые изменившие форму в диалектах обозначения радуги, показывающие сближение с *висеть* и *весна*, объясняются представлениями славян о повешенной волшебной рукой дуге, а также о том, что радуга предвещает теплую весеннюю погоду. В польском и верхнелу-

жицком языках в качестве обозначения радуги употребляется лексема, в других языках имеющая значения ‘дождевое облако; небо’, ‘буря’, ‘сильный дождь’ и т.п.: польск. *tecza*, в.-луж. *tucel*. В белорусских (*тэнча, тенча*) и украинских говорах (*тенч*) употребление этой лексемы следует считать результатом заимствования. Есть предположение об этимологической связи польского слова с литовскими *tankus* (густой) и *tankumynas* (заросли) с реализацией идеи о густоте, сбитой массе. Возможна связь и с корнем *тук*- (ср. рус. *тучный* (жирный) и болг. *тучен* (плодородный – о земле, отличающейся буйной, сочной травой – о лугах), *тученица* – сорняк с мясистыми, плотными листьями. Только в словенском языке (*mavrica*) и в некоторых сербских и хорватских диалектах (*мавра*) зафиксированы лексемы с индоевропейским корнем **mau-ro*- ‘тусклый, слабоосвещенный, темный’. Здесь прослеживается явная, но не совсем ясная с точки зрения семантики, связь со словами типа *мавар*, *maver*, заимствованными из лат. *maurus*, греч. *мавpос* ‘черный’. В словенском языке есть лексемы с этим же корнем, как *mavelj* со значением ‘съедобный гриб с тонкой ножкой и серо-коричневой шляпкой, моховик зеленый (его окраска включает желтый, зеленый, синий цвета)’, *mavra* ‘черная или пятнистая корова’; дятел (окраска дятла черно-белая, пестрая, с красным пятнышком). Можно предположить, что при наименовании радуги словами с корнем **mau-ro*- важную роль сыграли не название коровы и не черно-белая окраска, а общая пестрая цветовая гама. Семантическая модель реализуется и в словенских диалектах – *sovrica* (от *sovra* – корова с черными пятнами около глаз и на хребте). В представлениях древних славян облака отождествлялись с коровами, но если для обозначения облаков важно медленное движение стад коров, несколько размытые очертания животных, то для радуги существенной является, вероятно, окраска коров. Только в македонском литературном языке для обозначения радуги употребляется лексема *виножито*. Это связано с мифологическим представлением о радуге как о символе урожая, изобилия, плодородия. Каждый цвет символизирует определенную культуру или результат ее обработки. По ширине полос судят о том, каким будет урожай. У болгарских крестьян желтый цвет связан с пшеницей (житом), а малиновый – с виноградом и вином, зеленый – это трава, у сербских крестьян зеленый цвет относится к житу, белый – к ракии, красный – к вину, желтый – к шелковичным коконам.

Польский фразеологизм с формой ‘смотреть на кого-л. как на радугу’ реализует два значения: 1) не сводить глаз с кого-л., любоваться им, смотреть на него, как на икону; 2) боготворить кого-л., души не чаять в нем. В словацком лексема *duha* развивает переносное значение ‘символ надежд’ (*symbol nadeje*). В других славянских языках, например в русском, значение ‘приятный, сулящий радость, счастье’ закрепляется за адъективом *радужный* (видеть все в радужном свете). В словацком и в словенском языках созданы глагольные дериваты, соответственно *duhovat* ‘окрашивать в цветах радуги, в разных цветах’ и *mavriciti se* книж. ‘светиться, сверкать цветами радуги’.

Только болгарский язык использует греческое заимствование *ирис* для обозначения радужной оболочки глаза. В остальных славянских языках анатомический термин содержит элемент со значением радуги. Идея объединения большого количества разных элементов реализуется в употреблении словенского названия радуги в качестве количественного интенсификатора: *mavrica custev, barv, problemov* (море, гора чувств, цветов, проблем).

Анализ славянских литературных и некоторых диалектных названий радуги показывает, что основная часть базируется либо на сходстве погодного явления с различными предметами, либо имеет описательный характер. И хотя доминирующим признаком радуги является ее форма, условно все наименования можно разделить на три основные группы: 1) названия, данные на основе сходства с каким-либо предметом; 2) названия, отражающие цветовую природу явления; 3) названия, указывающие на связь радуги с другими явлениями погоды. В одних наименованиях достаточно ясно просматривается древняя метафора, в других она потеряла свой поэтический смысл, и название стало объяснимым только при привлечении экстралингвистических данных (*виножито, виноракия*). Самым древним названием радуги является, по видимому, *donga*, сохранившее во всех современных славянских языках значение ‘радуга’.

Лингвистические и культурологические данные позволяют говорить о том, что для славян радуга – природное явление, вызывающее восхищение и удивление, иногда страх, символизирующее связь человека с Богом и дающее человеку возможность узнать об его помыслах, изменить что-то в своей жизни, предвидеть в какой-то степени будущее и смотреть с надеждой в него, поскольку пока есть радуга, не будет потопа и второго пришествия.

The article explores the designations of the rainbow in dialects and literary Slavic languages. The connection of names with some ancient mythological representations of Slavs is traced. The regional and national specificity of the nomination of the natural phenomenon is revealed.

Т. И. Кибинь
Минск, МГЛУ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В НАРРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье выделены и описаны четыре семантических класса эмотивной лексики: микрополе грусти, микрополе страдания, микрополе раздражения и микрополе радости. Главное внимание уделено соотношению частотности употребления эмотивов с отрицательной и положительной оценочной семантикой. Установлено, что наиболее употребительным классом эмотивов являются эмотивы с отрицательной оценочной семантикой.

Во все времена люди испытывали одни и те же чувства: радость, горе, любовь, грусть [1, с. 503]. Именно поэтому эмоциональная сфера человеческой жизни привлекает внимание ученых из разных областей науки, а знание системы средств выражения эмоций и умение выявлять имплицитные эмотивные смыслы, которые могут быть выражены в процессе функционирования лексических единиц, важны для формирования эмотивной компетенции носителей языка, чем и объяснятся актуальность данного исследования [2].

Чтобы изучить особенности проявления эмоций в речи, необходимо в первую очередь разграничить такие понятия, как эмоциональность и эмотивность. Так, Т. В. Ларина предлагает следующее определение данных терминов: «эмоциональность – инстинктивное, бессознательное, незапланированное проявление эмоций, являющееся психофизиологической потребностью человека; эмотивность – сознательная, запланированная демонстрация эмоций, имеющая определенную коммуникативную установку» [2, с. 7]. Из этого следует, что эмоциональность сфокусирована в большей степени на субъекте (эмоции для себя), а эмотивность направлена на объект (эмоции для других) [2].

Отсюда можно сделать вывод, что эмотивными будут высказывания, доминирующей иллокутивной силой которых является намерение говорящего «выразить свое эмоциональное состояние или эмоциональное отношение к определенному положению дел во внеязыковой действительности, к самому себе, к собеседнику или лицу, не участвующему в акте коммуникации» [3, с. 40].

Что же касается эмотивов с отрицательной и положительной оценочной семантикой, то особый интерес представляет мнение В. И. Шаховского о соотношении вышеупомянутых явлений в разных языках. Он отмечает, что при сравнении эмотивной лексики разных языков можно обнаружить, что во многих языках эмотивов с отрицательной оценочной семантикой в количественном отношении больше, чем эмотивов с положительной оценкой, но употребляются они, предположительно, при общении значительно реже, чем положительно-оценочные эмотивные знаки. В связи с этим В. И. Шаховский приходит к выводу о том, что эмоциональные системы разных народов и культур, в основном, похожи: негативность, превалируя в их лексиконе, уступает позитивности в употреблении и синтагматическом комбинировании (ср.: *happy and sad, sad and happy*), что объясняется психологическим стремлением человечества к позитивности. Другим сходным моментом для различных языковых культур является то, что положительные эмоции выражаются разными народами более или менее однообразно и диффузно, чем отрицательные, которые всегда конкретны, отчетливы и многообразны [4].

Целью настоящего исследования является установление классов эмотивной лексики и выявление частотности употребления эмотивов с отрицательной и положительной оценочной семантикой в нарративном дискурсе на английском и белорусском языках. Для анализа были отобраны современные художественные рассказы на белорусском и английском языках.

Основываясь на методе анализа словарных дефиниций, мы выявили четыре наиболее употребительных семантических класса эмотивной лексики в рассказах на белорусском и английском языках: микрополе *грусти*, микрополе *страдания*, микрополе *раздражения* и микрополе *радости*.

Было установлено, что в микрополе г р у с т и входят следующие единицы: *to stagger up, doleful, to plod along; сумнавата, змрочныя, бяссільны, туга*. Принадлежность лексем к эмотивной лексике определяется на основе анализа дефиниций в толковых словарях. Так, в примерах *The mule-drawn carts **staggered up** the steep bank from the bridge…; The trucks ground up and away heading out of it all and the peasants **plodded along** in the ankle deep dust* [7, с. 149]; *... decided and **doleful** iron bells were clanged…* [7, с. 33] лексемы *to stagger up* и *doleful* имеют следующее значение: фразовый глагол *to stagger up* ‘walk or move unsteadily, as if about to fall’ – *пошатываться* [5]; *to plod along* ‘slow-moving and unexciting’ – *идти медленно, с трудом; плестись, тащиться*; лексема *doleful* определяется как ‘expressing sorrow; mournful’ – *печальный, прискобный* [5]. Основываясь на этом, можно сделать вывод, что лексемы *to stagger up, to plod along* и *doleful* принадлежат к микрополю грусти.

Приведем пример из дискурса на белорусском языке, в котором встретились лексемы микрополя грусти:

– Што, Антоні, цягніка чакаеш?

*А ён усміхнецца – па-свойму **сумнавата**, добра – і ціха адкажа…; І вось пацягнуліся **змрочныя** дні; А колькі ж **бяссільнай** нянавісці, горкай крыўды зазналі нашы нервы, затузаныя голадам, холадам, здзекам, **тугой**!* [8].

Рассмотрению подлежат лексемы *сумнавата*, *змрочна*, *бяссільна*, *туга*, которые определяются в толковом словаре как ‘грустно, огорченно’; ‘сумрачно’; ‘бессильно’; ‘скорбь; тоска’, что и позволяет включить их в микрополе грусти [6].

В результате проведенного исследования были выявлены следующие лексемы, относящиеся к микрополю с т р а д а н и я: *purgatory, grievous, to gnash, to tear one's hair; пакутніцкі, затузаны, безнадзейнасць*. Основанием для выделения данного семантического класса эмотивов стал анализ словарных дефиниций вышеперечисленных лексем на английском и белорусском языках. В сравниваемых языках для микрополя страдания были выявлены следующие контексты: *... it was a perfect **purgatory** of dust and confusion…* [7, с. 27]; *How in her **grievous** reveries had she **gnashed** her teeth and **torn her hair**, when she saw his start of rapturous delight as he opened the door of the lady!* [7, с. 35]; *І на гасцінцы, і ў мястэчку, на ўсім – так добра знаёмым і якім жа кароткім цяпер – шляху ад роднай хаты да свежай ямы ў лапухах добрыя людзі бачылі яе **пакутніцкі** паход* [8]; *А колькі ж бяссільнай нянавісці, горкай крыўды зазналі нашы нервы, **затузаныя** голадам, холадам, здзекам, тугой!; Вушы звісаюць абдрыпана, а маленькія вочкі глядзяць на ўсё сумна – да **безнадзейнасці**...* [8]. Существительное *purgatory* согласно Oxford Living

Dictionary имеет значение ‘mental anguish or suffering’ – *чистилище* [5]; прилагательное *grievous* ‘(of something bad) very severe or serious’ – *мучительный*; глагол *to gnash* ‘to grind (one’s teeth) together as a sign of anger (often used hyperbolically)’ – *скрежетать зубами*; *to tear one’s hair* ‘feel extreme desperation’ – *рвать на себе волосы* [5]; *пакутніцкі – мученический, страдальческий*; *затузаныя – измученные*; *безнадзейнасць – плачевность* [6].

Семантический класс эмотивной лексики – микрополе раздражения – можно выделить на основании выявления следующих лексем в нарративном дискурсе на белорусском и английском языках: *to be ruffled, venomous, peevish, to burn in agony; вухкаць, плявузганне.* Анализируя контексты, в которых используются данные языковые единицы, а именно *I was so ruffled that…* [7, с. 27]; *… he cut me short with a* ***venomous*** *“No, you can’t”* [7, с. 27]; *Ruth began to grow* ***peevish*** [7, с. 85]; *How her soul* ***had burned in agony*** *when she had seen him rush to meet that woman…* [7, с. 35], можно прийти к выводу, что данные лексемы относятся к микрополю раздражения, что подтверждается анализом словарных дефиниций: глагол *to be ruffled* имеет значение ‘быть сердитым, раздраженным’ [5]; *venomous* ‘full of malice or spite’ – *злобный* [5]; *peevish* ‘having or showing an irritable disposition’ – *капризный* [5]; *to burn in agony – гореть в агонии*.

Рассмотрим примеры из белорусскоязычного дискурса: *І ўсе глядзелі,* ***вухкалі*** *на нас, як на самых сапраўдных разбойнікаў...* [8]; *– А дзе ваш сын цяпер? – спытаўся я ў яго, каб хоць гэтым заткнуць яго п’янае* ***плявузганне*** [8]. Лексемы *вухкаць* и *плявузганне* имеют следующие значения ‘ухать, громко кричать’[6]; ‘трепотня’ [6], что позволяет отнести их к микрополю раздражения.

Анализ последующих контекстов позволяет выделить очередной семантический класс эмотивов – микрополе радости: *– Be patient with your mother, – Dad said,* ***winking***; *Jennifer* ***smiled*** *in acknowledgment and then paused…*; *Then she caught her mother’s* ***teasing*** *glance and she had to laugh* [7, с. 154]; *...Яго* ***блазенскі****, радасны брэх я чую праз гул і бразганне вялікага, бывалага аўтобуса*; ***Шчаслівы*** *бацька адчуў яшчэ большае* ***шчасце;*** *Бацька* ***смяецца*** [8], который включает в себя лексемы *to wink* ‘close and open one eye quickly, typically to indicate that something is a joke or a secret or as a signal of affection or greeting’ *подмигивать* [5]), *to smile* ‘regard favourably or indulgently’ *улыбнуться*; *to tease* ‘make fun of or attempt to provoke (a person or animal) in a playful way’ *дразнящий взгляд*; *блазенскі* ‘веселый, смешной, шутейный’; *шчаслівы* ‘счастливый’; *смяяцца* ‘смеяться’ [6].

Таким образом, в результате исследования художественных текстов в английском и белорусском языках и использования метода анализа словарных дефиниций было выделено четыре семантических класса эмотивной лексики, в которых всего было зарегистрировано 214 эмотивов с отрицательной оценкой (в рассказах на белорусском языке – 108 и 106 – английском) и 127 с положительной оценкой (64 – в белорусском языке, 63 – в английском). Это позволяет сделать следующий вывод: количество

эмотивов с отрицательной оценкой численно превосходит эмотивы с положительной оценкой в английском и белорусском языках, что обусловлено большим многообразием и конкретностью выражения отрицательных эмотивов по сравнению с однообразным выражением положительных эмоций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицкая, А.* Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 780 с.
2. *Ларина, Т. В.* Лингвистика эмоций: от теории к практике / Т. В. Ларина, С. В. Ионова // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 7– 9.
3. *Пиотровская, Л. А.* Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования / Л. А. Пиотровская. – СПб. : СПбГУ, 1994. – 146 с.
4. *Шаховский, В. И.* Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты / В. И. Шаховский // Языковая личность: культурные концепты. – СПб. ; Волгоград : Волг. гос. пед. ун-т, 1996. – С. 80–96.
5. Oxford English Living Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://en.oxforddictionaries.com. – Дата доступа : 15.10.2017.
6. Скарнік : электронный русско-белорусский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.skarnik.by. – Дата доступа : 17.10.2017.
7. *Борисова, Л. В.* Интерпретация текста (проза) / Л. В. Борисова. – Минск : Выш. шк., 1999. – 173 с.
8. Беларуская палічка : белорусская электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.knihi.com. – Дата доступа : 17.10.2017.

The present article deals with emotive lexemes in narrative discourse. Four semantic classes of emotive lexemes are singled out. The frequency of their occurrence in English and Belarusian narrative discourse is compared.

А. П. Клименко
Минск, МГЛУ

ТИПОЛОГИЯ СЛОВЕСНЫХ РЕАКЦИЙ В АССОЦИАТИВНОМ ПОЛЕ

Анализ ассоциативных экспериментов показывает, что ассоциативные поля структурированы, причем в них выделяются иерархически организуемые направления и ветви ассоциирования. Если ассоциативное поле в целом характеризует семантику слова-стимула, то рассмотрение структур ассоциативных полей позволяет установить не только индивидуальную семантику слова-стимула и типы отношений в биномиальной паре стимул-реакция, но и выявить типы семантических отношений внутри ассоциативного поля. В этом плане показательно совпадение существенных элементов структуры ассоциативного поля одного слова со структурами ассоциативных полей других слов, принадлежащих к близким семантическим группам.

Развитие лингвистических исследований за последние годы делает актуальным не только констатацию наличия системных отношений в лексике, но и выявление конкретной специфики отношений в лексике: их общих и особенных черт, их отражения в сознании носителей языка в связи с системными отношениями в действительном мире, которые не дублируются в лексике, а находят в ней отражение в преобразованном виде. Исходя из этого, в статье ставится цель выявления отражения в сознании носителей языка типов связи между словами в лексической системе, в частности типов связи между словами в ассоциативном биноме (стимул – реакция) и ассоциативных полях слов-стимулов.

Для осуществления этой цели отобраны данные ассоциативных экспериментов, проведенных автором на материале разных языков (русском и английском). Привлечение разноязычного материала объясняется, с одной стороны, стремлением показать его общелингвистический характер, а с другой – дать лингвистическую интерпретацию огромному экспериментальному материалу.

Анализ экспериментального материала обнаруживает тенденцию, действительную для подавляющего большинства испытуемых, давать ассоциации содержательного характера. Незначительная часть ассоциаций является ассоциациями фонетическими, вызванными звуковыми сходствами стимула и реакции. Невелико и количество грамматических ассоциаций, представляющих собой грамматические формы заданного стимула, а также словообразовательных. Однако основной стратегией ассоциирования является смысловая, т.е. большинство реакций, так или иначе, связаны со стимулом смысловыми отношениями и составляют определенные структуры, в которых выделяются отдельные направления, объединяющие некоторые типы ассоциаций к стимулу в данном ассоциативном поле. Под ассоциативным полем понимается совокупность всех вербальных ассоциаций слова, полученных от носителей языка.

Смысловые ассоциации можно разделить на несколько типов. Значительную часть ассоциаций в свободном ассоциативном эксперименте составляют такие, которые образуют вместе со стимулом некоторое грамматически оформленное сочетание слов, т.е. ассоциации, образующие со стимулом сочетания слов, которые могут быть использованы вместе с данными стимулами при построении (производстве) текстов, т.е. синтагматические ассоциации. При стимуле-существительном – это названия типичных действий, которые совершают субъекты или предметы, обозначенные стимулами (*самолет* – летает, *лошадь* – скачет, *учитель* – учит; *moon* – shines, *doctor* – helps); при стимуле-прилагательном часто выдаются испытуемыми типичные определяемые, обозначающие конкретные предметы (*rough* – road, hands, boards; *красивый* – цветок, пейзаж); при стимуле-глаголе – названия объектов и субъектов действия (*летает* – птица, самолет, *whistle* – tune, *wish* – money), а также приводятся обозначения обстоятельств (*вставать* – рано) или названия типичных мест пребывания (*спать* – дома).

Второй тип ассоциаций наиболее характерен для ассоциативных структур. Это – ассоциации,

1) представляющие собой замены стимулов в случае их использования в тексте: *синонимические* (*тихий* – спокойный; *крепкий* – сильный, здоровый) и *антонимические* (*тихий* – громкий, шумный; *говорить* – молчать);

2) принадлежащие к тем же семантическим группам, что и стимул (*муж* – жена, *мальчик* – девочка).

Этот тип ассоциативных биномов грамматически не связан между собой. Стимул и ассоциация либо способны заменять друг друга в тексте, либо же способны употребляться в рамках одного сообщения. Стратегия замены стимула реакцией лежит также в основе родовых реакций на видовые слова (*орел* – птица), а также видовых слов в ответ на родовые (*насекомое* – стрекоза). Если в случае отношений подобия мы сталкиваемся со словами примерно одинакового семантического объема, то в случае родо-видовых отношений имеет место вложение (включение) более узкого (видового) значения в более широкое. Такое вложение имеет место и в случае отношений части и целого: в ответ на название части дается название целого (*крыло* – птица, *ступня* – нога), и наоборот (*бабочка* – крыло). Рассматривая, однако, бином стимул – реакция, мы признаем, что в тех случаях, когда имеет место отношение заменимости, принципиально возможно как употребление реакции вместо стимула, так и стимула вместо реакции. Этот тип отношений обобщенно можно отнести к парадигматическому.

Не все ассоциации укладываются в рамки синтагматических и парадигматических. Значительная часть реакций ассоциируется не со словами, а со знаками ассоциируемых явлений действительности, такие ассоциации получили название тематических. Они представляют собою смысловые ассоциации, отличаясь от стимула более чем по одному семантическому дифференциальному признаку, т.е. имеют отношение к одной и той же теме, но не составляют фрагмент текста. Если в основе парадигматических отношений лежит стратегия возможной замены, то в основе тематических ассоциаций находится другая стратегия ассоциирования. Здесь фундаментом ассоциирования является возможность или даже типичность встречи реакции со стимулом в одном сообщении, в рамках одного ограниченного текста. Назовем этот тип отношений маргинальным. Поскольку отношения между словами в тексте достаточно разнообразны, приходится говорить и о значительном многообразии тематических ассоциаций в материалах ассоциативных экспериментов. Например, на стимулы, обозначающие место, время или условие действия, даются ассоциации – названия некоторых действий (*школа* – учиться, учеба, учение; *город* – жить; *озеро* – купаться; *год* – прожить; *весна* – цветенье; *bed* – sleep; *house* – live). Нередки реакции – глаголы на стимулы-имена (*игла* – шить, *перевал* – перейти, *впечатление* – делиться, *bread* – eat, *hammer* – hit). Встречаются случаи, когда название орудия выступает как ассоциация на именной или глагольный стимул (*петь* – горло, *слышать* – ухо, *butterfly* – color).

Говоря о маргинальном характере отношений, мы имеем в виду системно-языковую характеристику подобных отношений, а не степень их существенности, важности в ассоциативном поле. Тематические ассоциации представляют собой, возможно, наиболее интересный результат ассоциативного эксперимента. Ведь синтагматически связанные со стимулом слова могли быть получены из дистрибутивного анализа текстов, парадигматические связи легко выясняются при анализе ближайших частей лексической системы, в то время как тематические реакции показывают наиболее существенные, удерживаемые в памяти, отношения данного слова с другими словами, непосредственно с ним не связанными. Что же касается собственно языковых отношений, ясно, что маргинальные отношения принадлежат скорее к периферии связей данного слова с другими словами. Тематические реакции могут дать определенные свидетельства о прагматической и сигматической стороне значения слова, в то время как синтагматические реакции говорят о синтактическом, а парадигматические – о собственно семантических аспектах значения.

Если обобщить смысловые отношения, которые обычны между стимулами и реакциями, входящими в их ассоциативные поля, то можно установить несколько типов отношений, наиболее характерных для ассоциативных структур полей. В о - п е р в ы х, в ассоциативные структуры входит значительное количество слов, которые вместе со стимулом представляют собой грамматически оформленное сочетание слов и могут быть использованы при построении текстов. В о - в т о р ы х, это слова, которые могут заменять стимулы при построении текста. К этому типу относятся синонимы, антонимы, слова, принадлежащие к той же семантической группе, что и стимул, названия родовых и видовых по отношению к стимулу понятий, а также обозначений части и целого. В - т р е т ь и х, в ассоциативные структуры входят слова, связи которых со стимулом очевидны, но это скорее не непосредственные языковые связи, а связи между явлениями, обозначенными словами.

Связи между словами не ограничиваются отношениями только между стимулом и ассоциацией. Наряду с этим, естественно, устанавливаются некоторые отношения между ассоциациями, составляющими ассоциативное поле, а также отношения между единицами различных полей. Переходя от биномиальных отношений «стимул – реакция» к более сложным отношениям между словами – членами ассоциативного поля отметим, что в ассоциативном поле слова связываются парадигматическими или маргинальными отношениями. Синтагматические отношения между членами ассоциативного поля относятся скорее к исключениям, чем к правилам. Синтагматические отношения между членами ассоциативного поля возникают более или менее закономерно лишь в том случае, если грамматические свойства слов, парадигматически связанных со стимулом, позволяют перенести отношения синтагматических реакций на эти слова. Они существуют в рамках поля скорее как потенциальные, что и понятно, так как сфера их реализации – это,

прежде всего, тексты. В целом же ассоциативное поле цементируется не грамматическими по своей природе синтагматическими связями, а связями семантическими по природе – парадигматическими или маргинальными.

Характер связей в ассоциативном поле не односторонний. Существуют довольно мощные связи между ассоциациями внутри ассоциативного поля, между ассоциациями как членами лексической системы, а также между зеркальными ассоциациями, свидетельствующие о взаимной связи членов ассоциативного бинома и ассоциативного поля. Характерной чертой семантической организации ассоциативных полей является то обстоятельство, что лишь незначительная часть ассоциаций – отдельные единицы. Подавляющее большинство ассоциаций входит в состав той или иной группы слов ассоциативного поля. Семантические отношения в поле имеют не только индивидуальный межсловный характер, но и межгрупповой. Обращает на себя внимание, что некоторые ассоциации особенно активны, они выступают в целом ряде ассоциативных полей, причем занимают иногда в них первые по частоте места. Анализ таких поливалентных ассоциаций углубляет наши представления о семантических связях в рамках словаря.

This paper presents the types of semantic correlation both in verbal associative structures of binominals (paradigmatic, thematic, syntactical) and in associative structures of fields (paradigmatic, thematic).

Н. А. Круглик
Минск, БГМУ

«САКРАЛЬНАЯ ЦЕПЬ»: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВ *СВЯЩЕННЫЙ*, *КРЕСТЦОВЫЙ*, *КРЕСТЕЦ*

В статье рассматривается этимологический анализ слов: *священный*, *крестцовый* и *крестец*, что помогает установить их тесную взаимосвязь.

Современная антропоцентрическая лингвистика фокусирует свое внимание на исследовании языковой картины мира и отдельных ее представлений о том, как внешняя действительность отражается на языке народа. Также возрастает интерес к проблемам междисциплинарного пересечения гуманитарных наук, в том числе к проблемам лингвокультурологии. Язык не только репрезентирует реальность, но и интерпретирует ее, создавая определенную действительность, в которой живет человек. В ней и получает свое развитие понятие *сакральное*.

С а к р а л ь н о е видение мира сформировалось во времена язычества – «части огромного общечеловеческого комплекса первобытных воззрений,

верований и обрядов, идущих из глубины тысячелетий». Языческие верования составляли основу духовного мира древнего человека до принятия христианства, а также долгое время после этого события.

Сакральное – это фрагмент социальной реальности, выходящей за рамки привычного и обыденного, отраженный в языке. Сакральное – сверхъестественное явление, вызванное вмешательством «потусторонней», в том числе и «божественной» силы. Процесс сакрализации в языке – это наделение предметов, вещей, явлений, людей «священным», мистическим, волшебным содержанием.

В последнее время возрос интерес к изучению сакральной лексики, поскольку данный пласт недостаточно изучен в лингвистике. Данные аспекты и обусловили актуальность изучения данного вопроса.

Объектом представленной работы явился анализ слов *священный*, *крестцовый* и *крестец*.

Слово *сакральный* происходит от латинского *sacralis*, что означает ‘священный’. Основа *sac*-, по-видимому, восходит к праиндоевропейскому *saq*-, вероятное значение которого – ‘ограждать, защищать’. Таким образом, первоначальная семантика слова *сакральный* – это ‘отделенный, защищенный’.

Согласно «Словарю иностранных слов» Н. Г. Комлева [1], слово *сакральный* происходит от латинского *sacer* (*sacri*) ‘священный; относящийся к вере, религиозному культу; обрядовый, ритуальный’.

Многие ученые считают, что слово *сакральный* произошло от позднелатинского словосочетания *os sacrum* ‘крестец‘, дословно *святая кость*. Люди верили, что крестец нельзя уничтожить; это часть тела, которая позволяет воскресить человека.

В то же время синонимом к слову *крестцовый* в «Словаре русских синонимов» является слово *сакральный*.

Вроде бы странное сочетание: *священный* и *кость*. Но на самом деле ничего особенного, так как святость – это связь с Богом. И как святой дух связывает человека с Богом, так и основные кости – крестец, позвонки – связывают ткани человека в единый корпус.

Проведенный этимологический анализ показал, что между словами *священный*, *крестцовый* и *крестец* существует тесная взаимосвязь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комлев, Н. Г.* Словарь иностранных слов : Более 4 500 слов и выражений / Н. Г. Комлев. – М. : ЭКСМО, 2006. – 669 с.

The article deals with etymological analysis of the words: *sacred*, *sacral* and *sacrum*, which helps to establish their close relationship.

И. Д. Лепеш
Минск, МГЛУ

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПОНИМАНИЕ НЕЗНАКОМОГО СЛОВА В КОНТЕКСТЕ

В статье представлен анализ результатов психолингвистического эксперимента, который был проведен с целью выявления факторов, способствующих пониманию незнакомых слов в англоязычном тексте. Установлено, что испытуемые определяли значение незнакомого слова, опираясь на внешнюю (фонетическую и графическую) оболочку слова, что приводило их к ряду как верных, так и неверных решений; они использовали прием морфологической передачи, транслитерируя иноязычное слово с последующим его приспособлением к морфологии родного языка, в некоторых случаях определяли значение неизвестного им слова при помощи контекста (как узкого, так и широкого).

В практике использования языка его носители нередко встречаются с неизвестными им словами. Это особенно часто происходит при частичном владении языком в процессе обучения или при неполном двуязычии [1, с. 169]. Чтобы понять неизвестные им слова, носители языка прибегают к «посторонним» средствам: переспрашивают, заглядывают в словарь и т.п. Но обычно это происходит после попытки использовать «внутренние» средства: сопоставление графической и фонетической оболочки незнакомого иностранного слова со словами родного языка, вычленение знакомых корней словообразовательных элементов в неизвестных словах. Вопрос о внутренних резервах понимания неизвестных слов и особенностях их использования может быть разрешен экспериментально. Проводимый нами эксперимент базировался на методике А. П. Клименко [1] и И. В. Чуясовой [2]. Подобные эксперименты проводила также Р. М. Фрумкина [3].

Эксперимент состоял из двух серий. В первой серии группе испытуемых предлагалось перевести ряд отдельных, не связанных между собой по смыслу предложений с изучаемого ими английского языка на родной (русский). В каждом из предложений было неизвестно лишь одно слово.

Во второй серии эксперимента той же группе испытуемых для перевода были предложены те же самые предложения с незнакомыми словами, включенные в широкий контекст, который представлял собой 2–3 связанных по смыслу предложения, образующих с уже знакомым испытуемым предложением из первой серии эксперимента мини-текст. Все участники были ориентированы как на понимание смысла предложенного мини-текста в целом, так и на определение значения отдельных незнакомых слов в предложениях.

Среди основных мотивов выбора перевода на первое место выдвинулось наличие звукового сходства со словами родного языка. Стоит отметить, что внешняя форма слова может как помогать при определении его значения, так и приводить к неправильным семантическим выводам.

Примером положительного влияния родного языка на перевод неизвестной лексемы может послужить слово *bizarre* ‘странный, необычный’ в предложении *Some mentally ill people have* ***bizarre*** *ideas*, где 3 % испытуемых удалось правильно определить часть речи и произвести эквивалентный перевод данного слова, 75 % опрошенных верно определили частеречную принадлежность слова *bizarre*, но не смогли дать его полный эквивалент, однако они правильно поняли общий смысл (семантическое поле) незнакомого слова, переведя его как ‘безумный’. Было отмечено, что в ходе эксперимента испытуемые были подвержены влиянию феномена, названного лингвистами «омофоническим словесным реализмом» [4, с. 181]. Опрашиваемые неверно определяли значение незнакомого слова на основании его созвучия с известным им словом в родном (русском) языке. Примером данного феномена могут служить слова *turmoil* ‘суета, суматоха’, которое ошибочно переводилось как *траур*, *турнир*; *obscure* ‘непонятно’, ‘неясно’, с неверным переводом *обескураживающе*; наречие *surreptitiously* – ‘скрытно’, ‘тайком’, переводилось как *скрупулезно*, *судорожно*. В некоторых случаях испытуемые использовали прием морфологической передачи, когда иноязычное слово транслитерируется с последующим приспособлением его к морфологии родного языка. Например, слово *obscure* ‘непонятно’, ‘неясно’ в предложении *I wish I could, but it’s obscure to me, too* переводилось как *обскурно*. При переводе существительного *enigma* ‘загадка’ один из испытуемых также использовал прием морфологической передачи и транслитерировал предложенное слово, как *энигма* в предложении *Whether or not there is life in outer space is an enigma.* При этом предложенный транслитерированный перевод данных слов нельзя считать неверным, так как испытуемые смогли объяснить значение этих слов, соответственно, они правильно поняли смысл всего предложения и конкретного слова.

Морфемный анализ слов *avocation* и *ambiguous* помог испытуемым догадаться о части речи, к которой принадлежит каждое из неизвестных слов и о их значениях:

- суффикс *-(a)tion* характерен для английских существительных, образованных от глаголов;
- словообразовательный суффикс *-ous* относится, главным образом, к прилагательным, так как он указывает на признак или качество.

В 65 % случаев испытуемые правильно поняли и общий смысл (семантическое поле) каждого из незнакомых слов. В значительной мере выбор семантического поля зависел от роли незнакомой лексемы в предложении и его окружения другими лексемами. В одних случаях выбор семантического поля довольно ограничен, ответы испытуемых сосредоточены вокруг какой-то семантической группы или системы. Например, в предложении *Since my grandfather retired, he has developed several new* ***avocations*** английское

существительное во множественном числе *avocations* ‘хобби’ переводилось как *хобби/увлечения/занятия/привычки/способности*. В предложении *In formal communication, be sure to avoid* ***ambiguous*** *language* разброс ответов шире, что связано с меньшими ограничениями, наложенными контекстом, как видно из переводов слов: *ambigious* ‘двусмысленный’ переводили как *профессиональный/неформальный/повседневный/простой/оскорбительный/ двусмысленный/просторечный/жаргонный/сленг/слова-паразиты*’.

Недостатком эксперимента явился тот факт, что при чтении текста на иностранном языке грамматические и лексические трудности никогда не существуют отдельно. «Незнание слов влечет за собой непонимание синтаксической структуры фразы, а неумение разобраться в структуре не дает возможность установить контекстное значение слова, иногда даже при условии знания его основного словарного значения» [5, с. 17]. Доказательством данного утверждения может послужить перевод предложения *Managers should beware of having* ***adversaries*** *work together*, где особое внимание уделялось слову *adversary* ‘противник, неприятель’, которое не смог верно перевести ни один из испытуемых. Ошибочный перевод слова можно объяснить тем, что участники неверно определили частеречную принадлежность и, соответственно, синтаксическую роль данного слова в предложении. Предложенное в эксперименте слово переводилось испытуемыми как

- существительное: *представления/реклама/умения/возможности/ праздник/фантазия/одновременное обучение*;
- наречие: *недостаточно*;
- прилагательное: *совместную/схожую/рекламную*;
- глагол: *избегать*.

Лишь некоторые из опрашиваемых попробовали показать негативную коннотацию слова *adversary* в своих вариантах перевода: *конфликтный*; *противоположный*. Однако из-за ошибочного определения части речи данные ответы не могут служить адекватным переводом предложенного английского слова.

При верном определении структуры предложения, грамматического значения неизвестного слова и его синтаксической роли перевод предложения и незнакомого слова в частности не вызывал у испытуемых никаких затруднений. Например, в предложении *It’s not always necessary for adults* ***to intervene in*** *children’s fights* 70 % опрашиваемых перевели слово *intervene* его русским эквивалентом *вмешиваться*. Остальные 30 % ответов относились к той же лексико-семантической группе, что и слово *вмешиваться*, например: *влезать*, *вступать*, *внедряться*. Такой высокий процент правильных ответов можно объяснить схожей синтаксической структурой данного предложения в русском и английском языках, фонетическим и графическим сходством предложенных глаголов, а также употреблением одинаковых предлогов с данными непереходными глаголами: *вмешиваться в* и *intervene in*.

Как показал эксперимент, опора на контекст явилась самой продуктивной и надежной основой понимания незнакомых слов во фразе. Контекстуальная догадка осуществлялась на основе синонимов, антонимов, примеров и дефиниций, присутствовавших в тексте. Примером использования синонимов в качестве основы понимания незнакомых слов в тексте послужило предложение *I wish I could, but it's obscure to me, too*. При переводе предложения, в котором особое внимание уделялось слову *obscure*, количество правильных ответов было велико, так как испытуемые сопоставили неизвестное им слово *obscure* с синонимичным прилагательным *confusing,* которое было дано в предшествующем контексте: *I asked the instructor to explain a* ***confusing*** *passage in the textbook. She said, "I wish I could, but it's* ***obscure*** *to me, too."* Предложенные испытуемым высказывания также содержали антонимы неизвестных слов, которые выступили в качестве основы семантизации незнакомых слов:

- прилагательное *succinct* противопоставлялось прилагательному *long*, что помогло испытуемым правильно перевести неизвестное им слово в 35 % случаев как *краткий*, *конкретный*, *четкий*;
- прилагательное *ambiguous* противопоставлялось противоположному по значению слову *clear*, что привело к 35 % верных ответов: *двусмысленный*, *непонятный*;
- английское наречие ***surreptitiously*** противопоставлялось наречию *openly*, ведя к адекватному переводу русским наречием *скрытно* в 20 % случаев.

Однако главным условием, которое обеспечивает семантизацию незнакомого слова в тексте и, следовательно, понимание самого текста, оказалась непосредственно опора на контекст, т.е. использование смысла всего предложения или абзаца, а не синонимов и антонимов, которые присутствуют в тексте. В предложении *Today I had to deal with one* ***mishap*** *after another. I couldn't find my car keys, I dropped a bowl of soup at lunchtime, and my computer crashed twice* английское существительное *mishap* верно семантизировали и перевели как *неудача*, *проблема*, *неприятность* 85 % испытуемых. Существительное *turmoil* из предложения *Today was a day of* ***turmoil*** *at work. The phones were constantly ringing, people were running back and forth, and several offices were being painted* было верно понято и переведено как *суета*, *суматоха*, *неразбериха* в 75 % случаев.

Результаты эксперимента показали, что в сознании испытуемых при выборе перевода незнакомого слова происходил своеобразный лингвистический анализ, в ходе которого имеет место взаимодействие уровней. Высший уровень определяет грамматическую роль и, с большей или меньшей четкостью, семантическое поле, к которому принадлежит исследуемое слово. Дальнейшее уточнение поля, сужение смыла незнакомого слова, а иногда и удачное определение его значения производится в ходе анализа на низших уровнях (по морфемам, фонемам) и сопоставлениям его итогов с хранящимися в памяти осмысленными единицами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клименко, А. П.* Вопросы психолингвистического изучения семантики / А. П. Клименко. – Минск, 1970. – 206 с.
2. *Чуясова, И. В.* Экстралингвистические средства раскрытия значения незнакомого слова / И. В. Чуясова // Материалы ежегод. науч. конф. студентов и магистрантов ун-та, 13–14 мая 2014 г. : в 2 ч. / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск, 2014. – Ч. 2. – 284 с.
3. *Фрумкина, Р. М.* Психолингвистика : учебник для студентов высш. учеб. заведений / Р. М. Фрумкина. – М. : Академия, 2001. – 320 с.
4. *Картон, А. С.* Роль догадки в процессе пользования языком и в процессе обучения языку / А. С. Картон // Методика преподавания иностранных языков за рубежом / сост. Е. В. Синявская, М. М. Васильева, Е. В. Мусницкая. – М., 1976. – Вып. 2. – С. 178–192.
5. *Леонтьев, А. А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. – М., 1969. – 312 с.

The article shows the results of the psycholinguistic experiment which was conducted in order to identify the factors that contribute to the understanding of unfamiliar words in English texts.

В. Е. Обухова
Минск, МГЛУ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕРМИНОВ В АНАЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАЖАНРЕ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена выделению лексико-семантических групп компьютерных терминов из текстов газетно-публицистического стиля. На первом этапе осуществляется идентификация слов и словосочетаний как компьютерных терминов в исследуемых газетных текстах. На втором этапе выявляется терминологичность выделенных компьютерных терминов путем обращения к их словарным дефинициям. В результате были установлены следующие лексико-семантические группы компьютерных терминов: «Компьютерное программное обеспечение» («Computer Software»); «Компьютерное аппаратное обеспечение» («Computer Hardware»); «Киберпреступления» («Cybercrime»); «Интернет и социальные сети» («Internet and Social media»).

Аналитические газетные тексты являются одним из распространенных жанров публицистического дискурса, поскольку нацелены на оценку и интерпретацию общественно значимых процессов, событий, проблем. Автор аналитической публикации путем доказательного рассуждения стремится оказать влияние на выработку адресатом такого отношения к миру, которое соответствует актуальным общественным интересам. Подобное речевое воздействие на адресата носит стратегический характер, который обусловлен

коммуникативным намерением адресанта достичь конкретных результатов посредством своих речевых действий. Таким образом, речевые стратегии определяют выбор языковых средств и их структурную организацию, т.е. построение связного текста для достижения коммуникативной цели адресата.

Компьютерная лексика, став неотъемлемой частью процесса коммуникации в современном обществе, активно используется в различных типах текстов, в том числе и в аналитических газетных публикациях.

Подбор материала исследования, т.е. лексических единиц, обозначающих англоязычные компьютерные термины, производился из аналитических статей (20) британских национальных газет качественного типа «The Times», «The Guardian», «The Daily Telegraph». Русскоязычный материал получен из аналитических статей (20) из газет «СБ. Беларусь Сегодня», «Аргументы и факты», «Вечерний Минск».

Стоит отметить, что названные периодические издания рассчитаны на широкий круг читателей. В результате сплошной выборки из указанных текстов получено 92 англоязычных и 95 русскоязычных лексических единиц. Выделенный фактический материал представляет собой компьютерную терминологию, под которой мы понимаем определенную совокупность терминов, называющих основные понятия в области информатики и вычислительной техники.

Анализ газетного материала показывает, что в настоящее время в связи с переходом от индустриального общества к информационному обнаруживается активное внедрение информационных технологий в разнообразные сферы человеческой деятельности (производство, управление, образование и т.д.). Это отражается как в британских, так и в русскоязычных периодических изданиях и подтверждается наличием специальных газетных рубрик, например, «Tech» в газете «The Guardian», которая представлена разветвленными подрубриками. В газете «The Times» компьютерная лексика была зафиксирована в разделах «Business», «Crime», «Education», «Life & Style».

В русскоязычных газетах компьютерная лексика представлена в аналитических статьях, посвященных образованию, кибермошенничеству и социальным сетям.

В настоящее время, существует множество определений понятия *термин* в зависимости от *логического*, *семиотического*, *лингвистического* или т*ерминоведческого* подхода к этому феномену.

У истоков отечественного терминоведения, по общему признанию, стоит А. А. Реформатский. Он определял термин как слова, ограниченные своим особым назначением, слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей [1].

В последнее десятилетие вопросы терминологии являются предметом пристального внимания языковедов. С точки зрения Д. С. Лотте, «термин – это слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяе-

мое в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними» [2]. Л. С. Бархударов под термином понимает «слово (словосочетание), означающее понятие специальной области знания или деятельности» [3]. А. В. Суперанская определяет термин как слово или словосочетание, обозначающее эмпирические или абстрактные объекты, значение которого уточняется в рамках научной теории [4].

Однако однозначного понимания термина пока не выработано.

По мнению А. В. Суперанской, в публицистических текстах научная специфика термина «ослабевает до предела», поскольку, функционируя в этих текстах, термины находятся далеко от своего терминологического поля, т.е. за пределами специального употребления [4]. При этом понятие, которое обозначает термин «опрощается», адаптируется к восприятию широкой аудиторией.

Анализируя вопрос об употреблении терминов за пределами своей узкой области, А. Д. Хаютин приходит к аналогичным выводам: попадая в общий язык, термин «как бы отрывается от своей терминологии и начинает сближаться с другими словами, происходит смещение понятийных отношений» [5]. Ученый считает целесообразным включать термины, используемые в «нетерминологических материалах», в особую область исследования – терминологическую лексику.

Если признать, вслед за А. Д. Хаютиным [5], что единицы компьютерной терминологии, функционирующие в аналитических статьях газетно-публицистического стиля, относятся к компьютерной лексике, то понятия *единица компьютерной лексики* и *компьютерный термин* вряд ли можно считать синонимичными. Следует отметить, что проблема, связанная с терминологической лексикой, относится к числу нерешенных вопросов терминоведения.

Проверка принадлежности лексических единиц к лексико-семантической группе (ЛСГ) компьютерных терминов производилась при помощи обращения к дефинициям, представленным в одноязычных терминологических словарях. Ключевые слова дефиниций сигнализируют о принадлежности того или иного слова или словосочетания к ЛСГ компьютерных терминов. Такими словами являются следующие: *компьютер*, *часть компьютера*, *тип компьютера*, *устройство*, *набор программ*, *компьютерная система*, *Интернет*. Например, в ЛСГ компьютерных терминов «Интернет и социальные сети» мы включаем словосочетание *поисковая система* на основании наличия в его дефиниции ключевых слов *Интернет* и *аппаратно-программный комплекс*.

В список анализируемой компьютерной лексики были включены все слова из газетных статей, которые обозначают компьютерные понятия, связанные с программным и аппаратным обеспечением.

Например, на русском языке, это такие слова, которые относятся к следующим ЛСГ: «Компьютерное программное обеспечение» (*пользователь*, *юзер*, *учетная запись*, *персональные данные*, *оператор*, *компьютерная система*, *вредоносная программа*, *вирус*, *окно*, *настройки*, *пароль*, *программист*,

программа, *вредоносное расширение*, *плагин*, *вредоносный код*, *установки*, *антивирус*, *вредоносное ПО*, *всплывающее окно*, *функции*, *язык программирования*, *Windows*, *Microsoft*, *троян*, *информатика*); «Компьютерное аппаратное обеспечение» (*информационно-коммуникационные технологии*, *автоматизированная обработка*, *компьютерные технологии*, *веб-камера*, *монитор*, *автоматизация интеллектуального труда*, *компьютер*, *режим реального времени*, *виртуальный*, *цифровые данные*, *межсетевой экран*, *ресурс*, *компиляторы*, *жесткий диск*, *флешка*, *резервное копирование*, *Wi-fi*, *суперкомпьютер*, *флопс*, *гигафлопс*, *терафлопс*, *вычислительная система*, *компьютерные игры*, *камень ЦП*, *видеоадаптер*, *кулер*, *вентиляция*, *видеокарта*, *материнская плата*, *блок питания*, *блок-корпус*, *ОЗУ*, *оперативная память*, *двухъядерный*, *процессор*); «Киберпреступления» (*социальная инженерия*, *кибератака*, *киберугроза*, *хакер*, *безопасность*, *кибер преступник*, *угроза*, *киберпространство*); «Интернет и социальные сети» (*лайки*, *социальные сети*, *оптоволокно*, *Интернет*, *Сеть*, *поисковая система*, *аккаунт*, *блог*, *интернет-площадка*, *микроблог*, *онлайн*, *ссылка*, *мессенджер*, *электронный адрес*, *фейковый аккаунт*, *сайт*, *интернет-сервис*, *чат*, *сообщение*, *спам*, *браузер*, *форум*, *локальная сеть*, *контент*).

Например, на английском языке, это такие слова, которые относятся к следующим ЛСГ: «Computer Software» (*options*, *high-spec*, *processing power*, *workflow*, *memory*, *operating system*, *fat-finger error*, *high-resolution*, *Microsoft surface*, *Bluetooth*, *screen-resolution*, *pixels*, *user*, *artificial intelligence*, *software*, *password*, *database*, *file*, *firmware*, *malicious code*, *updates*, *bug*, *multi-threading techniques*, *over-clocking*, *VPN software*, *beta version*, *spambot*); «Computer hardware» (*laptop*, *top-notch screen*, *touch screen*, *machine*, *desktop*, *PC*, *hard drives*, *graphic card*, *mice*, *USB keyboard*, *processor*, *dual-core*, *quad-core*, *adaptor cable*, *trackpad*, *keyboard*, *speed*, *computer*, *USB drives*, *supercomputer*, *conductor*, *model*, *fan*, *thunderbolt port*, *Ethernet adapter*, *battery life*, *Wi-fi hotspot*, *microchip*, *microprocessor*, *digital data*, *web cam*, *gigabytes*, *infinity screen*, *fingerprint scanner*, *MicroSD card reader*, *headphones socket*, *power adapter*, *lid*, *bottom*, *ultrabook*, *port*, *cable*, *stylus*); «Cybercrime» (*hacker*, *cyber-attack*, *online fraud*, *ransomware fraud*, *global cybersecurity*, *access control techniques*, *cybercrime*, *cyber security*); «Internet and Social media» (*website*, *online*, *internet service provider*, *site*, *account*, *email*, *browser tab*, *spammers*, *blog*, *fake*, *domain*, *hashtag*, *web forums*, *digital wallets*).

Окончательный список слов для анализа уточнялся по словарям компьютерной лексики: «Dictionary of Computer Science, Engineering and Technology», «Dictionary of Computer and Internet Terms», «Collins: Dictionary of Personal Computing», «Толковый англо-русский и русско-английский словарь компьютерных терминов».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Реформатский, А. А.* Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М., 1967. –544 с.

2. *Лотте, Д. С.* Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики / Д. С. Лотте. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 160 с.
3. *Бархударов, С. Г.* О значении и задачах научных исследований в области терминологии / С. Г. Бархударов // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М., 1970. – 607 с.
4. *Суперанская, А. В.* Общая терминология. Терминологическая деятельность / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – Изд. 3-е. – М. : URSS Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
5. *Хаютин, А. Д.* Термин, терминология, номенклатура : учеб. пособие / А. Д. Хаютин. – Самарканд, 1972. – С. 127.

The paper deals with lexico-semantic groups of computer terms which function in newspaper texts. The research involves the process of distributing computer terms into specific lexico-semantic groups on the basis of definition analysis.

И. Г. Осмоловская
Минск, МГЛУ

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ-ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

В статье речь идет о способах окказионального образования существительных на материале немецко- и русскоязычных рекламных текстов. Наибольшую популярность в немецком языке продемонстрировали окказиональное словосложение и контаминация, обладающая высокой степенью смысловой емкости при оптимальном минимуме языкового материала, а также креолизация. На материале русскоязычной рекламной коммуникации наиболее продуктивной при окказиональном образовании существительных явилась креолизация, в частности, как комбинация двух алфавитов (кириллического и латинского). Общими способами словообразования на материале обоих языков выступили креолизация и сращение. Все проанализированные способы, независимо от языка, подчинены основным задачам рекламной сферы коммуникации: привлечению внимания за счет необычности подачи информации и экономии языковых средств.

Учитывая тот факт, что большинство окказионализмов является названиями продуктов, мест продаж, участников торговых и экономических процессов [1, с. 89; 2, с. 70–71], преобладающее количество новообразований зафиксировано среди имен существительных. В статье подвергаются анализу существительные-окказионализмы в рекламном дискурсе на материале немецкого и русского языков.

Учитывая ведущую позицию словосложения в процессах словообразования в немецком языке, при окказиональном образовании существительных оно также является самым продуктивным способом. Путем словосложения в рекламной коммуникации порождается наибольшее количество новообразований. Значение окказиональных сложных существительных, образованных

путем словосложения, легко выводится из значений составляющих компонентов, но при этом создаются необходимые ассоциации. При окказиональном словосложении представляется возможным выделить следующие подвиды:

1) сложение основ немецких слов (*der Hochdreckreiniger* ‘аппарат для удаления особо въевшейся грязи’ вместо *der Hochdruckreiniger* ‘аппарат для чистки под высоким давлением’, *der Stromfresser* ‘пожиратель электричества’, *der Milchversteher* ‘знающий толк в молоке’);

2) сложение основ немецких и английских слов (*das Gehirn-Jogging* ‘бег трусцой для мозга’ в значении ‘тренировка умственных способностей’ и *der Gehirn-Jogger* ‘человек, занимающийся бегом трусцой для мозга’ в значении ‘человек, тренирующий свои умственные способности’, *die Flatfloor-Funktion* ‘функция складывания сидений с образованием ровного пола’, *Home-Cinema-Vergnügen* ‘удовольствие от домашнего кинотеатра’);

3) использование при сложении знаков других семиотических систем (*das Easy7-Sitzkonzept* ‘простой семиместный концепт’, *das Giro4Free Konto* ‘Счет Безналичный Бесплатный’);

4) сложение иноязычных основ (*die Brainware* ‘умственное обеспечение’, *die Laptop-Diät* ‘диета для ноутбука’).

Со словосложением тесно граничит контаминация, но следует отметить, что этот способ не идентичен словосложению, так как по своей языковой природе это различные явления. Если композиты как единицы лексики образуют составную часть парадигматики словообразования, а значит, входят в систему немецкого языка, то единицы, возникающие по контаминации, не обусловлены системными связями. Как трактуют словари, в частности французский словарь Ж. Марузо, это речевые продукты, когда одна лексема в употреблении регулярно или случайно связана с другой таким образом, что между ними осуществляется скрещение [3, с. 139]. Немецкий словарь лингвистических терминов именует его *Zusammenziehung* ‘стягивание’, *Verschmelzung* ‘сплавление’ на основе смысловой близости соответствующих слов в одну лексическую единицу (*Mischbildung* ‘смешанное образование’) в сознании говорящих [4; S. 129]. Согласно словарю О. А. Ахмановой контаминация есть взаимодействие двух лексических единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду, которое осуществляется как скрещение в образовавшейся третьей единице [5, с. 206]. Как следует из трактовок словарей, явление вырастает не из системы языка, а из речи, поэтому не располагает в языковой парадигматике набором моделей для определения моделей для своего производства. Тем не менее окказионализмы, возникшие в результате и словосложения, и контаминации, в о - п е р в ы х, сходны по внешней конфигурации (в обоих случаях композитные образования), в о - в т о р ы х, обладают высокой степенью смысловой емкости, в - т р е т ь и х, воспринимаются как единое ассоциативное звено (будь то композит или контаминация) в сознании говорящих.

Контаминация демонстрирует следующие модели:

1) контаминация немецкоязычных основ (*der (K)urlaub = die Kur* ‘лечение’ + *der Urlaub* ‘отпуск’, *Fleuropa = die Fleur* ‘цветок’, ‘цветение’ + *Europa* ‘Европа’);

2) контаминация немецкоязычных и англоязычных основ (*iNachten = iPad + das Weihnachten* ‘Рождество’).

Благодаря сходности фонетического образа новообразования и кодифицированной единицы происходит компремирование содержания рекламного сообщения.

Еще одним способом «сгущения» смысла в рекламном словообразовании выступает окказиональное *сращение*, которое демонстрирует следующие модели:

1) сращение целых словосочетаний (*einechteserlebnis* ‘настоящее впечатление’, *DeutscherAnwaltVerein* ‘НемецкийСоюзАдвокатов’);

2) сращение артикля и существительного. Например, *derClub* ‘клуб’ фокусирует внимание на уникальности и элитарности услуг рекламируемого заведения, так как при таком написании ударение падает на служебное слово (в данном случае артикль) и привносит дополнительное значение «настоящий клуб», «лучший клуб»; *EinFach* актуализирует сразу два значения *ein Fach* ‘предмет’ и *einfach* ‘просто’.

В рекламном окказиональном словообразовании имеет место и *лексико-семантический* способ словообразования – образование новых слов в результате распадения слова на омонимы, т.е. приобретение одной и той же лексической единицей разных значений. В рамках данного способа также представляется возможным выделить следующие модели. Это окказиональное значение:

1) немецких лексических единиц: *Neues aus der Unterwelt* ‘Новое из преисподней’. Слово *die Unterwelt* ‘преисподняя’ получает в приведенном контексте значение исподнего – ‘мир нижнего белья’, сохраняя при этом связь со своим первоначальным значением, сигнализирующим ассоциацию с чем-то экстраординарным;

2) английских лексических единиц в немецкоязычных рекламных контекстах: *der Oldtimer* ‘ветеран’, ‘старожил’, ‘старомодная вещь’ получает дополнительное значение ‘ретроавтомобиль’. Сложносоставное существительное *Oldie-Kauf* – результат сложения двух слов: английского *oldie* ‘«старушка»’, ‘старая вещь’, сохранившая свою популярность’, и немецкого *der Kauf* ‘покупка’ – получает в рекламном тексте новое значение ‘покупка ретроавто’.

Продуктивным способом словообразования выступает *креолизация* – образование лексических единиц с вкраплением знаков других семиотических систем [6, с. 7]. На материале немецкоязычной рекламы представляется возможным выделить такие подгруппы креолизованных дериватов, как

1) замена элементов слова идеограммами (символами Интернета, знаками валют, символами гендера, заимствованными из астрономических обозначений, иными иллюстрациями): *die Presse @uktion* ‘**@**укцион газеты

«Ди Прессе»’ (вместо буквы «а» используется «@»), *Erf♀lg. Die Macht der Frauen* ‘Усп♀х. Власть женщин’ (вместо буквы «о» используется гендерный символ «♀»);

2) замена букв знаками препинания: *!nfoNetz – OWL* ‘!нформационная сеть – ОВЛ’ (вместо буквы «і» используется «!»);

3) замена элементов слова цифрами: *GIR**0,**- K**0,**-NT**0,**-* ‘Счет для безналичных расчетов’ (вместо буквы «о» используется цифра «0» и комбинация символов для обозначения цены на немецких товарах «**,-**»);

4) использование комплекса элементов разных систем: *November der W!S**§€**nscha**f(f)**t 2008* ‘ноябрь знаний 2008’.

Русскоязычная реклама также отличается активным производством окказиональных образований. Однако ведущую позицию среди словообразовательных способов на материале русского языка занимает *креолизация*, которая демонстрирует здесь такие модели, как

1) замена букв, частей слова и отдельных слов символами латинского алфавита: ***MONEY****кеншчыцы*, *вече**GREEN**ки*, ***Business****класс*, *ХРУС**TEAM** МОЙ**CAR***, ***The Кухни*** *– Беларусь*, ***Das Колбас*** *ВКУС НЕМЕЦКИХ ТРАДИЦИЙ* и многие другие;

2) замена элементов слова (букв или частей букв) идеограммами *Уст**@**новка WINDOWS, программ*; MILAVITSA («звезда» вместо «точки» над буквой «і» и т.д.);

3) замена элементов слова числами и математическими символами: *7ечка*, *НА**100**ЩИЙ*, *МТБ**%**нус* и т.п.

Заслуживает внимания и сугубо окказиональный способ словотворчества *псевдочленение*. Для правильного восприятия таких новообразований необходимо видеть напечатанный текст, тогда становится понятно, какого смыслового эффекта пытался достичь автор. Сайт торгового центра «Мебельный МегаМаркет Домашний очаг» находится в домене верхнего уровня Республики Беларусь .БЕЛ и имеет адрес в интернете *МЕ.БЕЛ.* Адрес сайта образовался путем *псевдочленения* и *усечения* слова *мебель*. Несмотря на это, ассоциативная привязка с исходным словом остается. Таким образом, достигается экономия языковых средств с одновременным смысловым насыщением.

В рекламных текстах встречаются также и *многословные сращения*, компоновка которых, очевидно, должна показать слитность семантики его составляющих или же просто сэкономить дорогое рекламное пространство: *БалансировкаБезЦентра.*

Особую категорию представляют случаи *ономатопеи.* Речь идет об искусственно созданных словах, которые ориентированы на определенные звуки животных, человеческий голос, произношение [7, S. 171]. Данная группа окказионализмов мало отличается от существующих лексических единиц, зачастую только одной или несколькими буквами. Ономатопея может использоваться как имитация

1) произношения для сближения с аудиторией: *ЦЕНЫ **АГОНЬ!** Каждые выходные в магазинах Белмаркет*, *сем**ы**чки*, *а **патамушта** мы в кедах* и т.д.;

2) речи иностранцев для создания определенных ассоциаций. В названии сети пиццерий «*ПИЦЦА* ***ЛИСИЦЦА***» слово *лисицца* получило типичную для итальянского языка удвоенную букву «цц», таким образом, оно стало созвучно с предыдущим словом, что повысило запоминаемость и придало имитированный итальянский акцент. При этом отсылка к итальянскому языку не случайна: страной происхождения пиццы считается Италия.

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы:

- на материале рекламных текстов обоих языков зафиксировано наибольшее количество окказионализмов в диапазоне имени существительного, так как чаще всего внимание должно быть сфокусировано на объекте рекламы, месте продаж или участниках торговых отношений;
- основными способами порождения окказиональных существительных в немецкоязычной рекламе выступают словосложение, контаминация и креолизация, зафиксированы также сращение и лексико-семантический способ – приобретение лексической единицей нового окказионального значения;
- в рамках креолизации на материале немецкоязычной рекламы наиболее продуктивно использование цифр и идиограмм;
- на материале русскоязычной рекламной коммуникации наиболее продуктивными способами окказионального образования существительных выступают креолизация и ономатопея, зафиксированы также псевдочленение и искусственное сращение.
- внутри русскоязычных креолизованных новообразований с большим отрывом лидируют окказионализмы, появившиеся на основе комбинации двух алфавитов как способ привлечения внимания, «сгущения» смысла, актуализации двух и более значений и экономии языковых средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горлатов, А. М.* Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке / А. М. Горлатов. – Минск : Минск. гос. лингвист. ун-т, 2002. – 257 с.
2. *Каспирович, Г. А.* Особенности процессов номинации в рекламном дискурсе (на материале текстов немецкоязычной рекламы) / Г. А. Каспирович // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2015. – № 6 (79). – С. 70–78.
3. *Марузо, Ж.* Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 435 с.
4. Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini / B. Bortschat [et al.] ; hrsg. von R. Conrad. – Leipzig : VEB Bibliographisches Inst., 1983. – 281 S.
5. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 5-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 576 с.

6. *Ильичева, И. Л.* Взаимодействие компонентов семиотически осложненного текста: на материале англоязычной печатной рекламы : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / И. Л. Ильичева ; Минск. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2008. – 19 с.
7. *Hirner, R.* Linguistische Untersuchugen an Werbeheadlines von Anzeigen der FAZ, SZ und des Stern 2004 / R. Hirner. – Hamburg : Verl. Dr. Kovač, 2007. – 458 S.

The article is dedicated to determining the most productive ways of word formation of nouns in modern German and Russian advertising. Common and distinct features of this process have been determined based on the material of both languages.

М. Н. Романкевич
Минск, МГЛУ

ОСОБЕННОСТИ АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ ЛЕКСЕМЫ *ГОРОД/VILLE* ДЛЯ РУССКО- И ФРАНКОГОВОРЯЩИХ

В статье рассматриваются особенности ассоциативных связей лексемы *город*/*ville*, принадлежащей к числу частотных единиц, во французской и русской лингвокультурах. В процессе сопоставления дефиниций, лексико-семантических вариантов и ассоциативных реакций автор статьи сумел найти черты сходства и различий в видении города носителями двух языков. В ходе анализа выявлены часто встречаемые реакции: носители французского и русского языков связывают слово *город/ville* с 1) названием конкретного города, 2) характерным признаком, 3) другими территориальными единицами

Современные лингвистические изыскания не обходят своим вниманием изучение отдельных слов и выражений. Проявленный интерес объясняется частотностью этих языковых единиц, наличием помимо узуального значения богатой палитры коннотаций и ассоциаций, а также возможностью – через семантику этих слов и выражений – понять стереотипное поведение и ценностные установки представителей определенной национальности. В этом аспекте сопоставительные исследования не теряют своей актуальности, поскольку способствуют выявлению лингвокультурологической и социальной значимости слов и словосочетаний, с первого взгляда нейтральных для «неносителя» языка. К таким единицам можно отнести лексему *город* в русском языке и ее французский аналог – *ville.*

В онтологическом плане *город* как одна из форм существования социума и источник современной «информационной цивилизации» неразрывно связан с природным и социальным бытием человека. Будучи фрагментом действительности, *город* есть центр политических, экономических и культурных связей, центр развития современного общества. В Сети и средствах массовой информации большой резонанс вызывают разного рода стратегии эффективного развития крупных городов, активно обсуждаются любые

вопросы, затрагивающие «эту среду естественного проживания человека». В контексте того, что около половины жителей планеты проживают в городах и что многие из деревенских жителей стремятся попасть в город, *видение* города вызывает неоспоримый интерес у разных категорий населения. Следует отметить, что в глобальном плане жизнь в городе и в деревне мало отличается. Вместе с тем доступность разного рода благ в городе значительно выше. Наряду с водопроводом, центральным отоплением и т.п. в ряд «благ городской жизни» можно включить и наличие услуг здравоохранения, расширенную сеть досуга, близость больших магазинов. Так, выражение *vivre en ville* ‘жить в городе’ на имплицитном уровне обозначает все выше перечисленное.

Многомерность *города* приводит к появлению множества определений, каждое из которых стремится раскрыть определенные – важные в данной ситуации – аспекты. Приведем лишь некоторые из них: «поселение, занимающее по протяженности большие масштабы, в котором отсутствует взаимное личное знакомство друг с другом» (М. Вебер) [1, с. 7], «наилучшее из всех мест для раскрытия потаенных человеческих сил и для изучения человеческой природы и общества» (Р. Парк) [2] и многие другие. В каждой отрасли науки есть свое понимание города. В аспекте сложности понимания этого фрагмента действительности *город* исследуется в рамках разных наук: рассматривают его архитектурные формы, тенденции городской жизни, особенности формирования художественного образа современного города и т.д. Изучению подвергаются как конкретные города, так и общие представления о городе как некий собирательный образ. Концепт «город» и соответствующая лексема неоднократно становились объектом культурологических, исторических, лингвистических исследований (В. Г. Ильин, С. А. Голева, С. В. Воркачев и др.). В частности С. А. Голева изучает концепт «город» посредством обращения к русскоязычным и англоязычным текстам [3]. В. Г. Ильин объясняет свой интерес к изучению данного концепта тем, что, будучи универсальной культурной константой, последний для носителя языка существует преимущественно в качестве неосознаваемых образов и символов [4]. Сосредоточим внимание на анализе лексемы *город* в ее сопоставлении с французской лексемой *ville* в целях раскрытия лингвокультурологических особенностей в понимании данного концепта.

Следуя методике анализа ключевых слов, предложенного А. Вежбицкой [5], рассмотрим данные разного типа словарей. Согласно данным словаря частотности французских слов лексема *ville* находится на 260 месте по частоте среди 5 000 распространенных слов французского языка [6, p. 256]. В частотном словаре русского языка под редакцией О. Н. Ляшевской, С. А. Шарова также отмечается, что лексема *город* принадлежит к числу частотных: ее F (ipm) – 573.4 [7, с. 66]. Показатели частотности в двух анализируемых языках отражают высокую степень значимости слова в двух неродственных лингвокультурах.

Исходя из того, что «значение – это элемент языкового сознания» и «часть концепта, закрепленная языковым знаком в целях коммуникации» [8, с. 9], анализ дефиниций слова представляет собой способ описания выделенной части семантического пространства определенного языка. Значение лексемы *ville/город* во французском и русском языках практически совпадает: ‘**крупный населенный пункт**, административный, промышленный, торговый и культурный центр’ [9, с. 140] и ‘**agglomération relativement importante** et dont les habitants ont des activités professionnelles diversifiées’ [10; 11, p. 1067]. Вместе с тем в дефинициях выделены разные аспекты *города*: во французском определении говорится о профессиональном разнообразии жителей (‘les habitants ont des activités professionnelles diversifiées’), тогда как в русском акцентируется тот факт, что город является центром жизнедеятельности (‘административный, промышленный, торговый и культурный центр’).

Сама лексема является полисемантом в двух анализируемых языках: сеть лексико-семантических вариантов практически одинаково разнообразная. Точкой подобия для сравниваемых лингвокультур являются следующие лексико-семантические варианты: 2. ‘жители такого населенного пункта’ и 2. ‘ensemble des habitants de cette agglomération’. Мыслимое традиционное противопоставление горожан жителям деревни закреплено во французском и русском лексико-семантическом вариантах: ‘городская местность в отличие от сельской, деревенской’ и ‘les habitants des villes, par opposition aux gens de la campagne’. Вместе с тем в русском языке выделена *местность* как пространство, возможно ландшафт, а во французском – акцент поставлен на населении данной местности (*les habitants*), которое отличается по образу жизни, одежде, оборотам речи от жителей сельской местности. В то же время во французском языке выделяется и отдельный лексико-семантический вариант: ‘vie que l’on mène en ville’ ‘жизнь, которую ведут в городе’. Кроме этого, слово *la ville* ‘город’ метонимически называет администрацию города (‘administration de la ville’) или определенную цельную часть города (‘partie d’une agglomération constituant une entité particulière’ и для сравнения можно привести лексико-семантический вариант в русском языке: ‘центральная главная часть этого населенного пункта в отличие от окраин и пригорода’). Для русского языка специфичны лексико-семантические варианты: ‘огражденное стеной, валом поселение; крепость’ и ‘площадка, на которой ставятся фигуры из городков’, связанные с историей и культурой русского народа.

Отличие образа жизни и манеры одеваться закреплено в устойчивых выражениях французского языка: словосочетание *à la ville* досл. ‘в городе’ используется, когда говорят о повседневной жизни (‘dans la vie quotidienne, dans la vie privée’); выражение *de ville* досл. ‘городская’ употребляется, если речь идет об обычной, повседневной одежде (‘se dit des vêtements mis habituellement pour la vie ou les sorties courantes, sans spécificité’). В словарях экспликация данных выражений включает в себя противопоставление в пер-

вом случае медийной жизни (‘par opposition à l’écran, à la scène’), во втором – спортивной, вечерней, рабочей одежде (‘par opposition à de sport, de soirée, à uniforme, etc.’).

Во французском языке имеют место многочисленные выражения характеризующего типа: *ville nouvelle* ‘новый город’ – ‘ville créée à proximité d’une agglomération urbaine importante...’ (‘город, созданный в окрестностях городской агломерации’), *ville ouverte* ‘открытый город’ – ‘ville qui n’est pas défendue en temps de guerre’ (‘город, который не защищен во время войны’), *ville-musée* ‘город-музей’ – ‘ville riche en monuments de valeur et en œuvres d’art’ (‘город, который богат ценными памятниками и произведениями искусства’) [10] и т.д. Устойчивые словосочетания *la Ville lumière* ‘город-светоч’ и *la Ville éternelle* ‘вечный город’ [12, p. 1118] закрепляют в языковом сознании культурную и историческую значимость двух городов – Парижа и Рима – для всей цивилизации.

Сопоставление ассоциативных полей «город» – «ville» показывает их объем, близкий по количеству ассоциаций: во французском – 513, в русском – 545 [13; 14]. Во французской и русской лингвокультурах в качестве частотных реакций на слово-стимул *ville/город* говорящие предлагали названия городов. Так, самой распространенной реакцией стало название столицы Франции, а далее идут названия других французских городов: <*Paris* (67), <*Brest* (15), <*Lyon* (9), <*Monpellier* (6), <*Marseille* (5), <*Toulouse* (5), <*Lille* (4), <*Amiens* (3), <*Besançon* (3), <*Dijon* (2), <*Grenoble* (2), <*Nice* (2), <*Pau* (2), <*Poitiers* (2), <*Strasbourg* (2). Много названий французских городов типа <*Caen* встречается и среди единичных реакций. Подобная картина наблюдается и в русском ассоциативном поле с той лишь разницей, что название столицы России (Москвы) не на первом месте среди всех реакций, которые дали русскоговорящие респонденты. Ср.: <*Москва* (17), <*Челябинск* (14), <*Саратов* (8), <*Горький* (7), <*Пермь* (5), <*Ленинград* (4), <*Курск* (3), <*Владимир* (2), <*Калинин* (2). Среди единичных реакций встречаются и не родные для носителей языка города, названия которых широко известны: <*Лондон*, <*Нью-Йорк*, <*Рига*, <*Rome*, <*Londres*, <*New York* и т.д. Некоторые русскоговорящие респонденты ассоциировали город с названиями одноименной повести Платонова «Город Градов» или фильма «Город Зеро». Франкоговорящие респонденты ассоциировали лексему *ville* с конкретным городом в два раза чаще, чем русскоговорящие (32 и 15 % соответственно от всего количества реакций).

Интересен и тот факт, что носители русского языка довольно часто ассоциировали *город* с некоторым его характерным признаком: <*большой* (55) – самая распространенная реакция, <*родной* (22), <*красивый* (10), <*мой* (9), <*грязный* (5), <*любимый* (5), <*древний* (4), <*огромный* (4), <*светлый* (4), <*старый* (3), <*южный* (3), <*душный* (2), <*крупный* (2), <*маленький* (2), <*небольшой* (2), <*незнакомый* (2), <*новый* (2), <*серый* (2), <*странный* (2), <*тихий* (2). Причем разнообразие качественных характеристик поражает: к ним можно добавить еще и единичные реакции, которые только вносят

дополнительные оттенки в палитру образов, каким видят город русскоговорящие респонденты (<*автомобильный*, <*безлюдный*, <*безымянный*, <*белый*, <*великий*, <*великолепный*, <*вечерний*, <*вольный*, <*высотный*…). В то время как число прилагательных, данных в качестве слов-реакций во французской лингвокультуре, незначительны: <*grand* (4), <*natale* (4), <*gris* (2), <*morte* (2), <*dynamique* (1), <*grande* (1), <*immense* (1), <*médieval* (1), <*natal* (1). Количественное соотношение (33 % реакций для лексемы *город* и 6 % – для лексемы *ville*) показывает преобладание такого типа реакций более чем в 5 раз.

Глаголы, с которыми ассоциируется город, немногочисленны. Французские респонденты предложили всего два глагола: <*polluer* ‘загрязнять’ и <*sortir* ‘выходить’. Реакции русскоязычных респондентов, если объединить инфинитивом формы глаголов в разных временах и лицах: *спать* (<*спит* (9), <*спал* (2), <*не спит* (1)), *строиться* (<*строится* (2), <*строиться* (1), <*строят* (1)), *жить* (<*жил*, <*жить*) и единичные – <*будет*, <*затих*, <*надоел*, <*не нравится*, <*разрушить*, <*стоит*, <*существовать*, <*умер*.

Парадигматические отношения имеют место при ассоциативных реакциях, отражающих отношения *города* к другим территориальным единицам, типа: <*деревня* (36), <*село* (20), <*населенный пункт* (4), <*поселок* (2), <*пригород* (2), <*провинция* (2), <*страна* (2) и т.п.; <*pays* (41), <*village* (37), <*campagne* (33), <*cité* (28), <*commune* (11), <*agglomération* (8), <*métropole* (7), <*région* (4), <*bourg* (3), <*mégapole* (1) и т.п. Процентное соотношение (35 и 12,5 % соответственно) показывает преобладание такого типа реакций во французском ассоциативном поле *ville* по сравнению с русским *город.*

Отдельно представим картину того, как выглядит городской ландшафт согласно ассоциациям в двух сопоставляемых лингвокультурах: <*дом* (6), <*автобус* (1), <*огни* (2), <*метро* (1), <*много домов* (1), <*много огней* (1), <*многоэтажные здания* (1), <*улица с фонарями* (1), <*трамвай* (1), <*maison* (3), <*immeubles* (6), <*béton* (1), <*transport* (1), <*circulation* (1) и т.п. Не обошли своим вниманием и наличие проблем: в частности, замечают <*шум* (6), <*грязь* (4), <*дым* (4), <*пыль от машин* (1), <*суматоха* (1), <*толпа* (1), <*трущобы* (1); <*bruit* (9), <*embouteillage* (2), <*bouillonnement* (1) и т.п.

Во французском ассоциативном поле отмечается отсутствие ассоциаций следующих двух типов:

- (город) чего? <*будущего* (4), <*невест* (3), <*врунов* (1), <*жизни* (1), <*зеркал* (1), <*лгунов* (1), <*мастеров* (1), <*мечты* (1), <*смерти* (1), <*сказок* (1), <*радости* (1), <*надежды* (1), <*счастья* (1) и т.п. Во французском языке, в отличие от русского, нет выраженной парадигмы падежей;
- месторасположение города <*в дыму* (1), <*в огнях* (1), <*в пыли* (1), <*в тумане* (1), <*в Крыму* (1), <*на Волге* (1), <*на море* (1) и т.п.

Количественные данные частоты употребления слова подтверждают высокую степень значимости лексемы *ville*/*город* во французской и русской лингвокультурах, а анализ лексико-семантических вариантов и слов-реакций носителей языка показывает ряд идей, с которыми связано слово, что позволяет

найти точки подобия и черты различия двух лингвокультур. Каждая реакция раскрывает не только особенности ассоциатив-ных связей слова-стимула *ville*/*город*, но и ту часть содержания концепта, которая может быть вербализована в каждом конкретном случае.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вебер, М.* Город. История хозяйства / М. Вебер. – М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 576 с.
2. *Парк, Р.* Город как социальная лаборатория [Электронный ресурс] / Р. Парк; пер. С. П. Баньковской // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2, № 3. – С. 3–12. – Режим доступа : https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211856691/2_3_1.pdf. – Дата доступа : 20.10.2017.
3. *Голева, С. А.* Лингвокультурологический и ономастический компоненты концепта «город» в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / С. А. Голева. – Омск, 2006. – 198 л.
4. *Ильин, В. Г.* Город как концепт культуры : дис. ... д-ра социол. наук : 24.00.01 / В. Г. Ильин. – Ростов н/Д, 2004. – 331 л.
5. *Вежбицкая, А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М. : Языки слав. культуры, 2001. – 288 с.
6. *Juilland, A.* Frequency dictionary of french words / A. Juilland, D. Brodin, C. Dalidovitch. – The Hague ; Paris : Mouton, 1970. – LXXV, 503 p.
7. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. – М. : Азбуковник, 2009. – XXII, 1087 с.
8. *Стернин, И. А.* Слова и концепты: проблема безэквивалентности / И. А. Стернин // Доминанты концептуальной картины мира жителей Крайнего Севера: материалы науч.-практ. семинара с междунар. участием / отв. ред. Н. И. Курганова. – Мурманск : МАГУ, 2015. – С. 8–13.
9. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.
10. Larousse : dictionnaire de français [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/ville/82000?q=ville#81034. – Date of access : 20.10.2017.
11. Le petit Larousse illustré: en couleurs : 87 000 art. – Paris : Larousse, 2003. – 1818, CXII p.
12. Новый большой французско-русский фразеологический словарь = Le nouveau grand dictionnaire phraseologique français-russe : более 50 000 выражений / В. Г. Гак [и др.] ; под ред. В. Г. Гака. – М. : Рус. яз. : Медиа, 2005. – XX, 1624 с.
13. *Debrenne, M.* Le dictionnaire des associations verbales du français et ses applications [Electronic resource] / M. Debrenne // Variétés, variations et forme. – Ecole Polytechnique, 2011.– Mode of access : http://dictaverf.nsu.ru/ru. – Date of access : 20.09.2017.

14. *Караулов, Ю. Н.* Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php. – Дата доступа : 20.09.2017.

In the article the associative links of the lexeme *город/ville* in French and Russian linguocultures are considered. Comparing the definitions, lexical-semantic variants and associative reactions, the author of the article analyzes the features of similarity and differences in the vision of the city by native speakers of the two languages. The frequently encountered reactions were identified: the native speakers of French and Russian associate the word *город/ville* with 1) the name of a particular city, 2) a characteristic feature, 3) other territorial units.

Л. В. Рускевич
Минск, МГЛУ

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКСПРЕССИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОВА В ПРОСОДИИ ФРАЗЫ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В ИНТЕРФЕРЕНТНОЙ РЕЧИ

Статья посвящена анализу результатов эксперимента, целью которого было изучение признаков просодической интерференции в экспрессивных высказываниях на английском языке в речи русскоязычных студентов лингвистов. 50 % фраз экспериментального материала содержали в своем составе экспрессивное слово. Остальные фразы содержали нейтрально-оценочную лексику. Сравнение акустических характеристик просодии речи испытуемых студентов с просодией тех же фраз, произнесенных англичанами, показало, что неносители языка способны отразить указанные различия в семантике лексических единиц фразы в ее просодической структуре, однако эти различия ограничиваются локальным участком, образуемым экспрессивным словом. В речи носителей языка, как правило, изменяются и общефразовые характеристики параметров ч.о.т., интенсивности и длительности. В речи билингвов отмечены заметные модификации только по параметру ч.о.т.

Процесс порождения высказывания представляет собой сложный механизм одновременного функционирования различных языковых средств. Выявление специфики взаимодействия языковых единиц разных подсистем остается одной из актуальных проблем лингвистики вообще и фонетики в частности. Экспериментально-фонетические исследования, посвященные данной проблеме, направлены на определение, с одной стороны, степени предсказуемости просодической организации высказывания его синтаксической структурой и лексическим составом и, с другой стороны, роли просодии в идентификации семантико-синтаксического содержания высказывания и его модально-прагматического значения [1 – 4]. Обобщение результатов исследований по рассматриваемой проблеме позволяет утверждать, что взаимодействие просодических средств языка с синтаксическими и лексическими средствами служит целям оптимизации речевого общения, способствуя максимальному выражению коммуникативной установки и интенции говорящего.

Не вызывает сомнений, что взаимодействие языковых средств происходит и в экспрессивной речи, которая представляет собой сложное, многоаспектное явление [5]. В последние два десятилетия интенсивное развитие компьютерных технологий придало новый импульс фонетическим исследованиям экспрессивной речи, что объясняется, в первую очередь, потребностями улучшения качества синтезированной речи, придания ей большей естественности звучания [5]. Кроме того, продолжается изучение механизмов распознавания речевого сигнала, в том числе в экспрессивной речи. Исследования последних двух десятилетий доказывают, что адекватная просодическая организация высказывания с эмоционально окрашенной лексикой способствуют более точному распознаванию речи [6; 7]. Таким образом, совпадение экспрессивной семантики лексической единицы и ее экспрессивной просодической реализации является важной чертой устного высказывания. Следует, однако, подчеркнуть, что правильное распознавание эмоций в речи, особенно на неродном языке, испытывает влияние, в том числе культурных стереотипов и специфики выражения эмоционального содержания в родном языке аудитора [8].

Резко возросший объем иноязычной коммуникации в современном мире вызывает необходимость улучшения взаимопонимания не только на уровне понятийного, но и модально-прагматического содержания высказывания. Несмотря на бытующее мнение о том, что наличие иноязычного акцента не препятствует общению, а является признаком национального своеобразия говорящего, сохранение интонации родного языка в интонации иностранного может, как минимум, сформировать предвзятое мнение о самом говорящем. В частности, по данным многочисленных исследований, русская интонация в английском языке зачастую воспринимается негативно и интерпретируется как недовольная, грубая и даже агрессивная, в то время как у говорящего не было намерения выражать подобные эмоции [9]. Одновременно отмечается, что русские гораздо более лояльно относятся к иностранным акцентам в русском языке [Там же]. В связи с этим особую значимость приобретают профессиональная подготовка преподавателей иностранного языка и их знания и умения осуществлять правильный выбор и точную реализацию просодических единиц в собственной речи.

Исследования в области просодической интерференции недостаточно, на наш взгляд, затрагивали вопрос о влиянии интонации русского языка на экспрессивную речь на английском языке. Мы провели аудитивный и акустический анализ звукозаписей экспрессивных фраз на английском языке, реализованных русскоговорящими студентами. Целью нашего исследования, в частности, было установление наиболее значимых отклонений просодической организации интерферентной речи от речи носителей английского языка, как в экспрессивных, так и в нейтральных высказываниях. В качестве испытуемых выступили девять студентов третьего курса факультета английского языка, получивших на втором курсе отметки «девять» и «восемь» по

практической фонетике английского языка по десятибалльной шкале. Студентам было предложено прочесть вслух 60 предложений на английском языке, содержащих одно экспрессивное слово, и их относительно нейтральных пар, где экспрессивное слово было заменено нейтральным или оценочным, например: *She looked stunning* ‘Она выглядела потрясающе’ и *She looked nice* ‘Она выглядела симпатично’. Каждое предложение было напечатано на отдельной карточке, предложения предлагались для записи вперемешку, чтобы избежать интонации контраста. Затем аудитору – носителю английского языка – было предложено оценить записи по двум критериям: степени иностранного акцента (слабый – умеренный – сильный) и характеру интонации (нейтральная – умеренно экспрессивная – высокоэкспрессивная). В целом аудитор оценил акцент студентов как слабый и умеренный. Умеренный акцент (во всех фразах) был отмечен у двух студентов, имеющих отметки «восемь», слабый – в большинстве (от 66 % до 95 %) реализаций английских студентами, получившими отметку «девять». Мы не обнаружили зависимости проявления иностранного акцента от экспрессивности или нейтральности фразы, однако для окончательного вывода требуется анализ данных большего количества аудиторов. Оценка аудитором характера интонации в целом коррелировала с экспрессивностью фраз: интонация большинства реализаций экспрессивных фраз (от 52 % до 75 % по данным разных дикторов) была оценена как высокоэкспрессивная, остальных – как умеренно экспрессивная. В нейтральных фразах высокоэкспрессивными были признаны от 12 % до 38 % реализаций, умеренно экспрессивными в среднем 58–67 % реализаций.

Мы также изучили некоторые акустические характеристики полученных записей по параметрам частоты основного тона (ч.о.т.) и интенсивности и сравнили их с аналогичными характеристиками, полученными при исследовании интонации этих же фраз, записанных пятью носителями британского варианта английского языка. В частности, мы измерили максимальные общефразовые значения частотных и динамических максимумов в целом во фразе, на экспрессивных лексических единицах и на их нейтральных парах, а также изучили локализацию во фразе максимальных значений указанных параметров.

Схожесть акустических характеристик интерферентной речи и речи носителей обнаружилась при сравнении значений ч.о.т. на экспрессивных и нейтральных фразах, которые отличались в сторону их увеличения на экспрессивных словах в среднем на 15–20 Гц у всех без исключения испытуемых обеих групп. Однако конкретные значения частотных максимумов у русскоговорящих студентов оказались меньше, чем у носителей языка. Разница между ними составила от 20 до 40 Гц. Кроме того, максимальные значения обоих параметров отмечались на экспрессивных словах на 15–20 % чаще, чем на нейтральных, как в речи носителей языка, так и в речи студентов.

По данным нашего анализа, наиболее значительные различия у всех без исключения носителей русского языка, сразу обратившие на себя внимание, – низкие значения амплитуды интенсивности во всех исследуемых частях

фразы. В то время как значения интенсивности в экспрессивных фразах в речи всех носителей английского языка находились в диапазоне в среднем от 58 до 85 дБ, а нейтральных – от 60 до 78–79 дБ, то у носителей русского языка они ограничивались 63–74 дБ в обоих типах фраз. Различия между амплитудами интенсивности на экспрессивных и нейтральных словах в составе экспериментальных фраз и на первом полноударном слоге фраз в исполнении студентов практически отсутствовали, в отличие от различий по ч.о.т., которые были сопоставимы с данными, полученными при анализе речи носителей английского языка.

Еще одним признаком, отличающим просодическую организацию фраз, реализованных русскоязычными испытуемыми, от просодии носителей английского языка, является отсутствие у студентов различий общефразовых значений ч.о.т. и интенсивности между экспрессивными и нейтральными фразами. Нередко данные значения в нейтральных фразах превышали экспрессивные. В речи носителей английского языка, в свою очередь, наблюдалась четкая тенденция к превышению общефразовых значений ч.о.т. и особенно интенсивности экспрессивных высказываний над аналогичными значениями в нейтральных фразах.

Постоянной характеристикой эмфатической просодической выделенности слов экспрессивной семантики в речи носителей английского языка оказалось увеличение длительности начального согласного ударного слога в среднем на 200 %. В случае неприкрытого ударного слога (например, в словах *awfully* ‘ужасно’, *absolutely* ‘абсолютно, совершенно’) слог начинался с так называемого твердого приступа (glottal stop). В речи студентов этот признак отсутствовал.

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам.

1. Подготовленные русскоязычные студенты, прошедшие обучение в рамках курса «Практическая фонетика английского языка», способны отразить специфику лексического состава в просодической структуре английского высказывания, содержащего экспрессивную лексику, хотя и недостаточно, по сравнению с носителями языка, раскрывают экспрессивный потенциал таких высказываний.

2. Наибольшее сходство просодической организации высказываний с экспрессивной лексикой, реализованных русскоговорящими испытуемыми и носителями английского языка, наблюдается на локальном участке фразы, занимаемом экспрессивной лексической единицей. Это проявляется в увеличении максимальных значений ч.о.т. и более частой локализации частотных и динамических максимумов на экспрессивных словах.

3. Различия в просодии экспрессивных и нейтральных высказываний в речи неносителей языка реализуются, главным образом, за счет модификаций частоты основного тона, являющегося акустическим коррелятом высотно-мелодического компонента просодии. В свою очередь, другие просодические параметры (интенсивности, длительность) используются недостаточно.

4. Наиболее заметными признаками просодической интерференции в речи русскоговорящих студентов являются, прежде всего, отсутствие различий общефразовых максимальных значений интенсивности и ч.о.т. между экспрессивными и нейтральными фразами. Этот факт свидетельствует о недостаточно полном представлении об экспрессивности и об экспрессивной просодии как о глобальном явлении, захватывающем фразу и контекст в целом.

Проведенное нами исследование интерферентной речи в аспекте экспрессивности позволило определить наиболее заметные отклонения в просодической организации высказываний с экспрессивными лексическими единицами. Однако исследование нуждается в дальнейшем расширении и уточнении, анализе большего числа характеристик, которые позволят более полно раскрыть все аспекты проникновения интонации родного языка в интонацию английского с целью более эффективного их устранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Selkirk, E. O.* Phonology and syntax: the relationship between sound and structure / E. O. Selkirk. – Cambridge : The MIT Press, 1986. – 424 p.
2. *Lehiste, I.* Phonetic disambiguation of syntactic ambiguity / I. Lehiste // The J. of the Acoustical Society of America. – 1973. – Vol. 53, iss. 1. – P. 380.
3. *Wharton, T.* Pragmatics and prosody / T. Wharton // The Cambridge handbook of pragmatics / ed. by A. Keith, K. Jaszczolt. – Cambridge, 2012. – P. 567–584.
4. *Wichmann, A.* Where Prosody Meets Pragmatics: Research at the Interface / A. Wichmann, N. Deche, D. Barth-Weingarten // Studies in Pragmatics. – Vol. 8. – 2009. – P. 1–22.
5. *Erickson, D.* Expressive speech: production, perception and application to speech synthesis / D. Erickson // Acoustical Science a. Technology. – 2005. – Vol. 26, № 4. – P. 317–325.
6. *Nygaard, L. C.* Communicating emotion: Linking affective prosody and word meaning / L. C. Nygaard, J. S. Queen // J. of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. – 2008. – Vol. 34(4). – P. 1017–1030.
7. *Chen, K.* How Prosody Improves Word Recognition / K. Chen, Hasegawa-Johnson, M. // Proceedings : [intern. conf.] Speech Prosody : Nara (Japan), 23–26 Mar. 2004 [Electronic resource] / ed. by B. Bel, I. Marlien. – Mode of access : http://www.isca-speech.org/archive_open/sp2004/sp04_583.pdf. – Date of access : 20.10.2017.
8. *Scherer, K. R.* Emotion inferences from vocal expression correlate across languages and cultures / K. R. Scherer, R. Banse, H. G. Wallbott // J. of Cross-Cultural Psychology. – 2001. – Vol. 32. – P. 76–92.
9. *Popkova, E.* The Backyard of EFL Teaching: issues behind L1 Prosodic Interference in Russian English / E. Popkova // J. of Language and Education. – 2015. – Vol. 1, Iss. 4.– P. 37–44.

The article presents the results of a phonetic experiment, which was aimed at investigating the features of prosodic interference in English expressive utterances pronounced by Belarusian bilingual language learners. The study has shown that non-native learners of

English are capable of showing the difference in the prosody of lexically neutral and expressive utterances, although this difference is not as conspicuous as that of native speakers. Belarusian learners only modify the pitch characteristics of expressive words, while native speakers tend to change the pitch, loudness and durational features of the expressive word and of the whole utterance as well.

В. С. Селезнёва
Минск, МГЛУ

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГОРОД» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Представлены результаты исследования метафорических моделей, репрезентирующих концепт «город», в когнитивном аспекте. На основе анализа произведений немецких авторов XVIII, XIX, XX вв. и актуальных текстов немецких путеводителей выявлены и описаны артефактные, природоморфные, антропоморфные и социоморфные виды метафорической репрезентации образа города в немецкоязычной картине мира.

У каждого народа складываются определенные национальные формы выражения различных понятий и идей, особенности восприятия и отражения окружающей действительности. Комплекс национальных установок, отличающих одну народность от другой, формируют картину мира, объединяющую всех членов данного социума и находящую свое отражение, прежде всего, в языке. Именно язык является материальной формой выражения человеческой ментальности, отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира, показывая национальные различия этносов. Следовательно, языковая картина мира как одна из важнейших форм отражения человеческой действительности представляет собой «неибежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации» [2, с. 79].

В аспекте рассматриваемого явления концепт «город» представляется нам одним из существенных элементов картины мира немецкого народа. Безусловно, понятие *город* является многогранным явлением и включает архитектурные сооружения, памятники, здания, открытые/закрытые пространства, стены, опоясывающие поселение или культурный центр, жителей как его неотъемлемую составляющую и т.п. Однако, принимая определение концепта, согласно которому **«концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода»** [1, с. 269], следует признать правомерным когнитивный аспект рассмотрения данного концепта с целью обнаружения метафорической репрезентации образа города.

Когнитивный подход при рассмотрении концепта позволяет выйти за пределы изучения непосредственного языкового значения, раскрыть видение

языкового обозначения через его разнообразные связи с деятельностью человека, человеческим интеллектом, мыслительными и познавательными процессами, приблизившись тем самым к выявлению механизмов и структур, лежащих в основе метафоризации. В рамках такого подхода метафора переходит из разряда языкового в разряд концептуальный, становится неотъемлемой частью сознания, ментальным инструментом, служащим категоризации и оценке, объяснению и обработке информации, формированию эмоционального отношения и представлений об объекте действительности, т.е. моделированию картины мира.

В процессе систематизации материала языковой выборки нами установлено, что концепт «город» представлен такими основными метафорическими моделями, как антропоморфная, природоморфная, социоморфная и аратефактная.

Самый распространенный путь описания города – это уподобление его человеку и процессам его жизнедеятельности. Такое метафорическое описание называется **антропоморфной метафорой.** Процесс «очеловечивания» города представлен в целом ряде примеров:

Ja, vorzüglich vom Himmel ***geliebt****, bist du, schöne Vaterstadt,* ***gesegnet*** *vor tausend anderen Städten.* ***Freude und Überfluss wohnen bei dir****; du bist auf Liebe gegründe* [8].

Метафорический перенос осуществляется здесь посредством глаголов, выражающих действия, характерные только для человека (любить, благословлять).

Зафиксирован и феномен персонификации: в городе «живут» радость и изобилие. Найдены положительные оценочные коннотации.

Und als ich auf Höhe kam, da ***blitzte*** *mir* ***die Weser ihre Grüße*** *freundlich* ***entgegen****…* [5].

Антропоморфность данной метафоры тоже вербализуется посредством глагола *entgegenblitzen*, немного «подогнанного» под реалии реки, базирующегося на узуальном глаголе «entgegenblicken – in Richtung auf jmdn., etw. [Herankommendes] blicken». Глагол, свойственный для человеческого действия, используется для «одушевления» реки:

Wind gibt es massenhaft am Alex, an der Ecke von Tietz zieht es lausig. Es gibt Wind, der ***pustet*** *zwischen die Häuser rein und auf die Baugruben. Man möchte sich in die Kneipen verstecken, aber wer kann das, das bläst durch die Hosentaschen, da merkst du, es geht was vor, es wird nicht gefackelt, man muß lustig sein bei dem Wetter* [6].

В вышеприведенном примере ветер, гуляющий по улицам Берлина, по сути, также всходит в зону концепта, «тяжело пыхтит» между домами. Это создает образ грузного человека, который, возможно, возвращается домой/ идет по своим делам.

В следующем примере земля, на которой стоит город Зост (Soest), «дышит», что по сути является только прерогативой человека:

Das Land mit seinen grünen kurzhalmigen Kornfeldern ***atmete*** *frisch und lau in die grüne Stadt hinein* [7].

Рассмотрим еще один пример:

„Die Königin der Hanse“*, wie man die einstige Freie Reichsstadt gerne nennt...* [3, S. 733].

Здесь упомянут город Любек – (букв. пер. ‘королева Балтийского моря’), королева Ганзы. Этим неофициальным названием город обязан своему былому могуществу, поскольку до середины XIV в. Любек был центром объединения портовых городов Ганзы, а с конца XIV в. стал ее политическим и торговым центром.

Далее город рассматривается как **природное явление**. Германия известна своими природными красотами и горными ландшафтами. В маленьких уютных городишках останавливаются путешественники, чтобы насладиться райским местом, где природа и город слились в единое целое:

Das Altmühltal beginnt südlich von Nürnberg und erstreckt sich bis an die Donau. Herzstück ist ***der Naturpark Altmühltal****,* ***ein Paradies*** *für Wanderer, Radler, Wasserratten und Kletterer* [Там же, S. 177].

Замок Шверин известен своими живописными ландшафтами, где часто проходят выставки садово-паркового искусства, привлекающие туристов со всего мира, в результате чего за этим замком закреплено обозначение «замок 7 садов», что стало уже визитной карточкой этого места:

*2009 wird eine Bundesgartenschau unter dem Motto «****Sieben Gärten mittendrin»*** *viele Besucher aus nah und fern anziehen* [Там же, S. 1070].

Аналогия с природой прослеживается в процессе исследования двояко: более частотен вариант метафорических перифраз и тождества с природой, окружающей город – будь то побережье моря или озера, долина, леса и поля, реки или озера. Однако встречаются и сравнения, где сам город уподобляется природному явлению, как, например, Франкфурт – болоту, трясине. Прослеживаются негативные оценочные коннотации:

Wer den Magazinplatz in Frankfurt kennt, geht nicht nochmal hin. Das ist so sicher wie Amen in der Kirche. Es war ***ein Dreck,*** *es war* ***ein Morast*** [6].

Город, благодаря своим великолепным ландшафтам и очень удачному географическому расположению, уподобляется в следующем примере розе в зеленой беседке (природному окружению):

Diese weinerlichen, so fruchtbaren, so schönen Landstriche, die allenthalben berühmt sind, umfassen das liebliche Würzburg gleich einer ***Rose im tiefgrünen Laube*** [9].

Обнаружено, что в немецкой картине мира город может представлять собой ареал урбанизированной среды **социально** развитого общества, для которого характерна сложная городская культура, экономика и торговля. Например, Гамбург является таким городом, который стал для всей страны некими вратами («Tor zur Welt»), открывающими возможность к развитию торговли и мореходства:

*Die Freie und Hansestadt Hamburg,nach Berlin die größte Stadt Deutschlands, schmückt sich gerne mit dem Titel „****Tor zur Welt****“****.*** *Grund dafür Die*

günstige Lage tief im Mündungstrichter der Elbe macht die Stadt, die übrigenes ein eigenes Bundesland bildet, zu einem ***der ersten Hafen und Handelsplätze Europas*** [3, S. 554].

Гослар свое время был резиденцией королей, поэтому назван «северным Римом», что подчеркивает важность социального значения города *(**Nordische Rom**)* [Там же, S. 527].

Следующий метафорический образ – город как игровая площадка – является изображением индивидуально-авторских ассоциаций, воспоминанием детства в родном городе:

Du warst der ***Spielplatz*** *meiner Kindheit… Du warst die Stadt der ersten Abenteuer… die Stadt und ich, wir schauen uns staunend an* [4].

Образ города как «школы искусства» отсылает читателя в те времена, когда (как можно понять благодаря лингвострановедческому бэкграунду) там творил Альбрехт Дюрер – именно к этому контексту относятся слова «школа отечественного искусства», «то серое столетие»:

Wie ziehen Sie mich zurück in jenes graue Jahrhundert, da du, Nürnberg, die ***lebendig wimmelnde Schule*** *der vaterländischen Kunst warst und ein recht fruchtbarer, überfließender Kunstgeist in denen Mauern lebte und webte…* [10].

Люди, населяющие город, хранят предметы (**артефакты**), в которые вкладывают часть своей души, а также проводят с ними устойчивые ассоциации. Так, например, для Мюнстера визитной карточкой стал велосипед:

*Münsters Stadtbild ist geprägt von Adelshöfen, Bürgerhäusern und «****der Leeze»****, wie* ***das Fahrrad*** *hier liebevoll genannt wird. Münster gilt zurecht als Europas Fahffad-Hauptstadt, denn hier gibt es* ***mehr Fahrräder*** *als Einwohner* [3, S. 846].

Описывая историю становления и образования Германии, часто сравнивают ее с разноцветным ковром, состоящим из пестрых лоскутков:

...glich das Heilige Römische Reich Deutcher Nation ***einem Flickenteppich aus weltlichen und geistlichen Herrschaftsgebieten*** [Там же, S. 52].

Детская книжка с картинками – несомненно произведение человеческих рук. Данная артефактная метафора раскрывает образ города как чего-то, показывающего себя каждый раз с новой стороны, как будто «читаешь город», как книгу, перелистывая страницы, узнавая каждый раз что-то новое:

Das alte Hildesheim ist ein reiches und ***kostbares deutsches Bilderbuch****. Mit einer aufblätternden Klarheiter schließt sich dem Nachsinnenden die innerlich verzweigte, geschichtlich bunte und giebelstolze Stadt…*[11].

А Мюнхен можно по праву считать «колбасной столицей», который славится своей вкусной вареной телячьей колбасой **(*Weißwurst-Metropole*)** [3, S. 819].

Таким образом, корпус выявленных примеров представляет практически все виды концептуальных метафор: артефактные, природоморфные, антропоморфные, социоморфные. Это свидетельствет о том, что концепт

«город» можно рассматривать как определенную парадигму мышления человека. Метафора помогает при этом определить наиболее значимые когнитивные признаки данного концепта и расставляет акценты на значимых деталях, привлекая внимание читателя.

В ходе исследования также установлено, что концепт «город» в немецкой картине мира отражает не только мировосприятие народа, но и отдельные индивидуально-авторские ассоциации. Особенно ярко это отражено в примерах антропоморфной метафорической модели. Авторы художественных произведений при описании города уподобляют абстрактные понятия предметам чувственного мира, обозначая тем самым собственное отношение к городу, его чувственное восприятие, эмоциональное отношение к нему.

Как видим, своеобразие концептуальной метафоры заключается в том, что в ее основе лежит не значение слова и не объективно существующие категории (количество улиц, домов и т.д. в определенном городе Германии), а сформировавшиеся в сознании человека (автора описания) концепты. Эти концепты содержат представления человека об особенностях того или иного города, окружающего его пространства, о жителях, их интересах и заботах. Тем самым в процессе концептуализации многоаспектного понятия *город* создается целостная картина видимого реального немецкоязычного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аскольдов, С. А.* Концепт и слово // Русская словесность : антология / С. А. Аскольдов ; под ред. В. Н. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.
2. *Телия, В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173–204.
3. Allianz Reiseführer. – Stuttgart : Karl Baedeker GmbH, 1992. – 942 s.
4. *Becher, J. R.* München / J. R. Becher // Deutschland im Spiegel der Dichtung / zusammengestellt von Bernhard M. – München : Südwest Verl. – S. 251.
5. Dingelstedt. Gestern wurden es acht Tage // Deutschland im Spiegel der Dichtung / zusammengestellt von Bernhard M. – München : Südwest Verl. – S. 66.
6. *Döblin, A.* Berlin Alexanderplatz. Die Geschichte vom Franz Biberkopf [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://bookre.org/reader?file=1276421&pg=238, http://bookre.org/reader?file=1276421&pg=77. – Дата доступа : 27.02.2017.
7. *Freiligrath.* Soest / Freiligrath // Deutschland im Spiegel der Dichtung / zusammengestellt von Bernhard M. – München : Südwest Verl. – S. 79.
8. *Maler-Müller, F.* Kreuznach / F. Maler-Müller // Deutschland im Spiegel der Dichtung / zusammengestellt von Bernhard M. – München : Südwest Verl. – S. 116.
9. Viterbo. Würzburg // Deutschland im Spiegel der Dichtung / zusammengestellt von Bernhard M. – München : Südwest Verl. – S. 281.

10. *Wackenroder, W. H.* Nürnberg / *W. H. Wackenroder* // Deutschland im Spiegel der Dichtung / zusammengestellt von Bernhard M. – München : Südwest Verl. – S. 270.
11. *Weiss, K.* Das alte Hildesheim ist ein eiches und kostbares deutsches Bilderbuch / K. *Weiss* // Deutschland im Spiegel der Dichtung / zusammengestellt von Bernhard M. – München : Südwest Verl. – S. 57.

The present article is devoted to the research of metaphorical models representing the concept «city» in the cognitive aspect. Based on an analysis of the works by the German authors of the XVIII, XIX, XX centuries and actual texts of German guidebooks, artefactual, naturmorphic, anthropomorphic and sociomorphic types of metaphorical representation of the city are revealed and described in the German linguistic world image.

Д. И. Терехова
Киев, КНЛУ

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

В статье представлены результаты анализа ассоциативных полей слов-стимулов *доля*/*судьба* в украинском и русском языках, полученных в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента в Украине и в России в начале XXI века. С помощью «ассоциативного гештальта» выявлены особенности структуры ассоциативных полей в двух языках, этноспецифика образов языкового сознания представителей двух народов. Наибольшие отличия наблюдаются в количестве зон в гештальтах, наличии отдельных зон только в конкретном ассоциативном поле, количественных характеристиках и в качественном наполнении зон.

Сопоставительные лексико-семантические исследования традиционно основываются на компонентном анализе (структурный метод), однако при таком подходе, по мнению М. П. Кочергана, наблюдается остаток, который описать с помощью сем невозможно. Таким образом, для выявления фона слова, национальных ассоциаций, целесообразно применять психолингвистические эксперименты: «Парадигматические и синтагматические реакции языка представляют тот семантический ореол слова, который не фиксируется в лексикографических работах и отражает реальное функционирование слова в определенном социуме» [4, с. 9–10].

На необходимость использования в сопоставительной, контрастивной лингвистике, кроме традиционных методов из смежных дисциплин, в частности психолингвистики и социолингвистики, указывал В. Б. Касевич [2, с. 19].

Применение экспериментальных методов в межъязыковых исследованиях детально описала А. А. Залевская. Именно она выделяла ассоциативный подход к изучению специфики значения как достояния индивида в числе других направлений (параметрического, признакового, прототипного, ситуационного) [1, с. 104]. В свое время этот подход был одобрен А. А. Леонтьевым,

который отмечал, что «…выделенные методом Джеймса Диза факторы легко интерпретируются содержательно как семантические компоненты слов, что может служить одним из доказательств принципиального единства психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов» [1, с. 107].

Ассоциативное значение соотносимо с психолингвистическим значением, рассматриваемым И. А. Стерниным в сопоставлении с лексикографическим.

Лексикографическое значение ученый определяет как «совокупность основных, ядерных сем значения, отражающих основное содержание значения» [7, с. 13]. Описание семантики языковых единиц на основе экспериментальных данных позволяет «…представить содержание слова как некоторую психологическую реальность, выявить такие семантические компоненты, которые не фиксируются другими методами» [Там же, с. 13]. Лексикографическое и психолингвистическое (психологически реальное) значения отражают языковое сознание носителя языка – т.е. сознание, отраженное, зафиксированное, актуализируемое в значениях языковых знаков [Там же, с. 13].

Такое сочетание методов является наиболее приемлемым при изучении близкородственных языков. Их сопоставление с помощью ассоциативных экспериментов проводилось А. П. Клименко, Л. В. Лавровой, М. П. Муравицкой, Н. В. Сабуркиной и другими учеными.

Сопоставим фрагменты образов языкового сознания, стоящие за словами *доля*/*судьба*, у представителей украинского и русского народов.

Материалом нашего исследования послужили ассоциации, полученные в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента в Украине и в России в начале XXI ст. среди студентов гуманитарных вузов (по 100 респондентов).

И в украинском языке, и в русском – слова *доля* и *судьба* многозначны, основные их значения, определенные на основе толковых словарей двух языков, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные значения слов *доля*/*судьба*

Доля	*Судьба*
1. Ход событий, стечение обстоятельств, направление жизненного пути, который вроде бы не зависит от желания, воли человека: • условия жизни; жизненный путь и то, что на нем возникает; • желаемая, счастливая жизнь; • выпасть на долю	1. Стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий.
	2. Доля, участь.
	3. История существования кого-, чего-нибудь.
	4. Будущее, то, что случится, произойдет.
2. Состояние, в котором находится или будет находиться что-либо; будущее чего-то.	5. То же, что суждено.

Следует заметить, что лексическое значение рассматриваемых слов совпадает только в отдельных значениях: ход событий, будущее и то, что суждено; в остальных случаях видим существенные отличия в значениях и их оттенках. Еще в большей степени они проявляются при сопоставлении ассоциативных полей слов-стимулов *доля*/*судьба*, полученных вследствие проведения свободного ассоциативного эксперимента. Отличия видны уже на этапе выделения ядерных реакций.

Ядра ассоциативных полей слов-стимулов представлены наиболее частотными реакциями: «доля» – *життя* (16), *щастя* (7), *фатум* (5), *воля* (5) /«судьба» – *рок* (35), *человек* (5), *жизнь* (6), *неизвестность* (4), *нить* (4), *человека* (4). Таким образом, украинские респонденты связывают понятие судьбы прежде всего с жизнью, ее ходом («доля» – *життя* (16)); их восприятие более чувственное («доля» – *щастя* (7)); она отчасти предопределена («доля» – *фатум* (5)), но может быть изменена по воле человека («доля» – *воля* (5)). Русскими респондентами судьба воспринимается через синонимическое понятие («судьба» – *рок* (35)), которое имеет большее влияние на жизнь человека и в значительной степени предначертано свыше (неслучайный выбор синонима, тем более, что в русском языке их существует около пятидесяти, что отражено в словаре синонимов). Очевидно, поэтому реакции *человек* (5), *жизнь* (6) имеют невысокую частотность, а ассоциации «судьба» – *неизвестность* (4), *нить* (4) поддерживают мысль о независящем от воли человека ходе событий. Реакция «судьба» – *человека* (4) выявляет стереотипные черты ассоциирования, возможно, связанные с широко известным рассказом Михаила Шолохова «Судьба человека», отражающим стойкость и несокрушимость человека перед всеми превратностями судьбы.

Анализ ассоциативных полей в целом осуществлен с помощью «ассоциативного гештальта» [6, с. 57], который не только репрезентирует их структуру, но и показывает общее и специфическое, отражает личностные смыслы, поскольку учитывает все реакции [5, с. 119]. Ассоциативная структура слова (совокупность главных направлений ассоциирования, по А. П. Клименко) [3, с. 9] представлена зонами в гештальте. Каждая из зон занимает свое положение (ядро или периферию) в зависимости от количественных показателей, определяющих их объем и отражающих степень актуальности данного направления.

Результаты анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2

Зоны гештальтов ассоциативных полей стимулов *доля*/*судьба*

№	Зоны гештальтов	Украинский язык, %	Русский язык, %
1	Жизнь	16	6
2	Факторы влияния	14	5
3	Характеристики	10	4
4	Чувства	10	1

Окончание таблицы 2

5	Судьба (синонимические понятия)	9	44
6	Отношение	9	10
7	Сравнение	8	9
8	Признаки	6	2
9	Люди	5	7
10	Религиозные понятия	4	1
11	Реминисценции	2	6
12	Периоды жизни человека	1	–
13	Литература	1	–
14	Деньги	1	–
15	Страна	1	–
16	Гадание	–	2
17	Время	–	2
18	Учебное заведение	–	1
Всего зон		15	14

Структуры ассоциативных полей стимулов *доля*/*судьба* во многом схожи, поскольку 11 зон, представляющих основные направления ассоциирования, представлены в двух языках. В то же время выявлены существенные отличия: в о - п е р в ы х, в количестве зон в гештальтах (15 – в украинском, 14 – в русском языках); в о - в т о р ы х, в наличии отдельных зон только в конкретном ассоциативном поле, например, зоны «Периоды жизни человека», 1 % («доля» – *народження*) «Литература», 1 % («доля» – *комікси*), «Деньги», 1 % («доля» – *рубля*), «Страна», 1 % («доля» – *України*) входят в гештальт ассоциативного поля украинского языка; зоны «Гадание», 2 % («судьба» – *линия* (2)), «Время», 2 % («судьба» – *будущее* (2)), «Учебное заведение», 1 % («судьба» – *школа*) – русского языка; в - т р е т ь и х, в количественных характеристиках и в качественном наполнении зон, например, в зонах «Сравнение», 8 % и 9 % соответственно («доля» – *дорога* (3), *нитка*, *серп, скарб, хрест, шлях*/«судьба» – *нить* (4), *загадка* (2), *нитка, стрела* и т.д.) или в зонах «Отношение» 9 %, 10 % соответственно («доля» – *неминучість* (2), *брехня*, *невідворотність*, *не змінили*, *непримиримість*, *приреченість*, *страх*/«судьба» – *неизвестность* (3), *не избежать*, *фатализм*, *участь, рок*; *слово, кое не имеет смысла*; *состязание*); в - ч е т в е р т ы х, в ядрах гештальтов ассоциативных полей. Так, например, в ядро гештальта стимула «доля» входят две наибольшие по объему зоны: «Жизнь», 16 % («доля» – життя (16)) и «Факторы влияния», 14 % («доля» – *воля* (5), *Бог* (3), *везіння* (2), *зустріч*, *невдача*, *характер*). Ядро гештальта стимула «судьба» составляют зоны «Судьба (синонимические понятия)», 44 % («судьба» – *рок* (35), *фатум* (3), *предначертание* (2), *фортуна* (2), *участь*, *доля*) и «Отношение», 10 %.

В гештальте слова *доля* тоже, например, есть зона «Судьба (синонимические понятия)», но она находится на периферии, существенно уступает в объеме и качественном наполнении («доля» – *фатум* (5), *судьба* (3), *рок*). Подобное наблюдается во всех зонах, которые присутствуют в обоих гештальтах: их качественное наполнение специфично в каждом языке, их объем определяется степенью важности выделенного направления ассоциирования для представителей определенного этноса. В сочетании качественных и количественных характеристик зон кроется своеобразие ассоциативных значений.

Таким образом, анализ значения слова в сочетании лингвистических и психолингвистических методов исследования является эффективным, поскольку более многогранно передает образы языкового сознания представителей разных этносов, «системность их сознания, понимаемого как системность образующих его значений» [8, с. 5], отражает объективное восприятия мира в его социально-культурном, историческом и личностном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Залевская, А. А.* Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.
2. *Касевич, В. Б.* Фонология в типологическом и сопоставительном изучении языков: Методы сопоставительного изучения языков / В. Б. Касевич. – М. : Наука, 1981. – 94 с.
3. *Клименко, А. П.* Вопросы психолингвистического изучения семантики / А. П. Клименко. – Минск : Выш. шк., 1970. – 206 с.
4. *Кочерган, М. П.* Про деякі актуальні проблеми контрастивної лексичної семантики / М. П. Кочерган // Проблеми зіставної семантики. Матеріали Всеукраїнської наук. конф. – Київ : КДЛУ, 1995. – С. 42.
5. *Марковина, И. Ю.* Специфика языкового сознания русских и американцев: опыт построения «ассоциативного гештальта» текстов оригинала и перевода / И. Ю. Марковина, Е. В. Данилова // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 116–132.
6. *Стернин, И. А.* Концепты и лакуны / И. А. Стернин, Г. В. Быкова // Языковое сознание: формирование и функционирование / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 1998. – С. 55–67.
7. *Стернин, И. А.* Психолингвистическое значение слова и его описание / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – М. : Ламберт, 2011. – 192 с.
8. *Уфимцева, Н. В.* Языковое сознание: динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. – М. ; Калуга : Ин-т языкознания РАН (ИП Шилин И. В.), 2011. – 252 с.

While comparing the closely related languages, the differences in the semantics of separate lexemes are revealed, as well as in the images of linguistic consciousness, that the representatives of various ethnic groups have behind the word.

В. Ф. Толстоухова, А. А. Соловьёва
Минск, БГУ

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

В статье описываются результаты контрастивного анализа лексико-семантической группы «Финансы» в русском и английском языках, характеризующейся частотностью употребления в публицистических текстах. Анализ показал, что из шести лексических единиц одна является лакунарной, две полностью эквивалентными, а три единицы имеют семные отличия. Слово *финансы* в русском языке имеет значение, употребляемое в разговорном стиле, в то время как английский эквивалент *finance* такого значения не имеет. У контрастивной пары «*финансирование*» – «*financing*» имеются различные семные значения, больше отличий представлено в английском языке. При рассмотрении слова *финансист* в русском языке было выявлено наличие устаревшего значения, при этом в английском схожее устаревшее значение отсутствует. Английский эквивалент лексической единицы *финансист* имеет такую сему, как ‘человек, вкладывающий крупные суммы в бизнес’. В русском же языке такого эквивалента нет. Лексическая единица *финансистка* является лакунарной в английском языке.

Одной из задач контрастивной лингвистики является систематизация лексического материала и составление двуязычных словарей нового типа – контрастивных словарей. Последние оказывают неоценимую помощь в преодолении барьеров межкультурной коммуникации, так как учитывают культурологический аспект межкультурной коммуникации, отражают национально-культурное своеобразие языковых единиц. Они также оказывают неоценимую помощь преподавателям, переводчикам, изучающим иностранные языки. Как правило, в таких словарях содержатся все денотативные семы, выделенные компонентным анализом, а также коннотативные и функциональные семы [1].

Для проведения контрастивного исследования нами была выбрана лексико-семантическая группа «Финансы» в русском и английском языках, которая характеризуется частотностью употребления в публицистических текстах. Результаты анализа представлены в таблице.

Таблица

Контрастивный анализ лексико-семантической группы «Финансы» в русском и английском языках

Финансы	Finance	Эквивалент (экв.) / неэквивалент (неэкв.)
Совокупность всех денежных средств, находящихся в распоряжении государства, предприятия	Совокупность всех денежных средств, находящихся в распоряжении государства, предприятия	экв.
Деньги, денежные дела (разговорное)	—	неэкв.

Продолжение таблицы

Обобщающий экономический термин, означающий как денежные средства, так и экономические отношения	Обобщающий экономический термин, означающий как денежные средства, так и экономические отношения	экв.
неэмоциональное	неэмоциональное	экв.
современное	современное	экв.
1 289 примеров употребления в газетном корпусе	7 200 примеров употребления в газетном корпусе	
Финансовый	*Financial*	*Эквивалент (экв.) / неэквивалент (неэкв.)*
связанное с организацией финансов, денежного обращения и кредита	связанное с организацией финансов, денежного обращения и кредита	экв.
денежный (разговорное)	денежный (разговорное)	экв.
неэмоциональное	неэмоциональное	экв.
современное	современное	экв.
6 499 примеров употребления в газетном корпусе	16 234 примера употребления в газетном корпусе	
Финансировать	*Finance*	*Эквивалент (экв.) / неэквивалент (неэкв.)*
Снабдить(бжать) денежными средствами, финансами	Снабдить(бжать) денежными средствами, финансами	экв.
неэмоциональное	неэмоциональное	экв.
современное	современное	экв.
2 139 примеров употребления в газетном корпусе	7 200 примеров употребления в газетном корпусе	
Финансирование	*Financing*	*Эквивалент (экв.) / неэквивалент (неэкв.)*
Обеспечение необходимыми финансовыми ресурсами всего хозяйства страны, регионов, предприятий, предпринимателей, граждан (экономический термин)	—	неэкв.
—	Совокупность всех денежных средств, находящихся в распоряжении государства, предприятия	неэкв.
—	Обобщающий экономический термин, означающий как денежные средства, так и экономические отношения	неэкв.
неэмоциальное	неэмоциальное	экв.
современное	современное	экв.
8 231 пример употребления в газетном корпусе	1 110 примеров употребления в газетном корпусе	

Окончание таблицы

Финансист	*Financier*	*Эквивалент (экв.) / неэквивалент (неэкв.)*
Специалист по ведению финансовых операций, денежных дел, знаток вопросов денежного обращения и кредита (современное)	Специалист по ведению финансовых операций, денежных дел, знаток вопросов денежного обращения и кредита (современное)	экв.
—	Человек, вкладывающий крупные суммы в бизнес	неэкв.
Банковский, биржевой делец (устаревшее)	—	неэкв.
Лицо, владеющее большими денежными средствами (устаревшее)	—	неэкв.
неэмоциональное	неэмоциональное	экв.
619 примеров употребления в газетном корпусе	159 примеров употребления в газетном корпусе	
Финансистка	*Ø*	*Эквивалент (экв.) / неэквивалент (неэкв.)*
Специалист женского пола по ведению финансовых операций, денежных дел, знаток вопросов денежного обращения и кредита (современное)		неэкв.
неэмоциональное		неэкв.
2 примера употребления в газетном корпусе		неэкв.

Как видно из таблицы, контрастивный анализ позволил представить полное семное описание значений лексических единиц – близких соответствий или эквивалентов в русском и английском языках. Представлено также полное семное описание единиц, являющихся безэквивалентными на фоне языка сопоставления (английского). Каждая единица исходного (русского языка) представлена последовательным набором сем – денотативных, коннотативных и функциональных. Параллельно представлен семный набор переводного соответствия, где каждой семе русской лексической единицы ставится в соответствие сема английской единицы. При безэквивалентности сем в одном из языков ставится знак Ø. Это означает, что сема безэквивалентна. Несовпадающие семы выделяются полужирным шрифтом, чтобы пользователь словаря сразу зафиксировал имеющиеся семные несоответствия [2].

Таким образом, из вышеприведенных словарных статей видно, что слова лексической группы «Финансы» имеют как сходства, так и различия. Контрастивный анализ шести лексических единиц показал: одна является лакунарной, две полностью эквивалентными, а три единицы имеют семные отличия. Так, например, стоит обратить внимание на то, что слово *финансы* в русском языке имеет значение, употребляемое в разговорном стиле, в то

время как английский эквивалент *finance* такого значения не имеет. Контрастивная пара «*финансирование*» – «*financing*» имеют различные семные значения, причем в английском – их больше. При рассмотрении слова *финансист* было выявлено наличие устаревшего значения, при этом в английском схожее устаревшее значение отсутствует. Английский эквивалент лексической единицы *финансист* имеет такую сему, как ‘человек, вкладывающий крупные суммы в бизнес’. В русском же языке такого эквивалента нет. Особый интерес вызывает лакунарная единица *финансистка*. Данное явление характеризует особенности национальной специфики англоговорящих, а именно, их отношение к гендерным различиям. Что касается «феминизации» названий профессий, происходящей в Англии, то нельзя забывать – в их языке действуют совершенно иные грамматические системы, нежели в русском языке. И их нельзя привести к общему знаменателю. Большинство имен существительных, которые относятся к профессиям, социальному статусу и т.д., имеют одну и ту же форму в женском и мужском роде. Но, есть исключение: *waiter – waitress* (*официант – официантка*). В русском языке проблема женских вариантов названий профессий ощущается не так остро. Параллельные названия для обозначения лиц женского пола закрепились в тех случаях, когда данная специальность (профессия, род занятий и т.д.) в равной мере связана и с женским, и с мужским трудом. Например: *продавец – продавщица*; *студент – студентка*; *учитель – учительница* и т.п. [3].

Для сравнительного анализа употребления данной лексико-семантической группы в публицистическом контексте использовались данные из русского и британского национальных корпусов. Стоит отметить, что частотность употребления английских эквивалентов в публицистической речи английского и русского языка кардинально отличается. Из шести проанализированных лексических единиц в русском языке наиболее употребительным является *финансирование*, в английском же языке это слово *financial*. Для слова *финансистка* в русском национальном корпусе есть только 2 примера, а *финансист* встретился 619 раз. Этот факт свидетельствует о том, что лексическая единица *финансистка* более частотна в разговорном стиле речи, в отличие от публицистического.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зленко, И. П.* Лексико-фразеологическое поле «Трудовая деятельность» в русском языке / И. П. Зленко // Культура общения и ее формирование : межвуз. сб. науч. тр. (Воронеж, 16–17 апреля 2001 г.). – Воронеж, 2001. – Вып. 8. – С. 94–95.
2. *Репринцева, Н. М.* Контрастивный анализ семантики наименований дорог в русском и французском языках / Н. М. Репринцева // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1999. – Вып. 2. – С. 158–159.
3. *Стернин, И. А.* Значение слова и его компоненты / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2003. – 19 с.

The article deals with a contrastive analysis of lexical-semantic group “finance” in Russian and English. The results are shown in the table, and their description is given.

ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ: КОНТРАСТИВНЫЙ АСПЕКТ

В. В. Денисюк
Умань, УГПУ

ПОЛЬСКО-УКРАИНСКО-БЕЛОРУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Статья посвящена анализу фразеологических единиц с компонентами *голова*, *горло* семантического ряда ‘умереть’ в польском, украинском и белорусском языках XVI–XVIII вв. Исследование показало, что такие устойчивые единицы функционируют преимущественно в памятниках делового стиля и историографиях.

Исследование истории формирования лексического фонда были и остаются актуальными. Заметный интерес представляют те работы, хронологические рамки исследования в которых обозначены XIV–XVIII, а особенно XVI–XVII вв. – периодом господства в Украине и Беларуси польского и латинского языков, первый из которых оказал мощное влияние на стабилизацию тогдашних лексических норм, постепенно вытесняя на периферию лексической системы украинского и белорусского языков церковнославянский компонент. Исследователи (А. Булыка, Д. Гринчишин, А. Журавский, В. Русановский, Л. Полюга, М. Худаш и др.) указывали, что польский язык в течение указанного периода играл роль донора или был посредником в пополнении той или иной группы лексики. Многовековые контакты украинского, белорусского и польского языков сказались на всех ярусах их лингвосистем. Это касается и фразеологии. По этому поводу О. Ткаченко писал, что «каждый из языков передавал второму также собственные фразеологические обороты или становился посредником для передачи фразеологизмов других языков». В качестве примеров языковед приводит обороты *как дела?* и *bić czołem* ‘бить челом’. Ученый делает логический вывод: «Языковые контакты обоих языков способствовали определенному их сближению при одновременном удалении украинского от восточнославянских, а польского от западнославянских, стали для этих языков еще и источником семантического и стилистического обогащения благодаря увеличению количества лексических синонимов. Вопрос украинско-польских языковых контактов до этого времени глубоко не исследован» [1, с. 770]. Этот же вывод непосредственно касается и белорусского языка.

Лексика как наиболее динамичный ярус украинской и белорусской языковых систем не могла не испытать влияния соседнего языка, тем более – хоть и кратковременно – государственного. Однако одно дело – заимствовать слово с его прямым значением, другое – устойчивое словосочетание, образованное путем вторичной номинации, в основе которой лежит языковая картина мира другого народа, пускай и родственного. Необходимо учитывать

и специфику сложившейся языковой ситуации, когда украинцы и белорусы де-факто приближались к трилингвам – владели староукраинским/старобелорусским, церковно-славянским соответствующей редакции и польским. Сплетение в сознании одной личности трех языковых картин мира позволяло легко переключать языковые коды, каждому быть посредником в заимствовании устойчивых словосочетаний. Если учесть тот факт, что существенной разницы между староукраинским и старобелорусским языками не было, тогда можно констатировать: все, что заимствовал староукраинский язык из польского или через его посредничество, становилось неотъемлемой частью старобелорусского и наоборот. Таким образом, белорусско-украинская вертикаль замыкала южный и северный векторы заимствований из польского языка. В нашей статье на материале польскоязычных текстов представителей украинского и белорусского этносов, а также украинских и белорусских памятников письменности XVII–XVIII вв. продемонстрируем фразеологические параллели между тремя языками.

В исследуемых памятниках значительную группу составляют фразеологизмы семантического ряда ‘умирать’. Активность выявляют те из них, которые образовались вокруг лексем для обозначения частей тела, потеря которых, разумеется, сразу вела к смерти человека. Например, в деловых текстах засвидетельствованы фразеологизмы с ядром *голова*, *горло*. В результате метонимического смещения семантика глагольного и именного компонентов растворяется в значении словосочетания. На основе ассоциаций слова создают образ, который является символом смерти. В польском языке XVI в., по данным исторического словаря, функционировало много вариантов с лексемой *горло*, которые реализовали семантику ‘умереть’: *gardło nieść/przynieść* (SP VI, S. 202); *na gardłe (gardłem, na gardło) pokarany (skarany)* (SP VI, S. 202); *gardło ważyć (odważać)/odważyć* (SP VI, S. 201); *gardło pokładać (klaść)/położić* (SP VI, S. 202); *gardło tracić (utracać)/stracić (utracić, potracić)* (SP VI, S. 203); *gardłem zapieczętować* (SP VI, S. 206). Такие устойчивые словосочетания фиксируем в польскоязычных письмах Б. Хмельницкого: *Lubo swawolnie z naszej strony wtargnęli byli kozacy w Księstwo Litewskie, tedy bez wiadomości naszej, którzy słuszną zapłatę, jako swawolnicy wzięli i* ***na gardle karałem*** (ДБХ, с. 96); *I te punkta, które teraz podajemy z woli i żądania wojskowego, w którychby cokolwiek mogło być uraźliwego, abyś w. k. mość na mnie o ta za złe mieć nie raczył, gdyż to nie moja wola, ani mnie to jest tak potrzebno, tylko wojsko wszytko w. k. mość o to usilnie proszą, o tego zdrajcę mego, nie tylko mego, ale i wszytkiej Rzpltej, o Czaplińskiego, który upodobawszy sobie ubogie obejście moje, wytarł mię był ze wszytkich dóbr moich, i o to żem po kilkakroć suplikował do j. k.mci ś. p. pana brata w. k. mci,* ***przyprawił*** *mnie był do jp. charążego kor.* ***o gardło*** (ДБХ, с. 126); *Skoro ten list uniwersalny do rąk przyniosą, zaraz od horoda do horoda odsyłajcie, gdyż jeśliby miał, kto chce, godzinę zadzierżeć, a nie posłać, tedy przestrzegam i to publicznie oświadczam, że takowy jako za nieposłusznego uznanym będzie, tak też według artykułów*

wojskowych dla przykładu i napomnienia drugich, aby w podobnymże razie wykraczać nie ważyli się, ***gardłem karany będzie*** (ДБХ, с. 181); *A któryby znacho dzili się mianowicie w tych krajach opryszki, w. m., mój m. p., swojej strony, a my swojej strony gromić rozkazaliśmy takich, jakoż pod bytności posłów w. m., n. m. p., jednych mężobójców* ***na garle karano****, a drugicli łapać kazaliśmy, którym takaż nagroda będzie* (ДБХ, с. 188).

Фразеологизмы с лексемой *горло*, которых, по данным картотеки Словаря украинского языка XVI – первой половины XVII в., насчитывалось 27 единиц, а Исторического словаря белорусского языка – 31, активно функционируют в памятниках письменности украинского и белорус-ского языков XVI–XVIII вв. разных жанров. Абсолютное большинство из них в XVI–XVIII вв. и в украинском, и в белорусском языках функциони-ровало с семантикой ‘умереть’, что обусловлено экстралингвистическими факторами. Следует отметить и тот факт, что прерогативой все же остаются деловые тексты и историографии: *…врадникъ вонѣчинскии Микита Бєло-стоцкии, мало, дєи, ихъ* ***ѡ горло нє приправилъ*** (ДБВ, с. 152); *...тогды врядъ... // не откладаючи мне ничого... яко вже пересужоного правомъ, такъ якомъ первей* ***горло понести*** *мелъ, тогды на тотъ часъ мене* ***горломъ карати*** *и екзекуцію остаточную на мнѣ виконати маеть* (1582 АрхЮЗР 8/III, с. 335 // КСУМ[16–17]); *...пловцы* ***горла свои важатъ****, жеся на оную отногу пущають, гдє тамъ сами изъ окрєнтами гинутъ* (1614 Кн. о св., с. 440 // КСУМ[16–17]), *...для народу нашого* ***горлом своим пєчатати*** *готовъ* (1598 Ист. фл. син., с. 48 зв. // КСУМ[16–17]); *Ты бо маєшъ...* ***горлом своим*** *тую статечност свою* ***запечатати*** (1600 Катех., с. 76 // КСУМ[16–17]); *...отъ поган Турковъ и Татаровъ на каждые часы барзо не мало здоровье и* ***горла свои кладучи****, народу хрестіянского высвобожаютъ* (1610 АЗР II, с. 59 // КСУМ[16–17]); *Єго Милость... в таковых службах и* ***горла свого втратити*** *нє лютовал* (1522 AS III, с. 235 // КСУМ[16–17]); *...духнин сын против руси зрадливє имєнєм кролєвским пишучи відал за што* ***горло своє стратил*** *у вилни* (1599 ЦДІА Лен. 823, 3, 67, с. 6 зв. // КСУМ[16–17]); *...готови не только врядовъ позбывати, але и* ***горло свое*** *(для познаное правъды) охотне* ***положыти****!* (1599 Ант., с. 957 // КСУМ[16–17]); *Волѣли при нем и* ***горла свои положити*** (XVII ст. Ал. Печ., с. 174 // КСУМ[16–17]); *...для покою людьскаго и* ***горло своє ставиль*** *в руки тиранови идучи* (XVI ст. УЄ № 29519, с. 281 зв. // КСУМ[16–17]); *...хто* ***горло*** *и учтивость свою за якій выступок* ***тратит*** (1605–1606 Перест., с. 42 // КСУМ[16–17]); *…мєнє самог мало* ***ѡ горло нє приправил*** *и в тот час з господы моєє взѧл служєбника моєго Ивана Лидоховског* (ЛЗК, с. 157); *И үєхавши ѡт Луцка мил сєм за сєло кн̃зѧ старосты житомирского үимицу, мєнє самого з возу выкинули* ***под горломъ грозѧчи****, абых ѡт них проч пошол, а сына моєго Василѧ з собою повєзли* (ЛЗК, с. 398); *Потым Скиргайло и Витолт тягнули до Полоцка, которого за малый час добывши сваволных и тых, которыи были причиною той войны, мечем* ***на горлѣ*** *и на маетностех* ***карали*** (ХЛЖ,

с. 66); *...еденъ другого* ***приправилъ ѡ го(р)ло*** (ДДГ, с. 319); *Кгди би синъ або дочка о(т)ца або матку свою умислне з(ъ) якой запамяталости забылъ, и якимъ колвекъ обичаемъ* ***о горло приправилъ****, тогди таковій не толко* ***го(р)ломъ быти каранъ****, але и почтивость и вси име(н)я и маетность тратить* (ДДГ, с. 319).

Частотность употребления и вариантность факультативных компонентов привели к образованию атрибутивно-субстантивной формы фразеологизма, засвидетельствованного в деловой документации Ивана Мазепы: *Теды яко непомалу дивуемся, же такое безправье в той мѣрѣ дѣется, так запобѣгаючи тому, щоб вперед такого в оных лѣсах спустошенъя кгвалтовного не дѣялося, от вас мѣти хочем и под. строгим* ***горловым каранъем*** *приказуем, жебы никто в пречоніи не важился въѣздити и оных вырубовати* (ДІМ, с. 165–166). Приведенные примеры ярко иллюстрируют доминирование в украинском языке XVI–XVIII вв. фразеологических единиц с лексемой *горло*, что, возможно, также несет на себе заметное влияние польской языковой традиции.

Исследуемые памятники свидетельствуют о спорадическом употреблении фразеологических единиц с лексемой *голова*, за которой закрепилось значение символа жизни, существования. В этом смысле компонент *голова* обычно употреблялся в таких сочетаниях: *голова спаде*, *голову покладати*, *головою наложити*. Использование их в текстах семантически обусловлено, поскольку они апеллируют к каждому об осторожности и предусмотрительности, потому что если не быть таким, то в любой момент можно лишиться головы, т.е. погибнуть. В большинстве контекстов эти фразеологические единицы передают желание человека погибнуть за свою веру и Отчизну: *Widzi pan bóg, żem ja najniższym będąc podnóżkiem najjaśniejszego majestatu w. k. m., z dzieciństwa lat moich, urodziwszy się urodzonym Chmielnickim, do tych sędziwych lat moich nie byłem nigdy w żadnej rebeliej przeciwko ś. majestatowi w. k. m., p. m. m. Jakoż znaczy wierna usługa moja jeszcze pospołu sławnej pamięci nieboszczyka rodzica mego, Michała Chmielnickiego, podstarościego czehiryńskiego, który na usłudze ś. pamięci p. ojca w. k. m., jako i wszytkiej Rzplitej, na Cecorze* ***głowę swą położył****: gdzie ja przy nieboszczyku ojcu mym srogie więzienie dwa roki przecierpiałem* (ДБХ, с. 122–123); *Gdyż nie po jedenkroć w. m. p. z nami, ekspedycje odprawowali, tedy z obudwu stron musiała być szkoda nienagrodzona, i teraz, jeżeli w. m. mój m. p. ulitowania nie zażyjesz, każdy przy swojem ubóstwie umrzeć gotów i* ***głowę położyć*** *zechce, bo leda ptaszek gniazda swego, jako może, ochrania* (ДБХ, с. 220).

В украинских и белорусских памятниках письменности фиксируем такие параллели: *Лєдво окомъ мг̃нєшъ, алиж внєтъ* ***голова спадєтъ ...*** (1622 Сак. В., с. 50 // КСУМ[16–17]); *...за што Мы от давних часовъ* ***Головы свои покладаєм****, за вѣру нашу православную, и за цѣлост Домовъ Божиїх* (1648 ЦДІАК 1407, 61, с. 1 // КСУМ[16–17]); *...впрод его милость отецъ Почаповский*

головою наложитъ, *нижели тую церковъ в посессии своее будет мел* (1636 АрхЮЗР 1/VI, с. 728 // КСУМ[16–17]); *Што все Мьстиславъ обѣцал, и* ***голову свою*** *за него* ***положити готов будучи****, и послал до кн̃зя Конрата Мьстиславъ, просячи, абы к нему приѣхалъ* (Соф., Хроніка, с. 324–325); *Индрихъ, послышавши о томъ, выѣхалъ до Вротиславля, ѡсадил Краковъ своими нѣмъцами, которыї ему присягли не подавати Кракова Белеславу и* ***головы свои положити*** *приѣхалъ* (Соф., Хроніка, с. 333); *Отвѣща же ему Владимир и вси з ним князи: «Праведно сие есть, яко за вѣру святую умирающии от бога воздаяние приемлют вѣчное, и мы* ***готовы*** *всѣ на войнѣ той з татарами и* ***головы свои*** *за вѣру святую* ***положити****»* (ХЛЖ, с. 47); *Мы всѣ* ***готовы есмы головы свои положити*** *за тебе и за отчество свое, и ты нас поминати будеш в церквах святых и во книги соборныя впишеши в память грядущим народом». Князь же великий прослезися и рече: «Братия моя, добрии рѣчи ваши, а поневаж на земли почтен естем пред всѣми вами болшею честию, а так того дѣля подобает мнѣ прежде вас за всѣх вас* ***голову положити****, да прежде вас вѣнец от Христа пришму, благая бо приях от господа, злых не могу терпѣти»* (ХЛЖ, с. 55). В некоторых контекстах устойчивые словосочетания с лексемой *голова* дополнительно реализуют семантику жестокости расправы: *И зъехавшыся много лиха хрестяном учынили, не по-хрестиянскии мучыли люди немилостиво, имаючи и запирали у-в ызбах и зажыгали, а иншых людеи под стену* ***головами клали****, ланъцуги великими хоромы подънимаючи, и з заду люди жъгли, а иных жонок и мужыков и малых дѣток на колье тыкали, а иных мук не могли выписати, которые муки хрестяном чынили* (ЛР, с. 158).

В исторических словарях польского, украинского и белорусского языков эти фразеологические единицы кодифицированы со значениями ‘умереть в бою, от несчастного случая и т.п., погибнуть’, ‘отдавать жизнь’: *położyć głowę* (SP VII, с. 415); *głową płacić/zapłacić* (SP VII, с. 415); *głowę podać* (SP VII, с. 415); *pod kose [śmierci] głowę podłożyć* (SP VII, с. 415); *głowę sadzić (dać) [pod miecz]* (SP VII, с. 415); *głowę tracić/stracić (zgubić)* (SP VII, с. 415); *głowy zbyć* (SP VII, с. 416); *головою наложити* (СУМ [16–17] VII, с. 250); *голову сокрушити* (СУМ[16–17] VII, с. 250); *зотерты голову* (СУМ[16–17] VII, с. 250); *на голову вдарити, на голову побити* (СУМ[16–17] VII, с. 251); *погубити голову* (СУМ[16–17] VII, с. 251); *стерти голову* (СУМ[16–17] VII, с. 251); *голову наложити* (ГСБМ VII, с. 36); *голову сложити (положити)* (ГСБМ VII, с. 36); *лечи голове* (ГСБМ VII, с. 36).

Исследуемый микроарсенал фразеологизмов с компонентами *голова*, *горло* семантического ряда ‘умереть’ свидетельствует о почти одинаковом наборе таких устойчивых единиц в польском, украинском и белорусском языках. Фразеологизмы представлены как предложно-именно-глагольными, так и именно-глагольными моделями, где наблюдается прямой и обратный порядок их составных. Активным факультативным компонентом выступает местоимение *свой*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ткаченко, О. Б.* Українсько-польські мовні контакти / О. Б. Ткаченко // Українська мова : енциклопедія / редкол.: В. М. Русанівський, О. О. Тараненко (співголови), М. П. Зяблюк [та ін.]. – Київ : Укр. енцикл. ім. М. П. Бажана, 2007. – С. 770.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / склад Т. І. Блізнюк і інш. ; рэд. А. М. Булыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1986. – Вып. 7. Гляденье – Девичество. – 303 с.

ДБВ – Документи Брацлавського воєводства 1566–1606 років / упоряд. М. Крикун, О. Піддубняк. – Львів, 2008. – 1218 с.

ДБХ – Документи Богдана Хмельницького / упоряд. І. Крип'якевич, І. Бутич. – Київ : Вид-во АН УРСР, 1961. – 739 с.

ДДГ – Ділова документація Гетьманщини XVIII ст.: зб. документів / упоряд., автор передмови та комент. В. Й. Горобець ; відп. ред. Л. А. Дубровіна. – Київ : Наук. думка, 1993. – 392 с.

ДІМ – Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / упоряд. С. О. Павленко. – Київ : Києво-Могилянська академія, 2007. – 1144 с.

КСУМ$^{16–17}$ – Картотека Словника української мови XVI – першої пол. XVII ст. Зберігається у відділі української мови Інституту українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України (м. Львів).

ЛЗК – Луцька замкова книга 1560–1561 рр. / підготували В. М. Мойсієнко, В. В. Поліщук. – Луцьк, 2013. – 733 с.

ЛР – Летопись Рачинского // Пол. собр. русских летописей. – М. : Наука, 1980. – Т. XXXV. – С. 143–172.

Соф., Хроніка – Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх / підготовка тексту до друку, передмова, комент. Ю. А. Мицика, В. М. Кравченка. – Київ : Наук. думка, 1992. – 336 с.

СУМ$^{16–17}$ – Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. – Львів : Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича, 1994–2015. – Вип. 1–17.

ХЛЖ – Хроника Литовская и Жмойтская // Пол. собр. русских летописей. – М. : Наука, 1975. – Т. XXXII. – С. 15–127.

SP – Słownik polszczyzny XVI wieku. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk : IBL, 1972–1973. – T. VI–VII.

The article is devoted to the analysis of phraseological units with the components *голова*, *горло* of the semantic series 'to die' in the Polish, Ukrainian and Belarusian languages of the 16th – 18th cc. The study showed that such stable units function primarily in monuments of business style and historiography.

О. В. Изотова, А. Г. Доморацкая
Минск, МГЛУ

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВСТУПЛЕНИИ В БРАК В ПОСЛОВИЦАХ БЕЛОРУССКОГО И НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье анализируются некоторые культуроспецифичные аспекты вербализации представлений о брачном возрасте и выборе брачного партнера в белорусских и нидерландских пословицах.

Как отмечают многие исследователи, пословицы являются эффективными средствами выявления мировоззренческих императивов носителей коммуникативных культур. С кумулятивной функцией пословицы (отображение, фиксация и сохранение информации о мировоззренческих императивах и ценностях) неразрывно связана ее аксиологическая функция.

Материалом исследования послужили белорусские и нидерландские паремии, отобранные методом специальной выборки из соответствующих паремиологических и лексикографических трудов. Основными источниками исследования стали: «Тлумачальны зборнік прыказак» / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч (Гродна, 2011); «Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы» / склад. Ф. Янкоўскі. 3-е выд., дапрац., дап. (Мінск, 1992); «Прыказкі і прымаўкі» / рэд. А. С. Фядосік (Мінск, 1976); «Spreekwoorden en uitdrukkingen uit de Nederlandse taal» (http://spreekwoorden.nl); Nederlandse spreekwoorden, gezegden en citaten (http://www.spreekwoord.nl).

В статье анализируются две группы паремий, описывающие вступление в брак: паремии-рекомендации относительно выбора будущих супруга/супруги и паремии, отражающие представления о брачном возрасте.

Наиболее многочисленной (из двух вышеназванных) является группа паремий, содержащая рекомендации о выборе супруга/супруги: описывает характеристики и черты, которыми должны обладать парень и девушка, намеревающиеся вступить в брак, обращает внимание на родственников невесты (жениха), личные качества невесты (жениха).

Относительно родственников невесты (жениха) нами были выявлены следующие белорусские пословицы: *Пазірай на матку, а жаніся на яе дзіцятку*; *Выбірай карову па рагам, а дзеўку па радам*; *Якое карэнне, такое насенне*; *Якое дрэва, такі і клін, які бацька, такі і сын*; *Яблыка ад яблыні далёка не адкачваецца*; *Нікада на елі яблака ні ўраджаіцца, а на яблані шышка ўстрічаіцца.*

В нидерландских пословицах прослеживается та же идея: *Wie een huis koopt, ziet de balken; wie een vrouw trouwt, ziet de moeder. – Тот, кто покупает дом, смотрит на балки; а тот, кто женится, смотрит на мать невесты*; *Zo moeder, zo dochter. – Какова мать, такова и дочь; Zo vader, zo zoon. –*

Каков отец, таков и сын; *Blauwe duiven, blauwe jongen. – Каковы голуби, таковы и голубята*; *De appel valt niet ver van de stam. – Яблоко от яблоньки недалеко падает*; *Een appelboom kan geen peren voortbrengen.* – букв. *На яблоне груши не вырастают*; *Het muist wat van de katten komt. – Если коты ловят мышей, то и котята тоже*; *Kwaad ei, kwaad kuiken. – Злое яйцо, злой цыпленок*; *Roeken broeden geen duiven uit. – Вороны не выводят голубят*; *Steelt de vos, dan steelt het vosje ook. – Если крадет лиса, то и лисенок тоже*; *Uilen broeden uilen. = Van uilen komen uilen. – У сов рождаются совята*; *Zo als de ouden zongen, Piepen de jongen. – Дети поют ту же песню, что и их родители.*

Основным принципом выбора жены/мужа, в соответствии с нидерландскими пословицами, считается следующий: *Het 'soort zoekt soort'. = Подобное ищет подобное.*

В паремиологической картине мира белорусов параметры сходства жениха и невесты также имеют чрезвычайно важное значение: *Сваю раўню вазьмі, дык будзе згода*; *Роўны з роўнага цешыцца*; *Некрасівы за красівага не сватаецца*; *Якая песня – такія скокі; якая дзеўка – такія жаніхі.*

Как белорусы, так и голландцы, безусловно, заботились о благополучии будущей семьи: *Нашто замуж пытаеш, калі хаты не маеш?*; *Eerst het kouwtje dan het vrouwtje. – Сначала коровка, затем жена* (Значение: *Je moet pas gaan trouwen als je je vrouw kunt onderhouden. – Сначала следует завести корову (чтобы прокормить семью) и только затем жениться*); *Liefde is als boter; er hoort brood onder. – Любовь как масло, без хлеба не съешь (должен быть еще и хлеб)*; *Als de armoe de deur in komt, vliegt de liefde 't venster uit. – букв. Когда бедность заходит в дверь, любовь вылетает в окно.*

Но богатство не ставилось, тем не менее, выше личностных качеств: *Была б Агата, а будзе хата*; *Багацце нявесты на шчасце не пераробіш*; *За багаццем погонішся – добра не будзе*; *Не з прыданым жыць, а з чалавекам*; *Прападай тое срэбра, калі жыць нядобра.*

Интересно отметить, что пословицы, адресованные невесте, советуют обращать внимание на место проживания жениха: *Не рвіся, дачушка, далёка замуж выйсці*; *Wie ver gaat om te trouwen zal ofwel bedriegen of berdogen worden. – Тот, кто хочет взять невесту издалека, либо сам обманет, либо будет обманут*; его внешний вид*: Ад касавокага, рудога і кульгавага ўцякай, куды від*; внутренние качества: *Trouw naar de oor en niet naar de oog. – Мужа выбирай не глазами, а ушами.* (Толкование: *Als je met iemand wil trouwen, let dan niet alleen op het uiterlijk maar vooral op het innerlijk. – Следует обращать внимание не только на внешность, но и на личные качества потенциального мужа*).

В белорусских пословицах наблюдается совет выходить замуж за менее доминантного мужчину (с мягким, покладистым характером): *Калі мужык шкарпэтка, то за ім жонка, як кветка, калі мужык гах, то жонку бярэ страх.*

Фламандская пословица предупреждает о негативных последствиях брака с рыболовом и охотником: *Vissers en jagers, Zijn vrouwenplagers.* ≈ *Рыбаки и охотники не заботятся о своей семье.* (Значение: *Mannen die graag gaan vissen en jagen, verwaarlozen het gezin*).

Идея, в соответствии с которой потенциальный жених должен обладать в первую очередь навыками земледельца (полевода) и животновода, а не охотника, отражена также в следующих белорусских пословицах: *Не спяшайся, хлопча, вучыцца страляць, а ўмей сеяць, веяць, каваць і гадаваць*; *Стралец страляе, а гаспадарка гуляе.*

Относительно выбора жены нами были выявлены следующие, адресованные женихам, пословицы: *Не шукай красаты, а шукай дабраты*; *Жонку выбірай не вачамі, а вушамі*; *Жонку выбірай і вачыма, і вушыма; З тварам да вянца, а з розумам да канца*; *Харáство прыглéдзіцца, а розум спатрэбіцца*; *Шукай жонку не на йгрышчы, а на ржышчы.* (Значение: *трудовые навыки имеют важное значение*); *Een meid en een aardappel kies je zelf. – Жену и картофель следует выбирать самому; Trouw naar de oor en niet naar de oog. – Жену выбирай не глазами, а ушами.* (Толкование: *Als je met iemand wil trouwen, let dan niet alleen op het uiterlijk maar vooral op het innerlijk. – Следует обращать внимание не только на внешность, но и на внутренние качества потенциальной жены*).

Интересно, тем не менее, отметить, что относительно места проживания невесты белорусские и нидерландские пословицы концептуализируют различные (противоположные по своему значению) идеи: в белорусской паремиологической картине мира – *Бяры здалёку жонку, а кароўку купляй зблізку*, в нидерландской – *Wie ver gaat om te trouwen zal ofwel bedriegen of berdogen worden. – Тот, кто хочет взять невесту издалека, либо сам обманет, либо будет обманут.*

Следующая (рассматриваемая в рамках данной статьи) подгруппа пословиц описывает представления о брачном возрасте. Так, в соответствии с белорусскими паремиями, белорусы придерживались в вопросах брачного возраста золотой середины. С одной стороны, пословицы советуют не торопиться, взвесить все за и против, так как *Ажаніцца – не ўпасці: не ўстанеш, не атрасешся* (таксама *Ажаніцца, як і паміраць, не спяшайся*; *Ажаніцца – не ўпіцца*) и в таком случае *Ажэнішся скора – набярэшся гора.* А с другой стороны, белорусское народно-поэтическое творчество содержит в себе представление о том, что родители должны не слишком поздно выдавать замуж своих дочерей и женить сыновей: *Жні пшанічаньку прызеляненьку(ю), аддавай дачку маладзеньку(ю)* (*Дзеўку аддавай, калі людзі трапляюцца*) альбо *Не будзеш каяцца, рана ўстаўшы і маладым ажаніўшыся* (*Не кайся, рана ўстаўшы і маладым ажаніўшыся*; *Ні ранняй сяўбы, ні маладой жаніцьбы не кайся*).

Отметим, что в брак в Беларуси вступали довольно рано. Так, в 1898 году корреспондент из г. Турова, например, писал: «Шлюбы адбываюцца наогул рана і дзяўчына ідзе замуж у 16 гадоў, хлопец жэніцца – у 18» [1]. 16 и 18 лет – соответственно возраст совершеннолетия, также минимальный брачный возраст для девушки и парня, установленный в 1830 году.

Пословица *«’t is haast getrouwt, dat lange rouwt»* (также *Snel getrouwd, lang berouwd*; *Haast getrouwd, lang berouwd*) (*Ажэнішся скора – набярэшся гора*) также является одной из самых популярных нидерландских пословиц. Однако данная пословица имеет в нидерландском языке еще и дополнительное значение, относящееся к брачному возрасту голландцев – традиционно достаточно высокому. Так, в XVII–XIX вв. голландские мужчины связывали себя узами брака в среднем в 28 лет, голландские женщины – в 25. Более того, голландские девушки считались несовершеннолетними до достижения ими 20 лет, юноши – до 25.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусы / В. К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – Т. 5 : Сям’я. – 375 с.

The article analyses the traditional views on marriage and the way they are verbalized in Belarusian and Dutch proverbs.

Н. А. Каньшина
Минск, УГЗ МЧС Беларуси

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ *ОГОНЬ*
(на материале русского, английского и французского языков)

В статье рассматривается семантическая структура русских, английских и французских фразеологических единиц с компонентом *огонь/fire/feu*. Проведенный сравнительный анализ выявляет не только значительное сходство в семантике и структуре исследуемой группы фразеологических единиц, но и определяет национально-культурные особенности фразеологизмов.

Фразеологический фонд любого языка представляет собой комплексную систему, элементы которой обладают определенными структурно-семантическими свойствами. Семантическая специфика фразеологических единиц наиболее полно раскрывается при сопоставлении различных языков, что обусловливается объективными и субъективными факторами. Объективный фактор заключается в разнообразии природных и культурных реалий, присущих определенному народу и отсутствующих в жизни другого. Субъективный фактор заключается в произвольной избирательности, когда номинация одинаковых объектов реализуется различными способами во фразеологии разных языков.

В рамках данного исследования анализу подвергаются фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом *огонь*/*fire*/*feu* трех разносистемных языков: русского, английского и французского, относящихся к разным языковым группам – славянской, германской и романской.

ФЕ с компонентом *огонь*/*fire*/*feu* были отобраны из толковых, одно- и двуязычных фразеологических словарей [1–5]. Анализ количественных данных свидетельствует о примерно равном распределении фразеологических единиц с обозначенным компонентом в трех языках: русский язык – 34 единицы, английский – 40, французский – 32. Данный факт можно объяснить тем, что огонь в народных представлениях является одним из основных и самых древних парадоксальных явлений мироздания.

В ходе исследования было выявлено, что около половины всех фразеологических единиц, содержащих в своем составе компонент *огонь*/*fire*/*feu*, являются полными либо частичными эквивалентами, т.е. единицами, обладающими не только одинаковой семантикой, но и близкими по структурно-грамматической организации, например:

а) рус.: *нет дыма без огня*; *подливать масло в огонь*;

б) англ.: *Where there's smoke there's fire* букв. 'где есть дым, там – и огонь'; *to add fuel to the fire* букв. 'добавлять масло в огонь';

в) фр.: *il n'y a pas de fumeé sans feu* букв. 'нет дыма без огня'; *mettre de l'huile sur le feu* букв. 'добавлять масло в огонь'.

Одна из причин сходства заключается в семантической природе фразеологизмов, направленной на отображение ряда универсальных явлений. Так, ФЕ – рус.: *играть с огнем*; англ.: *to play with fire* букв. 'играть с огнем'; фр.: *jouer avec le feu* букв. 'играть с огнем' несут в себе представление о том, что огонь – это источник опасности. Действительно, огонь в различных мировых культурах считается не только символом тепла, но и несет угрозу разрушения, беды, гибели:

а) рус.: *бояться как огня* (панически бояться чего-либо или кого-либо); *проходить огнем и мечом* (сжигать, уничтожать);

б) англ.: *fire and brimstone* 'адские муки'; *go through fire and water* 'пройти огонь и воду'; *fire and sword* букв. 'огнем и мечом'(сжигать, уничтожать);

в) фр.: *mettre à feu et à sang* 'разрушить до основания'; *se faire la guerre à feu et à sang* 'враждовать между собой не на жизнь, а на смерть; вредить друг другу всеми средствами'; *craindre comme le feu* 'бояться как огня, панически бояться чего-либо или кого-либо'.

Безвыходное положение во всех трех языках ассоциируется с положением нахождения между двух огней, например, рус.: *быть между двух огней*; англ.: *between two fires*; фр.: *être entre deux feux*.

Однако, несмотря на превалирующее количество примеров с отрицательным значением, ФЕ с положительным значением также имеют место в анализируемых языках.

С древних времен огонь воспевался в мифах и легендах, символизируя творческое начало, стремление к достижению высоких целей. Так, рус.: *прометеев огонь* и англ.: *Promethean fire* обозначают священный огонь, горящий в душе человека, стремление к достижению творческих успехов.

В английском языке встречаются и другие ФЕ со значением «стремление к славе, успеху», например: *set the world on fire* ‘потрясти мир, добиться славы’; *ball of fire* ‘шар огня, не человек, а сгусток энергии; целеустремленный человек’; *set a fire* ‘вдохновлять’.

Значение ‘пылкость, страсть’ также находит свое выражение во всех трех анализируемых языках, однако в английском языке их количество превалирует, например:

а) рус.: *пылать огнем* (в значении любить);

б) англ.: *fire and fury* ‘неистовая страсть, пламенность’; *to blow the fire* ‘разжигать страсть’; *fire in your belly* ‘страстное желание’;

в) фр.: *plein de feu* уст. ‘любовный жар, страсть’.

Разницу в компонентном составе приведенных межъязыковых ФЕ объяснить невозможно. Скорее всего, это обусловливается языковой картиной определенного народа, его менталитетом, спецификой ассоциативных связей, устанавливаемых между объектами и явлениями объективной действительности.

По мнению Е. Ф. Арсентьевой, национально-культурная специфика фразеологических единиц реализуется различными способами [6, с. 64]:

1) в совокупном фразеологическом значении, когда речь идет о лакунарных или безэквивалентных ФЕ, семантика которых раскрывается в другом языке с помощью дескриптивного способа перевода или калькирования: например, рус.: *днем с огнем не сыскать*; англ.: *have too many irons in the fire* (букв. ‘иметь слишком много железных предметов в огне’ или ‘иметь слишком много дел, быть занятым’) и т.п. Яркий фразеологический образ лучше всего передается при калькировании, позволяющем более полно раскрыть национальную специфичность языка-оригинала. Однако данный способ является наименее востребованным способом передачи смысла ФЕ с компонентом *огонь*/*fire*/*feu*, поскольку дословный перевод может привести к неверному пониманию фразеологической единицы, буквализму, например, англ.: *fire and water are good servants but bad masters* букв. ‘огонь и вода – верные слуги, но плохие хозяева’; фр.: *retirer les marrons du feu* (букв. ‘таскать каштаны из огня’, что значит выполнять грязную или опасную работу).

На наш взгляд, комбинированный способ перевода наиболее полно позволяет передать как семантику, так и образность языка-оригинала: англ.: *like a forest fire* букв. ‘как лесной пожар’, т.е. с невероятной быстротой, как лесной пожар (применили калькирование и описание);

2) наличием в составе фразеологических единиц специфических для данного народа слов, представляющих собой обозначения каких-либо реалий, известных только носителям одной или нескольких наций, своеобразные топонимы, антропонимы и гидронимы, характерные для определенной страны, например, рус.: *от копеечной свечи Москва сгорела.*

Национальная особенность английской фразеологической единицы *set the Thames on fire* (букв. ‘поджечь реку Темзу’ или ‘сотворить чудо, сделать невозможное’) создается наличием в составе ФЕ известной реки Темзы. Обычно данный фразеологизм употребляется в шутливо-отрицательном значении.

Интересными примерами в русском и английском языках являются выражения *St. Anthony’s fire* и *Антонов огонь*, состоящие из имени собственного и компонента *огонь/fire*, обозначающие название болезни – гангрены. Этимологическая справка дает нам следующее толкование: данное заболевание связывается с именем святого Антония, мощи которого, по преданию, исцеляли больных гангреной в XI веке.

3) В прямом значении свободного словосочетания, которое было образно переосмыслено. Так, английская ФЕ *soft fire makes sweet malt* букв. ‘слабый огонь варит сладкий солод’, значение которой ‘добрым словом многого добьешься’ берет свое начало от древней традиции приготовления солода на огне, требующей кулинарного мастерства и терпения.

Таким образом, фразеологические единицы, содержащие в своем составе компонент *огонь/fire/feu,* представляют значимый в лингвокультурологическом аспекте пласт русского, английского и французского языков и включают в свой состав как устойчивые обороты-эквиваленты, так и группу ФЕ с ярко выраженной национальной спецификой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеолог. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1997. – 939 с.
2. Большой англо-русский фразеологический словарь : около 20 000 фразеолог. единиц / В. А. Кунин – 6-е изд., испр. – М. : Живой язык, 2005. – 944 с.
3. Новый больший французско-русский фразеологический словарь = Le nouveau grand dictionnaire phraseologique français-russe : более 50 000 выражений / В. Г. Гак [и др.]; под ред. В. Г. Гака. – М. : Рус. яз. : Медиа, 2005. – 1265 с.
4. *Ларионова, Ю. А.* Фразеологический словарь русского языка / Ю. А. Ларионова. – М. : Аделант, 2014. – 512 с.
5. Collins Cobuild Dictionary of Idioms. – Harper Collins Publishers, 2003. – 410 p.
6. *Арсеньева, Е. Ф.* Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте: на материале рус. и англ. яз. / Е. Ф. Арсентьева; Казан. гос. ун-т; науч. ред. Э. А. Балалыкина. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2006. – 172 с.

The article deals with the semantic structure of Russian, English and French phraseological units with the component *fire/fire/feu*. The comparative analysis reveals not only a considerable similarity in the semantics and structure of the group of phraseological units, but also determines the national and cultural peculiarities of phraseological units.

А. С. Мырзагалиева
Уфа, БГПУ им. М. Акмуллы

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ «БОГАТСТВО–БЕДНОСТЬ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале казахских и русских пословиц и поговорок)

В данной статье определение концепта ориентировано на психолингвистическую позицию, где под концептом понимается дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету [1, с. 30]. Концепт тем богаче, чем богаче национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептом.

В последние десятилетия основной целью исследований является определение этноса, культуры нации с помощью языка (Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов, М. В. Никитин, М. С. Милованова, Ю. Н. Караулов, Г. В. Колшанский, А. П. Бабушкин, Е. С. Кубрякова, А. Кайдар, Е. Жанпейсов, Р. Сыздык, Б. Калиев, Н. Уали, Ж. Манкеева, Г. Смагулова, К. Жаманбаева и др.). Точнее, открываются новые направления в рамках антропоцентрической парадигмы в лингвистике носителя языка, который ставит нацию на первое место. В связи с этим в трудах таких молодых ученых, как Л. Х. Самситова, Г. Снасапова, Ш. Елемесова, Ф. Кожахметова, С. Исакова, М. Куштаева, К. Кайырбаева, А. Амирбекова, Ж. Саткенова язык рассматривается как ключ к познанию, проблемы когнитивной лингвистики исследуются в тесной связи с этнолингвистикой, лингвокультурологией, психолингвистикой, социальной лингвистикой. Ввиду этого в последнее время наблюдается увеличение трудов, направленных на обоснованное определение природы *концепта*.

Концепты «богатство»/«байлық», «бедность»/«кедейлік» являются центральными универсальными концептами русской и казахской концептосфер.

В отношении концепта «богатство» было установлено, что богатство в обоих языках представляется как обладание (большим количеством) деньгами, золотом, другими материальными ценностями, и в качестве периферийного приз-нака часто выступает чувство счастья, радости [2, л. 54].

Русские ассоциируют богатство с красотой, изобилием и роскошью (*В роскоши купаться*). У казахского народа никогда не было аскетического отношения к материальному богатству и ценностям. Богатые люди обычно пользовались уважением и авторитетом, считалось что богатый человек может грамотно вести дела, держать хозяйство, породниться с богатым и уважаемым человеком считалось за честь.

В казахской культуре подчеркивается важность трудолюбия и самодисциплины как средства достижения богатства, но вместе с тем осуждается расточительность и роскошь, а отличительной чертой является скрытие своего богатства. Здесь просматривается интересная параллель, вскрывающая парадоксальное отношение русских к богатству: состоятельные люди (но не богатые) склонны прибедняться, а бедные, наоборот, скрывать свою бедность [3, с. 241].

С. Г. Воркачев полагает, что существует «когнитивная память слова» – смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением, национальным менталитетом и системой духовных ценностей носителей языка [4, с. 43]. Выделенные первичные понятийные признаки лексемы *богатство* подтверждают особую роль описываемого концепта в ключе мысли о человеческом благосостоянии.

1. Изначально богатство соотносилось с понятием *достояние, состояние, доля, дающий*.

2. Богатство структурно соответствует латинскому слову *fortunatus* и имеет такие дефиниции, как ‘счастье, судьба’.

3. Богатству противопоставляется бедность.

Анализ этимологических данных лексемы *байлық* приводит к следующим выводам.

1. Первоначальное значение исследуемой лексемы – «бар-имеется, есть». Впервые проблему «богатый – бедный» на уровне общетюркских языков поднял известный востоковед академик А. Н. Самойлович. Он рассматривал данный вопрос не с точки зрения концепта, а в виде оппозиционых лексических единиц. Он исследовал тюркские памятники и пришел к выводу, что слово *бай/байлық* берет свое начало со слов *ба:р ~ бар~вар* и встречается в разных тюркских языках. «Значение “богатый” вытеснило более древние значения или возобладало над ними в раннюю пору феодализма в языках тюркской системы…», – пишет он [5, с. 27].

С. М. Лабазанова так рассуждает по этому поводу: «Таким образом, лексема *бай* в тюркских языках имеет разветвленную семантическую структуру. Появившись в общеалтайскую эпоху, она сохранилась почти во всех тюркских языках. Многообразие значений постепенно угасает с востока на запад. В азербайджанском и турецком языках данная лексема не представлена, в этих языках значение «богатый» передается словами *bahalı* и *zengin*. В монгольских языках имеются следующие соответствия тюркскому *бай*: *bajo* // *баян* «богатый», «богач», в хазарских диалектах *baju*, *баялаг* «богатый», в калмыцком *байн* «богатый», *байн күн* «богач», *байҗх* «богатеть», *байлг* «богатство», «достаток», в бурятском *баян* «богатый», *баялиг* «богатство». Слово *бай* в разных фонетических вариантах известно во всех тунгусо-манчжурских языках, кроме эвенкского: в орочском, удэгейском, ульчском, орокском *байан* «богатый», «богач», нанайском *баjа* «богатый», «богач», в маньчжурском *баjа* «разбогатеть» и *баjан* «богатый», «богач», в эвенкийском *бай* имеет два значения: 1) богатство, 2) богатый, абаян три: 1) богач, 2) богатство, 3) богатый [6, с. 48, 52].

2. В ходе эволюции понятия *бар/имеется*, *есть* превращается в *бай/богатый – байлық/богатство, достаток*, т.е. нечто уже исключительное по важности – благосостояние, счастье.

3. И, наконец, основное значение лексемы *байлық* – ‘дәулетті’ – ‘ауқатты’ – благополучие, благосостояние, влиятельный и т.п.

Можно сказать, что основное значение *богатство – благополучие, счастье* актуально для современного казахского сознания. Значение ‘*бар/имеется*, *есть*’ не стерлось в дефинициях исследуемого понятия с течением времени, богатство ассоциируется со значениями ‘что-то иметь, что-то есть’ и подсознательно к богатству стремятся, его хотят и желают.

Кроме того необходимо отметить то, что объединяет оба концепта в русском и казахском сознании – их принадлежность к божеству. В исследованиях М. М. Маковского говорится, что *богатство* в древности часто уравнивалось с Божеством: типологически ср. рус. *Бог*, но *богатый*; лат. *divus* ‘Бог’, но *divitiae* ‘богатство’; англ. *god* ‘Бог’, но *goods* ‘товар, богатство’ [7, с. 11].

У казахского народа богатые семьи, как правило, желали породниться с равно уважаемыми и богатыми семьями. Размер калыма при сватовстве имел порой ключевое значение в выборе жениха для дочери, да и приданное невесты зачастую не уступало калыму по ценности, что влияло на уважение к молодой невестке в семье жениха. Но при этом считалось и считается что достаток – это благо, даруемое человеку Богом, и важно не забывать, что главное не то, сколько у человека денег, а то насколько мудро, грамотно и справедливо он ими распоряжается. Да, материальное богатство – благо, и оно является защитой семьи от голода, нужды, но не меньшее, а даже большее благо – почет, уважение в обществе, достоинство и здоровье. Согласно мусульманской религии каждый правоверный мусульманин должен помнить: все, что он имеет – это дар и воля Аллаха и где-то рядом всегда есть человек, возможно, испытывающий недостаток в пище, и долгом каждого мусульманина является помощь нуждающемуся. Поэтому существует обязательное ежегодное пожертвование питирсадака в священный месяц Рамазан.

Доминантный образ *богатства* в сознании русских и казахов представлен однородно: *преуспевающий бизнесмен в дорогом костюме, с сигарой, имеющий шикарную машину и огромный дом*. Выделенный образ можно объяснить результатом влияния СМИ и телевидения на сознание людей.

В структуре фреймового образования *богатство* к ядру можно отнести когнитивные признаки, являющиеся общими для сознания представителей русской и казахской нации: *состояние изобилия и достатка*; *наличие отрицательных качеств обладателя богатства*; *материальная и имущественная обеспеченность*. Доминантным для русского сознания признается когнитивный признак *внешнего великолепия и роскоши.*

В казахском языковом сознании когнитивные признаки *беспечный и расточительный образ жизни*; *обладание властью* входят в базовый слой

фрейма *байлық*. Фреймовое наполнение базовой части концепта *богатство* проявляется в таких признаках, как *наличие общечеловеческих ценностей*; *радостные эмоции*; *процветание*; *богатству сопутствует успех.*

К периферии фреймовой модели концепта *богатство* у россиян относятся следующие признаки: *от богатства можно получить удовольствие*; *богатство ассоциируется с властью*; *миллионер – обладатель богатства.*

В казахском языковом сознании к периферии фрейма относятся когнитивные признаки, характерные для представителей казахской нации: *внешнее великолепие*; *наличие общечеловеческих ценностей*; *свобода выбора*; *процветание*; *успешность*; *ведение бизнеса*; *радостные эмоции*; *получение наследства*; *образованность*; *упадок*; *благотворительность.*

Концепт «богатство/байлық» в русском и казахском сознании связан с такими понятиями, как *деньги/ақша*, *процветание/өркендеу*, *изобилие/молшылық*, *фортуна/жолы болғыш*, *роскошный/баршылық*, *богатый/бай*.

Общими признаками номинативного поля «богатство»/«байлық» являются следующие признаки: *наличие материальных средств и собственности*; *богатство может быть выражено многообразием, обилием ресурсов.* Такие концептуальные признаки, как *богатство предполагает обладание человеком высоконравственными, моральными качествами*; *наличие роскоши, красоты* характерны только для номинативного поля русского концепта «богатство». Для номинативного поля концепта «байлық» свойственны признаки: *богатство способствует развитию многофункционального, развитого общества*; *богатство экономически обусловлено.* Помимо этого, у казахского народа всегда было принято помогать родственникам и близким людям по мере возможности. Взаимовыручка и поддержка между родственниками очень характерны для традиционной казахской семьи. Подобное отношение к материальному богатству и бедности нашли свое отражение как в сказках, песнях, так и в многочисленных казахских пословицах и поговорках. Посольку авторами пословиц и поговорок, как правило, являлись выходцы из простого народа, небогатых семей, в мыслях, заключенных в казахских пословицах и поговорках о богатстве и бедности, сообщается о жизненных сложностях, порой нужде и проблемах бедных людей.

В ходе исследования концепта «бедность» в русском сознании при диахроническом анализе семантики ключевой лексемы *бедный* было установлено, что первоначально ядром концепта являлось конкретное понятие, которое может быть определено как *беда* [8, с. 55]. Анализ данных этимологических словарей позволяет выделить первичные признаки.

1. Бедность изначально соотносилось с понятием *беда* – ‘притеснение, гонение’.

2. Слово *бедность* соответствует значению ‘вынужденный подчиниться силе’.

3. Бедность имеет такие дефиниции, как ‘бить, мучить, страдать’.

4. Единица «бедный» соотносится с понятием ‘несчастный’.

При анализе лексемы *кедейлік* в казахском языке следует выделить первичные понятийные признаки.

1. Первоначальное значение исследуемой лексемы – ‘жоқ-нет’.

2. Бедность имеет дефиницию ‘аз алатын адам/мало берущий’, ‘аз табатын/мало получающий’ (*Қазақ сөздігі*).

Анализ первичных понятийных признаков приводит к выводу, что содержание концепта – «бедность, мало получающий» с течением времени становится основным значением лексемы *кедейлік*.

Для русского и казахского сознания когнитивные признаки *отсутствие денежных средств* и *потеря материального состояния* являются доминантными, яркими признаками ядерного слоя концепта «бедность/кедейлік».

С целью выявления основных характеристик лексико-семантического поля концепта «бедность» нами был проведен анализ словарных дефиниций ключевого слова, тезаурусов казахского и русского языка. Номинативное поле концепта «бедность»/«кедейлік» составляет следующие общие признаки: *нищенское материальное состояние человека*; *состояния бедняка, нужды*; *бедность подразумевает состояние убогости/простоты/скудности*; *отсутствие необходимых свойств или желаемых качеств*; *недостаточности содержания чего-либо.*

В работе выделены концептуальные признаки, отражающие национальную специфику номинативного поля концепта *кедейлік* в казахском языке: *может быть социально обусловлена*; *состояние непродуктивности/неплодородности*; *отказ члена религиозного общества от права как личности на свою собственность*; *в состоянии бедности человек испытывает слабость из-за недоедания.*

Для номинативного поля концепта «бедность» в русском языке свойственны следующие признаки: *бедность может быть небогатой по составу*, *средствам выражения*; *бедность может быть однообразной*; *незатейливой*; *неприглядной.*

В языковом сознании носителей русского языка концепт *бедность* представлен 3 словарными значениями: *отсутствие материальных средств*; *необеспеченность основными вещами*; *нужда, ничтожное существование.*

Таким образом в исследовании установлено, что устойчивыми противопоставлениями являются «богатство»–«бедность» в русском языковом сознании, а также противопоставление «байлық»–«кедейлік» в сознании носителей казахского языка. Проведенное исследование подтверждает, что «бедность»–«богатство» являются бинарными оппозициями коллективного сознания обеих наций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Попова, З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток Запад, 2007. – 314 с.

2. *Куцый, С. Б.* Лингвокультурная специфика концептов «богатство» и «бедность» (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.19 / С. Б. Куцый. – Ставрополь, 2003. – 202 л.
3. *Фенько, А. Б.* Люди и деньги : Очерки потребления / А. Б. Фенько. – М. : Класс, 2005. – 416 с.
4. *Воркачёв, С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической проблемы в языкознании / С. Г. Воркчев // Филол. науки. – 2001. – С. 64–72.
5. *Самойлович, А. Н.* «Богатый» и «бедный» в тюркских языках // Изв. Акад. наук СССР. – 1936. – № 4. – С. 25–32.
6. *Лабазанова, С. М.* Общеалтайская лексема бай в кумыкском языке / С. М. Лабазанова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2.
7. *Маковский, М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках / М. М. Маковский // – М. : ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
8. *Стешина, Е. Г.* Фреймовое представление концепта *бедность* в русском и английском коллективном языковом сознании / Е. Г. Стешина // Язык и мышление: Психолог. и лингвист. аспекты : материалы VII Всерос. науч. конф. / отв. ред. проф. А. В. Пузырев. – М. ; Ульяновск : Ин. языкознания РАН ; Ульянов. ун-т, 2008. – С. 54–60.

In this article, the definition of the concept is oriented toward the psycholinguistic position. The richness of the concept depends on the richness of the national, class, professional, family and personal experience of the person using the concept.

Е. В. Романаускас
Минск, МГЛУ

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИХ СЕМАНТИКИ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПЕРЕВОДА

Данная работа посвящена исследованию имен собственных в составе фразеологизмов в аспекте формирования их семантики и возможностей перевода. В составе исследуемых фразеологизмов функционируют как исконно немецкие, так и иноязычные имена собственные. Большинство фразеологизмов с иноязычными именами представляют собой кальку фразеологизмов иностранного языка. Из 188 исследуемых единиц 24 (12,8 %) имеют отмеченные в указанных словарях фразеологические эквиваленты, 12 (6,4 %) – фразеологические аналоги и 57 (30,3 %) – фразеологические соответствия с иной внутренней формой. 95 немецких фразеологизмов (50,5 %) снабжены в данных словарях нефразеологическими соответствиями. Анализ исследуемых единиц и их переводных соответствий позволяет констатировать, что возможности их перевода определяются, прежде всего, этимологическим аспектом.

Фразеологизм – устойчивое по составу и структуре, лексически неделимое и целостное по значению словосочетание естественного языка, выполняющее функцию отдельной лексемы и имеющее значение, которое в целом не является суммой значений входящих в него слов [1, с. 12].

Фразеологизмы выступают как средства образного отражения мира, они вбирают в себя мифологические, религиозные, этические представления народов разных эпох и поколений. Согласно классификации Виктора Владимировича Виноградова, в лингвистике выделяется три основных вида фразеологизмов: фразеологические сочетания, единства и сращения [2, с. 83]. Кроме того, некоторые исследователи выделяют и такие виды фразеологизмов, как устойчивые сравнения, фразеологические выражения и парные сочетания слов [1, с. 35].

В состав фразеологизмов могут входить лексические единицы разнообразной семантики – фаунонимы, соматизмы, единицы других лексико-семантических групп. Достаточно многочисленна в немецком языке и группа фразеологизмов, опорным словом которых является имя собственное.

Имя собственное – это слово или, реже, словосочетание, предназначенное для именования конкретного предмета и выделяющее его из ряда однородных. Под *предметом* в широком смысле при этом понимаются лица, географические и астрономические объекты, предприятия, массмедиа и т.п. Соответственно, среди имен собственных выделяются антропонимы, топонимы, астронимы, зоонимы, фитонимы, идеонимы, этнонимы, хрононимы, и другие [4, с. 358]. Однако из этого множества разновидностей имен собственных в большинстве обнаруженных фразеологизмов отмечены только антропонимы (имена людей), топонимы (имена географических объектов) и два зоонима (кличка собаки и кота). Кроме того, в состав 7 фразеологизмов входят названия исторических событий (*sein Waterloo erleben*), вымышленных событий (*ausgehen wie das Hornberger Schießen*, *wie das Leiden Christi aussehen, wie der Tod von Basel/Warschau/Forscheim aussehen),* знаменитых произведений (*jemandes Evangelium sein*), названия вымышленных праздников (*bis zum Sankt-Nimmerleinstag, bis auf Sankt Nimmerleinstag verschieben)*.

В составе исследуемых фразеологизмов функционируют как исконно немецкие, так и иноязычные имена собственные. Большинство фразеологизмов с иноязычными именами представляют собой кальку фразеологизмов иностранного языка. В основном это библеизмы и устойчивые выражения из мифологии, и, соответственно, кальки греческих или же латинских фразеологизмов.

Цель исследования – выявление наиболее существенных характеристик немецких фразеологизмов с данным компонентом, прежде всего их семантических и этимологических особенностей, а также специфики их перевода на русский язык. Для достижения поставленной цели из словарей немецких фразеологизмов было отобрано 188 единиц. В составе большинства фразеологизмов зафиксированы 2 основных вида имен собственных: антропонимы

и топонимы. Антропонимы представлены именами людей (*seinen Friedrich Wilhelm unter etwas setzen*), фамилиями (*keine Feier ohne Meier*), а также сочетанием имени и фамилии (*nach Adam Riese*). Топонимы более разнообразны по семантике – это названия городов (18 фразеологизмов) (*Ab nach Kassel!*), стран (7 фразеологизмов) (*noch ist Polen nicht verloren*), рек (5 фразеологизмов) (*bis dahin fließt noch viel Wasser den Rhein hinunter*), а также озер и гор. В одном фразеологизме топоним употребляется в переосмысленном значении – как указание на историческое событие, связанное с географическим названием – *sein Waterloo erleben*.

Исследуемые фразеологизмы четко делятся на исконно немецкие и заимствованные. Первые представлены 129 единицами, а вторые – пятьюдесятью девятью. Источниками заимствованных фразеологизмов являются, главным образом, Библия и греческие или римские мифы. Поскольку заимствованиями из тех же источников обогащался и корпус фразеологизмов русского языка, то понятно, что немецкие библеизмы и мифонимы, как правило, имеют в русском языке фразеологические эквиваленты, т.е. фразеологизмы с аналогичной внутренней формой, например: *von Pontius zu Pilatus laufen – ходить от Понтия к Пилату*; *alt wie Methusalem – стар, как Мафусаил*; *den gordischen Knoten zerhauen – разрубить гордиев узел* (смело, решительно и энергично решить сложное дело); *in der Lethe versinken – кануть в Лету* (исчезнуть навсегда, предать забвению). Исконно немецкие фразеологизмы, включающие только немецкие антропонимы и преимущественно немецкие топонимы, по определению не могут иметь фразеологического эквивалента в другом языке. Хотя в специальных словарях и указаны абсолютные фразеологические эквиваленты двух немецких фразеологизмов – *der deutsche Michel – немецкий Михель* и *der blanke Hans – белопенный Ганс* (образное название Северного моря во время шторма), однако они представляют собой скорее авторские кальки и имеют ограниченную сферу употребления. Более распространенным является русское фразеологическое выражение *чего не знал Ванюша, того не будет знать Иван*, представляющее собой продукт доместикации немецкого *was Hänschen nicht lernt, lernt Hans nimmermehr.* В этом случае при полном сохранении семантики и образного содержания фразеологической единицы утрачивается ее национальный колорит.

70 исконно немецких фразеологизмов в двуязычных словарях не зафиксированы, для 24 отмечены нефразеологические аналоги и для 32 – нефразеологические соответствия. Так, фразеологизм *wissen, wo Barthel den Most holt* имеет фразеологический аналог *знать, где раки зимуют*; *die grüne Minna – «черный ворон»*. Примеры нефразеологических соответствий: *jmdm. den Schwarzen Peter zuschieben* – взвалить вину на кого-л.; *nicht zu Schmidtchen gehen, sondern zu Schmidt* – обращаться не к подчиненным, а сразу к шефу. Переводчику важно знать не только значение, но и историю становления фразеологизма. Так, уже не одно десятилетие вводит в ассоциативное заблуждение не только иностранцев, изучающих немецкий язык, но и самих немцев выражение *Mein Name ist Hase, ich weiß von nichts.* Оказывается, заяц (*Hase*)

здесь ни при чем. Кашу два столетия назад заварил студент-юрист Виктор фон Хазе. Он отдал свой студенческий билет знакомому дуэлянту, чтобы тот мог бежать из Германии. После пересечения границы беглец выбросил удостоверение, а нашедший послушно отправил его в университет. Отвечая на допросе, фон Хазе притворялся, что не знает, о чем идет речь, и упрямо твердил одно: «Зовут меня Хазе, на вопросы не отвечаю и ничего не знаю». В конечном итоге выражение закрепилось в немецком языке и активно используется в значении «моя хата с краю, ничего не знаю».

Анализ показал, что для самого факта наличия фразеологического эквивалента, аналога или нефразеологического соответствия не играет роли, называет ли топоним, входящий в состав исконно немецкого фразеологизма, немецкий или же иностранный географический объект. Сравните: *leben wie Gott in Frankreich – жить как у Бога за пазухой,* но *fern von Madrid – далеко от центра событий*.

Таким образом, релевантным для перевода аспектом является не характер имени собственного, а этимология фразеологизма. Если заимствованные фразеологизмы имеют, как правило, абсолютный фразеологический эквивалент, которым переводчик всегда может воспользоваться, то при переводе большинства исконно немецких фразеологизмов ему приходится в подавляющем большинстве случаев (102 из 129) заново решать проблему воспроизведения их значения. Даже выбор зафиксированного в словарях нефразеологического соответствия каждого из 32 таких фразеологизмов не всегда является оптимальным переводческим решением, для 70 же приходится изначально подбирать соответствие самостоятельно. Однако в распоряжении переводчика есть, с одной стороны, словарные дефиниции, с другой – разнообразные переводческие приемы, что позволяет ему оптимально передать значение переводимой единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чернышева, И. И.* Фразеология современного немецкого языка / И. И. Чернышева. – М. : Высш. шк., 1970. – 200 с.
2. *Виноградов, В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М., 1972. – 304 с.
3. *Влахов, С. И.* Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Р. Валент, 2006. – 448 с.
4. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык: энциклопедия / Ю. Н. Караулов. – М. : Большая российская энциклопедия. – Дрофа, 1997. – 703 с.
5. DUDEN. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten / DUDEN. Mannheim Leipzig Wien Zürich: Dudenverlag, 2012. – 928 S.

This work is dedicated to the translation of German idioms that include proper names. The article contains the results of the research on their semantics, etymology and ways of translation according to the sample based on German phraseological dictionaries.

Е. В. Сирота
Бэлць, БГУ имени Алеку Руссо

СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОМ И РУМЫНСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье исследуются семантические особенности соматических фразеологизмов в русском и румынском языках, проводится сопоставительный анализ тематических групп и подгрупп данных фразеологических единиц в обоих языках; выявляются сходства и различия данного пласта русской и румынской фразеологии, позволяющие обнаружить значимые культурные коды, а также специфические особенности, обусловленные историей развития этносов и дифференциацией лексической системы и грамматического строя языков.

Состав фразеологизмов любого языка обладает национально-культурной спецификой. Происхождение и функционирование фразеологических оборотов в рамках социума обусловливается культурой данного общества. Фразеологическая модель национальной языковой картины мира выражает дух народа, его менталитет, отражает культурно-исторический опыт этноса. Н. Караулов утверждает: «…нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [4, с. 7]. Обращение к творцу языка не может быть успешным без рассмотрения соматической лексики. Именно этим объясняется тот факт, что соматизмы всегда находились в центре внимания лингвистов. В рамках антропологической парадигмы ученые стали активно исследовать соматизмы в конце XX в. – начала XXI века, в тот период, когда вопросы глобализаци, интеграции культур обусловили решения проблем межкультурной коммуникации.

Теоретической базой исследования являются работы известных лингвистов, таких, как Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. В. Виноградов, В. П. Жуков, А. И. Молотков, Ю. П. Солодуб, В. Н. Телия, Э. Н. Солодухо, Ю. С. Степанов, Н. Ф. Алефиренко, В. М. Мокиенко. В румынской лингвистике изучению фразеологических оборотов посвящены работы Н. Г. Корлэтяну, А. П. Семашко, В. З. Марина, Р. И. Поповича, Г. Колцуна и др. [8].

Актуальность исследования обусловлена спецификой данных фразеологизмов, неполнотой их изученности в прагматическом аспекте, а также отсутствием работ, посвященных сопоставительному анализу фразеологических оборотов с компонентами-соматизмами в русском и румынском языках. Соматизмы являются древнейшим разрядом лексики, в силу этого обладают значительными возможностями для образования фразеологизмов, которые характеризуются частотностью и многокомпонентностью семантической структуры. Сопоставительное исследование фразеологии русского и румынского языка позволяет выявить значимые культурные коды и символы, акцентирует внимание на специфике культур.

В последнее время заметно оживились исследования, охватывающие изучение системных связей и отношений в области лексики и фразеологии. Вопросам систематизации фразеологии посвящено много исследований. Отмечены системные отношения разных планов, предложены в связи с этим разные классификации фразеологизмов: с точки зрения их структуры, семантической спаянности компонентов, их происхождения, стилистической окрашенности, актуального значения.

Элементы фразеологической системы находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, что обусловлено существованием различных связей и отношений между предметами и явлениями окружающего мира. «Отношения предметов друг к другу, – отмечает Н. И. Кондаков, – исключительно разнообразны: основание и следствие, причина и следствие, часть и целое, отношения между частями внутри целого, подчинение и соподчинение, аргумент и функция, следование во времени и т.д.» [5].

Не ставя перед собой задачи выявить все виды отношений, укажем на некоторые. Так, например, выделяемому в логике отношению равнозначных понятий соответствует отношение синонимии: *голова варит (у кого) – иметь голову на плечах* ‘быть умным, сообразительным’; *сердце кровью обливается (чье, у кого) – сердце перевертывается (у кого, в ком) – сердце разрывается (на части) (чье, у кого)* – ‘невыносимо тяжело от душевной боли за кого-либо’; *распускать язык – давать волю языку* ‘не сдерживаться в своих высказываниях, говорить лишнее’ и др. – в русском языке. В румынской фразеологии – *cap prătrat – cap de bou* ‘глупый человек’, *în patru ochi – ochi în ochi* ‘с глазу на глаз’.

Ясно, что такие отношения существуют прежде всего между теми фразеологическими единицами, которые могут быть объединены в тематические группы на основе общности или сходства тех предметов, процессов и явлений, которые они обозначают и характеризуют. Фразеология охватывает все области, все сферы жизни и деятельности человека, фразеологизмы широко используются для характеристики самого человека. И естественно, что по своей семантике они чрезвычайно разнообразны, так же, как разнообразны и по степени спаянности компонентов.

Термин «соматизм» принадлежит Ф. Вакку, считавшему, что фразеологические обороты, имеющие в своем составе лексемы-названия частей человеческого тела, являются одним из древнейших пластов фразеологии в целом [2, с. 23].

Фразеологизмы с соматическим компонентом отличаются информационной сжатостью в обозначении реалий, содержат не только рациональную, но и эмотивную оценку, выступают в качестве языковых культурных символов. Интересным является утверждение В. В. Красных о том, что соматический код представляет собой один из наиболее древних из существующих кодов культуры. В освоении мира человек совершает путь от самого себя к самому себе [7].

Исследователи А. Д. Козеренко и Г. Е. Крейдлин акцентируют внимание на таком свойстве фразеологических соматизмов: в поверхностной структуре данных фразеологизмов может и не быть обозначения признака соматического объекта или его значения, в смысловой структуре соматизма всегда представлен не сам объект, а некоторый его признак или его значение [5, с. 55].

Фразеологизмы с соматическими компонентами обладают мелиоративной и пейоративной коннотацией.

Мы не ставим своей задачей классифицировать их с точки зрения семантической слитности, наша задача – проанализировать семантические и структурные сходства и различия данного пласта русско-румынской фразеологии: в каком плане отмечается их сходство, в каком – различие.

С этой целью попытаемся прежде всего сгруппировать разнообразные по своей семантике соматические фразеологизмы в тематические группы на основе их актуального значения и проследить их соответствие в румынском языке. Под *тематической группой* понимаем объединение таких фразеологических единиц, «которые в своих значениях имеют одни и те же опорные семы. Сама опорная сема при этом рассматривается как конституирующий признак данного класса» [9, с. 23].

Исследователь Д. З. Арсентьев, анализируя фразеологизмы орловских говоров, выделяет следующие тематические группы: «человек как живое существо», «человек как разумное существо, человек как общественное существо», «абстрактные отношения и понятия», «животный мир», «растительный мир», «неживая природа» [1].

Поскольку тематически соматическая фразеология связана прежде всего с человеком и тем, что вокруг него, с его отношением к окружающим и отношением окружающих к нему, классификация Д. З. Арсентьева оказывается удобной и будет принята нами за основу.

В выборке фразеологизмов русского и румынского языков, осуществленной нами, представлены основные тематические группы: «человек как живое существо», «человек как общественное существо», «человек как разумное существо», «абстрактные отношения и понятия», «растительный мир», «неживая природа».

Необходимо отметить широкое взаимодействие тематических групп. Это объясняется всеобщей взаимосвязью всех предметов, явлений, процессов в окружающем мире, его системным характером. Примером подобного взаимодействия может служить фразеологизм *открывать глаза – a deschide ochi* ‘открывать глаза’: 1) проснуться; 2) родиться, 3) выводить кого-либо из заблуждения, помогать правильно понять истинное положение вещей. Данные русский и румынский фразеологизмы могут быть отнесены и к I группе, и к III группе. Также многозначны и могут рассматриваться в разных тематических группах фразеологизмы *поставить на ноги – a pune în picioare, лезть в глаза – a se bagă în ochii cuiva* и др.

Однако подавляющее большинство фразеологизмов однозначно. Наблюдения над выборкой показывают, что в разных тематических группах выделяются разноязычные фразеологизмы, семантически тождественные или близкие, и фразеологизмы, не имеющие семантических соответствий в другом языке.

В пределах выделяемых групп можно рассмотреть более частные группировки фразеологизмов.

Группа «Человек как живое существо»: 1) внешний вид – *нос не дорос* ‘кто-либо еще слишком молод, чтобы делать что-либо’, в румынском языке эквивалента не имеет; 2) физическое состояние – семантически сближаются фразеологизмы *падать с ног* ‘быть очень усталым’ и *a cadea de pe picioare*, *тугой на ухо* и *a fi fudul de urechi;* не отмечено эквивалента у русских фразеологизмов *клевать носом* ‘опускать голову, забывшись’; 3) физиологические процессы – отмечается семантическое сближение фразеологизмов *протянуть ноги* и *a întinde picioarele*, нет соответствия у фразеологизмов *умереть на руках*, *свернуть себе голову*, *a se usca pe picioare* (букв. сохнуть на ногах) ‘умирать на глазах’; 4) пища – румынское *de-ale gurii* (букв. что-то для рта) ‘еда’, в русском языке фразеологических единиц с таким значением нет; 5) психическое состояние – *под горячую руку* ‘кто-либо возбужден, разгневан’, *a nu vedea înainte ochilor* (букв. не видеть перед глазами) ‘быть очень расстроенным’.

В группе «Человек как разумное существо» выделяются следующие подгруппы: 1) переживания – *сердце кровью обливается* ‘кому-либо невыносимо тяжело от жалости, тоски’ и *îmi sângereaza inima* с тем же значением, *краснеть до ушей* ‘сильно краснеть, смущаться’ *a nu-şi bate capul* (букв. не бить себе голову ‘не беспокоиться’; 2) разум – не имеют эквивалента в румынской фразеологии обороты *каша в голове* ‘путаница в мыслях’, *класть в рот* ‘подробно растолковать’, а русском – *a fi greu la cap* (букв. быть трудным на голову) ‘понимать с трудом’, отмечается сближение семантики: *ломать голову над чем-то* и a-*şi bate capul*, *светлая голова* и *ci cântar la cap* (букв. с весами на голове); 3) способность – *не видеть дальше носа* и *a nu vedea departe de lungul nasului* с тем же значением, нет эквивалента: *ни уха ни рыла* ‘ничего не понимать’, *набивать руку* ‘приобретать умение’; 4) характер, поведение – *дуть в уши* ‘сплетничать, наговаривать на кого-нибудь’, *a-i face inima re cuiva* (букв. делать плохое сердце кому-то) ‘огорчить кого-либо’, семантическое сближение отмечается в следующих случаях: *вынуть сердце* и *a arde inima din cineva* ‘нравственно измучить, вынуть душу’.

В группе «Человек как общественное существо» также можно выделить подгруппы: 1) образ жизни – характерные для русской культуры фразеологизмы *чужими руками жар загребать* ‘пользоваться результатами труда других в корыстных целях’, *жить за чьей-то спиной* ‘пользоваться чьей-либо помощью, заботой’ и характерные для румынской культуры соматизмы

a avea mâna curată ‘быть честным человеком’, *cu mâna lunga* ‘иметь обычай воровать’; 2) взаимоотношения людей – *носить на руках* ‘баловать’, *брать в свои руки* ‘принимать руководство’, *садиться на голову кому-то* ‘подчинять своей воле’, румынское *a da nas cuiva* (букв. дать кому-то нос) ‘позволить кому-то слишком много’; 3) труд – *гнуть спину* ‘трудиться до изнеможения’, *сидеть сложа руки* соотносится с румынским *a sta cu mânile în buzunare* (букв. стоять с руками в карманах) ‘лениться, не работать’; 4) игра – в румынской фразеологии нет семантического соответствия фразеологизму *играть в четыре руки* ‘играть вдвоем’.

В группе «Абстрактные отношения и понятия» выделены следующие семантически подгруппы: 1) пространство, место, положение – *под ухом* ‘близко’, так же и румынское *sub nas* (букв. под носом); 2) качество, свойство – *бить в глаза* ‘быть ярким, привлекать внимание’, *de toata mâna* (букв. всякой руки ‘разного качества, всякие’; 3) количество – *за глаза* ‘с избытком’, *pana peste urechi* ‘очень много чего-либо’.

Группа «Животный мир. Растительный мир» включает только русские соматические фразеологизмы *вороний глаз* и *птичий глаз*. К группе «Неживая природа» можно отнести фразеологизм *тигровый глаз* ‘блестящий минерал золотисто-бурого цвета’.

Семантическое сходство большого числа русских и румынских соматических фразеологизмов свидетельствует об определенной общности ассоциативно-образного мышления носителей языка, наличии общих логико-фразеологических идей. «Поэтому большая часть эквивалентных фразеологических единиц данного типа в сопоставляемых языках могла возникнуть на базе внутриязыковых ресурсов независимо от характера языковых контактов» [3, с. 25].

Как показывает проанализированный материал, семантика соматических фразеологизмов тесно связана с характером и функцией опорного соматизма. Так, фразеологизмы с компонентом «сердце» в основном обозначают все, что связано с чувствами, поведением человека, с компонентом «голова», – характеризуют умственные способности человека, его социальную значимость и т.д.

Таким образом, исследование структурных и семантических соответствий русских и румынских фразеологических оборотов позволяет сделать определенные выводы: наблюдается определенная близость семантики и грамматической организации, выявляется изоморфизм в коннотативной характеристике сопоставляемых фразеологизмов. Но чрезвычайно важно отметить, что румынские фразеологические единицы с соматическим компонентом сохраняют специфические особенности, обусловленные этническими и историческими чертами жизни румынского социума, а также закономерностями развития грамматического строя и лексического состава языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арсентьев, Д. З.* Опыт тематической классификации фразеологических единиц (на материале орловских говоров) / Лексико-фразеологические связи в литературном русском языке и народных говорах. – Курск, 1984. – С. 33–52.
2. *Вакк, Ф.* О соматической фразеологии эстонского языка / Ф. Вакк // Вопросы фразеологии и составления фразеологического словаря. – Баку, 1968. – С. 152–155.
3. *Долгополов, Ю. А.* Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецких языков) : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Казань, 1973. – 27 с.
4. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 263 с.
5. *Козеренко, А.* Фразеологические соматизмы и семантическая концептуализация тела / А. Козеренко, Г. Крейдман // Вопросы языкознания. – 2011. – № 6. – С. 54–66.
6. *Кондаков, Н. И.* Логический словарь / Н. И. Кондаков. – М., 1971. – 721 с.
7. *Красных, В. В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2001. – Вып. 19. – С. 5–19.
8. *Куницкая, Н. В.* Соматические фразеологизмы в современном молдавском языке : дис. … канд. филол. наук / Н. В. Куницкая. – Кишинев, 1985. – 190 л.
9. *Морковкин, В. В.* Опыт идеографического описания лексики / В. В. Морковин. – М., 1977. – 168 с.

The article explores the semantic features of somatic phraseology in Russian and Romanian, comparative analysis of thematic groups and subgroups of these phraseological units in both languages is being done, the similarities and differences in this layer of Russian and Romanian phraseology, which allow to find meaningful cultural codes, are revealed.

Я. А. Тарасюк
Минск, МГЛУ

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДЕТЯХ В БЕЛОРУССКИХ И НИДЕРЛАНДСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

В статье анализируется фрагмент паремиологической картины мира, связанный с некоторыми аспектами и этапами жизни детей (рождением, воспитанием, отношениями «родители – дети»).

Пословицы и поговорки представляют собой богатейший экспрессивно-выразительный пласт языка, веками хранящий в себе народные наблюдения, умозаключения и представления о мире, народе, образе его жизни, традициях и обычаях.

Анализ соответствующих параметров в пословицах белорусской и нидерландской коммуникативных культур выявляет ряд универсальных и культурно-обусловленных особенностей вербализации представлений о детях.

Так, рождение ребенка рассматривается в белорусских пословицах и как благо (*Дзеці маючы, хоць бедна жыву, але весялюся; Многа дзяцей – многа клопату, але і радасці шмат*), и как испытание, например:

Бяда без дзяцей, але ж бяда і з дзецьмі.

Былі недастаткі цераз дзень, а як дзеці пайшлі – дык штодзень.

Даў Бог дзеці, але няма іх дзе падзеці.

В Нидерландах, так же, как и в Беларуси, дети – это и радость, и дополнительные материальные потребности (в обеспечении детей всем необходимым), ср.:

Kinderen zijn een zegen des Heren, maar ze houden de noppen van de kleren. – Дети – дар Божий, но они заставляют потуже затягивать пояса.

Интересно, тем не менее, отметить, что в соответствии с представлениями белорусов, семья с одним-двумя детьми является недостаточно полной:

Адно дзіця – не дзіця, двое дзяцей – палавіна дзіцяці, трое дзяцей – цэлае дзіця.

Адзін сын – не сын, два сыны – паўсына, а толькі тры сыны – сын.

В белорусских пословицах также подчеркивается, что единственный ребенок в семье может не иметь «долі» (счастья):

У каго дочак сем, то ёсць доля ўсем, а ў каго адна – то і тая долі жадна.

У каго сем (сыноў) – і доля ўсем, а ў каго адзін – і той нелюдзім.

Нидерландские пословицы в целом более нейтральны относительно количества детей и содержат общее представление, в соответствии с которым *«дети – дар Божий»* (квантитативные параметры не указаны):

Kinderen zijn een zegen des Heren. – Дети – дар Божий.

Также в белорусской паремиологический картине мира первый ребенок принципиально отличается от последнего: *Першы дзеткі – сакаляткі, а пасляднія – вараняткі.*

Нидерландские пословицы с подобным значением не были нами выявлены.

В целом, в соответствии с народными представлениями, ребенок, с одной стороны, появляется на свет с наследственным набором недостатков (а также, возможно, и достоинств). С другой – личный пример родителей чрезвычайно важен, поэтому:

Якое семя, такое і племя.

Які род, такі і плод.

Яблыка ад яблыні далёка не адкачваецца.

Нікада на елі яблака ні ўраджаіцца, а на яблані шышка ўстрічаіцца.

Een appelboom kan geen peren voortbrengen. – букв. На яблоне груши не вырастают.

Blauweduiven, blauwejongen. – Каковы голуби, таковы и голубята.

De appel smaakt bomig. – У яблока вкус от яблони.

De appel valt niet ver van de stam. – Яблоко от яблоньки недалеко падает.

В соответствии с пословицами, сын часто наследует (копирует) черты своего отца, а дочь – матери, поэтому:

Пазірай на матку, а жаніся на яе дзіцятку.

Wie een huis koopt, ziet de balken; wie een vrouw trouwt, ziet de moeder. – букв. Тот, кто покупает дом, смотрит на балки; а тот, кто женится, смотрит на мать невесты. (Толкование: Vrouwen gaan vaak op hun moeders lijken; kijk daarom naar de moeder. – Женщины часто похожи на своих матерей (часто наследуют черты своей матери); поэтому присмотритесь к матери невесты).

Zo moeder, zo dochter. – Какова мать, такова и дочь.

Якое дрэва, такі і клін, які бацька, такі і сын.

Zo vader, zo zoon. – Каков отец, таков и сын.

За воспитание сына отвечает, таким образом, отец, а за воспитание дочери – мать:

Vlugge moeders, trage dochters! – Быстрые матери, медленные дочери! (Толкование: Een waarschuwing aan de moeder dat ze niet het werk van haar dochters moet doen. – Предупреждение для матери: не следует выполнять всю работу за своих дочерей).

Суровость жизненных условий и строгое воспитание не означали отсутствие любви и привязанности. В пословицах отражается и любовь, и теплота по отношению к детям:

Сваё дзіцятка міла.

Дзіцятка хоць і крыва, ды бацьку з маткай міла.

В нидерландском языке:

Elk meent zijn uil een valk te zijn. – Каждый считает, что его совенок – ястреб. (Толкование: Iedereen denkt dat zijn eigen kinderen de beste van de wereld zijn. – Каждый считает, что его дети самые лучшие).

Elk houdt zijn spreeuw voor een lijster. – Каждый считает своего скворца дроздом. (Толкование: Iedereen denkt dat zijn eigen kinderen de beste van de wereld zijn. – Каждый считает, что его дети самые лучшие).

Mijn kind, schoon kind. ≈ Каждый родитель доволен своим ребенком.

Иногда в белорусских и нидерландских пословицах поднимается тема сиротства или потери одного из родителей:

Няма той крамкі, дзе б прадаваліся родныя мамкі.

Дзядзька не бацька, а цётка не матка.

У каго матка, у таго галоўка гладка.

Stief is nooit lief. – Мачеха никогда не полюбит, как мать.

В связи с укладом жизни мать проводила больше времени с детьми. Ей отводилась особая роль в воспитании детей и жизни семьи:

Пры сонейку цёпла, пры мамцы добра.

Матчыны рукі заўсёды мягкія.

Як памерла матка, дык аслеп і татка.

Beter een rijke vader te verliezen dan een arme moeder. – Лучше потерять богатого отца, чем бедную мать.

Проведенный анализ показывает значительное сходство паремиологического представления о мире у белорусского и нидерландского народов. Обе «картины» пословиц мира имеют в своей основе в значительной степени одинаковое отражение любви к детям, а также мягкое отношение к ним. Сходство белорусской и нидерландской картины мира в аспекте пословиц может быть обусловлено общими закономерностями развития человеческого общества, а различия – проявлением национального «взгляда на вещи», что объясняется социально-историческими причинами.

The article analyses the traditional views on bringing up children and the way they are verbalized in Belarusian and Dutch proverbs.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

Ю. В. Бекреева
Минск, МГЛУ

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ «СУБЪЕКТ-ДЕЙСТВИЕ» В ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассматривается проблема семантической репрезентации субъекта в структуре значения динамического глагола в английском и русском языках. Содержание компонента «субъект» определяется на основе системно-функционального принципа. Структура компонента представлена прототипической моделью, что обусловливает отсутствие жесткого ограничения на сочетаемость глагола-предиката с субъектным актантом. Особенностью конкретизации субъекта на уровне глагольного значения является закрепление определенного образа типичного исполнителя через сему прототипического субъекта и/или включение функционально релевантных признаков атрибутного типа, отражающих психофизические особенности субъекта. Соответственно, в русском и английском глагольном лексиконе выделяются две группы субъектных динамических глаголов: глаголы с субъект-прототипом и глаголы с субъект-атрибутом. В английском языке отдельной подгруппой выделены глаголы с внешним субъект-прототипом, производные по конверсии от наименований субъекта.

В объективной действительности действие не существует как изолированное нечто и осуществляется как функция субъекта. Обозначение действия, процесса в пространственно-временном континууме является частеречной особенностью глагола, поэтому актуальным нам представляется обнаружение концептуальной связи «субъект – действие» на уровне глагольной лексики, в частности, в значениях динамических глаголов, которые составляют ее центральный пласт. Изучение влияния на семантику динамического глагола непроцессуальных признаков, отражающих субъект как неизменного участника ситуации изменения и преобразования действительности, вносит определенный вклад в развитие вербоцентрической теории. В рамках данной теории значение глагола представляет собой «свернутое предложение» – вербализованную когнитивную структуру пропозиционального типа с профилированным процессуальным компонентом [1, с. 340; 2, с. 76; 3, с. 250]. На функциональном уровне данная структура получает развернутое, конкретизированное воплощение. Признаки субъекта, встроенные в структуру значения динамического глагола, обеспечивают синтагматические связи подлежащего и сказуемого в предложении.

Проблема взаимосвязи «субъект – действие» достаточно активно разрабатывается в области семантического синтаксиса и функциональной грамматики. Вместе с тем в научной литературе нет единой методики определения в лексическом значении глагола непроцессуальных компонентов, которые соответствуют элементам семантической структуры глагольного предложения. На примере компонента «субъект» мы предлагаем комплексный, системно-функциональный подход к решению данной проблемы. Сущность систем-

ного принципа определения субъектного компонента заключается в том, что в семантической структуре глагола устанавливаются дифференциальные признаки, определяющие субъект в обозначаемой динамической ситуации действия. Функциональный принцип состоит в том, что в сочетаниях глагола с именами в роли субъекта выделяются актуализированные субъектные признаки, которые обеспечивают синтагматическую (предикативную) связь в предложении-высказывании. Степень релевантности субъектного семантического признака на уровне функционирования глагольной лексемы определяется частотой его актуализации в субъектно-предикатных синтагмах. Применение двухаспектного принципа позволяет установить коммуникативно значимые относительно устойчивые семантические признаки, которые составляют содержание компонента «субъект» в структуре глагольного значения.

Рассматривая проблему репрезентации субъекта, мы затрагиваем актуальный вопрос о статусе сем субъекта в иерархии компонентов значения динамического глагола. Одни исследователи полагают, что семы субъекта относятся к инкорпорированным актантам [4; 5; 6], другие включают их в разряд валентностных сем [7, с. 40–42; 8]; третьи рассматривают семы субъекта с точки зрения коннотации и импликации [9]. В теории семантической валентности мы находим ряд идей, которые, на наш взгляд, требуется развивать в контексте когнитивного подхода к языковым явлениям. В частности, не раз высказывалась мысль о том, что глагольное значение может детерминировать семантическую категорию и референциальные свойства имен, которые заполняют валентностную позицию субъекта [1, с. 89; 9, с. 119; 10; 11, с. 11].

Определение категории субъекта по глагольному значению представлено в ролевой семантике в качестве тета-ролей (тематических ролей) [12; 13, с. 52–55]. Действительно, опираясь на лексическое значение глагола, можно установить функциональную категорию субъекта, например: *дарит даритель*, *получает получатель* (бенефактив в английской терминологии), *действует деятель* (агенс в узком понимании) и т.д. [12, с. 58]. Выделение тематических классов субъекта направлено на изучение значений имен, которые могут выступать в функции агенса. Идея идентификации субъекта в рамках собственно глагольного значения не получила должного развития в данной концепции.

Большинством исследователей признается ограничительный характер семы субъекта в значении глагола. Знаковой в данном вопросе является диссертационное исследование О. А. Михайловой, в которой семы конкретного субъекта рассматриваются как особый тип лимитирующих компонентов значения [14]. Лимитирующая сема субъекта в данной концепции открывает субъектную валентность глагола, ограничивая его денотативное поле и, соответственно, его сочетаемость с именами в позиции субъекта. О. А. Михайлова распределяет глаголы русского языка по референтно-отражательным классам субъекта: «Человек» (*жениться* – «о мужчине»), «Живой мир» (*порхать* – «о птицах», *жалить* – «о пчеле», *мычать* – «о корове», *колоситься* – «о пшенице»), «Неживой мир» (*барахлить* – «о механизмах», *литься* – «о жидкости»,

тормозить – «о транспортном средстве», *топиться* – «о печке»). По данным системы лимитирующих сем выстраивается «очеловеченная» модель наивной картины мира, подтверждая, таким образом, антропоцентрический характер категории «субъект».

Обращает на себя внимание тот факт, что субъектно-предикатные сочетания являются свободными. Глаголы с конкретизированной семой субъекта сочетаются с левосторонними актантами, которые принадлежат разным семантическим классам. Например, глаголы, обозначающие звукопроизводство животных, сочетаются с именами людей, объектов и абстрактных сущностей. Следовательно, положение об ограничительном характере субъектных сем требует пересмотра. Представить новое обоснование фактам включения субъектных сем в состав глагольного значения позволило обращение к теории прототипов, которая опирается на результаты психологических и психолингвистических экспериментов.

Проведя анализ структуры субъектных конкретизаторов (о ком-то, о чем-то) на материале глагольной лексики английского языка и сопоставив полученные данные с материалом русской глагольной лексики из исследования О. А. Михайловой, мы пришли к выводу о ***прототипической организации субъектного компонента*** в глагольном значении. Данный вывод подтверждают обнаруженные «эффекты прототипичности» в представлении информации о субъекте: употребление классообразующего имени для обозначения субъектного компонента; различение естественных классов при определении субъекта; отсутствие четких границ при определении круга возможных субъектов (частотные пометы *especially*, *usually*, *особенно*, *часто*, *обычно*); наличие равновозможных вариантов спецификации субъекта (пометы *или, и др., и т.д. etc. and the like);* регулярное указание на типичный субъект из ряда возможных исполнителей действия.

Представление субъекта в глагольном значении через указание на прототипический субъект «допускает вариативность и возможность неполного удовлетворения... заданных в прототипе критериев» [15, с. 30–31]. Выделенная сема прототипического субъекта в дефинициях модели «о ком-либо, о чем-либо» является сложным семантическим микрокомпонентом. С одной стороны, она представляет образ типичного исполнителя действия и относится, таким образом, к денотативному типу смысловых элементов значения. С другой стороны, сема прототипического субъекта подлежит разложению на ряд прототипически значимых семантических признаков, включая признак категориальной принадлежности и признаки, отражающие характерные физические и/или психические свойства субъекта. В данном случае раскрывается ее аналитическая (сигнификативная) часть. Например, в значении глагола *strut* ‘идти с важным, напыщенным видом’ присутствует сема «peacock» ‘павлин’. При мысленном представлении ситуации движения воспроизводится образ движущегося павлина: распущенный хвост, покачивание из стороны в сторону, высоко поднятая голова. При воспроизведении глагола

strut образ прототипического субъекта транспонируется на исполнителя движения, который может и не относиться к категориальному классу «птица». При этом субъект в действии наделяется определенными характеристиками, «объясняющими» способ его движения: «напыщенный», «важный», «надменный», «эффектный».

Образно-аналитический характер семы прототипического субъекта обусловливает специфику включения субъектного актанта в состав значения глагола: ***прототипический субъект не инкорпорирован в семантической структуре глагола в полном объеме своего содержания.*** В значении глагола закреплены лишь некоторые функционально значимые признаки, выделяемые на основе подобия с образом прототипического субъекта в ситуации действия. Образный характер семы прототипического субъекта подчеркивается ассоциативной связью семантического содержания и формы глагола. Особый способ представления субъекта в значении глагола реализуется на функциональном уровне в регулярной метафоризации субъектно-предикатной синтагмы.

Спецификой прототипического представления субъекта в английском языке является деривационная взаимосвязь субъекта-прототипа и производного глагола в конверсивных парах, например, *a doctor* ‘врач’– *to doctor* ‘лечить’, *a fox* ‘лиса’– *to fox* ‘хитрить’. В русском языке глаголы с подобной мотивационной связью «субъект-действие» относятся преимущественно к разговорной лексике: *собачиться, шоферить, врачевать*. При этом представление о субъекте внутри семантической структуры глагольного значения осуществляется атрибутным способом по характеризующему признаку. Например, *собачиться* (о ком-то злом, как собака).

При ***атрибутном способе*** в значении глагола содержатся атрибутные семантические признаки, конкретизирующие субъект по его категориальной принадлежности (например, «человек», «животное», «природное явление») и/или по его психофизическим характеристикам (например, «большой», «длинный», «злой»). Исследование позволило выявить данный способ представления субъекта в значении глаголов, не связанных деривационными отношениями. Данная группа глаголов включает номинации узкой семантики, определяющие манеру или способ действия и действия, производимые определенной частью тела. (*limp* и *хромать*, *murmur* и *ворчать*, *assail* и *набрасываться* и др.).

Подводя итог, отметим, что субъектные динамические глаголы в русском и английском языках деляться на две группы по способу представления субъекта в глагольном значении – прототипному и атрибутному. В английском языке группа глаголов с прототипным способом репрезентации субъекта включает подгруппу ***глаголов с внутренним субъект-прототипом***, в значении которых субъект определен по модели «о ком-либо, о чем-либо» (например, *bark* ‘лаять (о собаке)’, *gallop* ‘мчаться (о лошади)’), и подгруппу ***глаголов с внешним субъект-прототипом***, производных от имен деятеля

(например, *to dog* ‘преследовать (как пес)’, *to pilot* ‘пилотировать’). Прототипный способ конкретизации субъекта глаголов с внешним субъект-прототипом отличается тем, что образ прототипического субъекта закреплен в морфологической форме глагола и в структуре глагольного значения представлен семантическими признаками атрибутного типа, которые отражают функциональное подобие с субъектом-прототипом. Группа ***глаголов с субъект-атрибутом*** включает номинации, в которых связь «субъект-действие» выражена через импликацию отдельных семантических признаков, отражающих психофизические особенности субъекта и обусловливающие особый способ исполнения обозначенного действия (например, «агрессивный» в значении *assail* ‘атаковать’ или «старый, слабый» в значении *totter* ‘ковылять’). Данная группа глаголов относится к периферии лексико-семантического поля субъектных глаголов, представленных в системе как русского, так и английского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова, Н. Д.* Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 384 с.
2. *Болдырев, Н. Н.* Категориальное значение глагола: системный и функциональный аспекты / Н. Н. Болдырев. – 2-е изд. – СПб. : URSS, 2009. – 165 с.
3. *Теньер, Л.* Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 653 с.
4. *Анохина, М. А.* Семантическая инкорпорация как один из способов реализации когнитивной модели глагола (на материале английского языка) / М. А. Анохина // Ползуновский вестн. – 2006. – № 3. – С. 73–82.
5. *Мерзлякова, Л. В.* Семантическая структура глаголов современного английского языка с инкорпорированными актантами : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. В. Мерзлякова. – Ленинград, 1986. – 177 л.
6. *Сентенберг, И. В.* Динамический аспект лексической семантики английского глагола : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.04 / И. В. Сентенберг. – Волгоград, 1991. – 387 л.
7. *Васильев, Л. М.* Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – М. : Высш. шк., 1981. – 184 с.
8. *Гак, В. Г.* Номинация действия / В. Г. Гак // Логический анализ языка: Модели действия : сб. ст. / ред.-сост. Н. Д. Арутюнова. – М., 1992. – С. 77–83.
9. *Уфимцева, А. А.* Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики) / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 239 с.
10. *Кацнельсон, С. Д.* К понятию типов валентности / С. Д. Кацнельсон // Вопр. языкознания. – 1977. – № 2. – С. 20–23.
11. *Кузнецова, Э. В.* Лексико-семантические группы глаголов и семантические модели предложения / Э. В. Кузнецова // Классы глаголов в функциональном аспекте : сб. науч. тр. / отв. ред. Э. В. Кузнецова [и др.]. – Свердловск, 1986. – С. 4–18.

12. *Апресян, Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1967. – 252 с.
13. *Падучева, Е. В.* Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 608 с.
14. *Михайлова, О. А.* Ограничения в лексической семантике русского слова : дис. …д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. А. Михайлова. – Екатеринбург, 1998. – 270 л.
15. *Филлмор, Ч.* Об организации семантической информации в словаре / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. 14 : Проблемы и методы лексикографии. – С. 52–92.

The article focuses on the problem of subject representation in the meaning of English and Russian dynamic verbs. Two ways of representation are distinguished – through a prototype subject incorporated in a concrete seme and through attributive characteristics of a subject presented as differential semantic features. In the English lexicon a special group of verbs, derived from names of a doer, is singled out as verbs with outer subject prototype.

Z. G. Borbély
Budapest, Balassi Institute

MEANS OF CONVEYING ENGLISH PASSIVE STRUCTURES INTO HUNGARIAN

Рассматриваются способы передачи английских пассивных конструкций на венгерский язык, в котором отсутствует понятие «страдательный залог». Такие способы предполагают использование бессубъектных структур венгерского языка, включающих причастие в функции обстоятельства и вспомогательный глагол. Приводятся примеры бессубъектных структур на венгерском языке.

Ways of conveying English passive structures into Hungarian is an actual problem in the translation process when we face English texts. Interpreting is a huge industry, texts should be consequent and correctly translated, and the interpreters need exact rules to follow, what makes the work efficient and economical.

But there are two main reasons, why it is worth to talk about passive in Hungarian: on the one hand, there is the expectation of quality work by interpreting, and on the other hand, it is a necessity in every language to use impersonal constructions if the speaker wants to stress the object of the action, and not the doer. And here arises a problem as Hungarian does not have the notion of a passive voice

In general, how is it possible to avoid specifying the agent? There are two main opportunities to do that (table 1).

Table 1

Means of specifying the agent in English

Impersonal structures	Passive voice
• General agent: Sg2, Pl1, Pl3 • By-phrase • Impersonal passive	• Past participle • Thematic rules: actual agent – actual object/thematic agent – thematic patient

As you see, if I mention passive voice, I am talking about constructions where Past participle appears and the grammatical object and the grammatical subject change their places, but the thematic roles remain. For example: *The teacher gave a book to all of us. → We were all given a book by the teacher.*

If we consider Hungarian, there is no passive voice where Past participle appears, there is no active-passive system, there could not be appropriate transformation. But there are some possibilities to interpret the English/Indo-European passive (table 2).

Table 2

Means of specifying agentless structures in Hungarian

Impersonal	Passive: morphological and syntactical
• General agent: Sg3, Pl1, Pl2, Pl3 *Mindenki követ el hibát. We all make mistakes.* *Elvitték minden pénzemet. They took all my money.* *Sosem tudhatjuk…You can never know…* • Infinitive *Dohányozni tilos. Smoking is forbidden.* • Medial *Sötétedik. It is getting dark.*	*The problem is being solved.* • -atik/-etik, -tatik/-tetik *A probléma megoldatik.* • -ódik/-ődik *A probléma megoldódik.* • Adverbial participle *A probléma meg van oldva.*

As can be seen from table 2, there are many ways for conveying the English passive into Hungarian. I would like to present the last one on that list above, the most interesting, the most problematic and the most creative one: The adverbial participle with the auxiliary verb *to be.*

This construction has been judged as Germanism, at the end of the 19th century. However, it cannot be true, because it is made of the adverbial participle, not of the past participle. It must be an original Hungarian or Finno-Ugric construction, because it can be found by the Hanti and Mansi, who are our closest relatives [1]. It occurs in the correspondence and in the oeuvre of the greatest Hungarian writer, who also defended it in several articles.

We are insecure using it, because it was marked as wrong, and in the last 150 years it was pursued in the school and culture – more or less.

Linguists have been dealing with it from time to time and it was an agreement that this construction can be used to describe states [2]. But this is not working, because some versions answer the question: *What happened?* [3].

For the same reason, linguists made up the rule, that only adverbial participles made of transitive verbs can be used creating this construction. But it is also not working, because there are some common exceptions when the base is an intransitive verb: for example, when the so called passive structure has some more exact meaning than the corresponding active phrase. Consider the examples:

Elutaztam. "I was travelling."

*El **vagyok** utaz**va**. "I am away."*

This second variant with an adverbial participle and auxiliary verb implies that I am still not at home at the moment of the talking.

This 'more exact' meaning can be the key to using the structure, although it is still hard to identify and to give an exact rule to the speakers. There are interesting semantic options to find something grammatical and ungrammatical [4; 5].

- When we speak about an actual thing, this phrases are correct:

*A könyv el **van** olvas**va**. "The book has been read."*

- When it is not an actual thing, the phrase can be false:

A történet el **van olvas**va**. "The story has been read."*

- When the object is completely destroyed this construction cannot be used:

A lufi ki **van lyukad**va**. *"The balloon is holed.", "There is a hole in the balloon."*

- When the object is just damaged, the construction is perfect:

*A zokni ki **van** lyukad**va**. *"The socks are holed." "The socks are tattered."*

It is worth researching this construction, it has great potential in expressing ourselves and also in interpreting foreign languages. It can be used to convey the different aspects in verb pairs in English, like: *get arrested – has been arrested*, or *get married – has been married*, and it is perfect to convey the two different passive voices in German, 'Zustandspassive' (state passive) and 'Vorgangspassive' (process passive).

The Hungarian language generally focuses on the result of an action and not its temporal procession. There is a telic-atelic opposition instead of a perfect-imperfect [6]. That is the reason for this adverbial construction, and that is why we can use it very well, but not only for describing states.

The problem with this construction propounds two main questions:

- What kind of linguistic would we like to have? Prescriptive linguistics, which gives us rules and strict orders, however this can be false and can lead to autocracy and damage in the language, or just descriptive linguistics, which is only observing the language without giving guidelines to keep our lingual culture. Where is the ideal balance between the two approaches?
- The other question is set up from the teacher's view: if this construction means so much trouble, in which form and on what level should I teach it to my students?

LITERATURE

1. *Szepesy*, *Gy*. Nyelvi babonák / Gy. Szepesy. – Gondolat Kiadó, 1986. – C. 20–57.
2. *Grétsy*, *L*. Nyelvművelő Kézikönyv I / L. Gretsy, M. Kovalovszky. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1983. – 820.o.
3. *Kiefer*, *F*. Jelentéselmélet / F. Kiefler. – Corvina Kiadó. – C. 210–212.
4. *Alberti*, *G*. Passzivizálási művelet a magyarban / G. Alberti // Büky L., Maleczki M. Néprajz és Nyelvtudomány XXXVII. Acta Universitas Szegediensis de Attila József Nominatae. Sectio Ethnografica et Linguistica. – Szeged, 1996. – C. 7–46. – 34.o.
5. *Kertész*, *J*. Eseményszerkezet, aspektus, mondatszerkezet. Szakdolgozat / J. Kertész. – ELTE BTK : 2005.
6. *Szili*, *K*. A perfektivitás mibenlétéről a magyar nyelvben a *meg* igekötő funkciói kapcsán / K. Szili // Magyar Nyelv. – 2001. – 268.o.

This article tries to answer the question of how it is possible to interpret the English and Indo-European passive constructions into Hungarian – although there is no active-passive correlation. The basic idea is to introduce the non-agent structures of Hungarian, focusing on the adverbial participle with the auxiliary verb *van*. Examples of the agentless sentences in Hungarian are given and the selected construction is considered in the historical frame.

В. М. Гапеева
Мінск, МДЛУ

СЕМАНТЫКА І ПРАГМАТЫКА ВЫКЛІЧНІКАЎ У КАНТРАСТЫЎНЫМ АСПЕКЦЕ: ДА ПЫТАННЯ КЛАСІФІКАЦЫІ

В работе рассматриваются подходы белорусских и зарубежных лингвистов к проблеме междометий с точки зрения выделения их как класса и дальнейших классификаций. Автор сравнивает таксономические основания различных авторов и дает им критическую оценку. Особое внимание уделено группам, базирующимся на семантическом критерии, и, в частности, волеизъявительным интеръективам. Также автор рассматривает междометия как особый феномен, где соприкасаются семантика и прагматика, актуализируя проблематику сосуществования и разграничения семантического и прагматического значений языковых единиц.

Знаходзячыся на перыферыі тыповых граматычных класаў і валодаючы размытай і залежнай ад кантэксту семантыкай, выклічнікі утвараюць асаблівы клас, скаладанасць і нявызначанасць якога спараджае актыўнасць навуковай думкі і разгортвае новыя магчымыя ракурсы і падыходы да лінгвістычных адзінак. Выклічнікі выступаюць тым феноменам, які, сярод іншага, выяўляе вастрыню семантыка-прагматычнага падзелу, калі значэнне прысутнічае як такое і не залежыць (або залежыць не цалкам) ад кантэксту і калі яно з'яўляецца вынікам ўжывання адзінкі ў пэўным кантэксце. «Аспекты мовы, якія кантэкстуальна звязаныя, з'яўляюцца такім чынам не пытаннем значэння, але ўжывання/узуса» [1, p. 76]. А. Вежбіцкая адзначае,

што выклічнікі моўна рэлевантныя і базуюцца на «культурна-спецыфічных умоўнасцях, а не на ўніверсальных “законах прыроды” або прынамсі на камбінацыі гэтых феноменаў» [2, p. 286].

Згодна з вызначэннем, да выклічнікаў адносяцца словы, якія фактычна служаць сігналамі пачуццяў і волевыяўленняў чалавека, не называючы іх: *угу, гайда, каравул, ах, вох, авохці мне, кыш* [3, с. 528]. У беларускім акадэмічным падыходзе да выклічнікаў адзначаюцца наступныя рысы:

– яны не называюць пачуццяў і волевыяўленняў, а служаць іх сігналамі;

– значэнне раскрываецца ў кантэксце або/і пры дапамозе інтанацыі: *Ой, якая прыгажосць!* (замілаванне, радасць); *Ой, ты ўжо прыйшоў?!* (нечаканая падзея);

– не маюць намінатыўнага значэння;

– не выконваюць у сказе ролі членаў сказу і службовай ролі;

– нязменныя, марфемна непадзельныя;

– ім не ўласцівыя марфалагічныя катэгорыі [4, с. 208].

Нягледзячы на той факт, што выклічнікі не маюць намінатыўнага значэння і не выконваюць ні сінтаксічную, ні службовую ролю, яны фіксуюцца лексікаграфічнымі крыніцамі, дзе атрымліваюць адпаведнае тлумачэнне. Некаторыя аўтары прапануюць трактаваць семантыку інтэр’ектываў як працэсуальную, а не канцэптуальную. «Адзінкі з працэсуальным значэннем пазначаюць нешта пра кантэкст, якім выказванні з гэтымі адзінкамі мусяць быць апрацаваныя. Яны скіроўваюць слухача да задуманых кантэкстуальных эфектаў і такім чынам змяншаюць высілкі, неабходныя для апрацоўкі дыскурсу» [5, p. 104]. Такім чынам, выклічнікі ў нечым набліжаюцца да дэйктычных знакаў у семантычным плане.

У акадэмічных граматыках беларускай мовы фіксуецца некалькі класіфікацый, большасць з якіх падзяляе выклічнікі:

1) паводле значэння/семантыкі;

2) структуры/спосабу ўтварэння;

3) паходжання [4, с. 208].

Для нашага даследавання рэлевантным выступае семантычны крытэрый, таму спынімся падрабязней на разглядзе гэтай групы.

Граматыка беларускай мовы за 1962 год вылучае дзве асноўныя групы: эмацыянальныя выклічнікі і выклічнікі волевыяўлення [3, с. 530], называючы першую групу буйнейшай і падзяляючы яе на дзве падгрупы, тую, што ўключае пачуцці моўцы (страх, захапленне, абурэнне, недавер і інш.), і тую, што выражае ацэнку. Заўважаецца, што пачуцці і ацэнка могуць быць станоўчымі і адмоўнымі. На аснове гэтага прапануюцца 4 падгрупы, выклічнікі, якія выражаюць:

а) пачуццё радасці і станоўчую ацэнку факта;

б) цяжкія перажыванні і адмоўную ацэнку факта;

в) адмоўную характарыстыку з’яў;

г) адносіны да сваёй або чужой думкі [3, с. 531].

На наш погляд, такая класіфікацыя носіць даволі суб'ектыўны характар і не карэлюе з апісанымі вышэй тэарэтычнымі палажэннямі. Падгрупа (в) не мае «візаві» з процілеглым значэннем. Падгрупа (г) базуецца на аб'екце ў дачыненні да якога выказваюцца адносіны, прычым не відавочна, чым выклікана вылучэнне менавіта гэтай групы аб'екта (*думка*), а не іншай, напрыклад, дзеянне.

Пабуджальна-валявыя (выклічнікі волевыяўлення) характарызуюцца большай канкрэтнасцю значэння, меншай мнагазначнасцю і адноснай інтанацыйнай беднасцю.

1. Выклічнікі закліку, вокліку, звароту, запрашэння (*гэй! э!*), падзыванне хатніх жывёл (*ціп-ціп*).

2. Выклічнікі загаду, забароны, якія могуць абазначаць:

2.1. Патрабаванне маўчаць (*цыц, ша*);

2.2. Загад спыніць або працягваць дзеянне (*стоп, марш, майна*);

2.3. Пабуджэнне жывёл да дзеяння (*тпру, апсік, ату*).

3. Выклічнікі прывітання, ветлівасці, падзякі (*дабранач, калі ласка*) [3, с. 532].

Граматыка беларускай мовы за 1985 г. прыводзіць наступную класіфікацыю:

1.Эмацыянальныя выклічнікі – выражаюць пачуцці і эмацыянальную ацэнку.

1.1. Станоўчая ацэнка, захапленне, радасць і інш. (*брава, ура, эх*);

1.2. Адмоўная ацэнка, асуджэнне і г.д. (*на табе, цьфу*).

2. Волевыяўленчыя выклічнікі – выражаюць валявыя імкненні асобы ў адносінах да чалавека/жывых істот:

2.1. Просьба, загад спыніць ці пачаць дзеянне;

2.2. Патрабаванне цішыні, увагі;

2.3. Просьба ратунку;

2.4. Падкліканне ці адгон жывёл (*кось-кось, апсік*).

3. Выклічнікі этыкету – служаць для выражэння прывітання, развітання, падзякі, прабачэння, ветлівага звароту (*здароў, дзякуй, прабачце*) [4, с. 208–209].

Волевыяўленчыя выклічнікі ў класіфікацыі беларускага даследчыка П. Шубы размяркоўваюцца наступным чынам:

1. Выклічнікі, якія служаць для звяртання ўвагі суразмоўцы (выклічнікі-заклікі): *гэй, ау, гвалт, ратуйце*;

2. Выклічнікі, якія выражаюць патрабаванне захоўваць цішыню, прыпыніць размову, якое-небудзь дзеянне: *цсс! Цыц*!;

3. Выклічнікі, якія выражаюць загад, каманду: *марш, стоп*;

4. Выклічнікі-выгукі, якія дапамагаюць рэгуляваць намаганні пры калектыўнай працы: *яшчэ раз*!;

5. Выклічнікі, якія заспакойваюць, закалыхваюць дзіця: *баю-бай*;

6. Выклічнікі, якімі ўздзейнічаюць на паводзіны жывёл: *но, кусі, ату* [6, с. 314].

Будуючы функцыянальна-семантычнае і марфалагічнае поле, Г. Зур ставіць апелятыўна-пабуджальныя і імператыўныя інтэр'ектывы на перыферыю ядра [7, с. 242, 247], што зноў жа дэманструе неадназначнасць у разгля-

дзе выклічнікаў, т.б., якія з іх лічыць прататыпічнымі, а якія – маргінальнымі. Але з той прычыны, што аўтарка не прыводзіць прыкладаў і не дае вызначэнняў, якія інтэр'ектывы выступаюць пад тэрмінам «імператыўныя» і «апеляцыйна-пабуджальныя», а якія атрымліваюць назву «эмацыйныя», цяжка меркаваць пра заканамернасць такога падзелу. Таксама ўзнікае пытанне, «чаму выражэнне эмоцыі лічыцца больш прататыпічнай характарыстыкай за апеляцыю ці пабуджэнне?».

Такім чынам, у беларускім мовазнаўстве волевыяўленчыя выклічнікі фіксуюцца пад назвай *імператыўныя*, *пабуджальна-валявыя* і *апеляцыйна-пабуджальныя*.

У замежным мовазнаўстве падыходы да разгляду інтэр'ектываў таксама адзначаны неаднастайнасцю. А. Вежбіцкая, асноўваючыся на ментальным стане/дзеянні, вылучае эмацыйныя (маюць у сваім значэнні кампанент «я адчуваю»), валітыўныя (маюць у сваім значэнні кампанент «я хачу нешта» і не маюць кампанента «я адчуваю») і кагнітыўныя («я думаю нешта» або «я ведаю нешта») інтэр'ектывы. Аднак такі падзел не можа лічыцца строгім з прычыны цеснай семантычнай сувязі паміж выклічнікамі розных тыпаў [2, P. 291]. Валітыўныя выклічнікі даследчыца прапануе падзяляць на 2 асноўныя класы:

1) невялікі клас выклічнікаў, якія скіраваныя да жывёл і маюць формулу «я хачу, каб нехта падышоў да мяне». Адрозненні палягаюць толькі ў адрасаце;

2) большы клас выклічнікаў, якія скіраваныя да чалавека і маюць абагульняючую формулу «я (не) хачу, каб нехта гэта зрабіў зараз», дзе можна вылучыць наступныя падтыпы:

– група «я хачу цішыні»;
– група «я не хачу, каб нехта быў тут»;
– група «я хачу, каб нехта скочыў»;
– група пабуджэння;
– група «камунікацыя на адлегласці»;
– група «я даю нешта камусьці» [2, с. 293].

Даследчык Ф. Амека на аснове выконваемай камунікатыўнай функцыі і значэння, якое яны выражаюць, вылучае наступныя групы выклічнікаў:

– Экспрэсіўныя (сюды ўключаюцца эмацыйныя і кагнітыўныя), якія факусуюцца на стане моўцы: *Yuk! Wow!*;

– Канатыўныя, якія акцэнтуюцца на жаданнях моўцы. Яны скіраваныя на прыцягненне ўвагі суразмоўцы або патрабуюць дзеяння ці адказу ад кагосьці па жаданні моўцы. Падзыванні жывёл таксама адносяцца сюды;

– Фатычныя выклічнікі, якія служаць для усталявання кантакту: *mhm, uh-huh, yeah* [8, p. 113].

Пры разглядзе выклічнікаў праблемным бачыцца пытанне гукапераймальных словаў, хаця ў беларускай традыцыі падыход даволі адназначны і не праблематызуецца, «ад выклічнікаў трэба адрозніваць гукапераймальныя словы» [4, с. 209]. А. Вежбіцкая адзначае, аднак, што польскае *hop* можа ўжывацца апісальна, як слова, якое прадстаўляе скок, і як пабуджэнне каго-небудзь да скоку [2, с. 209].

Большасць прааналізаваных класіфікацый размяжоўваюць эмацыйныя/экспрэсіўныя і валітыўныя/канатыўныя выклічнікі. Фатычныя выклічнікі або формулы этыкету не заўсёды вылучаюцца ў асобную групу.

Семантычна інтэр'ектывы – гэта выражэнні ментальнага стану моўцы або яго стаўлення, пачуццяў да сітуацыі, яны арыентаваныя на першую асобу, цяперашні час і набліжаюцца па сваёй функцыі да сказа. Прагматычна выклічнікі кантэкстуальна звязаныя і выражаюць стаўленне моўцы або камунікатыўныя інтэнцыі, якія стасуюцца з адпаведным дыскурсам.

ЛІТАРАТУРА

1. *Nordgren, L.* Greek Interjections: Syntax, Semantics and Pragmatics / L. Nordgren. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2015. – 270 p.
2. *Wierzbicka*, *A.* Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction / A. Wierzbicka. – Berlin : New York : Mouton de Gruyter, 1991. – 502 p.
3. Граматыка беларускай мовы: у 2 т. – Мінск : Акадэмія навук БССР, 1962. – Т. 1. – 535 с.
4. Беларуская граматыка: у 2 ч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – Ч. 1: Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. – 431 с.
5. *Bezuidenhout, A.* Procedural Meaning and the Semantics / Pragmatics Interface / A. Bezuidenhout // The Semantics/Pragmatics Distinction; ed. C. Bianchi. – University of Chicago Press, 2004. – P. 101–131.
6. *Шуба, П. П.* Сучасная беларуская мова. Марфаналогія. Марфалогія / П. П. Шуба. – Мінск : Універсітэцкае, 1987. – с. 334.
7. *Зур, Г.* Інтэр'ектыўныя выказванні беларускай мовы ў аспекце тэорыі поля / *Г. Зур* // Acta Albaruthenica. – Warszawa, 2013. – Т. 13. – С. 235–248.
8. *Ameka, F.* Introduction. Interjections: The universal yet neglected part of speech / F. Ameka // Journal of Pragmatics. – 1992. – No.18. – P. 101–l18.

The paper examines the approaches of Belarusian and foreign linguists to the problem of interjections. Special attention is paid to groups based on semantic criteria and, in particular, to volitive/conative interjections. The author also considers interjections as a special phenomenon where semantics and pragmatics meet, actualizing the problem of coexistence and distinction between semantic and pragmatic meanings in language units.

Я. С. Детскина
Минск, МГЛУ

СТРУКТУРНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ АНГЛИЙСКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ИМЕННЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются структурные соответствия английских синтаксических моделей именных словосочетаний в русском языке. Анализ английских именных словосочетаний и их русских переводов выполнен на материале английских художественных произведений и их переводов на русский язык.

Интерес к теоретическим и практическим исследованиям по проблемам словосочетаний в целом и именных словосочетаний в частности значительно возрос в последнее время. Это объясняется, прежде всего, новыми возможностями изучения именных словосочетаний, связанными с достижениями в области автоматической переработки текста.

Хотя основной лексической единицей языка является слово, но одно слово не может раскрыть всей глубины языка, поэтому оно соединяется с другими словами, конструкциями, образуя словосочетания и предложения, из которых строится текст. В настоящее время не существует общепринятого определения этой синтаксической единицы, а также есть серьезные расхождения в ее трактовке в отечественной лингвистике и за рубежом. В английском языке множество видов словосочетаний. Поэтому так сложно выявить конечное количество структур, чтобы охватить все возможные варианты сочетания слов в словосочетании.

Материалом для анализа послужили 200 англоязычных именных словосочетаний и их переводы на русский язык. Анализ был выполнен на материале художественных произведений таких авторов, как О. Уайльд, Дж. Лондон, Дж. Оруэлл и других, их переводов на русский язык.

В результате проведенного лингвистического анализа мы установили, что именные словосочетания могут иметь достаточно большое количество разнообразных структур (было выявлено 28 различных структурных типов именных словосочетаний). Наиболее частотными являются двусоставные именные словосочетания, среди которых самой употребительной является конструкция «A+N».

В ходе анализа перевода именных словосочетаний с английского языка на русский были выявлены структурные соответствия англоязычных словосочетаний, образующих соответствующие модели в русском языке. Сравнительный анализ структур именных словосочетаний показал, что для большинства моделей англоязычных словосочетаний существует однозначное соответствие их структур в русском языке. Но, несмотря на наличие соответствий, для большинства синтаксических моделей существует несколько структурных типов перевода. Полученные данные были сведены в таблицу (таблица, фрагмент).

Наличие большого количества вариантов перевода англоязычных именных словосочетаний потребовало выявления формальных признаков, которые обусловливают выбор соответствующей структуры русского перевода для каждой из выделенных базовых синтаксических моделей. В результате проведенного анализа установлено, что такими признаками в большинстве случаев являются несоответствия частей речи в английском и русском языках, а также наличие в английском языке конструкций, которые не характерны для русского языка или вовсе не существуют в русском языке.

Таблица

Англоязычные синтаксические модели и их переводы на русский язык (фрагмент)

№ п/п	Английские синтаксические модели, их примеры	Структурные типы русских переводов, их примеры
1	A+N[1] *Little hand*	1. A+N Маленькая ручка
	The usual corruption	2. N Обычай
	Old Scrooge	3. N+N Старик Скрудж
	Gentle water	4. A+N+N (Р.п.) Тихий всплеск воды
	Providential nature	5. A Счастливый
	Gradual process	6. Adv Постепенно
	Considerable eminence	7. Adv+A+N Довольно высокий холм
2	PII+N *Shut eyes*	1. PII+N Закрытые глаза
	Grown woman	2. A+N Взрослая женщина
	Pretended indifference	3. PI+N Притворное равнодушие
3	D+N *Many years*	1. Num+N Много лет
	Any trees	2. N Деревья
	All the spiders	3. Pron+N Все пауки
	Such circumstances	4. A+N Подобные обстоятельства
	Many times	5. Adv Часто

[1] В работе используются следующие обозначения:
- N – существительное;
- A – прилагательное;
- D – определяющее слово;
- PII – причастие прошедшего времени;
- PI – причастие настоящего времени;
- Num – числительное;
- G – притяжательный падеж;
- Pron – местоимение;
- Adv – наречие.

Окончание таблицы

4	Num+N *One movement*	1. Num+N Одно движение
	A hundred times	2. Adv Постоянно
5	PI+N *The hunting maser*	1. PI+N Охотничий маузер
	Publishing house	2. N Издательство
6	G+N *Joseph's story*	1. N2+N1 (Р.п.) Рассказ Джозефа
	Planet's star	2. N+и+N Планеты и светила
7	A+A+N *Small dump cell*	1. A+A+N Маленькая сырая камера

The article considers the structural congruence of English noun phrases with their Russian equivalents. The analysis of English and Russian syntactic word phrases has been carried out on the material of English works of fiction and their translations into Russian.

Н. В. Зиневич
Минск, МГЛУ

РОЛЬ ОБОБЩАЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена рассмотрению интенциональности как уникальной категории, предопределяющей специфику актуализации не только других дискурсивных категорий, но и дискурса в целом. Следовательно, на формирование и реализацию различных типов дискурса также влияют соответствующие интенции (целеустановки) автора. Так, все характеристики научной речи подчиняются ее основным целеустановкам – сообщению нового научного знания и убеждению читателя в правомерности передаваемой информации. Предопределяющая роль интенциональности в англо- и белорусскоязычном научном дискурсе показывается на примере ее связи с реализацией категории автора в научных обобщающих высказываниях.

Главной особенностью лингвистических разработок последнего времени является кардинальная смена парадигм, для которой характерно смещение исследовательских приоритетов с сугубо структурного анализа языковых явлений к их рассмотрению с позиций прагматики, а именно с учетом широкого экстралингвистического контекста. При этом в качестве основных факторов речевой деятельности выделяются *субъект речи, адресат*, а также *ситуация общения*. Тем самым во главу угла ставится антропоцентрический подход, согласно которому участники коммуникативного процесса и специфика их взаимодействия предопределяют все аспекты речевого произведения.

При всей важности трех основных прагматических факторов (адресант, адресат, ситуация), нельзя не признать, что именно автор задает все основные координаты сообщения: коммуникативную цель, то или иное воздействие на адресата, логику изложения и средства языковой реализации своих интенций. В связи с этим закономерно повышенное внимание исследователей к специфике проявления авторского начала в речевой деятельности. В частности, различные характеристики отправителя сообщения учитываются при разработке таких текстовых категорий, как *собственно категория автора, авторизация, субъект речи, оценочность, эмоциональность, субъектность, модальность, модус, интенциональность* и др.

При этом одной из основных среди категорией, ориентированных на репрезентацию позиции автора, признается *интенциональность* – «свойство текста эксплицировать комплексом средств целевую установку субъекта речи, а именно его намерение образовать тематически целостное, связное, прагматически определенное речевое произведение» [1]. Фундаментальный характер интенциональности подтверждается тем фактом, что целенаправленная активность сознания субъекта речи, его доминирующие интенции (намерения) являются «мотивационно-смысловыми детерминантами, определяющими направленность, содержание и структуру речевой деятельности, без которых невозможно полноценное ее изучение» [2, с. 52]. Тем самым интенциональность как глобальная целеустановка автора предопределяет все основные характеристики текста (дискурса) – его семантическую структуру, коммуникативные стратегии, категории, языковые средства и т.д. [3].

Очевидно, что различные типы дискурсов отличаются в плане доминирующих авторских интенций, что, в свою очередь, сказывается на тех или иных особенностях языкового выражения. Целью данной работы является установление специфики реализации категории интенциональности в научном дискурсе. Для данного дискурса традиционно выделяются такие целеустановки, как:

– доказательство гипотезы, создание новых концептов, открытие внутренних законов существования, развития и отношений между изучаемыми феноменами (И. Р. Гальперин);

– сообщение точных сведений из какой-либо специальной области и закрепление процесса познания (И. В. Арнольд).

Как видно, исследователи сходятся в том, что при создании научного текста автор руководствуется такой глобальной целью, как *информирование о научно новом знании*. Кроме того, прагматический ракурс исследований последнего времени предполагает учет воздействующего потенциала научных произведений, что вытекает в анализ целеустановок *экспертной оценки информации* и *убеждения читателя в правомерности сообщаемой информации* (И. С. Бедрина, Е. В. Хомутова).

Проследим, как вышеотмеченные интенции создателя научного произведения влияют на специфику выражения одной из конститутивных категорий дискурса – категории автора.

При традиционном анализе авторского начала в научном тексте утверждалось, что в целях максимальной объективности в представлении результатов исследования и повышения его доказательной силы проявление позиции адресанта практически сводится к нулю. Считалось, что за счет смещения личности автора и его эмоций на задний план в фокус выходит непосредственно процесс научного поиска и его актуализации. «Основной особенностью текстов научного стиля и сегодня еще считается отсутствие всякой субъективности, эмоциональности, которая объясняется предназначенностью научных текстов для передачи объективной, как бы обезличенной, информации о природе, человеке и обществе» [4, с. 79].

В соответствии с целью максимальной объективности среди типичных языковых средств научного текста отмечаются абстрактная лексика, номинализованные выражения, обобщенно-личные (*Разгледзім…*), безличные конструкции (*Неабходна заўважыць, што …*), а также страдательные (пассивные) обороты (*It is suggested in the paper …* ‘В статье предлагается…’) и др. Что же касается случаев использования авторского *мы,* то и оно подчиняется закону «научного обезличивания», указывая скорее не на конкретного субъекта речи (автора), а на количественно неопределенное научное сообщество, членами которого являются и автор, и его аудитория. Таким образом, общепринятое видение категории автора в научном тексте полностью согласуется с основной из традиционно выделяемых интенций научного произведения, а именно объективным и беспристрастным сообщением нового научного знания.

Вместе с тем последние исследования научного дискурса убедительно показали, что категория автора в нем всегда так или иначе представлена (Н. К. Рябцева, Е. И. Варгина, Е. А. Баженова и др.). И если позиция ранних исследователей была оправдана в плане необходимости устранения из языка науки эмоционально-субъективных признаков, то другие формы проявления авторской личности оставались по большому счету незамеченными.

Так, для выявления различных аспектов выражения категории автора в научном тексте Н. К. Рябцева предлагает использовать теорию ментальных модусов. Согласно данной теории, предназначение модуса заключается в экспликации отношения субъекта речи к самому сообщению (диктуму) и «придании ему необходимой эпистемической определенности» [5]. Исследователь предлагает оригинальную типологию ментальных модусов, включающую следующие разновидности:

– интенсиональную (экспликация позиции автора, напр. *Я думаю, что …*);

– интенциональную (цель действий субъекта, напр. *Цель состоит в том…*);

– операциональную (выполнение того или иного действия, напр. *Рассмотрим …*),

– коммуникативную (собственно метатекст, напр. *Выше отмечалось, что …*) (Рябцева).

Таким образом, на современном этапе автору научного произведения не только не отказывается в присутствии, но и постулируется его осново-

полагающее влияние на формирование специфики соответствующего дискурса. Кроме того, субъект-ориентированный ракурс исследования, по-видимому, более точно отражает интенциональную природу научной речи. Тем самым в отличие от традиционной позиции, делающей основной акцент на цели *сообщения информации*, современные исследования полнее вскрывают такие глобальные целеустановки научного дискурса, как *экспертная оценка знания* и *убеждение адресата в правомерности сообщаемого*.

Проанализируем на конкретном языковом материале способы экспликации авторской позиции в научном дискурсе, проследив их зависимость от соответствующих данному дискурсу целеустановок. В качестве объекта исследования предлагается использовать *обобщающие высказывания выводного характера*, которые выводятся непосредственно из поверхностно-языкового представления предшествующего обобщаемого текста, представляя собой результат перехода от некоторой совокупности высказываний частного порядка к более общему. Целесообразность анализа выводных обобщений в языке науки связана с их высокой значимостью в данной области, что объясняется фундаментальным статусом обобщения как одной из важнейших системообразующих характеристик научного дискурса [6]. Поэтому в рамках работы выводные обобщения будут рассматриваться как «миниатюрные слепки» научного текста, обладающий всеми его конститутивными характеристиками.

Также несомненный интерес представляет сопоставление авторских интенций со средствами их языковой реализации в различных лингвокультурах, что может пролить свет на универсальное и специфическое в механизмах объективации ментальных процессов. В рамках данной работы анализироваться будут англо- и белорусскоязычные научные обобщающие высказывания.

В качестве отправного пункта исследования использовалась вышерассмотренная концепция ментальных модусов, предложенная Н. К. Рябцевой. Однако данная концепция была уточнена и дополнена в целях более точного освещения различных нюансов в вербализации речемыслительной деятельности адресанта научного текста в конкретных типах высказываний (обобщениях).

Таким образом, в зависимости от отражения в семантике модуса того или иного аспекта научного процесса предлагается выделять следующие группы модусов (в квадратных скобках указана употребительность в англо- и белорусскоязычных обобщающих высказываниях соответственно):

1) модусы познания – наблюдение (*we have seen that; як бачым*) по 5 %; ход рассуждения (*first*; *у сваю чаргу*) – 7 % и 4 %; открытие нового знания (*the study found that*; *як было высветлена*) – 19 % и 17 %; вывод (*thus*; *такім чынам*) – 26 % и 37 %;

2) коммуникативные модусы – обобщающий повтор (*in other words*; *інакш кажучы*) – 3 % и 4 %; резюмирование (*in sum*; *у цэлым*) – 8 % и 2 %; передача полученных знаний реципиенту (*we claim that; трэба адзначыць, што*) – 9 % и 8 %;

3) модусы мнения (оценка; ракурс рассмотрения объекта (*to treat as*; *разглядаць як*) – 12 % и 20 %; степень достоверности сообщаемого (*clearly*; *відавочна*) – 11 % и 3 %.

Контрастивный анализ англо- и белорусскоязычных научных текстов показал, что модусы присутствуют в 91 % и 90 % обобщающих высказываний соответственно. Это говорит, во-первых, о высокой частотности данных единиц в обеих лингвокультурах, а, во-вторых, о значимости проявления категории автора в научном дискурсе в целом.

При этом наиболее употребительными в обобщениях на обоих языках являются *модусы вывода*, что закономерно подчеркивает семантику и функциональное назначение выводных обобщений.

В то же время дальнейший анализ показал существенные расхождения в использовании некоторых других разновидностей модусов. Так, привлекает внимание достаточно низкая употребительность модуса резюмирования в белорусском языке, что, по-видимому, находится в некотором диссонансе с коммуникативной целью обобщающих высказываний – кратком подведении итогов сказанного ранее. Вместе с тем акцент на модусах резюмирования и фиксации хода рассуждения в английском языке подтверждает тезис о несколько большем внимании к форме и вопросам организации текста в англоязычной лингвокультуре и, как результат, его большей ориентированности на удовлетворение потребностей адресата. Также в англоязычном научном дискурсе заметна тенденция более свободного высказывания ученым собственного мнения.

Возвратимся к соотнесению целевых установок научного произведения с его языковым наполнением. Анализ проявлений категории автора в выводных обобщениях доказывает, что средства ее реализации напрямую обусловлены глобальными интенциями научного дискурса. Так, цель *сообщения научно нового знания* находит эксплицитную реализацию в коммуникативных модусах. Что касается цели *убеждения*, то она достигается активным использованием всего репертуара ментальных модусов, поскольку они играют важную роль не только в донесении авторской позиции, но и структурировании информации. Последний момент особенно важен в научной коммуникации, поскольку четкая организация сообщения является одним из важнейших факторов, обеспечивающих адекватное восприятие и принятие авторских идей. Тем самым ментальные модусы выполняют роль «опорных сигналов», помогающих адресату проследить за ходом рассуждения автора, убедиться в объективности анализа и легче сориентироваться в тексте, в результате чего осуществляется функция убеждения в правомерности представленных выводов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что категория интенциональности является ведущей среди других субъект-ориентированных дискурсивных категорий, поскольку предопределяет их конкретные реализации в различных типах институционального дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кулько, О. И.* Интенциональность как категория летописного текста : на материале Галицко-Волынской летописи : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / О. И. Кулько. – Волгоград, 2002. – 198 л.
2. *Дускаева, Л. Р.* Интенциональность и модализация медиатекста в контексте культуры / Л. Р. Дускаева, Т. И. Краснова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3 (49). – С. 51–57.
3. *Карпилович, Т. П.* Способы языковой реализации интенциональности в проблемном медиадискурсе / Т. П. Карпилович // Контрастивные исследования: текст, предложение, слово : сб. науч. ст. / редкол.: Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2017. – С. 27–33.
4. *Ионова, С. В.* Эмотивность текстов научного стиля / С. В. Ионова // Лингвистическая мозаика. Наблюдения, поиски, открытия : сб. науч. тр. / Волгоград. гос. ун-т; под ред. Т. Н. Астафуровой. – Волгоград, 2001. – Вып. 2. – С. 80–90.
5. *Рябцева, Н. К.* Ментальный модус: от лексики к грамматике / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Ментальные действия : сб. науч. ст. / Ин-т языкознания РАН; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – М. : Наука, 1993. – С. 51–57.
6. *Горский, Д. П.* Обобщение и познание / Д. П. Горский. – М. : Мысль, 1985. – 208 с.

The paper looks into the effect the category of intentionality has on all the aspects of scientific discourse. Among other things, it has been found out that scholars' major intentions – those of imparting original scientific knowledge and convincing the reader of the legitimacy of the author's conception – play a significant role in shaping the discourse category of author.

Н. А. Копачева
Минск, МГЛУ

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются некоторые аспекты сопоставления форм порядка синтаксических языковых единиц на основе функционального подхода.

Теоретической базой функционального подхода является понимание языка как динамической системы, которая находится в постоянном движении и развитии. При системном подходе к анализу языковых данных во главу угла ставится изучение их функционального назначения. При этом функция рассматривается как феномен относительный, определяемый системой языка: с одной стороны, она определяется внутри этой системы, а, с другой, реализуется в конкретных коммуникативных актах [1].

Следовательно, в основные задачи «функционального подхода к анализу единиц языка может быть включено изучение изменений их системных, структурных и прагматических характеристик как всего высказывания, так и его составляющих» [2, с. 201].

Функция языковой единицы представляет собой свойственную ей способность к выполнению определенного назначения в речи. Ориентация данного подхода на общение, коммуникацию обусловливает ведущую роль синтаксиса как системы, интегрирующей все другие уровни – фонетический, морфологический, лексический. В современном английском языке, в связи со способностью языковых единиц к функциональной переориентации, особенно важен синтаксический контекст с позиции адекватности понимания предлагаемой информации.

Попытаемся проиллюстрировать это на функционировании форм порядка языковых единиц на уровне словосочетания и предложения в английском языке в сопоставлении с русским. В лингвистике существуют несколько направлений сопоставительного описания: одно из них – от форм, лексических и/или морфологических, как составляющих словосочетание и предложение, к их значению. Второе направление – от значения словосочетания и предложения к их лексическим и морфологическим составляющим. В сопоставительном синтаксисе названные подходы взаимодействуют друг с другом, но наиболее приемлемым, на наш взгляд, является принцип описания языков от семантики к формальным средствам выражения. Следовательно, ономасиологический подход сопоставления синтаксических единиц от семантики предложения как сложной единицы к его разноуровневым компонентам основывается на типологии предложения в сопоставляемых языках.

Выявление позиционных возможностей и ограничений в использовании синтаксических элементов составляет одну из важнейших задач функционального синтаксиса. Как, справедливо, утверждает В. Е. Шевякова, не может быть предложения без определенного, свойственного данному языку, словопорядка. По ее мнению, основной трудностью выявления закономерностей словопорядка в том или ином языке является степень взаимоотношения его грамматической организации и коммуникативной перспективы, т.е. основных функций порядка слов [3]. На синтаксическом уровне типологически релевантным является функционирование форм порядка слов в английском и русском языках, поскольку в английском языке формы порядка отражаются в позиционных характеристиках языковых элементов и выполняют определенные функции. Под функцией порядка слов мы понимаем его роль в передаче определенного значения и интенции говорящего в процессе коммуникации. Формы и функции порядка слов взаимосвязаны. Подтверждением этому могут служить английские словосочетания, состоящие из двух существительных. Известно, что в английском языке отсутствуют морфологические показатели синтаксической функции компонентов в словосочетании. Следствием этого является то, что позиция существительного в общем

падеже имеет решающее значение при определении его синтаксической функции. Существительное, стоящее перед другим существительным, выполняет функцию определения. От перемены мест меняется синтаксическая функция существительного и, как результат, значение всего словосочетания. Например, *flower garden* – ‘цветник’, *garden flower* – ‘садовый цветок’ [6, с. 53]. В английском языке существуют случаи употребления трех и даже четырех существительных подряд в линейной позиции в предложении, что свидетельствует о синтаксическом способе выражения атрибутивных отношений на основе примыкания. Например: *Manipulation communication scale.*

В лингвистике функции порядка слов условно разделяются на две категории: грамматические и неграмматические [3; 4; 5]. На уровне предложения грамматическая функция порядка слов в английском языке состоит в выражении определенных синтаксических отношений: субъектно-объектных, субъектно-предикатных, атрибутивных, объектных, обстоятельственных и др. Известно, что порядок слов в английском языке является единственным средством разграничения членов предложения, в частности, подлежащего и дополнения: *Being determines consciousness, Jack loves Jill*. В таких случаях любое перемещение полнозначного слова в предложении влечет за собой изменение его синтаксической функции, а, следовательно, и всего смысла предложения. Так, в английском языке от перемены местами подлежащего и дополнения изменяются субъектно-объектные отношения, что приводит к изменению смысла предложения. Например, *Being determines consciousness – Consciousness determines being.* Данные примеры подтверждают утверждение известного англиста А. И. Смирницкого, что в английском языке грамматическая функция порядка слов превалирует над коммуникативной. Отсутствие морфологических средств связи между словами в английском предложении компенсируется позиционными возможностями членов предложения. В английском предложении с двумя дополнениями порядок слов является средством разграничения прямого и косвенного дополнений. Например: *He gave his sister a present*. Если мы поменяем их местами, косвенное дополнение становится предложным без изменения основного смысла предложения. Например: *He gave a present to his sister.* Следует отметить, что позиция косвенного дополнения перед прямым является предпочтительной в английском языке. Следовательно, позиции косвенного и предложного дополнений в английском языке определяются местом прямого дополнения в предложении. Следует отметить, что определенный изоморфизм наблюдается и в русском языке. Приведенные факты функциональной активности порядка слов в английском языке выполняют важную функцию передачи грамматического значения.

К неграмматическим функциям линейного порядка мы относим функцию актуального членения предложения, а также экспрессивно-стилистическую функцию. В основе обеих функций лежит способность линейного порядка акцентировать смысл высказывания посредством выделения какого-

либо слова или части предложения при помощи инверсии. Например: *Never had there been so many people.* Сравним с прямым порядком: *There had never been so many people* [6]. В аспекте теории актуального членения предложения некоторые исследователи утверждают, что в английском языке нет определенного позиционного выражения темы и ремы, как это имеет место в русском языке. Действительно, в отличие от русского языка, выбор позиции ремы в английском языке зависит от того, какой из членов предложения является ее носителем. Если подлежащее стоит в позиции ремы, то рема будет стоять перед темой: *Jolyon was his name.* Синтаксические конструкции с начальным *here, there* также являются способом рематизации подлежащего в английском языке. Например: *While there is life, there is hope*. *Here comes my brother John.* Синтаксические построения типа *It is…that* дают возможность делать ремой любой член предложения, кроме сказуемого: *It is in such moments that I have a feeling of comfort and peace* [6, с. 52]. В основе указанных функций лежит способность линейного порядка выделять определенные элементы в предложении посредством активизации форм порядка. При этом одна и та же форма может быть многофункциональной. Так, например, инверсия в разных языках в начальной позиции может выполнять и функцию темы, ремы или просто передавать экспрессивное состояние. Но во всех случаях линейный порядок выполняет коммуникативную функцию.

Функционально-семантическое сопоставление на уровне синтаксиса всегда практико-ориентировано, так как оно отвечает потребностям обучения иностранным языкам и переводу. Известно, что в процессе овладения иностранным языком обучающийся осознанно или неосознанно обращается к системе родного языка, к тем языковым категориям, посредством которых отражается объективная действительность. Следовательно, в учебном процессе при системном подходе в обучении на основе сопоставительного анализа единиц родного и изучаемого иностранного языка, особенно на продвинутом этапе обучения, родной язык должен стать не конкурентом, а помощником в понимании того, что синтаксические конструкции в сопоставляемых языках являются не просто механическим построением слов по правилам грамматики того или иного языка. Использование синтаксических конструкций функционально обусловлено и отражает семантику и прагматику описываемой ситуации. В частности, сопоставление на уровне семантики предложения дает ясное представление о синтаксической системе сопоставляемых языков в целом и о том, какими синтаксическими конструкциями и лексическими единицами выражается номинативная семантика предложения. Внутренняя организация языковых фактов может быть выведена только путем аналитических умозаключений из языкового материала. Специфика функционального синтаксиса того или иного языка может быть выявлена только при его сопоставлении с другими языками.

Таким образом, сопоставление данных разных языков в рамках функционального подхода отвечает целям и задачам сравнительной типологии как

науки лингводидактической. Специфика функционального синтаксиса того или иного языка может быть выявлена только при его сопоставлении с другими языками. В процессе сопоставления функциональных особенностей языков обогащаются и совершенствуются речевые способности индивидов и их языковые знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Копров, В. Ю.* Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: субъектно-объектные отношения / В. Ю. Копров, Т. Н. Козюра и др.; под ред. В. Ю. Копрова. – Воронеж : Изд-во НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – 328 с.
2. *Левицкий, А. Э.* Сравнительная типология английского и русского языков : учеб. пособие / А. Э. Левицкий, Л. Л. Славова. – 3-е изд., испр. и доп. – Изд. ООО «БСТ», 2016. – 263 с.
3. *Шевякова, В. Е.* Современный английский язык: порядок слов, актуальное членение, интонация / В. Е. Шевякова; АН СССР. Кафедра иностранных языков. – М. : Наука, 1980. – 381 с.
4. *Смирнова, Н. Ф.* Проблемы линейного порядка слов в английском языке / Н. Ф. Смирнова; ред. А. И. Гуторова. – Минск : МГЛУ, 2000. – 32 с.
5. *Смирницкий, А. И.* Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий; под ред. В. В. Пассека. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1957. – С. 61–74.
6. *Копачева, Н. А.* Функционально-семантический потенциал линейного порядка языковых единиц в английском языке / Н. А. Копачева // Концептуализирущая сила грамматики : Ars grammatical : сб. науч. ст. / редкол.: А. М. Горлатов (отв.ред.) [и др]. – Минск : МГЛУ, 2016. – С. 50–55.

The article considers some aspects of comparing the word order of syntactic linguistic units in English and Russian from the functional perspective.

В. Ю. Костюченко
Минск, БГУ

АЛЕТИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (на материале русских и английских ток-шоу)

Статья рассматривает алетическую модальность как категорию языка и логики, исследуются основные средства выражения, а также разнообразие и предпочтения модальных алетических значений в интерактивной сетевой коммуникации (на материале русских и английских ток-шоу). В работе представлена классификация модальных значений, которые выражаются посредством вводных слов и оборотов, а также частиц. Таким образом, статья характеризует различия и сходства в составе и употребительности алетических модальных значений между русскими и английскими текстами, предоставляет выработанную семантическую классификацию модальных значений.

Алетическая модальность являются предметом исследования в языкознании и логике. Еще Аристотель выделял такие модальные функторы, как «необходимо», «возможно», «невозможно», «случайно» (Кондаков, 1975), а также открыл ряд правил оперирования с модальными суждениями такого вида, как «А необходимо принадлежит В», «С возможно принадлежит D» и т.д. (Кондаков, 1975). Аристотель выделил аподиктические суждения – это безусловно достоверные, неопровержимые суждения, основанные на необходимости, и суждения «диалектические», т.е. вероятностные, не исключающие возможности противоположной тому, что в них утверждается. Таким образом, алетическая модальность как категория логики изучает логическое поведение высказываний, включающих модальные понятия «логически необходимо», «логически возможно», «логически случайно» (Ивин, 1977).

Алетическая модальность как категория языка дает оценку степени уверенности говорящего в достоверности утверждаемого; выражает возможность высказываний автора стать соответствующими или несоответствующими действительности. Алетическая модальность связана с формированием в сознании говорящего человека оценки сообщаемого с точки зрения его достоверности, вероятности, сомнительности; фактически она проистекает из ограниченности знаний говорящего субъекта. Область значений этой модальности простирается от абсолютной уверенности до полной неуверенности, образуя таким образом модальный континуум. Несмотря на то, что логическое и языковое понимание алетической модальностей во многом совпадают, их нельзя полностью отождествлять. Логическая модальность – это модальность суждения как формы мышления, которое оценивается как истинное или ложное и выражается при помощи формул, которые призваны отражать объективную действительность, т.е. логика как наука получения истинных следствий из истинных посылок. Логика оперирует символами, описывая возможные схемы существования объектов в реальности. Но жизнь вокруг нас значительно более разнообразна, чем выявленные на основе логики истины. В науке о языке понятие «модальность» распространяется на более широкий круг языковых явлений, чем в логике, охватывая не только модальности возможности, действительности и необходимости и не только такие свойства суждений, как вероятность и достоверность, но и разнообразные оттенки отношения высказывающего лица к содержанию своего высказывания. Лингвистическая модальность выражается при помощи значительного арсенала лексико-грамматических средств, которые позволяют выразить не только, так сказать, основные средства модальности, но и многочисленные оттеночные варианты речевых реализаций, обусловленные контекстуально, значительно расширяющие возможности передачи разных модальных значений в процессе общения, эмоциональной сферы восприятия. Лингвистическая модальность оценивает предложение с позиции искренности и не претендует на признание его как истинного или ложного, т.е. для языковой

модальности не имеет значения содержательная сущность достоверности, возможности, невозможности, что является определяющим для логической категории модальности.

Алетическая модальность представлена вводными словами и оборотами, а также частицами, которые по степени достоверности можно разделить на три группы: полная уверенность, средняя уверенность, неуверенность. Однако границы этих групп довольно подвижны и часто не поддаются однозначному трактованию. Алетическая модальность отражает не объективное положение дел, а степень их познанности субъектом. Говорящий лишь предполагает существование такой связи, это результат его мыслительной деятельности, и в этом смысле эти модальности являются субъективными.

Статья построена на основе ток-шоу как жанре сетевой коммуникации. Для исследования были отобраны 4 фрагмента ток-шоу на русском и английском языках (объем фрагментов 4 000 слов в каждом исследуемом языке). В текстах были выявлены и охарактеризованы основные модальные значения вводных слов и частиц с алетической модальностью. Список исследованных интернет-текстов приводится в конце статьи. Для преобразования звуковой записи в письменный текст был использован портал https://speechpad.ru/.

В работе поставлены следующие задачи: 1) определить сущность и границы алетической модальностей в логике и языке; 2) определить основные модальные значения алетических вводных слов и частиц в русских и английских интернет-текстах; 3) выявить сходства и различия между сетевыми английскими и русскими ток-шоу в разнообразии и насыщенности алетическими модальными значениями.

В русских интернет-текстах обнаружено 10 вводных слов и оборотов (*на самом деле, конечно, очевидно, естественно, правда, наверняка* – выражают значительную уверенность*; допустим, наверное, может быть, видимо* – среднюю и слабую степень уверенности) и 3 частицы (*прям, действительно* (выражение уверенности)*, ли* (сомнение), выявлено 46 случаев их словоупотребления. Хотя по лексическому разнообразию вводные слова и частицы, выражающие уверенность, преобладают, по количеству словоупотреблений они не превышают количества словоупотреблений алетических слов, выражающих неуверенность. В английском языке зафиксировано 8 вводных слов с алетической модальностью и 56 случаев словоупотребления этих слов. Алетическая модальность в английском языке представлена следующими вводными словами: *really* ‘в самом деле’, *actually* ‘на самом деле’, *obviously* ‘очевидно’, *surely, of course* ‘конечно’, как выражение убежденности, информации, непосредственно известной говорящему (*It wasn’t really the role that drew me* ‘На самом деле, меня привлекла не роль’; *There’s tons of films obviously that were made during that time period* ‘Конечно, есть много фильмов, которые сняты в этот период’ [Carl]) и словами *maybe* ‘может быть’*, possibly* ‘возможно, может быть’*, probably* ‘вероятно’ для выражения сомнения, пред-

положения (*Maybe speaking much more in their own voices* ‘И, возможно, все больше говорят они своими собственными голосами’ [Blanch]). Эти слова выступают как показатели неуверенности, гипотетичности, употребляются при отсутствии непосредственной информации о положении дел, иногда основываются на чувственном восприятии, ощущении наблюдателя в рассматриваемый момент. Интересно, что в изученных текстах вводный оборот *на самом деле* (actually) в некоторых случаях используется для опровержения (*Что касается пропасти она, на самом деле, не настолько и глубока и широка* [Ходч]; *Actually if you want someone’s attention whisper* ‘На самом деле, если вы хотите привлечь внимание, говорите шепотом’ [Carl]). Получается, что *действительно* и *в самом деле* используются в контекстах подтверждения, тогда как *в действительности* и *на самом деле* могут выступать в контекстах опровержения.

Среди алетических вводных слов и частиц в английском языке наиболее частыми являются слова *really* ‘в самом деле’ (32 случая), *actually* ‘на самом деле’ (8 случаев) и *obviously* ‘очевидно’ (6 случаев) для выражения сильной уверенности и слова *maybe* ‘может быть’ (7 случаев), *probably* ‘вероятно’ (2 случая) для выражения слабой уверенности. В русском языке наиболее высокие показатели частотности характерны для слов *конечно* (10 случаев), *на самом деле* (5 случаев), выражающих высокую степень достоверности; и слова *наверное* (10 случаев), *допустим* (5 случаев), выражающие сомнение, предположение.

Таким образом, алетическая модальность довольно широко представлена в сетевых ток-шоу как жанре интернет-коммуникации. Алетическая модальность по количеству встречаемых фактов шире представлена в английском языке, хотя разница незначительная (56 словоупотреблений в английском языке и 46 случаев в русском языке). В английских сетевых ток-шоу значительно преобладает количество вводных слов, выражающих высокую степень уверенности, убежденности в высказанной мысли (47 случаев, выражающих уверенность и всего лишь 9 словоупотреблений вводных слов со средней и низкой степенью уверенности), тогда как в русском языке вводные слова, выражающие уверенность и неуверенность, в равной степени представлены в ток-шоу (23 случая употребления в каждом из модальных значений). Несмотря на то, что количество выявленных фактов слов с алетической модальностью, выражающих уверенность больше в английском языке, русские вводные слова, выражающие высокую степень убежденности, значительно разнообразнее по своей лексической наполняемости. Эти вводные слова выражают информацию, основанную на подлинных фактах, концентрируют внимание собеседника на том, что говорящий считает важным.

Сделаны следующие выводы: 1) наличие вводных слов и оборотов с алетической модальностью свойственно для сетевых ток-шоу как в русском, так и английском языках; 2) основные алетические значения варьируются от полной убежденности до средней и слабой уверенности. Таким образом,

основой для установления иерархии модальных значений может служить характер осведомленности говорящего, степень его уверенности/сомнения; 3) количественная представленность словоупотреблений алетических вводных слов выше в английском языке; 4) в английском языке преобладает количество случаев алетических вводных слов, выражающих уверенность в высказанной информации; в русских сетевых ток-шоу количество случаев словоупотребления слов с модальным значением уверенности и сомнения совпадает. Наличие алетических вводных слов с модальной семантикой уверенности говорит о том, что говорящий хочет быть убедительным, в какой-то степени воздействовать на собеседника, подчеркивает достоверность высказанной мысли; 5) вводное слово *really* (32 случая) является наиболее активным среди выявленных алетических вводных слов, далее следует *actually* (8 случаев) и *maybe* (7 случаев); в русском языке самыми частотными являются вводные слова *конечно* (10 случаев) и *наверное* (10 случаев); 6) по своему лексическому разнообразию наиболее широко представлены алетические вводные слова с модальной семантикой уверенности в русском языке.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Ходч – Светлана Ходченкова: «В Америке я чужая и своей никогда не стану» ток-шоу, видеоверсия встречи театрального клуба «Антракт» с актерами. – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=XKu6nnzJH_k. – Дата доступа : 20.02 2017.

Алдн – Шоу Парк КиО в гостях Сергей Алдонин и Петр Красилов. – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=SoHGX1gzvjM. – Дата доступа : 18.08 2017.

Blanch – Actors on Actors: Cate Blanchett and Ian McKellen ток-шоу, беседуют актеры Кэтрин Элис Бланшетт и Иэн Маррей Маккеллен. – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=ThpcJDToBow. – Дата доступа : 20.02 2017.

Carl – Actors on Actors: Steve Carell and Rooney Mara ток-шоу, беседуют актеры Стив Карелл и Патриция Руни Мара. – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=Lk4fQLLs-tA. – Дата доступа : 22.02 2017.

Winsl – Actors on Actors: Kate Winslet and Saoirse Ronan ток-шоу, беседуют актеры Кейт Уинслет и Сирша Ронан. – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=NzyN5kcbusY. – Дата доступа : 13.04.17.

The article deals with alethic modality as a category of language and logic, investigates the main means of expression, diversity and preferences of alethic modal meanings in interactive Internet communication (based on Russian and English talk shows). Classification of the modal meanings, which are expressed through parenthetical words and phrases as well as particles, is presented in the work. The differences and similarities in the lexical filling and use of alethic modal meanings in Russian and English texts are characterized in the article, the developed semantic classification of modal meanings is given.

В. А. Медюлянова
Минск, МГЛУ

ИНВЕРСИЯ СКАЗУЕМОГО КАК ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК В ЯПОНСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассмотрена специфика употребления инверсии в японском и турецком языках, выявлена связь между значением инверсии и ее формой.

Порядок слов является одним из наиболее сложных синтаксических показателей в любом языке.

По данному признаку японский и турецкий языки входят в одну из самых распространенных языковых групп с однонаправленным порядком слов по модели SOV (субъект-объект-предикат). Тем не менее, данный порядок слов свойственен повествовательной речи и является неким эталоном модели построения фраз в языке, не обладающих повышенной экспрессивностью. Однако в ряде случаев наблюдается перемещение предиката из конечной в начальную позицию в предложении, что, очевидно, обусловлено определенными факторами и, прежде всего, теми или иными коммуникативными целями, которые преследуются говорящим.

Данный факт свидетельствует о том, что перемещаемый элемент может быть успешно вычленен не только в языках со свободным порядком слов, как, например, в русском, но и в языках с фиксированным порядком слов, в некоторых случаях определяющем распределение субъектно-объектных ролей без использования дополнительных грамматических показателей.

Так называемые *линейно-акцентные преобразования* (термин введен Е. В. Падучевой), меняющие позицию и/или акцентуацию элемента предложения, апеллируют к теме актуального членения предложений и связаны с изменением тема-рематических отношений в предложении.

В отличие от турецкого, в японском языке тема предложения имеет четкое определение посредством частицы *wa*, которая присоединяется только к той части речи, которая имеет морфологические признаки существительного. Соответственно, инверсия сказуемого может осуществляться в японском предложении, во-первых, перестановкой предиката в начало предложения с сохранением тематической частицы при подлежащем в конце предложения, что характерно для разговорной речи. Например,

がっかりしたね、お母さんは。‘Ваша мать **расстроилась**, да?’

Однако, справедливости ради, стоит заметить, что в данном примере смещение темы в конец предложения вызвано не столько необходимостью в перестановке логических акцентов в послании говорящего, сколько потребностью актуализации деятеля для правильного восприятия реплики адресатом. Как известно, в японском языке не существует грамматической категории

лица глагола, т.е. японский глагол не спрягается по лицам. Кроме того, отсутствует четкая местоименная парадигма, а собственно местоимения малоупотребительны. Прочие дейктические средства, позволяющие установить субъект действия, в данном примере также не представлены. Поэтому без прямого указания на деятеля данная фраза, скорее всего, непосредственно в коммуникативной ситуации с опорой на интонацию вопросительного предложения была бы переведена, как «Вы расстроились?».

Во-вторых, инверсия сказуемого может осуществляться через перестановку предиката в начало предложения и присоединением к нему тематической частицы. При этом в случае выраженности предиката глаголом, последний преобразуется в существительное через субстантиваторы *no* или *koto*, которые одновременно выполняют и функцию слов-заменителей. Особенно отчетливо последняя функция прослеживается в случае выражения предиката прилагательными как предикативного, так и полупредикативного типа.

Например, сравните:

その建物はオランダ人によって**設計されました**。

‘Это здание **спроектировано** голландцами’.

その建物を**設計した**のはオランダ人です。

‘**Спроектировали** это здание голландцы’.

私はテニスが**好き**です。

‘Я **люблю** теннис’.

私が**好きな**のはテニスです。

‘Что я **люблю**, так это теннис’.

В данных примерах наблюдается одна любопытная деталь: прочие компоненты предложения, относящиеся к сказуемому, также смещаются. То есть все, что не относится к реме предложения, переносится в позицию перед частицей *wa* и образует, таким образом, один тематический блок. Следовательно, в данном случае инверсия сказуемого выполняет прежде всего функцию акцентуации действия. Выделение семантики сказуемого может быть реализовано и с помощью следующего способа инверсии, наблюдаемой в отрицательных высказываниях. Например,

彼はホテルに**帰らなかった**。

‘Он **не вернулся** в гостиницу’.

彼はホテルに**帰りはしなかった**。

‘В гостиницу он (так и) **не вернулся**’.

В данном примере глагол преобразуется в существительное через вторую основу глагола, к нему присоединяется тематическая частица, а отрицание подчеркивается с помощью смыслового глагола *делать* в отрицательной форме, т. е. буквально *возвращение не делал.* Технически и стилистически данный способ схож с примерами, описанными во втором способе. Отличается лишь способ образования отглагольного существительного.

Инверсия в турецком языке также характерна преимущественно для устной экспрессивной речи. Например,

Kim **söyledi** bunu? ‘Кто **сказал** это?’.

Gel buraya! ‘**Иди** сюда!’.

Defol buradan! ‘**Пошёл** вон отсюда!’.

Тем не менее, изменение словопорядка встречается также в сказках, рассказах, пословицах, поговорках, мерной речи, т. е. в некоторых жанрах письменного стиля. Например,

Sakla samanı **gelir** zamanı. ‘**Береги** солому, **придет** и ее время’.

Т.е., подобно японскому, слово, выделяемое в качестве темы, вместе со сказуемым помещается в начало фразы. Таким образом, порядок слов становится схожим с порядком слов в русском предложении.

Однако, Кононов А. Н. отмечает особый тип инверсии в турецом языке, при котором сказуемое ставится перед своим дополнением или другим членом предложения, относящимся к сфере сказуемого, и приводит следующий пример: Osman-bey **gider** o bir kapıyı bukmağa. ‘Осман-бей **идет**, чтобы найти ту дверь’.

В заключение можно сделать вывод, что инверсия сказуемого в японском языке не ограничивается стилистически и функционально, имеет гораздо более широкий грамматический инструментарий для вживления в структуру предложения, чем турецкий язык. Тем не менее, как в японском, так и в турецком инверсия представляет собой широко распространенное явление. В обоих языках с помощью инверсии достигается экспрессивность высказывания, свойственная устной речи, т.е. инверсия сказуемого используется как одно из средств выражения коммуникативной значимости тех единиц речи, которые требуют принятия на себя логического ударения. Такая универсальная закономерность обусловлена, прежде всего, единством человеческой психихи, т.е. тем, что в разговорной речи человек стремится все самое важное выразить в начале высказывания, оставляя мелкие детали сообщения на потом, а иногда и на додумывание собеседнику.

Сходство специфики употребления инверсии в сравниваемых языках проявляется и в факторе последовательного и логического развертывания мысли, непосредственно связанного с тема-рематическими отношениями в предложении.

Отмеченная закономерная связь между значением инверсии и ее формой как общее языковое явление позволяет говорить об инверсии как об определенном типологическом признаке, характеризующем способы образования предложений различной коммуникативной направленности в сравниваемых языках.

In this article, the specificity of the use of inversion in the Japanese and Turkish languages is considered, a connection between the meaning of inversion and its form is found.

К. П. Репина
Минск, МГЛУ

СИНОНИМИЯ АНГЛИЙСКИХ ВЫСОТНО-ТОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР КАК ФАКТОР ВАРИАТИВНОСТИ В ИХ ПЕРЦЕПТИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Статья посвящена проблеме вариативности в восприятии фразовой просодии английского языка. Исследование включает несколько этапов, результаты которых сопоставляются и обобщаются, что позволяет выявить роль признаков высотно-мелодического изменения в его перцептивной идентификации. Результаты исследования могут быть полезными для преподавателей практической фонетики при разработке стратегии обучения произношению и выработке критериев определения качества имитации и воспроизведения речевого образца.

Общепризнанной трудностью анализа просодии является ее вариативность в перцептивном плане. Многочисленные экспериментальные исследования в области перцептивной фонетики позволили установить, что различия в восприятии одной и той же просодической структуры обусловлены, с одной стороны, субъективной природой перцептивных процессов и, с другой стороны, спецификой варьирования просодических характеристик речи.

Исследования показали, что даже такие информационно нагруженные и устойчивые в перцептивной плане компоненты высказывания, как тип тонального контура, локализация первого полноударного слова и ядра в синтагме, не обнаруживают полного совпадения в восприятии носителей языка. Показатели согласованности в идентификации указанных структур, по данным Д. Кристала, составляют 81,6 %, 77,3 % и 74,4 % соответственно [1, p. 203]. Аналогичные показатели были зарегистрированы в исследованиях восприятия фразовой просодии, направленных на лингвистическое обеспечение синтеза русской речи [2].

С целью установления константных и вариативных черт в восприятии речевой просодии в условиях профессионального изучения английского языка нами было проведено исследование, в котором аудиторами выступили специалисты в области фонетики английского языка, знания о просодической системе языка у которых сформированы в русле концепций одной научно-фонетической школы. Для проведения эксперимента было отобрано 100 диалогов обиходно-бытового и нейтрально-делового характера, реализованных профессиональными дикторами-носителями английского произносительного стандарта. Анализировалась идентификация типов мелодических изменений в завершении синтагм и фраз. Отдельно изучалось восприятие высотно-диапазональных разновидностей кинетических тонов на материале 20 фраз в прочтении носителя английского языка.

Основным результатом исследования является высокая степень совпадения перцептивных данных, относящихся к идентификации типа высотно-мелодических изменений фразы (77–95 %). Вместе с тем согласованность

показателей по разным признакам тона варьируется. Это свидетельствует об обусловленности вариативности восприятия тональных характеристик фразы в большей степени структурными характеристиками и особенностями функционирования единиц тональной подсистемы, чем индивидуальными различиями. Более того, согласно полученным данным, одной из причин вариативности восприятия фразовой просодии является возможность перцептивного отождествления одной и той же линии ч.о.т. с разными просодическими структурами, которые имеют объективное сходство как в плане своей формы, так и содержания.

Результаты исследования подтвердили вывод о том, что наиболее однозначно воспринимаемым является направление изменения высоты голоса, т.е. соотношение начала и конца высотно-мелодического изменения (см. табл. 1). Именно этот признак является базовым, первичным, так как он в большей степени, чем другие, связан с такими коммуникативными значениями, как вопросительность/утвердительность, завершенность/незавершенность, что было неоднократно показано в интонологии.

Таблица 1

Восприятие признаков терминального тона, %

	Локализация	Направление изменения	Высотно-диапазональная разновидность
совпадение	95	89	80
несовпадение	5	11	20

Определение высотно-диапазональных и регистровых характеристик мелодических изменений представляется наиболее сложным, но, тем не менее, возможным, особенно для специально обученного и тренированного аудитора. В ходе исследования было установлено, что вариативность в распознавании разновидностей тональных единиц в первую очередь обусловлена зональной природой высотно-диапазональных градаций. Наибольшей вариативностью характеризуются показатели идентификации тональных структур, расположенных на периферии регистровой зоны, т.е. на границе со смежной градацией. Особенно часто это происходит в среднем регистре голосового диапазона (см. табл. 2, 3).

Таблица 2

Корреляция акустических и перцептивных характеристик в распознавании высотно-диапазональных разновидностей нисходящего тона, %

Начальный и конечный уровень изменения ч.о.т.	\m	\m	\m	/m
0,6–0 н.е.	69	11	20	–
0,3–0 н.е.	25	70	–	5
> 0,8–0 н.е.	–	–	100	–

Таблица 3

Корреляция акустических и перцептивных характеристик в распознавании высотно-диапазональных разновидностей восходящего тона, %

Начальный и конечный уровень изменения ч.о.т.	/m	/m	ˎm	ˎm	\m
0,4 – > 0,8 н.е.	78	13	9	–	–
0,6 – > 0,8 н.е.	10	90	–	–	–
0–0,6 н.е.	29	–	64	7	–
0–0,4 н.е.	–	–	21	76	3

Признак смежности приобретает особую роль при восприятии функционально близких вариантов просодических структур. В концептуальном плане варьирование в просодической системе языка представляет собой явление, сходное с синонимией на лексическом и синтаксическом уровне. Функциональный статус вариантов предопределен перцептивной значимостью градаций просодических модификаций и относительной автономностью элементов контура [3, с. 8].

Одним из примеров синонимии в просодии является соотношение структуры «высокий статический тон + низкий восходящий тон» (так называемый «skeleton fall-rise» по Р. Кингдону) и разделенного варианта нисходяще-восходящего контура. Для распознавания последней структуры важно, чтобы слоги, расположенные между высоким уровнем первого ударного слога и подъемом, произносились в нижнем регистре диапазона. При этом неважно, обеспечивается ли восприятие глайдом или скачком. Иными словами, для перцептивной идентификации нисходяще-восходящего контура более важным является контраст между высотными уровнями смежных слогов, а не реальное глайдообразное изменение ч.о.т. на одном из них [4, p. 49].

В ходе анализа несовпадений в идентификации высотно-мелодических типов было обнаружено, что изменения ч.о.т. в узком интервале, как, например, при ровном терминальном тоне, являясь в принципе перцептивно значимыми, характеризуются различной степенью перцептивной дискретизации для разных аудиторов. В связи с этим часто смешиваются ровный терминальный тон и средний восходящий тон узкой разновидности, которые передают значение незавершенности. Например:

Аудитор 1: *The ˩daily ˎrate ¦ is £23 (˧twenty >three ˙pounds), ∫ and the >weekly ∫ £128 (a ˩hundred and ˩twenty ˩eight ˎpounds).*

Аудитор 2:*The ˩daily ˎrate ¦ is £23 (˧twenty ˎthree ˙pounds), ∫ and the >weekly ∫ £128 (a ˩hundred and ˙twenty ˩eight ˎpounds).*

Достаточно часто (25 % от общего количества смешений) при распознавании наблюдалось неразличение разделенного варианта нисходяще-восходящего тона с низким восходящим тоном в сочетании с упомянутой выше

высокой ровной или скользящей шкалой (\m /m, ↘m /m) в двухакцентных синтагмах. Эти структуры представляют собой два способа транскрибирования нисходящего движения ч.о.т. внутри акцентной единицы с незначительным различием в смысловой интерпретации высказывания. Например:

Аудитор 1: *I'd ↘like to /travel ¦ |first \class, /please.*

Аудитор 2: *I'd \like to /travel ¦ |first \class, /please.*

К другим синонимическим структурам можно отнести скользящую шкалу и сочетание нескольких нисходящих тонов. Использование обозначений скользящей шкалы при транскрибировании данной структуры, по всей видимости, означает, что аудитор больше ориентируется на семантику фразы, желая подчеркнуть ее синтаксическую целостность, а не расчлененность. Аудитор, для которого приоритетом является максимально точная регистрация движения ч.о.т., обозначит несколько одноакцентных синтагм с нисходящим тоном. Данное различие, с очевидностью, не имеет существенного значения для смысловой интерпретации высказывания.

Таким образом, проведенное исследование позволило установить причины некоторых проблемных вопросов в восприятии фразовой просодии специалистами в области фонетики английского языка и установить способы соотнесения синонимичных структур для правильной интерпретации аудитивных данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Crystal, D.* Prosodic Systems and Intonation in English / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 1969. – 390 p.

2. *Karnevskaya, E. B.* Prosodic modelling in TTS-speech synthesis / E. Karnevskaya // Prosodie, traduction, fonctions. Actes du XXXIIe Colloque International de Linguistique Fonctionalle, Minsk, 7–10 octobre 2009 / L. Morozova, E. Weider (eds.). – Fernelmont (Belgique), E.M.F., 2010. – P. 59–62.

3. *Карневская, Е. Б.* О соотношении единиц и вариантов в просодической системе английского языка / Е. Б. Карневская, А. А. Метлюк // Вариативность в германских языках : тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции : в 2 ч. / Калининский гос. ун-т.; редкол. : В. Н. Ярцева (отв. ред.) [и др.]. – Калинин, 1988. – Ч. 1. – С. 7–9.

4. *Kingdon, R.* Groundwork of English Intonation / R. Kingdon. – London : Longmans Green, 1958. – 272 p.

The article is concerned with the issue of variation of the perception of English tonal structures. The study suggests that the structural and functional similarity of tonal structures is the major factor causing differences in their perceptual identification.

А. А. Салавей
Мінск, МДЛУ

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ ПРАБЛЕМАТЫЧНАЙ ВЕРАГОДНАСЦІ Ў ПУБЛІЦЫСТЫЧНЫМ ТЭКСЦЕ
(на матэрыяле беларускіх і англійскіх газетных інтэрв'ю)

Прааналізавана праблематыка верагоднасці і яе статус ў тэорыях мадальнасці. Вызначана семантыка эксплікатараў праблематычнай верагоднасці, іх агульныя і нацыянальна-спецыфічныя характарыстыкі ў тэкстах інтэрв'ю на беларускай і англійскай мовах.

Катэгорыя мадальнасці з'яўляецца адной з самых «плюралістычных», што абумоўлівае суіснаванне мноства дэфініцый з разнастайнымі сэнсамі ў яе змесце. Праблематыка мадальнасці распрацоўвалася В. У. Вінаградавым, У. Р. Адмоні, А. А. Рэфармацкім, Н. Д. Арутюнавай, Г. А. Золатавай, У. З. Панфілавым, А. У. Бандаркам, М. Халідэем, К. Аймерам, Дж. Лаянзам, Ф. Р. Палмерам і інш. Увогуле цяжка знайсці двух аўтараў, якія б тлумачылі тэрмін *мадальнасць* аднолькава [5, с. 67]. Шматлікасць трактовак тлумачыцца выбарам аўтарамі розных характарыстык у якасці дамінантных для мадальных сродкаў. Так, В. У. Вінаградаў трактуе мадальнасць як сінтаксічную катэгорыю, сцвярджаючы, што любы сказ адлюстроўвае рэчаіснасць у яе практычным грамадскім усведамленні і выражае аднесенасць зместу маўлення да рэчаіснасці, таму мадальнасць цесна звязана са сказам і яго тыпамі. Мадальнае значэнне як істотная канструктыўная прымета сказа, адлюстроўваючы рэчаіснасць у той ці іншай форме, можа выражаць адно з 30 сінтаксічных значэнняў, якія ў сваёй сукупнасці ўтвараюць змест гэтай катэгорыі [6, с. 80].

У замежным мовазнаўстве шырока распаўсюджана канцэпцыя Ш. Балі, згодна з якой любое выказванне ўключае асноўны змест (дыктум) і яго мадальную частку (модус), што змяшчае інтэлектуальнае, эмацыянальнае і валявое суджэнне моўцы да дыктуму [2, с. 73]. Ш. Балі звяртае ўвагу на мадальныя дзеясловы – галоўныя рэпрэзентанты мадальнасці. У цэлым трактоўкі мадальнасці лінгвістамі змяшчаюць думку аб рэалізацыі мадальнасці толькі ў сказе, дакладней – у выказванні.

Даследчыца В. С. Ахманава тлумачыць мадальнасць як паняційную катэгорыю «са значэннем адносін моўцы да зместу выказвання і адносін зместу выказвання да рэчаіснасці, якая выражаецца рознымі лексічнымі і граматычнымі сродкамі ….» [1, с. 244], акцэнтуючы яе прагматычныя ўласцівасці.

Мадальнасць актыўна распрацоўвалася ў святле тэорыі функцыянальна-семантычнага поля (Л. У. Шчэрба, У. Р. Адмоні, А. І. Бяляева, А. У. Бандарка і інш.) – двухбаковага зместава-фармальнага адзінства, якое фарміруецца граматычнымі сродкамі мовы разам з лексічнымі, лексіка-граматычнымі і словаўтваральнымі элементамі [4, с. 40]. Палі мадальнасці характарызуюцца

складанай структурай з разнастайнымі значэннямі, што дазваляе вызначыць розныя віды суб'ектыўнай кваліфікацыі прапазіцыі, функцыянаванне і прагматычныя характарыстыкі мадальных сродкаў у маўленні [11, с. 303].

Традыцыйна мадальнасць дзеліцца на *аб'ектыўную* і *суб'ектыўную*. А б ' е к т ы ў н а я мадальнасць выражае адносіны выказвання да рэчаіснасці з пункту гледжання рэальнасці/іррэальнасці, з'яўляючыся аблігаторным кампанентам сказа, граматычным сродкам эксплікацыі якога з'яўляецца лад дзеяслова. У межах аб'ектыўнай мадальнасці выдзяляюць алетычную мадальнасць, што адлюстроўвае неабходнасць і магчымасць падзей; дэантычную мадальнасць, якая выражае неабходнасць і магчымасць з пункту гледжання маральных норм і культурных прынцыпаў [10, с. 47]. С у б ' е к т ы ў н а я мадальнасць эксплікуе адносіны моўцы да выказвання і рэалізуецца з дапамогай сродкаў, якія характарызуюцца эмацыянальна-экспрэсіўнай афарбоўкай.

Аднак існуе думка пра немэтазгоднасць размежавання гэтай катэгорыі на аб'ектыўную і суб'ектыўную (Я. У. Клабукоў, А. М. Пешкаў, Т. В. Шмялёва, Н. Ю. Паўлоўская, М. А. Ліпатава і інш.). Так, А. М. Пешкаў адзначае, што мадальнасць выражае толькі тое, што маецца на ўвазе пад катэгорыяй суб'ектыўнай мадальнасці. Па-першае, неабходна памятаць, што працэс пазнання ідзе ў напрамку праз суб'ектыўнасць успрымання чалавекам аб'ектыўнага [15]: «нашы веды, – пісаў І. Кант, – вынікаюць з дзвюх асноўных крыніц душы: першая – гэта здольнасць атрымліваць прадстаўленні, а другая – здольнасць пазнаваць праз гэтыя прадстаўленні прадмет» [9, с. 152]. Па-другое, сам тэрмін *аб'ектыўнасць* трактуецца ў энцыклапедычных слоўніках як «здольнасць непрадузята прадстаўляць аб'ект так, як ён існуе сам па сабе, незалежна ад суб'екта» [14], што супярэчыць агульнай семантыцы мадальнасці: адносіны ці пункт гледжання моўцы да выказвання. Такім чынам, мадальнасць з'яўляецца суб'ектыўнай па сваёй прыродзе катэгорыяй, паколькі любое выказванне разглядаецца праз прызму моўцы.

Адным са складнікаў полевай структуры мадальнасці з'яўляецца верагоднасць, якая мае розныя трактоўкі ў філасофіі, логіцы, лінгвістыцы, псіхалогіі, тэорыі імавернасцей. У логіцы і філасофіі (Дж. Лок, Г. Лейбніц, І. Кант, Г. Гегель) верагоднасць разглядаецца як сінонім паняцця *ісціна* і абазначае бясспрэчныя, цвёрда абгрунтаваныя веды. Аднак ісціна аб'ектыўна, не залежыць ад суб'екта, а верагоднасць – суб'ектыўна, разглядаецца з пункту гледжання моўцы [13]. Гэты тып пазначаецца як суб'ектыўная, персуазіўная, эпістэмічная, «праўдзівая» мадальнасць [8; 12; 3; 7].

Верагоднасць як суб'ектыўная катэгорыя адлюстроўвае ступень адпаведнасці зместу выказвання (прапазіцыі) рэчаіснасці з пункту гледжання моўцы, ступень яго ўпэўненасці ў праўдзівасці выказвання. У святле функцыянальнай граматыкі мадальнасць верагоднасці выступае як асобае поле з разнастайнай сістэмай моўных сродкаў, з дапамогай якіх моўца ацэньвае паўнату сваіх ведаў аб прадмеце маўлення, у выніку чаго прапазіцыя можа быць кваліфікавана як адпаведная/неадпаведная рэальнаму стану спраў у рэчаіснасці [5, с. 157].

Традыцыйна выдзяляюць тры ступені верагоднасці: *простую* (нейтральную), *праблематычную* і *катэгарычную*. Верагоднасць можа быць выражана экспліцытна з дапамогай лексіка-граматычных, прагматычных адзінак і імпліцытна. П р о с т а я верагоднасць з'яўляецца немаркіраваным членам апазіцыі і выражаецца абвесным ладам дзеяслова. П р а б л е м а т ы ч н а я верагоднасць паказвае няўпэўненасць моўцы ў праўдзівасці зместу выказвання, у той час як к а т э г а р ы ч н а я верагоднасць адлюстроўвае ўпэўненасць суб'екта маўлення ў праўдзівасці прапазіцыі. Значэнні праблематычнай і катэгарычнай верагоднасці ўключаюць адценні рознай ступені сумнення і ўпэўненасці [12].

У дакладзе прааналізаваны сродкі рэалізацыі праблематычнай верагоднасці, выбраныя з тэкстаў 15 газетных інтэрв'ю на беларускай і англійскай мовах («Звязда», «Літаратура і мастацтва», «Настаўніцкая», «The Daily Star», «The New York Times», «The Daily Record», «The Guardian», «The Independent», «The Evening Standard»). Прызначэнне інтэрв'ю як жанру публіцыстычнага дыскурсу заключаецца ў праўдзівым, верагодным адлюстраванні найбольш рэлевантных падзей, у абмене меркаваннямі, думкамі, фактамі па важных пытаннях сацыяльнага жыцця, што прадугледжвае выкарыстанне шматлікіх мадальных сродкаў верагоднасці.

Праблематычная верагоднасць рэалізуецца ў беларускіх тэкстах інтэрв'ю з дапамогай 15 паказчыкаў. Аналіз паказаў, што перфарматыў *я думаю*, які выступае ў ролі галоўнай часткі складаназалежнага сказа і выражае пункт гледжання суб'екта маўлення, з'яўляецца самым частотным (16 %): *Думаю, мы будзем развівацца комплексна. Я думаю, што нават курсы перападрыхтоўкі настаўнікаў трэба праводзіць інакш.*

Безаасабовыя канструкцыі *думаецца* (2 %), *лічыцца* (2 %) і пабочная канструкцыя *на маю думку* (6 %) з'яўляюцца сінанімічнымі з *я думаю* ў функцыянальна-семантычным плане: *Але, думаецца, не дарма. А ідэальная школа, на маю думку, павінна выглядаць інакш.*

Маркёрамі праблематычнай верагоднасці, якія выражаюць нізкую ступень упэўненасці гаворачага ў прапазіцыі, з'яўляюцца пабочныя кампаненты ў функцыі меркавання. Пабочная канструкцыя *можа / можа быць* з'яўляецца самай частотнай (16 %): *А можа, гэта правільна? Дык, можа, спыніць канкурэнцыю і здацца? Можа быць, таму яго асоба ўсё такая ж прыцягальная.*

Акрамя гэтага, праблематычная верагоднасць у беларускіх інтэрв'ю рэпрэзентуецца наступнымі лексічнымі сродкамі:

1) мадальнымі словамі, словазлучэннямі (*магчыма* (10 %), *хутчэй/хутчэй за ўсё* (10 %), *напэўна* (6 %), *відаць* (4 %), *мабыць* (2 %)) у функцыі пабочных слоў і словазлучэнняў: *Магчыма, 5–6 за кошт увядзення інтэграваных курсаў. Маці была, хутчэй, памочнікам трэнераў. Напэўна, сіндром выдатніцы праявіўся.*

2) мадальнай часціцай *бадай* (2 %): *Але зразумелыя яны будуць, бадай, толькі таму пакаленню.*

Нізкая ступень упэўненасці моўцы ў праўдзівасці прапазіцыі рэалізуецца даволі часта ў інтэрв'ю сінтаксічным спосабам з дапамогай безасабовай канструкцыі *мне здаецца* (10 %): *Мне здаецца, што менавіта яна надае карціне выразнасць.*

Аналіз англійскіх газетных інтэрв'ю выявіў 17 паказчыкаў эксплікацыі праблематычнай верагоднасці, якія ўслед за лінгвістамі С. Краніх і Ф. Гаст мы паздзялілі на 4 асноўныя групы:

1) мадальныя канструкцыі, што сінтаксічна могуць быць прадстаўлены галоўнай часткай складаназалежнага сказа: *I think, I believe, I guess* і выражаюць пункт гледжання суб'екта маўлення;

2) мадальныя дзеясловы *could, may, might* + *інфінітыў*, якія выражаюць няўпэўненасць суб'екта маўлення ў прапазіцыі;

3) дзеяловы *seem, appear* з мадальным значэннем няўпэўненасці, сумнення;

4) прыметнікі і прыслоўі *likely, perhaps, probably* з мадальнай семантыкай нізкай ступені верагоднасці [16].

Колькасны аналіз паказчыкаў праблематычнай верагоднасці паказаў, што фраза *I think* пераважае над іншымі (43 %) і цалкам адпавядае беларускай фразе *я думаю.* Аднак дадзеная структура значна часцей сустракаецца ў англійскіх інтэрв'ю ў параўнанні з беларускімі (43 % і 16 % адпаведна): *I think there's a desire to keep secret more than publish* – *'*думаю, жаданне трымаць у сакрэце большае, чым даводзіць да агульнага ведама*'*.

Уласнае меркаванне можа быць выражана семантычным інварыянтам – значэннем дзеяслова *to think* (*to guess* (3 %), *to believe* (7 %)). Напрыклад: *I believe anything is possible* – 'думаю, усё магчыма'.

Значэнне сумнення даволі часта рэалізуецца безаасобавай канструкцыяй *it seems to me* (9 %), эквівалентам якой з'яўляецца беларуская *мне здаецца*: *It seems to me that everything goes wrong* – 'мне здаецца, што ўсё ідзе не так, як трэба'.

Эксплікатарамі праблематычнай верагоднасці выступаюць мадальныя прыметнікі і прыслоўі *perhaps* (4 %), *probably* (9 %), *may be* (6 %), *likely* (4 %), *possible* (2 %), а таксама мадальныя дзеясловы *could/may/might* разам з інфінітывам (4 %), якія выражаюць меркаванне суб'екта, заснаванае на няўпэненасці і сумненні адносна зместа выказвання, і адпавядаюць беларускім *магчыма, напэўна, мабыць*: *What changes in the environment do you think we might see?* – 'якія змены ў навакольным асяроддзі, на вашу думку, мы, магчыма, убачым?'; *It's probably not worth saying about that* – 'напэўна, не варта казаць пра тое'.

Нізкая ступень упэўненасці моўцы ў прапазіцыі рэалізуецца таксама з дапамогай фраз *I rather doubt / I have doubts* (4 %)*, I'm not sure* (2 %): *I rather doubt the EU will go this far* – 'крыху сумняваюся, што Еўрапейскі саюз пойдзе так далёка'; *I'm not sure that it's the best ceiling in the world* – 'я не ўпэўнены, што гэта лепшая столь у свеце'.

Параўнальнальны аналіз сродкаў эксплікацыі праблематычнай верагоднасці ў беларускіх і англійскіх тэкстах інтэрв'ю паказаў супараўнальнасць іх колькасных паказчыкаў (15 і 17 адпаведна). Адзінай для дзвюх моў з'яўляецца актуалізацыя праблематычнай верагоднасці з дапамогай тэматычнага рада перфарматыўных дзеясловаў, аб'яднаных семантычным інварыянтам *думаць/to think*; мадальных дзеясловаў, прыметнікаў і прыслоўяў, мадальных слоў і словазлучэнняў у функцыі пабочных канструкцый. Агульным і самым частотным спосабам рэпрэзентацыі праблематычнай верагоднасці ў дзвюх мовах з'яўляецца структура *я думаю* і *I think*, аднак беларускі варыянт сустракаецца радзей у параўнанні з англійскім (11 і 29 адпаведна).

Нацыянальная спецыфіка маніфестацыі праблематычнай верагоднасці на англійскай мове праяўляецца ў выкарыстанні камбінацыі мадальных дзеясловаў *could / might* з формамі інфінітыва, якія выражаюць няўпэўненасць моўцы ў праўдзівасці выказвання. Адметнай характарыстыкай рэалізацыі значэння сумнення, няўпэўненасці суб'екта маўлення ў прапазіцыі выказвання з'яўляецца выкарыстанне мадальных слоў *likely/unlikely* у якасці часткі складанага мадальнага выказніка.

ЛІТАРАТУРА

1. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Просвещение, 1969. – 608 с.
2. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 416 с.
3. *Беляева, Е. И.* Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е. И. Беляева. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1985. – 180 с.
4. *Бондарко, А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1983. – 208 с.
5. *Бондарко, А. В.* Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1990. – 264 с.
6. *Виноградов, В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов. – М. : Просвещение, 1975. – 105 с.
7. *Грепл, М.* О сущности модальности / М. Грепл // Языкознание в Чехословакии. – М. : Прогресс, 1978. – С. 277–301.
8. *Золотова, Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 352 с.
9. *Кант, И.* Сочинения: в 6 т. / И. Кант. – Т. 3. – М. : Мысль, 1964. – 439 с.
10. *Курлянд, Э. Е.* Модальность предложения и модальность текста / Э. Е. Курлянд, О. В. Трунова // Уровни лингвистического анализа в синхронии и диахронии : межвуз. сб. науч. тр. / ред. И. Л. Климович. – Л. : Темплан, 1986. – 108 с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева [и др.]; под общ. ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Совет. энцикл., 1989. – 682 с.

12. *Панфилов, В. З.* Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения / В. З. Панфилов // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 37–48.
13. *Панченко, Н. Н.* Когнитивные категории «истинность» и «достоверность»: общее и различное / Н. Н. Панченко // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 1. – С. 132–136.
14. Философия : энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2007. – 1072 с.
15. Языкознание : большой энцикл. словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : БРЭ, 1998. – 658 с.
16. *Gast, V.* Explicitness of Epistemic Modal Marking: Recent Changes in British and American English / V. Gast, S. Kranich // Modality in English IV [Electronic resource]. – Hamburg, 2010. – Mode of access : http://www.personal.unijena.de/~mu65qev/papdf/kranich_gast.pdf. – Date of access : 02.10.2017.

The article describes the problem of credibility and its status in different modality theories. The author considers credibility as a subjective category which illustrates the degree of correspondence between the proposition and the reality established by the speaker. Linguistic means of realization of problematic credibility have been analyzed on the material of Belarusian and English newspaper interviews.

В. А. Терещенко
Минск, МГЛУ

СИНТАКТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОСЛОГАНАХ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Рассматриваются синтактико-стилистические средства, используемые в англоязычных автомобильных слоганах, и особенности их перевода на русский язык. Проведенный анализ позволил установить, что эллипсис, парцелляция, предваряющий ориентир и параллелизм являются наиболее часто употребительными средствами привлечения внимания к определенной информации в слоганах автомобильных рекламных кампаний. При переводе слоганов на русский язык переводчики склонны сохранять данные стилистические фигуры.

С середины XX века по мере развития рекламной индустрии слоган постепенно стал неотъемлемой частью сферы коммерческой рекламы. Для достижения перлокутивного эффекта создатели рекламы, а в частности рекламных слоганов, ставят перед собой задачу усилить выразительность рекламного текста, используя максимум информации при минимуме слов. Это доказывает уникальность термина «слоган» и объясняет, почему в настоящее время имеется множество интерпретаций данного понятия.

Однако, на наш взгляд, одно из самых емких определений исследуемого нами термина приводится в «Толковом словаре рекламы»: «Слоган – спрессованная до формулы суть рекламной концепции, доведенная до лингвистического совершенствования запоминающаяся мысль» [1]. Таким образом, в первую очередь функция слогана – это создание устойчивой ассоциации с рекламируемым товаром. Другими словами, он должен выделить производителя и его товары среди конкурентов.

Слоган выражает идею рекламной компании в целом или отдельного товара в частности, при этом он побуждает, аргументирует, убеждает, вопрошает, актуализирует, идентифицирует, определяет, заинтересовывает, обращает на себя внимание, являя тем самым «квинтэссенцию всей рекламной кампании» [2, с. 337], и, следовательно, центр аргументации рекламной коммуникации.

Стоит отметить, что работы, посвященные изучению различных аспектов слогана, можно найти среди трудов не только белорусских и российских (Е. В. Ромат, О. А. Феофанов, Р. И. Мокшанцев, В. В. Бегун), но и зарубежных исследователей (У. Ф. Аренс, К. Л. Бове, А. Годдард, Д. Дайер).

В настоящей работе приводятся результаты анализа 80 автослоганов на английском языке в сопоставлении с их русскоязычными переводами. Отбор практического материала осуществлялся из электронных статей, размещенных на сайтах adme.ru, voxfree.narod.ru, drive2.ru, а также среди роликов видеохостинга youtube.com.

В работах Н. С. Валгиной отмечается, что в современном русском синтаксисе все чаще используются расчлененные и сегментированные синтаксические построения, что связано с «усилением влияния разговорного синтаксиса на письменную речь» [3, с. 184]. Однако в отличие от разговорной речи, где подобные высказывания являются нормой, в рекламных слоганах они воспринимаются как маркированные структуры. Таким образом, появляется новый тип высказывания – «без ярко (словесно) выраженной синтаксической связи, с нарушением и прерыванием синтагматической цепочки» [Там же, с. 186]. Использование упрощенных синтаксических структур сближает язык СМИ с разговорной речью, что делает рекламное сообщение более эмоциональным и понятным для реципиента. «Через ослабление синтаксических связей, имплицитности их представления, через сжатие и опрощение синтаксических конструкций» обнаруживается «стремление синтаксиса к аналитизму» [Там же, с. 187].

Проведенный анализ показал, что среди различных синтактико-стилистических средств, используемых в англоязычных автослоганах, наиболее часто употребительными являются эллипсис, парцелляция, предваряющий ориентир и параллелизм.

Установлено, что в 47,5 % примеров автомобильных рекламных слоганов используется *эллипсис* – синтактико-стилистическое средство привлечения внимания к определенной информации. В настоящем исследовании

явление эллипсиса рассматривается не с точки зрения его традиционного понимания, а в более широком смысле. Вслед за Л. С. Бархударовым, И. Р. Гальпериным, D. Crystal и другими авторитетными учеными под эллиптическим мы понимаем предложение, в котором по крайней мере одно слово представлено нулевым вариантом. Примером служит слоган английского производителя престижных спортивных автомобилей «Aston Martin»: «Power. Beauty. Soul» – «Мощь. Красота. Душа». При переводе эллиптических конструкций, использованных в автослоганах, в 97 % случаев данный прием сохраняется: «Alfa Romeo. Power for your control» – «Alfa Romeo. Сила для вашего контроля».

В 27,5 % оригинальных (англоязычных) автомобильных слоганов используется *парцелляция* – «стилистический прием (в иной интерпретации – стилистическая фигура)» [4, с. 279], заключающийся в расчленении единой синтаксической структуры предложения, в результате чего парцелляция воплощается в «нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, или фразах» [Там же]. Являясь средством эмотивного синтаксиса, парцелляция содержит в себе большой объем имплицитной информации, поэтому и занимает одно из центральных мест среди синтактико-стилистических средств, используемых в автомобильных слоганах. Например, данная стилистическая фигура встречается в рекламной кампании автомобиля «Cadillac»: «Life. Liberty. And the Pursuit» – «Жизнь. Свобода. И стремление вперед». Среди переводов автомобильных слоганов на русский язык частотность употребления парцелляции составляет 87,5 %. Так, англоязычный слоган автомобиля «Volkswagen Golf GTI», в котором используется парцелляция, в русскоязычном варианте сохраняет данный стилистический прием: «Raising the bar. Again» – «Поднимая планку. Снова». Однако при переводе автомобильных слоганов с парцелляцией с английского языка на русский в 12,5 % случаев данная стилистическая фигура не сохраняется. Например, в слогане автомобиля «Maserati Gran Turismo»: «Too late. She’s got you» – «Поздно – ты попался!». Таким образом, в данном слогане при переводе с английского языка на русский язык два простых предложения были объединены в одно сложное.

Примечательно, что в 25 % случаев используется именительный темы, или явление, именуемое Ю. М. Скребневым *предваряющий ориентир* [5, с. 146]. Название марки либо модели рекламируемого автомобиля представляет собой изолированное односоставное (номинативное) предложение. Название в данном случае условно можно считать элементарной языковой идентификацией образа, возникшего первым в сознании реципиента [Там же]. Затем адресат, как правило, ассоциативно вспоминает соответствующий слоган, в котором содержится самая важная информация о товаре, побуждающая покупателя сделать выбор в пользу автомобиля определенной марки/модели. Таким образом, использование предваряющего ориентира объясняется желанием авторов сформировать у реципиента ассоциацию «название

авто – соответствующий слоган». Примером тому служит рекламная кампания чешского автопроизводителя: «Skoda. Simply Clever» – «Skoda. Просто гениально». При переводе слоганов с предваряющими ориентирами в 100 % случаев данная фигура сохраняется.

Менее употребительным синтаксическим средством, которое встречается в англоязычных автомобильных слоганах, является *параллелизм* (14 % случаев). Повторяемость структур позволяет сделать слоган более легким для запоминания, повышает его импрессивность, так как благодаря параллелизму у слогана появляется особый ритм. Например, данная стилистическая фигура используется в рекламной кампании североамериканской марки: «Chevrolet. Eye it – try it – buy it!» – «Chevrolet. Смотри! Пробуй! Покупай!». При переводе с английского языка на русский в 91 % примеров слоганов наблюдается сохранение параллельных синтаксических конструкций.

В целом, можно сделать вывод, что эллипсис, парцелляция, предваряющий ориентир и параллелизм – наиболее употребительные синтактико-стилистическими средства, используемые в англоязычных автослоганах. Данные фигуры содержат в себе большой объем имплицитной информации и делают слоган более ярким, кратким, запоминающимся. Иными словами, синтактико-стилистические средства являются инструментами усиления выразительности в современном автомобильном слогане. Ослабляя типологические различия между английским и русским языками, данные средства практически с одинаковой частотностью употребляются как в английских, так и в русских автослоганах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толковый словарь рекламы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.elson.ru/serv__idp_51_idp1_720.htlm. – Дата доступа : 10.10.2017.
2. Современный медиатекст : учеб. пособие / под ред. Н. А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.
3. *Валгина, Н. С.* Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной; редкол.: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта, Наука, 2006. – 696 с.
5. *Скребнев, Ю. М.* Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев; под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1985. – 210 с.

The paper deals with the study of syntactic stylistic devices in English autoslogans and the peculiarities of their translation into Russian. The most frequently used means of attracting attention in the slogans of automobile advertising campaigns have been revealed and the ways of translating these devices into Russian have been defined.

А. К. Шевцова
Могилев, МГУ имени А. А. Кулешова

ЯЗЫКОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ
(на материале русского, английского и белорусского языков)[1]

В настоящей статье представлены наиболее частотные типы переводческих трансформаций на материале мультипликационных фильмов на русском, английском и белорусском языках. В результате проведенного исследования было установлено, что при переводе с русского языка на английский чаще всего используются такие языковые трансформации, как добавление, перемещение, лексическая замена, а с английского языка на русский – модуляция, грамматическая замена. При этом антонимический перевод и опущение достаточно часто используются при переводе как с русского языка на английский, так и с английского на русский. Кроме того, сопоставление типов языковых трансформаций при переводе с белорусского языка на русский и с английского языка на русский позволило выявить как общие, так и специфические черты. Опущение является наиболее универсальной языковой трансформацией и входит в число самых частотных типов переводческих трансформаций во всех трех языках и обоих «направлениях» перевода. Специфическими типами трансформаций при переводе с белорусского языка на русский представляются синтаксическое уподобление и грамматическая замена.

Перевод является особым видом речевой деятельности, обладающим как признаками, характерными для речевой деятельности в целом, так и своими особыми чертами. Он призван в максимальной степени приблизить двуязычную коммуникацию к более естественной, одноязычной. Во всем многообразии подходов к интерпретации перевода общими являются два положения: 1) цель перевода − как можно ближе познакомить читателя (или слушателя), не знающего исходного языка, с данным текстом (или содержанием устной речи); 2) перевести − значит «выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [1, с. 15].

В настоящее время в теории перевода существует множество современных классификаций переводческих трансформаций, однако в основу нашего исследования легла одна из наиболее традиционных – классификация, предложенная В. Н. Комиссаровым [2]. Основной целью настоящего исследования явилось сопоставление типологии языковых трансформаций при переводе текстов мультипликационных фильмов в «разных направлениях»: с английского языка на русский, затем с русского на английский. В ходе отбора фактического материала учитывался критерий оригинальности, т.е., например, текст мультфильма на английском языке должен быть изначально

[1] Исследование выполнено в рамках НИР «Тенденции развития и функционирование белорусскоязычного медиадискурса в условиях глобализации и межкультурного диалога» (№ госрегистрации *20161437*) подпрограммы «Белорусский язык и литература» государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг.

создан на этом языке, а уже затем переведен на другие языки. Отдельный интерес представляло сопоставление выявленных наиболее частотных типов языковых трансформаций при переводе на типологически различные языки с трансформациями, используемыми при переводе на близкородственный язык – с русского на белорусский или с белорусского языка на русский.

Материалом для анализа послужили мультипликационные фильмы «Смешарики», «Трое из Простоквашино» и их перевод на английский язык; «Peppa Pig», «Lazy town» и их перевод на русский язык; «Прыгоды Нестеркі», «Піліпка» и их перевод на русский язык.

В ходе исследования были выявлены следующие наиболее частотные типы языковых трансформаций при переводе с русского языка на английский: добавление (36 %) – *Красивая получилась лавочка* ‘That looks like a nice little bench’, *Правее и потом левее, левее!* ‘Move to the right and then move to the left!’; перемещение (13 %) – *Неправильно ты, дядя Фёдор, бутерброд ешь!* ‘You are eating your sandwich not properly!’; опущение (13 %) – *Нет, понимаешь, не высохла* ‘No, it’s not dry yet!’, *Но сейчас они закрыли чердак на ремонт и мне негде жить* ‘But now they have closed the attic and I have no place to live’; лексическая замена (11 %) – *Ты сам подумай, какая от этого кота польза* ‘Just think it has no use to us’; антонимический перевод (9%) – *Копатыча все равно никто не победит* ‘Bear Kopatych will just win again anyway’.

Анализ типологии языковых трансформаций при переводе с английского языка на русский позволил выявить ряд отличий по сравнению с набором наиболее популярных трансформаций при переводе с русского языка на английский. Итак, в качестве самых распространенных типов трансформаций выступили следующие: опущение (31 %) – *Breathing this wonderful fresh air, children!* ‘Вдохните этот свежий воздух, дети!’, *Let’s all sing a song!* ‘Давайте споем!’; модуляция (24 %) – I *will show her how to be a real princess* ‘Тогда я помогу ей стать настоящей принцессой’; антонимический перевод (19 %) – *Madam Gazelle, I don’t feel very well. The bus is very bumpy* ‘Мадам Газель, я себя плохо чувствую. Автобус очень трясет’; грамматические замены (11 %) – *This is our camping* ‘Это будет наш лагерь’, *Peppa loves stirring* ‘Пеппа любит мешать’. Наименее востребованными оказались такие типы трансформаций, как конкретизация (7 %) (*First, we will make the daddy’s birthday cake* ‘Сначала мы приготовим торт’), генерализация (5 %) (*I said that I share it with Zoya* ‘Я пообещала Зое’) и объединение предложений (3 %) (*Maybe, I don’t have to rid of Sportacus. I have to stop her!* ‘Может быть, вовсе нужно избавиться не от Спортакуса, а от этой девчонки’).

При переводе текстов мультипликационных фильмов с белорусского языка на русский были выявлены следующие наиболее частотные типы языковых трансформаций: синтаксическое уподобление (37 %) – *Калі захварэеш, трэба малінкавы адвар піць* ‘Когда заболеешь, нужно малиновый отвар пить’; грамматические замены (23 %) – *На гарэ за сялом, у якім жыў*

Несцерка, стаяў маёнтак, які належыў багатаму купцу ‘На горе за селом, в котором жил Нестерка, стоял дворец богатого купца’, *Аб чым спрэчка?* ‘О чем спорите?’; опущение (21 %) – *Пачакай, дам я табе багацце больш вартае, чым тыя чырвонцы* ‘Подожди, есть богатства важнее, чем золото и камни’; а реже всего встречались модуляция (9 %) – *Згодны!* ‘Па рукам!’, *Калі б не ты, сядзелі б мы зараз на пячы, ды бульбу смажылі* ‘Если бы не ты, то сидели бы мы сейчас на печи, да ели калачи’; конкретизация (5 %) – *Пачакай, дам я табе багацце больш вартае, чым тыя чырвонцы* ‘Подожди, есть богатства важнее, чем золото и камни’; компенсация (5 %) – *Пачастуй сала, панок! Такое смачнае, памяць адбірае!* ‘Попробуй сало, панок! Такое вкусное, про все забудешь!’.

Выявление наиболее популярных типов переводческих трансформаций на материале трех языков позволило провести сопоставительный анализ и сделать ряд выводов. Во-первых, при переводе текстов с привлечением двух типологически различных языков в «разных направлениях» (с русского языка на английский и с английского языка на русский) применяются в основном различные типы языковых трансформаций. Так, при переводе с русского на английский язык чаще всего имеют место добавление, перемещение, лексическая замена, в «обратном направлении» – с английского языка на русский – модуляция, грамматическая замена. При этом антонимический перевод и опущение достаточно часто используются при переводе как с русского языка на английский, так и с английского на русский.

Во-вторых, сопоставление типов языковых трансформаций при переводе «в одном направлении» с привлечением близкородственных языков и типологически различных – с белорусского языка на русский и с английского языка на русский – позволило выявить как общие, так и специфические черты. Языковая трансформация «опущение» является наиболее универсальной и входит в число самых частотных типов переводческих трансформаций во всех трех языках и обоих «направлениях» перевода. Специфическими типами трансформаций при переводе с белорусского языка на русский представляются синтаксическое уподобление и грамматическая замена.

Дословный перевод, или «нулевая» трансформация применяется в тех случаях, когда существуют параллельные синтаксические структуры. Синтаксическое уподобление может приводить к полному соответствию количества языковых единиц и порядка их расположения в оригинале и переводе. Однако применение синтаксического уподобления сопровождается некоторыми изменениями структурных компонентов. Так, могут происходить изменения морфологических форм и некоторых лексических единиц. Все эти изменения не затрагивают основной структуры предложения, которая передается при переводе с белорусского языка при помощи аналогичной русской структуры с сохранением одинакового набора членов предложения и последовательности их расположения в тексте.

В случае грамматической замены при переводе с белорусского языка на русский, в отличие от перевода с английского языка на русский, наблюдалась замена частей речи и падежей, поскольку грамматическая структура белорусского и русского языков весьма схожа. При данном переводе не может возникнуть проблем с изменением времени, так как у обоих языков имеются одинаковые формы времени, а типы предложений являются схожими.

Таким образом, в результате проведенного исследования были выявлены наиболее частотные типы языковых трансформаций при переводе с привлечением трех типологически различных языков: добавление, опущение, перемещение, лексическая и грамматическая замены, антонимический перевод, модуляция, синтаксическое уподобление. При этом становится очевидным, что выбор типов языковой трансформации обусловлен как волей переводчика, особенностями структуры языка оригинала и перевода, так и «направлением» переводческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федоров, А. В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : для институтов и факультетов иностр. языков : учеб. пособие / А. В. Федоров. – 5-е изд. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ. – М. : ООО «Издательский дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.
2. *Комиссаров, В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для институтов и факультетов иностр. языков / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.

As a result of the research, the most frequently used types of language transformations have been identified in the translation with the use of three typologically different languages. It becomes obvious that the choice of types of the language transformations is caused by the will of the translator, by the peculiarities of the structure of the original language and the language of translation, and by the "direction" of the translation activity.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Артемова О. А. К вопросу о дейктичности глагольной категории вида в белорусском и английском языках 3
Горбань О. А. Смысловая интерпретация глагола в современных переводах «Слова о полку Игореве» 10
Гребень Т. Н. Разговорные единицы в медийном дискурсе: функционально-коммуникативный аспект 15
Карпилович Т. П. Коммуникативные категории научного дискурса в контрастивном освещении 21
Павловская Н. Ю. Контрастивные исследования с позиций интегрированного знания 26
Романовская А. А. Языковые универсалии как основа для сопоставления концептуальных систем 31
Цыбова И. А. Отображение концепта «жизнь/ życie/ vie» в языковом сознании русских, поляков и французов 35

ТЕКСТ И ДИСКУРС В КОНТРАСТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Абдулхамид О. М. Языковые особенности названия рубрик навигационного меню главных страниц официальных веб-сайтов университетов (на материале английского, арабского и русского языков) 39
Глазко П. П., Никишина А. С. Языковые средства актуализации категории связности в академическом эссе 41
Графутко О. О. Лексическая реализация эмоции презрения в художественном дискурсе на английском и белорусском языках 47
Дмитриева И. В. Актуализация типов информации в научно-учебных текстах 53
Карневская Е. Б., Лобан О. А. Критерии определения сходства просодико-смысловой интерпретации английского стиха 55
Парамонова Д. К. Комический эффект в англоязычном печатном медиадискурсе: лексико-синтаксический аспект (на материале статей общественно-политической тематики) 59
Петрова Г. Л. Специфика организации дискурса телевизионной рекламы продуктов питания в украинском и новогреческом языках 65
Полубинский П. С. Цветообозначения как средство когезии в поликодовом дискурсе интерпретации произведений живописи 70
Рекош К. Х. Упорядоченность и рассеянность как критерии анализа французского правового дискурса 73
Романовская Е. А., Ходоренко А. А. Идиостиль в жанре академической лекции 78
Савик Е. А. Нидерландский медиадискурс: вербализация гендерных стереотипов 83

Сысоева Т. А. Репрезентация категории интенциональности
в медиажанре «дискуссия» 86
Хомич В. В. Текстовые ассоциативные поля в структуре коротких рассказов.. 91
Чалагаева В. В. Репрезентация микрополя «Страх»
в письменном и устном новостном дискурсе. 94
Лешкевич И. В. Взаимодействие категорий аргументативности и оценки
в белорусском и британском медиадискурсе 97

СЛОВО В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

Баско Н. В. «Учебный русско-китайский фразеологический словарь»
как один из типов контрастивных словарей 102
Беланович Е. В. Семантические особенности глаголов потребления пищи
в английском и французском языках 107
Заборонок Н. Л. Лексико-семантическая организация немецких
заимствований в английском языке 113
Иванов К. И., Супрун-Белевич Л. Р. Радуга в языковой картине мира
славян 117
Кибинь Т. И. Семантические классы эмотивной лексики
в нарративном дискурсе на английском и белорусском языках..... 122
Клименко А. П. Типология словесных реакций в ассоциативном поле 126
Круглик Н. А. «Сакральная цепь»: этимологический анализ слов
священный, *крестцовый*, *крестец* 130
Лепеш И. Д. Факторы, влияющие на понимание
незнакомого слова в контексте..... 132
Обухова В. Е. Лексико-семантические группы компьютерных терминов
в аналитическом медиажанре на английском и русском языках..... 136
Осмоловская И. Г. Существительные-окказионализмы
в немецко- и русскоязычном рекламном дискурсе 140
Романкевич М. Н. Особенности ассоциативных связей
лексемы *город/ville* для русско- и франкоговорящих 145
Рускевич Л. В. Реализация экспрессивного потенциала слова
в просодии фразы на английском языке в интерферентной речи 151
Селезнёва В. С. Метафорическая репрезентация концепта «город»
в немецкоязычной картине мира..... 156
Терехова Д. И. Национально-культурное своеобразие семантики слов
близкородственных языков 161
Толстоухова В. Ф., Соловьёва А. А. Лексические единицы
публицистического текста в контрастивном аспекте..... 166

ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ: КОНТРАСТИВНЫЙ АСПЕКТ

Денисюк В. В. Польско-украинско-белорусские фразеологические
параллели..... 170

Изотова О. В., Доморацкая А. Г. Вербализация представлений
о вступлении в брак в пословицах белорусского и нидерландского языков..... 176
Каньшина Н. А. Семантические особенности фразеологических единиц
с компонентом *огонь* (на материале русского, английского
и французского языков)..... 179
Мырзагалиева А. С. Актуализация концептуальной оппозиции
«богатство–бедность» в языковой картине мира
(на материале казахских и русских пословиц и поговорок)..... 183
Романаускас Е. В. Имя собственное в составе фразеологизмов
в аспекте формирования их семантики и возможностей перевода..... 188
Сирота Е. В. Соматические фразеологизмы
в русском и румынском языках..... 192
Тарасюк Я. А. Вербализация представлений о детях
в белорусских и нидерландских пословицах..... 197

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

Бекреева Ю. В. Вербализация отношения «субъект-действие»
в глагольной лексике русского и английского языков..... 201
Borbély Z. G. Means of Conveying English Passive Structures
into Hungarian..... 206
Гапеева В. М. Семантыка і прагматыка выклічнікаў
у кантрастыўным аспекце: да пытання класіфікацыі..... 209
Детскина Я. С. Структурные соответствия английских
синтаксических моделей именных словосочетаний в русском языке..... 213
Зиневич Н. В. Роль обобщающих высказываний
в реализации категории интенциональности в научном дискурсе..... 216
Копачева Н. А. Функциональный аспект сопоставления
языковых единиц в английском и русском языках..... 221
Костюченко В. Ю. Алетическая модальность в интернет-коммуникации
(на материале русских и английских ток-шоу)..... 225
Медюлянова В. А. Инверсия сказуемого как типологический признак
в японском и турецком языках..... 230
Репина К. П. Синонимия английских высотно-тональных структур
как фактор вариативности в их перцептивной идентификации..... 233
Салавей А. А. Рэпрэзентацыя праблематычнай верагоднасці
ў публіцыстычным тэксце (на матэрыяле беларускіх і англійскіх
газетных інтэрв'ю)..... 237
Терещенко В. А. Синтактико-стилистические средства
в англоязычных автослоганах и особенности их перевода
на русский язык..... 242
Шевцова А. К. Языковые трансформации при переводе
мультипликационных фильмов (на материале русского,
английского и белорусского языков)..... 246

CONTENTS

PLENARY SESSION

Artsiomava O.A. To the Question of the Deictic Character of the Category of Aspect in the Belarusian and English languages 3
Gorban O. A. The Semantic Interpretation of the Verb in Modern Translations of «The Lay of Igor's Campaign» 10
Hreben T. N. Colloquial Units in Media Discourse: Functional and Communicative Aspects 15
Karpilovitch T. P. Communicative Categories of Scientific Discourse in the Contrastive Aspect 21
Pavlovskaya N. Y. Contrastive Research from the Perspective of Integrated Knowledge 26
Romanovskaya A. A. Language Universals as a Basis for Comparison of the Conceptual Systems 31
Tsybova I. A. Reflection of the Concept «жизнь/ życie/ vie» in Language Consciousness of Russians, Poles and Frenchmen (Based on Analysis of Words in Associative Dictionaries) 35

TEXT AND DISCOURSE IN CONTRAST ILLUMINATION

Abdulhameed O. M. Language Features of the Name of Rubrics of the Navigation Menu of the Main Pages of Official Websites of Universities (Based on the Material of the English, Arabic and Russian Languages) 39
Glazko P. P., Nikishina A. S. Language Means of Updating Connectivity Categories in an Academic Essay 41
Grafutko O. O. Lexical Means of Expressing Contempt in English and Belarusian Fictional Discourse 47
Dmitrieva I. V. Formal Presentation of Information in Academic Texts 53
Karnevskaya E. B., Loban O. A. Criteria of Similarity and Difference between Prosodic-Semantic Interpretations of an English Verse 55
Paramonova D. K. Comic Effect in the English-Language Print Media Discourse: Lexical and Syntactical Devices (Based on Articles of Social and Political Nature) 59
Petrova G. L. Peculiarities of Discourse Organization of Television Advertising of Food Products in Ukrainian and Modern Greek Languages 65
Palubinski P. S. Colour Identification as a Means of Cohesion in the Polycode Discourse of Painting Interpretation 70
Rekosh K. Kh. Orderliness and Dispersion as the Criteria of Analysis of the French Legal Discourse 73
Romanovskaya E. A., Khodorenko A. A. Individual Style in an Academic Lecture 78
Savik E. A. Dutch Media: Verbalizing Gender Stereotypes 83

Sysoyeva T. A. Representation of Intentionality Category
in Media Genre "Discussion" 86
Khomich V. V. Textual Associative Fields in the Structure of Short Stories..... 91
Chalagaeva V. V. Representation of Microfield "Fear"
in Written and Audiovisual News Discourse 94
Leshkevich I. V. The Interaction of the Categories of Argumentation
and Evaluation in Belarusian and British Media Discourse 97

WORDS IN DIFFERENT LANGUAGES AND CULTURES

Basko N. V. "Educational Russian-Chinese Phraseological Dictionary"
as a Type of Contrastive Dictionary 102
Belanovich Y. V. Semantic Peculiarities of the Verbs of Consumption
in English and French..... 107
Zaboronok N. L. Lexico-Semantic Organisation of German Loan Words
in the English Language 113
Ivanov K. I., Suprun-Belevich L. R. Rainbow in Language Picture
of the World View of the Slavs 117
Kibin T. I. Semantic Classes of Emotive Lexemes in the Narrative Discourse
in the English and Belarusian Languages 122
Klimenko A. P. Typology of Verbal Reactions in Associative Fields..... 126
Kruhlik N. A. "Sacred chain": the Etymological Analysis of the Words
Sacred, *Sacral*, *Sacrum* 130
Lepesh I. D. The Factors that Promote Understanding of Unfamiliar Words
in English Texts 132
Obukhova V. E. Lexico-Semantic Groups of Computer Terms in Analytical
Media Genre in English and Russian..... 136
Osmolouskaya I. G. Occasional Nouns in German
and Russian Advertising Discourse 140
Romankevich M. N. Peculiarities of the Associative Links
of the Lexeme *город/ville* for Native Speakers of French and Russian..... 145
Ruskevich L. V. Realization of the Word's Expressive Potential
in the Utterance Prosody of Belarusian Learners of English 151
Selezneva V. S. Metaphorical Representation of the Concept «City»
in the German Linguistic World Image.. 156
Terekhova D. I. National and Cultural Peculiarities of Lexical Semantics
of Closely Related Languages 161
Tolstoukhova V. F., Solov'yova A. A. Lexical Units of Publicistic Texts
in the Contrastive Aspect 166

PROBLEMS OF PHRASEOLOGY AND PAREMIOLOGY: CONTRASTIVE ASPECT

Denysiyk V. V. Polish-Ukrainian-Belarusian Phraseological Parallels..... 170
Izotova O. V., Domoratskaya A. G. Belarusian and Dutch Proverbs:
Verbalizing Views on Marriage 176

Kanshyna N. A. Semantic Features of Phraseological Units with the Component *Fire* (on the Material of Russian, English and French Languages)..... 179
Mirzagalieva A. S. Actualization of the Conceptual Opposition "Wealth-Poverty" in the Language Picture of the World (on the Material of Kazakh and Russian Proverbs and Sayings)..... 183
Romanauskas E. V. Proper Names as a Part of Idioms in Regard to the Development of their Semantics and the Possibilities of Translation 188
Sirota E. V. Somatic Phraseologisms in the Russian and Romanian Languages 192
Tarasyuk Y. A. Belarusian and Dutch Proverbs: Verbalizing Views on Children 197

GRAMMATICAL UNITS AND CATEGORIES IN THE CONTRASTIVE ASPECT

Bekreyeva Y. V. Verbalization of the «Subject – Process» Relation in the Verb Lexis of English and Russian Languages 201
Borbély Z. G. Means of Conveying English Passive Structures into Hungarian 206
Hapeyeva V. M. Semantics and Pragmatics of Interjections in the Contrastive Aspect: Revisiting the Classification 209
Detskina Y. S. Structural Congruence of some Syntactic Models of English Noun Phrases and their Russian Equivalents 213
Zinevich N. V. The Role of Generalizing Utterances in Realizing the Category of Intentionality in Scientific Discourse 216
Kopacheva N. A. Functional Aspect of Comparison of Language Units in the English and Russian Languages..... 221
Kostiuchenko V. Y. Alethic Modality in Internet Communication (Based on Russian and English Talk Shows)..... 225
Medyulyanova V. A. Inversion of a Predicate as a Typological Feature in Japanese and Turkish 230
Repina K. P. Synonymy of English Tonal Structures as a Factor of their Perceptual Variation 233
Solovey A. A. Representation of the Problematic Credibility in the Publicistic Text (Based on Belarusian and English Newspaper Interviews) 237
Tsiareshchanka V. A. Syntactic Stylistic Devices in English Autoslogans and Peculiarities of their Translation into Russian..... 242
Shevtsova A. K. Language Transformations in the Translation of Animated Cartoons (on the Material of the Russian, English and Belarusian Languages)..... 246

Научное издание

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Материалы
III Международной научной конференции
Минск, 25–26 октября 2017 г.

В двух частях
Часть первая

Ответственный за выпуск *Т. П. Карпилович*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Подписано в печать 29.12.2018. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,87. Тираж 100 экз. Заказ 65.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.